ВОПРОСЫ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова" *(Симферополь)*

Номер: **5** Год: **2018**

Название статьи	Страницы
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ *Миреев В.А.*	5-10
LINGUISTIC DESCRIPTION OF FUNCTION WORDS IN CRIMEAN TATAR GRAMMARS *Sattarova S.S.*	11-14
LEXıCO-SEMANTıC FEATURES OF THE NAMES, APPROPRıATENEGATıVEQUALıTıES OF THE PERSON *Sattarova Z.M., Abdullayeva A.E.K.*	15-20
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ЛЕШОН КОДЕШ (ИВРИТ) У КРЫМСКИХ КАРАИМОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЛИЯНИЯ ФОНЕТИКИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА *Ельяшевич В.А.*	21-27
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ (ДЕСТАНОВ) ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ *Сеферова Ф.А.*	28-35
GENESIS OF EPOS "KOROGLU" *Kasumov I.A.*	36-44
THE EPIC IMAGE OF ADIL THE SULTAN AND THE POETIC TRADITION *Saken S., Adilbekova L.M.*	45-59
THE VALUABLE HERITAGE FROM THE CRIMEAN KHANATE'S EPOCH *(ON THE BOOK "KADIASKER DEFTERS OF THE CRIMEAN KHANATE: STUDIES, TEXTS AND TRANSLATIONS")* *Ismail A.K.*	60-67
РОЛЬ СУФИЙСКОЙ ОБИТЕЛИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ РЕЛИГИОЗНО-СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРЫ ОСМАНСКОГО РЕГИОНА) *Абдульвапов Н.Р.*	68-74
НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ БОРА ГАЗИ ГИРЕЯ *Ичли А.*	75-83
THE MATTER OF SOURCES IN THE CRIMEAN CHRONICLES OF THE KHANATE ERA *Abdudjemilev R.R.*	84-86
THE EMBODIMENT OF THE SYMBOLS OF NARCISSUS, JASMINE AND WATER LILY IN THE ASHIK UMER'S LYRICS *Kadyrova U.R.*	87-91
КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРИОДА ПРОБУЖДЕНИЯ: ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТ *Меметова Л.А.*	92-96
THE PSYCHOLOGICAL ELEMENTS OF MEHMET NUZHET'S WRITING CREATION *Kirimov T.N.*	97-102
TYPING OR ISSUES? (CREATIVITY MAMUT OF DIBAH IN THE CONTEXT OF THE CRIMEAN TATAR PROSE THE 20-30-IES OF XX CENTURY) *YunusovSh.E.*	103-106
TWO DıFFERENTVıEWS ON THE SAME DIALOGUE *Bekirov S.E.*	107-113
ЗОЛОТАЯ ОРДА: СОЦИАЛЬНОЕ НОВАТОРСТВО И МЕДИАТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ *Чернышева Е.В.*	212-220
LITERATURE OF THE CRIMEAN TATARS: PAST AND PRESENT *Veliyev A.*	114-123

THE MAIN TRAITS OF SEITUMER EMIN'S POETRY 124-130
DzhelilovaL.Sh.

THE EMERGENCE OF THE SCIENCE OF TRANSLATION 131-133
Salyadinov K.U.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ РУМЫНИИ 134-139
Бекирова О.В.

WOMEN'S PROSE IN CRIMEAN AND UKRAINIAN POSTMODERNISM 140-142
Seferova E.E.

HALIT SAIT WHO DEDICATED HIS LIFE TO JOINT TURKISH CULTURE 143-158
Ali Sh.H.O.

ВЛИЯНИЕ ЖАНРОВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТУРЕЦКУЮ ЛИТЕРАТУРУ XX ВЕКА 159-161
Абдурахманова М.В.

THE INFORMATION ON THE FIRST STEPS OF THE CRIMEAN TATAR NATIONAL THEATRE IN THE LATE XIX-TH CENTURY 162-167
Kerimova S.A.

A PEDAGOGY JOURNAL OF CRIMEAN TATARS PRESS: EDUCATION WORKS 168-172
Kamelya M.T.

ПРОБЛЕМАТИКА ГАЗЕТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ГАСПРИНСКОГО 173-179
Шукурджиева З.Ш.

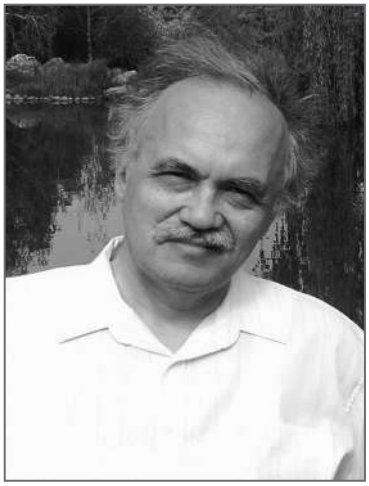
КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ - ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ХРОНОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, НАГРАЖДЕНИЙ И ЗАМЕНЫ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ ОРДЕНАМИ СССР 180-196
Куртсеитов Р.Д.

POLISH-CRIMEAN TATAR RELATIONS IN THE INTER-WAR PERIOD (1918-1939) 197-201
Kurshutov T.N.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МУСУЛЬМАНОК КРЫМА В КОНЦЕ XIX - В 20-Е ГГ. XX ВВ 202-206
Чубукчиева Л.З.

"ЖЕНСКИЙ ВОПРОС" В ОЧЕРКАХ "КАДЫНЛАР" И "ПРОБЛЕСКИ КУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ ТАТАР" И. ГАСПРИНСКОГО 207-211
Абдураманова С.Н.

УДК 54:811.512.145



Миреев Вадим Алданович[1]
E_mail: minlan@yandex.ru

К вопросу об источниках формирования химической лексики в крымскотатарском языке

Аннотация. *В настоящей статье прослежены пути формирования химической терминосистемы и номенклатуры в крымскотатарском языке как в источниковедческом, так и в этимологическом аспектах. На конкретных примерах продемонстрировано своеобразие их развития в синхронии и диахронии. Для химической терминологии и номенклатуры крымскотатарского языка, начала которой восходят к раннему средневековью, и в общем сформировавшейся в первой трети прошлого века, свойственно сочетание лексем как тюркского происхождения, так и заимствований из арабского, персидского, древнегреческого, латинского, русского, современных западноевропейских языков, и, в существенно меньшей мере – из китайского, монгольского и санскрита. Изучение источников, на базе которых формировалась и совершенствовалась химическая терминология и номенклатура крымскотатарского языка, даёт возможность использовать ценные достижения прошлого для её ускоренного развития.*

Ключевые слова: *крымскотатарский язык, химическая терминосистема и номенклатура, заимствованные слова, этимология.*

Первые слова для обозначения химических веществ и явлений появились в древнейшие времена, а в наши дни число номенов (единичных понятий), терминов (общих понятий), профессионализмов в мировом химическом языке (вне зависимости от национальной оболочки) достигло почти 28 миллионов, из них номенов – более 27 миллионов.

Химическая терминосистема в крымскотатарском языке, истоки которой можно отнести к раннему средневековью, безусловно, следовала общей тенденции, хотя темпы её развития по известным причинам уступали таковым в мировых языках. При этом важно отметить, что изучение источников, на базе которых она формировалась и совершенствовалась, даёт возможность использовать ценные достижения прошлого для её ускоренного развития.

Вполне естественно, что будучи частью крымскотатарской естественно-научной и, шире, научной терминологии, химическая терминология и номенклатура крымскотатарского языка укладывается в парадигму их развития и повторяет пути совершенствования научной терминологии в целом. Периодизацию развития научной терминологии Э.С. Ганиева проводит следующим образом: «1) общетюркский период и период Крымского ханства (по 1783 г.);

[1] ***Миреев Вадим Алданович,*** к.хим.н., вед. науч. сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

2) период газеты «Терджиман» и культурно-просветительской деятельности ее издателя и редактора И. Гаспринского (1883–1918 гг.); 3) период реформирования крымскотатарского языка (20–40-е годы XX в.); 4) период 60–80-х гг. XX в.; 5) период стабилизации и совершенствования крымскотатарской научной терминологии на современном этапе. Первые два из указанных периодов можно назвать этапами стихийного развития терминологии, последующие – организационно-целенаправленного формирования, так как крымскотатарские ученые делали попытки решать проблемы научной терминологии на государственном уровне. Для 20–30-х годов XX в. характерны тенденции, направленные на критику старой терминологии и замену ее новообразованиями, сформированными на базе крымскотатарского языка. Современный период характеризуется активизацией деятельности крымскотатарских ученых по дальнейшему развитию и унификации научной терминологии» [3]. Вышесказанное можно в основном распространить и на тенденции развития крымскотатарской химической терминологии и номенклатуры.

Первые элементы крымскотатарской химической терминосистемы начали оформляться ещё во времена Codex Cumanicus.

К таковым можно отнести такие названия веществ, как «тутия» (цинк), «къыврыкъ» (сера), «демир» (железо), «кумюш» (серебро), «инкъыджы» / совр. «инджи» (жемчуг), «якъут» (рубин), «япкъут» (сапфир), «змюрют» / совр. «зюмрют» (изумруд), «ялмас» / совр. «эльмаз» (алмаз), «къоркъасин» / совр. – «къуршун» (свинец), «акъ къоркъасин» / совр. «къалай» (олово), «бакъыр» (медь), «алтун» / совр. «алтын» (золото), «самала» (смола), «гуль аб» / совр. «гуль суву» (розовая вода), «кене сую» / совр. «кунесув» (ртуть), «нил» – индиго, «киреч» (известняк), «комюр» (уголь) [7]. В общетюркский период и период Крымского ханства начинают использоваться и такие лексемы, как «нашатыр» (нашатырь – хлорид аммония), «буллюр» (хрусталь, кристалл), «сюрме» (сурьма), «кибрит» (сера), «кяфуре» (камфора).

Химические термины продолжали пополнять словарный запас крымскотатарского языка на протяжении последующих столетий. В словаре Л.Э. Лазарева [9], увидевшего свет в 1864 году, мы находим такие слова, как «живе» («дживе»), «зейбек», «симаб» (ртуть), «кехл» (сурьма), «тутия» (белила; можно с уверенностью предположить, что цинковые), «ахэн» (железо), «ахэк» (известь), «туткъал» (клей), «акъикъ» (сердолик), «маадjун» (лекарство), «мис» / совр. «бакъыр» (медь); «эксир» / совр. «сирке» (эссенция, уксус), «мум» / совр. «балавуз» (воск), «дарчин» / совр. «тарджин» (корица), «кевсер» (нектар), «анбер» (амбра), «ферфир» (пурпур), «тилла» / совр. «алтын» (золото), «супенд» (рута), «якъут» (яхонт).

В романе И. Гаспринского «Молла Аббас», опубликованного в 1887 году, встречается слово «кимьягер» / в современном крымскотатарском языке - «химияджы» (химик), а в повести О. Акъчокъракълы «Ненкеджан ханым тюрбеси», увидевшей свет в 1899 году, находим слово «кехрибар» / в современном крымскотатарском языке – «кербар» (янтарь) [8].

В словаре Османа Заатова [4], опубликованном в 1906 году, имеется существенное число терминов, которые имеют непосредственное отношение к химической науке. В частности, здесь мы находим слова «ильм кимья» (химия), «зырныкъ» (кобальт), «сычан оту» (мышьяк), «къатран» (дёготь), «лястик» (каучук), «шап» (квасцы), «экшилик» (кислота), «гульсую» или «куль суву» (щёлок), «гульсую иле джумакъ» (щелочить), «сачкъыбрыз» (купорос), «кукурт» (сера), «сирке» (уксус), «кунесу» (ртуть), «трементин» (скипидар), «зифт» (смола), «чакъмакъташ» (кремень), «бор» (мел), «къалай» (олово), «туткъал» (клей), «мыйыкъмай» (фабра), «хъакъыкъ» / совр. «акъикъ» – сердолик, «кендир ягъы» (конопляное масло), «ички», «ракъы» (водка, алкоголь), «сусыз» / совр. «сувсуз» (безводный), «акълыкъ» (белила), «юмурта-акы» / совр. «йымыртанынъ акъы» – белок, «ириме» – выплавка, «иритмек» – выплавлять, «иритип чкармак» / совр. «иритип чыкъармакъ» – вытапливать.

Вообще говоря, в первой четверти или даже трети XX века в крымскотатарской химической терминологии всё ещё были сильны позиции специальной лексики, заимствованной из арабского языка, которые конкурировали с русскими номинациями, уже широко известными к тому времени. Так, в текстах «Терджимана» кислота именовалась «хумуза», а кислород – «мювеллидюльхумуза» [8].

Однако по большому счёту, крымскотатарская химическая номенклатура как система в целом сформировалась в 20–30-х годах прошлого века и её становление ознаменовалось переориентировкой на международную номенклатуру. Подчеркнём, не русскую, а именно международную. Существенный вклад в реализацию этой тенденции внесло появление в довоенный период ряда переводных учебников и учебно-методических пособий по химии [1, 2, 19–25]. Особое внимание привлекает книга «Hazirki ximjanьŋ açaiblikleri» [22] – первая и, вероятно, и до наших дней единственная, написанная в жанре научно-популярной литературы по химии.

Итоги этой напряжённой работы подвела публикация в 1936 году основополагающего 99-страничного словаря «Русча-татарджа химия терминлери лугъаты» А. Мамбетова [21]. Именно здесь была последовательно проведена линия на преимущественное использование греко-латинской лексики для номинации химических веществ, которая определяет облик крымскотатарской химической номенклатуры и в наши дни.

Депортация крымскотатарского народа крайне негативно сказалась на процессе становления химической номенклатуры и терминологии, однако не остановила полностью. Лексемы, которые можно классифицировать в качестве химических терминов и номенов, появлялись на страницах газеты «Ленин байрагъы» в материалах, освещавших работу крымских татар на химических предприятиях в местах высылки, или в статьях, рассказывающих о жизненный и творческий путь выдающихся химиков (например, статья А.К. Касимова о Д.И. Менделееве [6] – яркое тому подтверждение).

Новый этап в развитии химической терминологии и номенклатуры в крымскотатарском языке был связан с возвращением народа в Крым. Именно тогда появляется краткий терминологический словарь С.М. Усеинова, один из разделов которого был посвящён химии [16]. А в середине 2000-х годов выходят в свет новые переводные учебники химии для средней школы, где активно используются номенклатурные названия элементов и химических соединений [13, 14, 18].

В 2014 году свет увидел «Русско-украинско-крымскотатарский словарь терминов» С.М. Усеинова и Э.А. Бекирова, где имеется отдельный химический раздел, подготовленный С.М. Усеиновым [17].

Настоящим событием (но, к сожалению, только для специалистов) стала работа сотрудников ГБОУ ВО РК КИПУ к.х.н. Т.Ш. Ибрагимова и к.х.н. Г.Т. Ибрагимовой «Химия. Талебелернинъ мустакъиль иши ичюн дидактик малюмат» [5] – по-видимому, первого в истории пособия по химии для студентов ВУЗов на крымскотатарском языке. Книга была издана в 2014 году за счет средств авторов всего в 6 экземплярах.

В химической профессиональной лексике, представленной в этих книгах, системно используются международные греческо-латинские терминоэлементы плюс лексические единицы крымскотатарского языка тюркского, арабско-персидского происхождения, заимствования из санскрита, китайского, греческого, русского и западноевропейских языков.

К исконно тюркской лексике в крымскотатарской химической терминосистеме относятся такие слова, как «алтын» (золото), «къуршун» (свинец), «бакъыр» (медь), «тунч» (бронза), «джез» (латунь; это слово было первоначально основным для номинации меди в тюркских языках) [21].

Весьма важную роль в формировании и развитии химической лексики крымскотатарского языка с самого начала и вплоть до 30-х годов XX века играли арабский и персидский языки. Говорящими на крымскотатарском языке такие слова практически не осознаются как иноязычные, поскольку они используются уже не одно столетие и, как правило, подверглись фонетической адаптации к требованиям тюркского фонетического строя. Без учета их влияния невозможно объективно оценить не только источники, но и современное состояние химических терминов крымскотатарского языка.

Так, из фарси попали в крымскотатарский язык лексемы «сирке» (уксус), «кипеч» (известь), «кербар» (янтарь), «фирузе» (бирюза), «болат» (сталь), «мис» (*диал*. медь), «нышаста»

(крахмал), «битараф» (нейтральный), из арабского – «калий», «натрий», «алкоголь», «яшма», «мерджан» (коралл), «якъут» (рубин), «зюмрют» (изумруд), «эльмаз» (алмаз), «афьён» (опиум), «маден» (металл), «мадде» (вещество, материя), «зерре» (частица), «эсас» (основание), «къалай» (олово), «теркип» (состав, синтез), «барот» (порох), «задж» (купорос), «ава» (воздух), «алет» (прибор, инструмент). До конца не выяснено происхождение названия элемента циркония, попавшего в крымскотатарский посредством русского. Предполагается, что оно происходит от арабского *zarkûn* – «киноварь» или от персидского *zargun* – «золотистый цвет».

Среди слов, принадлежащих к химическому сегменту лексики, есть немало таких, чья история и этимология уходит в глубь веков и выглядит как настоящий детектив. Одно из таких слов – «буллюр» (хрусталь; кристалл). Происходит оно из санскрита и в древней Индии, оно звучало как vāidhūrya. В Индии и поныне есть город Белур, он находится недалеко от Мадраса и славен с давних времён крупным месторождением изумрудов. Далее оно попадает в Персию, преобразуется в vilurya, от них к арамейцам, там оно звучит уже как bəlūrā, потом к арабам – у них это billawr/billūr. От арабов его усвоили и тюрки (в том числе и крымские татары), и европейцы – у древних греков оно звучит как βήρυλλος (berillos). Отсюда (точнее, от именования разновидности изумруда – минерала берилла) и именование химического элемента бериллия.

Не менее интересно и этимология слова «химия», которое в крымскотатарский язык в таком виде было заимствовано из русского. Тем не менее, несомненно его арабское происхождение (al-kimiya), в арабский же оно попало из греческого, где означало (естественно, без арабского артикля) «черную магию из Египта». Сами египтяне словом kem называли черную плодородную землю, обнажающуюся после разлива Нила. Таким образом, получается, что химия – это «египетская наука». Но есть и другие версии. Например, что слово «химия» произошло от греч. chymos – «сок» или от родственного ему глагола chein – «лить» [10].

К заимствованиям из китайского относят слово «инджи» (жемчуг). Лексемы «кумюш» (серебро) и «демир» (железо) – китаизмы на пратюркском уровне согласно [15], однако, по нашему мнению, такое утверждение дискуссионно.

Монголизмом является слово «шинген» (жидкий) [11].

К ранним грецизмам в крымскотатарской химической лексике относятся такие слова, как «челик» (сталь), «кубре» (удобрение), «хуню» (воронка). В работе [11] отмечается, что «грецизмы адаптированы крымскотатарским языком не только фонетически, но и морфологически... От именных основ греческого происхождения образуются прилагательные, глаголы и другие части речи при помощи крымскотатарских аффиксов, например, «кубрели» (удобренный), «кубрелемек» (удобрять)...».

Поздними грецизмами в крымскотатарской химической терминосистеме и номенклатуре являются интернациональные лексемы, заимствованные через русский язык. Это, в частности, названия химических элементов («гидроген», «гелий», «литий», «азот», «оксиген», «фтор», «неон», «фосфор», «хлор», «аргон», «хром», «кадмий», «селен», «бром», «криптон», «молибден», «технеций», «родий», «палладий», «йод», «ксенон», «барий», «лантан», «празеодим», «неодим», «прометий», «диспрозий», «тантал», «осмий», «иридий», «астат», «актиний»), отдельных химических соединений и групп («аммиак», «оксид», «галоген»), элементарных частиц («электрон»).

Грецизмы как таковые следует отграничивать от интернациональных терминоэлементов греческого происхождения, таких, как, например, -оид (коллоид), тио- и -тиол (тиосульфат, этантиол), моно- (мономер), поли- (полимер), а- (ан-) (апротон, ангидрид), анти- (антисептик) и многих других, перечисленных в нашей работе [12].

Весьма многочисленные номены и термины латинского происхождения, вошедшие в состав крымскотатарской химической терминосистемы через посредство русского языка, совершенно невозможно охватить в рамках одной статьи. Среди них отметим номинации химических элементов («алюмин», «кальций», «силиций», «теллур», «цезий», «гольмий», «лютеций», «гафний», «радий», «радон»), сплава «дюраль» (от durus – твёрдый). Кроме

того, термины, образованные от латинских слов, часто означают технологические приёмы, действия: «абсорбирлев, абсорбирлеме» (абсорбция), «ректификация», «реакция». Прикладной характер значений латинских слов сохранился и в наиболее часто употребляемых аффиксах современных терминов. Так, ограниченно продуктивный в крымскотатарской химической номенклатуре префикс де- (дез-) отображает идею отделения, устранения, лишения, уничтожения, отсутствия или завершения действия: «денатурлав, денатурлама, денатурлаштырув, денатурлаштырма» (денатурирование), «декантация». С другой стороны, непродуктивный префикс ко- (кон-, ком-, кор-) происходит от латинского префикса con- и придаёт словам значение совместности действия, объединения (в соединении, сообща, вместе): «ковалент» (ковалентный), «координация» (координация), «композит» (композит), «коагуляция» (коагуляция).

Латинский язык – не только источник заимствований. Латинские лексемы послужили моделью для создания крымскотатарских химических терминов методом калькирования, например, «кукюртсизлендирюв, кукюртсизлендирме» (десульфурация, обессеривание), «битарафлаштырув, битарафлаштырма» (нейтрализация).

Через русский язык из немецкого в крымскотатарский вошли названия химических элементов: «марганец», «кобальт» (от Kobold – горный дух), «никель» (от Kupfernickel – медный дьявол), «вольфрам» (от Wolfrahm – «волчья пена»), «рений» (от названия реки Рейн), «висмут» (от weisse Masse – «белая масса»). Немецкого происхождения также слово «колба». Там оно обозначает и другие предметы с утолщением – кукурузный початок, булаву, палицу, а также толстый нос [10]. Ещё одно немецкое слово в крымскотатарском - «тигель» (от слова Tiegel – горшок).

Из французского через русский пришли слова «мельхиор» (сплав меди и никеля) и «франций», а лексема «титрлев, титрлеме» (титрование) происходит от французского слова titre – «качество, характеристика». Оттуда же, из французского в крымскотатарском – «жавель суву» (жавелевая вода, раствор KClO+KCl). То же самое относится к лексеме «эргостерин» (от французского ergot – «петушиная шпора»).

Есть в крымскотатарском языке и англицизмы, которые были заимствованы через русский: «поташ» (от pot – горшок и ash – зола), «лиддит» (взрывчатое вещество).

Mireyev Vadim Aldanovich

Revisiting sources of formation of chemical lexis in the Crimean Tatar language

Abstract. *In this article, the ways of forming a chemical terminology system and nomenclature in the Crimean Tatar language are traced both in the source-study and in the etymological aspects. Specific examples show the peculiarity of their development in synchrony and diachrony. For the chemical terminology and nomenclature of the Crimean Tatar language, whose beginnings date back to the early Middle Ages, and generally formed in the first third of the last century, there is a combination of lexemes of both Turkic origin and borrowings from Arabic, Persian, Greek, Latin, Russian, modern Western European languages, and, to a much lesser extent, from Chinese, Mongolian and Sanskrit. Studying the sources on the basis which the chemical terminology and nomenclature of the Crimean Tatar language was formed and improved of, makes it possible to use the valuable achievements of the past for its accelerated development.*

Keywords*: Crimean Tatar language, chemical terminology and nomenclature, borrowed words, etymology.*

Литература:

1. Верховский В. Органический химия: 10 сынфына махсус дерслик / В. Верховский, Я. Гольдфарб, Л. Сморгонский; тердж.: А. Мамбетов; ред.: А. Куркчи. – Симф.: Къырымдевнешр, 1939. – 207 с.

2. Верховский В. Неорганический химия (орта мектеп ичюн дерслик) / тердж.: А. Мамбетов; ред.: А. Куркчи. – Симф.: Къырымдевнешр, 1939. – 325 с.
3. Ганиева Э. Крымскотатарская научная терминология: история и перспективы развития / Э. Ганиева // Крымское историческое обозрение. – 2015 – № 2. – С. 239–248.
4. Заатов О. Полный русско-татарский словарь крымскотатарского наречия / О. Заатов. – Симф.: тип. братьев Я. и М. Нутис., 1906 – 120 с.
5. Ибрагимов Т. Химия. Талебелернинъ мустакъиль иши ичюн дидактик малюмат / Т. Ибрагимов, Г. Ибрагимова. – Симф.: изд-во. РВУЗ КИПУ, 2014. – 240 с.
6. Касимов А. Улу Алим / А. Касимов // Ленин байрагъы, № 10 (704). – 1964. – Февр. 2.
7. Керимов И. Къырымтатар тилинен багълы лексикографик чалышмаларнынъ тарихчеси / И. Керимов. – Симф.: Ариал, 2016. – 168 с.
8. Керимов И. Къырымтатарджада къыйын сёзлер / И. Керимов. – Акъм.: «Таврида», 2006. – 176 с.
9. Лазарев Л. Турецко-татарско-русский словарь наречий: османского, крымского и кавказского, с приложением краткой грамматики / Л. Лазарев. – М.: Университетская типография, 1864. – 462 с.
10. Леенсон И. Язык химии. Этимология химических названий / И. Леенсон. – М.: Corpus, 2017. – 464 с.
11. Меметов А. Лексикология крымскотатарского языка / А. Меметов. – Симф.: Крымучпедгиз, 2000. – 288 с.
12. Миреев В. Аффиксальная деривация при образовании химических терминов и номенов в крымскотатарском языке / В. Миреев // Вопросы крымскотатарской филологии, истории, культуры. – 2017. – № 4. – С. 11–24.
13. Попель П. Химия. Умумтасиль окъув юртлары ичюн дерслик. 7 сыныф / П. Попель, Л. Крикля; тердж.: Н. Ахмедов, Т. Ибрагимов, З. Ибрагимова, Э. Ибраимова, А. Меметова, Э. Османова, Э. Сайтибрагимова. – Львів: Світ; Симф.: Доля, 2007. – 136 с.
14. Попель П. Химия. Умумтасиль окъув юртлары ичюн дерслик. 9 сыныф / П. Попель, Л. Крикля; тердж.: А. Сейт-Джелил. – Львів: Оріяна-Нова, 2009. – 232 с.
15. Тенишев Э. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Э. Тенишев [и др.]. – К.: Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
16. Усеинов С. Русско-крымскотатарский терминологический словарь. Техника, физика, философия, химия / С. Усеинов. – Симф.: редотдел Крымского комитета по печати, 1992. – 64 с.
17. Усеинов С. Русско-украинско-крымскотатарский словарь терминов / С. Усеинов, Э. Бекиров. – Симф.: изд-во Дагаджиева Э.С., 2014. – 520 с.
18. Ярошенко О. Химия: умумтасиль окъув юртлары ичюн 10 сыныф дерслиги / О. Ярошенко; тердж.:А. Сейт-Джелил. – Львів: Оріяна, 2010. – 224 с.
19. Goldfarb Y. Himiyadan meseleler ve temrinler orta mektep icün / Y. Goldfarb, L. Smorgonskiy; terc.: A. Mambetov, A. Kasimov. – Aqm.: Qırım devlet neşriyatı, 1936.
20. Lebedeff P. Himiya iş kitabı. Şeher tatar yedi yıllıq mekteblerініñ 5-nci ve 6-nci oquv yılları içün / P. Lebedeff; terc.: A. Şumin. – Aqm.: Qırım devlet neşriyatı, 1929. – 136 s.
21. Mambetov A. Rusca-tatarça himiya terminleri luqatı / A. Mambetov. – Aqm.: Qırım devlet neşriyatı, 1936. – 99 s.
22. Neyburger A. Hazirki himiyanıñ acaiplikleri / A. Neyburger; terc.: A. Lâtifzade. – Simf.: Qırım devlet neşriyatı, 1931. – 90 s.
23. Şeher ve koy orta derece mektepleriniñ programları: 5–8 oquv yılları. 1. Biologiya. 2. Kimya – Simf.: Qırımdevneşr, 1933. – 50 s.
24. Şumin A. Kimyadan iş kitabı. Kolhoz yaşlıqı mektebiniñ 2-nci sınıflarında iş kitabı olaraq qullanılması / A. Şumin. – Aqm.: Qırım devlet neşriyatı, 1931. – 143 s.
25. Verhovskiy V. Kimya orta derece mekteplerge mahsus derslik / V. Verhovskiy: terc.: A. Kasimov, A. Mambetov; red.: A. Şumin. – Simf.: Qırım ASSC Devlet neşriyatı, 1933. – 154 s.

УДК: 81'367.63.512.19

Саттарова Сание Сетвелиевна[1]
E_mail: sanie.settarova@mail.ru

Къырымтатар грамматикаларында ярдымджы сёзлернинъ огренилюви

Анълатма: *Макъаледе XX – XXI асырнынъ башында нешир олунгъан къырымтатар грамматикаларында «ярдымджы сёз чешитлери» грамматик категориясынынъ шекиллянюви талиль этильди. XX асырнынъ башында нешир олунгъан грамматикаларда ярдымджы сёзлер тюрлю терминлернен анълатылып, башкъа сёз чешитлерини къаплап алгъаны белли олды. Кене де, шу асырнынъ сонъунда «ярдымджы сёз чешитлери» мустакъиль морфологик категория сыфатында А. Меметовнынъ ишлеринде къайд тильди ве бу группаны багълайыджылар, мунасебетчилер ве дереджеликлер тешкиль этти.*

Анахтар сёзлери: *арап къаиделери, эдават, ярдымджы сёзлер, морфологик категория.*

Сонъки йылларда къырымтатар грамматикасынынъ фонетика, лексикография, сёз япув, фразеология сааларында ильмий араштырмалар япылып, монография, дерслик ве окъув къулланмалары азырланылды. Шу джумледен, морфология саасында там маналы сёз чешитлеринден зарф ве сыфатларнынъ грамматик хусусиетлери комплексли оларакъ айырыджа огренильди. Амма, къырымтатар тилининъ морфологик къурулушында муим ерни туткъан ярдымджы сёзлер узеринде ильмий араштырмалар пек аз олды.

Асылында сёзлерни мустакъиль ве ярдымджы сёз чешитлерине больмек назариеси рус тильшынаслыгъында XVIII асырдан башлап, ишленильди [1]. Къырымтатар тилинде *«ярдымджы сёзлер», «ярдымджы сёз чешитлери»* категориясы рус грамматикасына хас олгъан «служебные слова», «служебные части речи» терминлеринен бельгилене.

XIX-асырнынъ башында Русиеде И. Гигановнынъ, А. Казем-бекнинъ ильк тюркий грамматикалары дюнья юзюни коре. Муэллифлер озь ишлеринде арап грамматикасынынъ къаиделерине эсасланып, иш туталар. Мисаль оларакъ, А. Казембекнинъ грамматикасында «Ярдымджы сёз чешитлери» анълямына зарфлар, мунасебетчилер, багълайыджылар ве нидалар кире [2, с. 9, 10].

Къырымтатар тилинде XX-нджи асырнынъ башында, арап язысында нешир этильген «Сарф-и-тюркий» (1909), «Къаваид-и лисан-и тюркий» (1914) грамматикаларында ярдымджы сёзлер *эдат, эдават* терминлери иле анълатыла. Ярдымджы сёзлер джедвелине тюрлю ярдымджы ве денъишмеген сёз чешитлери: замирлер, зарфлар, багълайыджылар, мунасебетчилер, дереджеликлер, атта сёз япыджы ве сёз денъиштириджи ялгъамалар кирсетиле.

«Сарф-и-тюркий» грамматикасында муэллиф *«Эдаватнынъ кенди кендилерине маналары ёкътыр башкъа келимелер иле бирлешерек мана хасыл идерлер»,* – деп, ярдымджы сёзлернинъ грамматик вазифесини бельгилей. Эдаватлар болюгинде 50 якъын лексеманынъ (*а, о! ичюн, исе, иште, эгер, икен, энъ, иле, илля, сен! амма, имди, анджакъ, эй,*

[1] ***Саттарова Сание Сетвелиевна,*** науч. сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

бари, бельки та, тек, -дже -джакъ, -де, дахи-, ды, къадар, дегин, -дек, -дакъ, -ден, даха, -сыз, киби, кешки, -лу-ле, -мы-ми, мегер, не, вах, хер, хеле, хеман, хани, йа, ейне) мана ве вазифеси бериле [3, с. 48–52].

«Къаваид-и лисан-и тюркий» грамматикасында исе бойле изаат бериле: «*Эдат мустакъиль бир мана ифаде этмейюп, игер келимелере рабт олундукъта хусусиет маналары деллялет эдерлер*». Мында энди муэллиф юзьге якъын эдатларнынъ (*а, эй, ай, ах, уф, ох, аман, артыкъ, анджакъ, асла, эгер, энъ, эльбет, эльбетте, ойле, эвет, ичюн, иште, икен, узьре, иле, -ле, аман, эй-вах, б(ба), бари, берабер, бельки, биле, бер, бери, бутюн, бир, берай, пек, та, -джы- дже, чюнки, -чыкъ-чик, хайле, -дыр, дахи, -дан,-ден, -де, дегиль, даа, -дер, -дек, дегин, зира, зар, -сыз, сизинъ, истан, шимди, санки, долайы, гъает, факъат, къадар, гуя, киби, горе, ки, лякин, -лик -лыкъ, нибеким, нидже, не, ве, ха, хайди, хеле-хеле, хич, йа, яхуд, ейне, йине, йокъса)* аляметлерини айдынлата [4, с. 61–69].

20-нджи сенелеринде къырымтатар граматикасынынъ ильмий инкишафы Ш. Бекторенинъ, Б. Чобан-заденинъ ишлеринде девам эттириле. Ш. Бекторенинъ «Татарджа сарф, нахв» (1923) грамматикасында тильнинъ ярдымджы васталары къ*ошаматлар (эдатлар), мечев сёзлер* параграфларында огрениле. Меракълысы шунда ки, Ш. Бекторе къошаматны *«озь башына манасы олмагъан ве бутюн сёзлерге къошулгъан эджик (эджа) я да ярым сёз…»* деп, анълата ве мисаль оларакъ *«ве, иле, мен, хам, де, йа, яки"* келимелерни косьтере. Къаиденинъ девамында исе «Къошаматлар сёзлерни бири бирине байлай, сёзлернинъ маналарыны тюрлендире, тюрлю маналаргъа алямет бола: *къапу-къапуджы, таш-ташлар, ана-анасыз. Окъудым окъудынъыз дегенде окъу-фииль-ды къошамат, кечкен заман аляметы, -м -къошамат, сейлевджи пайнозлюк аляметы, нъ-къошамат, динълейджи пайнозлюк аляметы з-къошамат-коплюк аляметы»* деп, къошаматларнынъ,я ни чешит ялгъамаларнынъ хусусиетлерини косьтере. Муэллифнинъ бильдиргенине коре «*Сыфат, фииль, исим, киби сёзлернинъ башына келип онларнынъ маналарыны азайткъан, арттыргъан, белли эткен, къавийлештирген сёзлерге "мечев сёзлер" дейлер».* Нумюне: *гъает, чокъ, эй, ах, уф, бек, асла, кимерде* [5, с. 49].

Б. Чобан-заде тарафындан 1925 с. нешир олунгъан «Къырымтатар ильмий грамматикасы» нда ярдымджы сёзлер вазифесинде ишлетильген лексемалар «*Ярым сёзлер*» болюгинде огрениле. Муэллиф *ярым сёзлернинъ* мустакъиль манасы олмагъаныны, озюнден эвель я да сонъ кельген сёзнинъ манасыны денъиштирмек ичюн хызмет эткенини къайд эте. Бу сёзлерни тасниф эткенде, эки тюрлю олгъаныны косьтере. Иште, грамматикада ярым сёзлер бойле тасвир этиле: **«***1) Ярым сёзлер шекильджи аламазлар. 2) Кенди башларына бир мана ифаде этмейип, бельки кендилеринден эвель веяхут сонъра кельген сёзлернинъ манасыны денъиштирирлер. Бойле сёзлер къырымтатарджада эки тюрлюдир: а) сёзнинъ башына келирлер: пек, анджакъ, тап, даа, ве, эгер, амма, айса, энъ, лякин…; б) сёзнинъ сонъуна келирлер: -джа, -дже, -ча, -че, -джакъ, -джек, -чак, -чек, сайын, -сыз/-сиз, -дайын, кибик, киби, -мы/-ми, -ки,-чы/-чи, -бери-берли… эп бойле сёзлердир. Булар тедкъикъ олунаджакъ олса, эм мустакъиль манагъа малик олмагъанлары, эм де шекильджи къабул этмегенлери мейданъа чыкъар. Булардан базылары, бильхасса сёз сонунъа кельген, экинджилери, артыкъ шекильджи олмагъа якъынлашкъанлар»* [6, с. 88].

Иште, Ш. Бекторе ве Б. Чобан-заде озь ишлеринде ярдымджы сёзлернинъ *«озь башларына маналары болмай, сёзлерни бири-бирине байлайлар, сёзлернинъ маналарыны тюрлендирелер»* деген эсас лексик-грамматик хусусиетлерини бельгилеп, ярдымджы сёзлернинъ вазифесине, багълангъан сёзге нисбетен джумледеки ерине коре тасниф этелер. Муэллифлер ярдымджы сёзлерни тасниф этмек меселесинде озьджесине янашып, шахсий нокътайи-назарыны бильдирелер. Грамматикада ярдымджы сёзлернинъ теркиби къарышыкъ олып, тюрлю сёз чешитлерини къаплап ала: зарфлар, багълайыджылар, мунасебетчилер, дереджеликлер ве ялгъамалар.

Тюркшынаслыкъта шу девирде язылгъан ишлерден А.Н. Самойловичнинъ «Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка» (1925), В.А. Гордлевскийнинъ «Грамматика турецкого языка» (1928) ишлери къайд этиле. Муэллифлер арап аньанелерине бойсунып, турк тилинде къулланылгъан бутюн сёзлерни исим, фииль ве ярдымджы сёзлерге болелер. Самойловичнинъ ишинде ярымджы сёзлер группасы «частицы» деп адландыра. Ярдымджы сёзлернинъ теркиби къарышыкъ олгъаныны къайд этерек, А.Н. Самойлович озь ишинде *«бу группанынъ теркиби къарышыкъ:онъа зиядедже исим ве фииллернинъ къалыплашкъан (омертвелые) шекиллери кирип, тильнинъ архивини тешкиль этелер»* деп яза [7, с. 30].

XX асырнынъ 30–40 сенелеринден башлап, тильшынаслыкъта А.Н. Самойловичнинъ ве В.А. Гордлевскийнинъ ″османистик″ ориентирлевинден вазгечилип, совет джумхуриетлеринде тюркий тиллерни огренюв деври башлана [8, с. 54]. Къумыкъ, башкъырт, ойрот, хакасс, къыргъыз, турк, озьбек ве дигер тюркий тиллернинъ ильмий грамматикалары дюнья юзюни коре.. Къырымтатар тилинден 1934 с. У. Куркчининъ латин уруфатында ″Tatar tilі qrammatikasьnьn esaslarь″ адлы иши чыкъа. Грамматикада ярдымджы сёзлер *«ярдымджылар»* терминен анълатыла ве *«функциялары джихетинден джумлелерни яхут сёзлерни бири бирине багълар я да бир айры сёз ве джумленинъ манасына тесир япар, ве сёзлер арасындаки мунасебетлерини косьтерювде къулланылыр»* деп бельгилене. Муэллиф ярдымджыларны учь чешитке боле: 1. багълайыджылар 2.мунасебетчилер 3.дереджеликлер [9, с. 7].

Ярдымджы сёзлернинъ айны бойле таснифи XX-асырнынъ сонъунда А. Меметов тарафындан нешир олунгъан педагогика институтынынъ студентлери ичюн «Татар тили грамматикасынынъ практикумы» дерслигинде (1984) берильди. Дерсликте *«Ярдымджы сёзлер»* болюгинде мунасебетчилер, багълайыджылар ве дереджеликлер айры бакъылды. А. Меметов ярдымджы сёзлерни бойле изаатлай: *«там маналы, мустакъиль сёзлер арасындаки грамматик мунасебетлерини я да олардъа къошулгъан модаль маналарны ифаделемек ичюн хызмет эткен ве айры алда бир де бир джумле азасы вазифесинде кельмеген сёзлерге ярдымджы сёзлер дейлер»* [10, с. 155]. Айны шу А. Меметовнынъ, XXI асырнынъ башында чыкъкъан «Земаневий къырымтатар тили» (2010), дерслигинде «*Ярдымджы сёз чешитлери*» болюгинде мунасебетчилер ве багълайыджылар акъкъында малюмат бериле. Дереджеликлер исе модаль аляметлигине коре «*модаль сёз чешитлери»* адлы, янъы граматик категориясына кирсетилелер [11, с. 307].

Бойлеликнен, къырымтатар грамматикаларынынъ талили буны косьтерди:

1. XX асырнынъ башында нешир олунгъан бир сыра къырымтатар грамматикаларынынъ муэллифлери, *ярдымджы сёзлер* меселесине арап тилининъ къаиделерине эсасланып, озьджесине янаштылар. Граматикаларда ярдымджы сёзлер категориясы тюрлю терминлернен бельгилене: *эдат,эдават, къошамат, мечёв сёзлер, ярым сёзлер, ярдымджылар.* Бу грамматикаларда ярдымджы сёзлернинъ мустакъиль лексик манасы олмагъаны ве олар тек башкъа сёзлернен багълангъан алда маналашкъанлары акъкъында эсас фикир бильдирильди. Муэллифлер *ярдымджы сёзлер* теркибине тюрлю сёз чешитлерини кирсетелер, меселя замир, зарф, модаль сёзлер, нидалар, атта сёз япыджы ве сёз денъиштириджи ялгъамалар.

2. Иште, къъырымтатар грамматикасында, ярдымджы сёзлер, мустакъиль грамматик категория сыфатында, XX-асырнынъ сонъунда А.Меметовнынъ ишлеринде къайд тильди. Тилимизде олгъан бутюн ярдымджы сёзлер мана ве вазифесине коре багълайыджы, мунасебетчи ве дереджеликлерге болюнип, *«ярдымджы сёз чешитлери»* морфологик категориясыны тешкиль эттилер. Земаневий къырымтатар тилинде исе «*ярдымджы сёз чешитлери»* категориясына тек багълайыджылар ве мунасебетчилер кирсетильди.

Саттарова Сание Сетвелиевна

Лингвистическое описание служебных слов в крымскотатарских грамматиках

Аннотация*. В статье проанализировано изучение категории «служебные части речи» в крымскотатарских грамматиках XX–XXI вв. Установлено, что в грамматиках, изданных в начале XX в., для обозначения служебных слов использовались различные термины. Служебные слова, как самостоятельная грамматическая категория, были определены в работах А.Меметова. В морфологическую категорию «Служебные части речи» вошли союзы, предлоги и частицы.*

Ключевые слова*: служебные слова, различные термины, грамматическая категория, служебные части речи.*

Sattarova Saniye Setveliyevna

Linguistic description of function words in Crimean Tatar grammars

Abstract*. The article analyzes the study of the category «auxiliary parts of speech» in Crimean Tatar grammars of the XX–XXI centuries. It is established that in grammars published at the beginning of the 20th century, various terms were used to denote function words. These function words, as an independent grammatical category, were defined in the works by A. Memetov. The morphological category «Auxiliary parts of speech» includes conjunctions, prepositions and particles .*

Keywords*: function words, various terms, grammatical category, auxiliary parts of speech.*

Эдебият:

1. Султанбаева Х. К вопросу о месте служебных частей речи в системе строевых уровней язика / Х. Султанбаева // Научный альманах. – 2015. – № 10. – С. 573–577.

2. Зейналов Ф. Принципы классификации именных частей речи в тюркских языках (на материале азербайджанского языка) / Ф. Зейналов. – Баку: Изд-во АГУ, 1959. – 214 с.

3. Сарф-и тюркий. – Багъчасарай: «Терджиман» электрик табханеси, 1909. – 55 с.

4. Абдулькъадыр М. Къаваид-и лисан-и тюркий / М. Абдулькъадыр. – Багъчасарай: «Терджиман» басмаханеси, 1914. – 69 с.

5. Бекторе Ш. Татарджа сарф, нахв / Ш. Бекторе. – Тотайкой, 1923. – 110 с.

6. Чобанзаде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Б. Чобанзаде. – Симф.: Доля, 2003. – 240 с.

7. Самойлович А. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка / А. Самойлович; под наблюдением и с предисловием: Г. Благовой, Д. Насилова. – Репрент. изд. 1925 г. с доп. и испр. – М.: Муравей, 2002. – 158 с.

8. Об изучении грамматики тюркских языков. История и современность // Советская тюркология. – 1976. – № 5. – С. 54.

9. Куркчи У. Татар тили грамматикасынынъ эсаслары / У. Куркчи. – Симф., 1934. – 22 с.

10. Меметов А. Крымскотатарский язык / А. Меметов. – Симф.: «Крымучпедгиз», 1997. – 176 с.

11. Меметов А. Земаневий къырымтатар тили / А. Меметов. – Симф.: КъДжИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты. 2010. – 320 с.

УДК: 811.512.1:[81’373:81’37]:929

Саттарова Зера Мамбетовна[1]
Абдуллаева Адиле Энвер кызы
E_mail: sattarova.zera@mail.ru

Инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик-семантик хусусиетлери

Анълатма: *Макъаледе къырымттатар ве башкъа тюркий тиллерде инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик-семантик хусусиетлери бакъыла. Инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик теркиби къайд этиле, табиатына ве тыш къыяфетине коре тасниф япыла, парадигматик алякъалары косьтериле.*

Анахтар сёзлери: *сыфат сёз чешити, къырымттатар тили, лексик-семантик группа, тюркий тиллер, лексема, инсаннынъ менфий чизгилери, парадигматика.*

Къырымтатар тилининъ лексик теркибинен багълы муккемель огренильмеген меселелер бугуньки кунюмизде даа чокъ расткеле. Ишбу макъаледе теткъикъ эткен инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик-семантик хусусиетлери мевзусы да оларнынъ сырасына кире ве филология, психология, психоневрология киби фенлернинъ сынъырларында тургъаны, халкънынъ табиаты, арекетлери, яшайыш тарзынен багълы олувы къайд этиле.

Тюркшынаслыкъта инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик-семантик хусусиетлери бир сыра ильмий тедкъикъатларда огрениле. Оларнынъ сырасына Ч.Ч. Ондарнынъ «Имена прилагательные, обозначающие душевные качества человека в тувинском языке» [2004] макъалесинде инсаннынъ тышкъы ве ички дюньясынен багълы лексемалар бакъыла, инсаннынъ ички дюньясыны тасвир эткен сёзлер айырыла, ‘сеткил’ яни ‘душа’ сыфатнынъ семантикасы ачыкълана. А.А. Добринина «Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека: в сопоставительном аспекте» [2006] диссертацион ишинде синонимия меселеси устюнде токъталып, там маналы ве маналары якъын олгъан синонимик сыраларыны талиль эте. Алтай ве рус тиллерини къаршылаштырып, тасниф япа. С.Д. Егинованынъ «Прилагательные, характеризующие человека: этимология и семантика» [2011] макъалесинде земаневий ерли компаративистикасынынъ актуаль меселелери огрениле, якут тилиндеки бардам ‘дерзкий’ ве хадьар ‘грубый’ сыфатларынынъ диасинхроник семантикасы тедкъикъ этиле. Д. Южелнинъ «О качественных прилагательных признака лица в кыргызском и турецких языках» макъалесинде бет аляметлерини ифаделеген аслий сыфатларнынъ 7 лексик-семантик группасы айырыла, къыргъыз ве тюрк тиллерини тенъештирмек ичюн беден азалары ве тыш къыяфети киби эки эсас аляметнен къуллана. С.Д. Егинованынъ «Прилагательные-синонимы, характеризующие человека: семантический анализ» [2011] ишинде могъол ве якъут тиллери эсасында инсанны тасвирлеген сыфат манадаш сёзлер тедкъикъ этиле. Л. Ахмедованынъ «Лексика, обозначающая нравственно-волевые качества характера человека в русском и азербайджанском языках» [2012] тедкъикъатында инсан чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ 4 подгруппасыны къайд этип, парадигматик алякъаларны косьтере.

[1] ***Саттарова Зера Мамбетовна,*** к.филол.н., доц. кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания ГБОУВО РК КИПУ; Абдуллаева Адиле Энвер кызы, студент группы МК-16, факультет истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

Корьгенимиз киби, инсан чизгилерини бильдирген сыфатлар тюркшынаслыкънен огърашкъан алимлернинъ тарафындан тавсилятлы бакъылгъан, амма къырымтатар тилинде бу мевзу етерли дереджеде огренильмегени себебинден, макъаледе инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик-семантик хусусиетлерини тедкъикъ япмакъ макъсады къоюлды.

Тиль – динамик система, онынъ ичюн лексика – тилининъ къысмы оларакъ, онынъ энъ арекетли дереджесидир. Тильнинъ семантик структурасынынъ муреккеплигини, онынъ башкъа грамматик категорияларынен багъыны, лексик-семантик бельгисининъ маиетини тедкъикъ этмек баягъы къыйындыр.

Тюркий тиллерде, меселя, алтай тилинде, инсан чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик-семантик подгруппасынынъ меркезинде инсаннынъ башкъа инсанларгъа мунасебетини косьтерген антонимик чифти – jобош ве мактанчак: *jобош «скромный, спокойный» – мактанчак «хвастливый»* айырыла. Сыфатларнынъ *jобош* доминантасынен мусбет чизгилерни бильдирген синонимик сырасына бойле лексемалар кире: *мактанбас 'нехвастливый', тыпзынбас 'невысокомерный', чемеркебес, jакшыркабас 'негорделивый'* [1].

Сыфатларнынъ *мактанчак 'хвастливый'* доминантасынен менфий чизгилерни бильдирген синонимик сырасына бойле лексемалар кире: *тыпзынчак 'высокомерный', чемеркек, jакшыркак 'горделивый', теркек, сайыркак 'самолюбивый', улуркак, jаанаркак, jамыркак 'честолюбивый', бийиркек 'тщеславный'* [1].

Бакъылгъан синонимик-антонимик сырада бутюн сыфатлар (jобош сыфатындан гъайры) бир негизден ибарет, ве менфийликни косьтерген *-чак* аффикси, я да инкярлыкъны косьтерген *–бас* аффикси ярдымы иле янъы мусбет группасыны мейдангъа кетирелер [1].

Къумыкъ тилинде исе «джаиль» лексемасына манадаш кельген бир къач сёзни айыра билемиз, меселя, *авам, билими аз болгьан, аз сынавлу, жагьил, охуп-язып болмайгьан, охума-язма билмейген, ср. ар. джахиль.* Бу сёзлер берильген семанынъ аляметини ифаделейлер [2].

Бундан корюне ки, косьтерильген сыфатлар чешит лексик-семантик севиелерге коре дифференциаль олмакъ мумкюн.

Инсаннынъ чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ семантик джеэтинден фаркълы подгруппаларгъа айырмакъ мумкюн ве бу подгруппалларнынъ эр бири озь конкрет семасынен ифаделене. Мисаль оларакъ, *чагьы булан байлавлу* «яшынен багълы», *гёз булан байлавлу* «козьлер яхшы корьгенинен багълы», *къулакъ булан байлавлу* «эшитювнен багълы» семаны бильдирген сыфатларнынъ подгруппасы [2].

Семантик джеэтинден инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген лексик-семантик группасынынъ 7 подгруппасыны къайд этмек мумкюн:

1) инсаннынъ озюне мунасебетини ифаделеген ве менфий чизилерни акс эткен сыфатлар;

2) табиат тарзыны акс эткен сыфатлар;

3) инсаннынъ ирадесини акс эткен сыфатлар;

4) башкъа инсанларгъа мунасебетини косьтерген сыфатлар;

5) инсаннынъ эмегине, ишине къаршылыкъ бильдирген мунасебетлерни акс эткен сыфатлар;

6) ахлякъий маиетини акс эткен сыфатлар;

7) предметлерге косьтерильген мунасебетине коре инсан табиатыны акс эткен сыфатлар.

1. Инсаннынъ озюне мунасебетини ифаделеген ве менфий чизилерни акс эткен сыфатлар группасына инсаннынъ озь акъкъында фикирлерини ве этрафтаки инсанларгъа мунасебетини бильдирген лексемалар кире.

Меселя, ***джаиль*** *(Мени джаиль деп, ашалама, копек баласы!* [3, с. 53]), ***дели*** *(Сен, Шаиров, тек бошбогъаз дегиль, эм де докъсан докъуз бучукъ процент делисинъ* [3, с. 19]. *Шимди балалар дели дегиллер, бермесенъ айтмам – деди де, чанасыны сюйреп къыргъа тырмашып башлады* [4, с. 240]. *Яхшы дели! Баш котерген адамгъа дели деп бакъсанъыз бунынъ сонъу къайда барыр?* [5, с. 144]), ***джанавар*** *(Бар сесимнен багъырдым: эй, джанаварлар, токъунманъыз, о меним эвлядымдыр, дедим* [3, с. 12]), ***ахмакъ*** *(Сенинъ киби ахмакъларнынъ башыны айландырмагъа биле, кямиль* [6, с. 67]), ***инат*** *(О инат йигит* [6, с. 31]. *Аля даа Алма-Атадан къайткъанда тартышкъанларыны унутамаймамы? Инат экен* [4, с. 339]), ***арсыз*** *(Алчакъ, кучюк бир эвде арсыз огълан яшагъан* [7, с. 47]), ***къавгъаджы*** *(Атта эр вакъыт къачып юрьген къавгъаджы Эскендер де мында* [7, с. 84]), ***киббар*** *(Бу сары, акъ черели, узун бойлу, киббар ве гъурурлы йигит иле башта эр кес меракъланды* [8, с. 76]), ***динсиз*** *(Ах сени динсизнинъ баласы, мени кене алдаттынъмы?* [3, с. 19]) ве башкъалары.

Инсаннынъ озюне мунасебетини ифаделеген сыфатлар группасына кирген лексемалар бойле синонимик сыраларны тешкиль этелер, меселя, ***джаиль*** *– тентек, къабакъбаш*; ***дели*** *– худжур, нешаретли*; ***джанавар*** *– гъаддар, киндар, явуз, серт*; ***ахмакъ*** *– акъылсыз, серсем, тентек, абдал, будала;* ***инат*** *– къайты, тутарлы*; ***арсыз*** *– назлы, эдепсиз, тербиесиз, утанмаз;* ***къавгъаджы*** *– давалы, бош ботен мырылдагъан;* ***киббар*** *– магърур, кибирли, фодуллы.*

Къырымтатар тилинде бутюн къайд олунгъан группанынъ сыфатлары бинар антонимик оппозицияларда булуналар, меселя,

башкъа инсанларгъа мунасебет / *мераметли – ачувлы;*

озюне мунасебет / *алчакъ гонъюлли – макътанчакъ;*

эмегине, ишке мунасебет / *ишкир – тенбель;*

ахлякъий маиет / *намус – юзсюз;*

ираделик / *мерт – къуветсиз;*

табиат тарзы / *атик – солукъ.*

Тедкъикъатымызгъа коре, инсаннынъ чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ лексик-семантик подгруппасынынъ меркезинде къырымтатар тилинде инсаннынъ башкъа инсанларгъа мунасебетини косьтерген – *мераметли ве ачувлы* антонимик чифти тура. Сыфатларнынъ *мераметли* доминантасынен мусбет чизгилерини бильдирген синонимик сырасына бойле лексемалар кире: *алчакъ гонъюлли, мазлум, утанчакъ, алидженап.*

Сыфатларнынъ *ачувлы* доминантасынен менфий чизгилерини бильдирген синонимик сырасына бойле лексемалар кире: *макътанчакъ, киббар, кибирли, октем, къоркъакъ, икъбалперест, шуретперест, магърур гъурурлы, залым, къатты юрекли, таш юрекли, амансыз, патлайыджы.*

Бакъылгъан синонимик-антонимик сырада бутюн сыфатлар фаркълы негизлерден ибарет.

Къулланылув джеэтинден бу лексемаларнынъ чокъусы тильнинъ актив къулланылгъан къысымына кирелер: меселя, *макътанчакъ, тенбель, дели, баштакъ, нешаретли, худжур, куньджю, юрексиз, ачувлы, ярамаз,* : *инат, ахмакъ, джанавар, динсиз, джаиль* ве башкъалары. Амма пассив къулланылгъан лексикагъа аит олгъан бир сыра сёзлер айырылды, меселя,, *безгъын, уюшыкъ, кевшек, раимсиз, ойсуз, изсиз, будала, мешреп, гъаддар, сырсандыкъ, руякяр, чаман, фодуллы, магърур, ихмалькяр* ве башкъалары.

2. Инсаннынъ табиат тарзыны акс эткен подгруппасынынъ теркибине бойле сыфатлар кире: меселя, ***баштакъ*** *(Эскендер ойле баштакъ бала дегиль* [4, с. 242]), ***ярамаз*** *(«Бу ярамаз Энвер даа насыл оюн тюшюнип тапты экен?» – дей эди ичинден* [9, с. 72]), ***тербиесиз*** *(Бойле тербиесиз балларны мен даа корьмеген эдим. (муэлл.)),* ***лафазан*** *(Автобуста бир лафазан къадынчыкънынъ янына отургъаным (муэлл.)),* ***ачувлы*** *(Койдешлер онъы ачувлы ве серт бир инсан оларакъ таныйлар. (муэлл.))* ве башкъалары.

Бойлеликнен, инсаннынъ табиат тарзыны акс эткен сыфатлар подгруппасында 5 лексема айырылды. Олар бойле синонимик сыралардан ибарет: меселя, ***ярамаз*** – *баштакъ, керата, айлаз*; ***тербиесиз*** – *эдепсиз, утанмаз, къатты, серт, къаба*; ***лафазан*** – *зевзек, ошором, бошбогъаз, дильбаз*; ***ачувлы*** – *киндар, окели, мераметсиз*. Къулланылув джеэтинден *баштакъ, ярамаз, къыбырдавукъ, мырылдавукъ, къавгъаджы, давалы, къаба, тербиесиз, эдепсиз, къатты, бошбогъаз, лафазан, тилли, ачувлы, мераметсиз* киби лексемалар тильнинъ актив къысымына кирелер, *шиддетли, джая, керата, айлаз, къызматабан, ташкъын, серт, зевзек, киндар, окели, ошором, безгелек, мусаллат, усандырыджы, киндар, дильбаз, ошором, шерли* киби лексемалар тильнинъ пассив къысымыны тешкиль этелер.

3. Инсаннынъ ираделигини акс эткен подгруппада 2 микрогруппа айырыла.

• Бир де бир шейни япмакъ ичюн анълы тарзда ираденинъ терк этювинен багълы группа: меселя. ***къоркъакъ*** *(О насылдыр <u>къоркъакъ</u> инсан олгъаныны яхшы анъладым. (муэлл.))*, ***юрексиз*** *(Алим <u>юрексиз</u> инсан олгъанындан себеп, эр вакъыт озь ишлеринъде шубелене. (муэлл.))*, ***абдыравукъ*** *(<u>Абдыравукъ</u> достумнен берабер къавгъа эттик. (муэлл.))* ве башкъалары.

Бойлеликнен, бир де бир шейни япмакъ ичюн анълы тарзда ираденинъ терк этювинен багълы 3 лексема айырылды. Олар къырымтатр тилинде бойле синонимик сыраларыны тешкиль этелер: меселя, ***къоркъакъ*** – *юрексиз, чекинген, тартынгъан;* ***юрексиз*** – *джесаретсиз, юркек;* ***абдыравукъ*** – *асабий, сынъырлы.*

Къулланылув джеэтинден *къоркъакъ, юрексиз, джесаретсиз* киби лексемалар тильнинъ актив къысымына кирелер, амма *чекинген, тартынгъан, джурьатсыз, ирадесиз, тартынчакъ, абдыравукъ, юркен* лексемалары пассив кулланалар.

• Инсаннынъ ирадесизлигини акс эткен сыфатлар подгруппанынъ теркибине ***зайыф*** *(Ярамай хасталыкътан Алимнинъ тыш корюнюши зайыф олды. (муэлл.))*, ***мискин*** *(Бу инсан манъа пек мискин корюнди. (муэлл.))*, ***заваллы*** *(Ярамай бааны алгъанындан себеп, заваллы талебе агъламагъа башлады. (муэлл.))* киби лексемалар кирди.

Демек, инсаннынъ ирадесизлигини акс эткен сыфатлар подгруппасы 3 лексемадан ибарет ве бойле синонимик сыраларгъа кирелер: меселя, зайыф – *къуветсиз, кучьсюз, такъатсыз;* мискин – *наджар, заваллы, аджыныкълы;* заваллы – *гъарип, бичаре, байгъуш.* Олар къулланылув джеэтинден тильнинъ актив къысымына, меселя, *зайыф, къуветсиз, такъатсыз, заваллы, аджыныкълы, кучьсюз* ве пассив къысымына, меселя, *алсыз, меджалсыз, наджар, мискин* кирелер.

4. Башкъа инсанларгъа мунасебетини косьтерген сыфатларнынъ подгруппасында 2 микрогруппа айырыла:

• Инсанлар арасында эмоциональ мунасебетини ифаделеген лексемалар, меселя, ***инсафсыз*** *(Буюклерге урьмет этмеген, <u>инсафсыз</u> бир яш олып осьти. (муэлл.))*, ***къаба*** *(Къаба адам олгъаныны лафларындан анъладыкъ. (муэлл.))*, ***явуз*** (*Языкъ ки, о мен ичюн энъ <u>явуз</u> душман оларакъ къалды. (муэлл.))* ве башкъалары.

Бойледже, инсанлар арасында эмоциональ мунасебетини ифаделеген лексемалар микрогруппасында 3 лексема айырылды. Олар ***инсафсыз*** – *мераметсиз, раимсиз, залым, таш юрекли;* ***къаба*** – *эдепсиз, тербиесиз;* ***явуз*** – *серт* киби синонимик сыраларындан ве къулланылув джеэтинден актив *(юзсюз, мераметсиз, инсафсыз, таш юрекли, джанавар)* ве пассив *(къаба, серт, гъаддар, серт, явуз, залым, незакетсиз)* къулланылгъан лексикадан ибарет.

• контакт мунасебетини ифаделеген лексемалар микрогруппагъа ***юваш*** (*Балалыкътан о пек <u>юваш</u> инсан эди. (муэлл.*)), ***сускъун*** (*Кедерли ве <u>сускъун</u> козьлерине бакъкъан сонъ, онынъ дуйгъуларыны анъладым. (муэлл.*)), ***сырсандыкъ*** *(Кимсенен алып-береджеги ёкъ, <u>сырсандыкъ</u> бир инсандыр. (муэлл.))* лексемалары кире.

Контакт мунасебетини ифаделеген микрогруппада 3 лексема айырылды. Олар ***юваш*** – *сессиз, тынч;* ***сускъун*** – *индемез, сессиз, сюкют* киби синонимик сыралардан ибарет ве къырымтатар тилинде актив къулланылалар.

5. Инсаннынъ эмегине, ишине къаршылыкъ бильдирген мунасебетлерни акс эткен группасы бойле сыфатларны тешкиль эте: ***тенбель*** (*Язда тойны япкъан "тенбель" сайыла эди, чюнки язда къышкъа азырланыла, ходжалыкъ ишлеринен огърашыла тургъан* [корпус]*),* ***солукъ*** *(О озюни санада пек солукъ ве джансыз тута* [корпус]), ***безгин*** *(Безгин инсанда эр шей кереги киби олмай* [корпус]) ве башкъалары.

Корьгенимиз киби, инсаннынъ эмегине, ишине къаршылыкъ бильдирген мунасебетни акс эткен группада 3 лексема айырылды. Олар ***тенбель*** – *къалпазан, айлаз, батал;* ***солукъ*** – *гонъюльсиз, кейфсиз;* ***безгин*** – *уюшыкъ, кевшек, ичи сонукъ* киби синонимик сыраларны тешкиль этелер ве тильнинъ актик къулланылгъан къысымына кирелер.

6. Инсаннынъ ахлякъий маиетини акс эткен сыфатлар подгруппасы: ***ашаа*** *(Эр бир халкъта алидженап инсанларнен бир сырада* ***алчакъ****, экиюзлю, ашаа инсанлар да бар. (муэлл.)),* ***утанмаз*** *(Буюклернинъ янынды ойле ярамай лафларыны айта, утанмаз!" (муэлл.*)), ***пахыл*** *(Къартлар, пахыл инсаннен иш тутма, айталар (муэлл.))* киби лексемалардан ибарет. Олар ***ашаа*** – *алчакъ, хасис*; ***утанмаз*** – *эдепсиз, тербиесиз, юзьсюз*, *утанмаз – арланмаз, циник* синонимик сыраларны тешкиль этелер ве къырымтатар тилинде *утанмаз, утанмаз – арланмаз, яланджы, юзьсюз, виждансыз, айнеджи, пахыл, алдатыджы, алчакъ, къурназ* киби лексемалар актив *ашаа, хасис, эгри, ийлекяр, доландырыджы, циник* киби лексемалар пассив къулланалар.

7. Предметлерге косьтерильген мунасебетине коре инсан табиатыны акс эткен группа бойле синонимик сырадан ибарет: меселя, *къызгъанч, ачкозь, къытмыр, саран, козю тоймаз,* ве бу лексемалар къырымтатар тилининъ актив къулланылгъан лексикасына кирелер.

Бойледже, тюркшынаслыкъта тедкъикъ этильген мевзу узеринде бир сыра ильмий ишлер айырылды, алтай ве къумыкъ тиллерининъ араштырмалары устюнде айырыджа токъталды ве бизден эвель япылгъан тедкъикъатларгъа эсасланып, къырымтатар тилинде инсаннынъ менфий чизгилерини бильдирген сыфатларнынъ 7 подгруппасы айырылды, оларнынъ синонимик сыралары тайинленди, талиль этильди, актив ве пассив лексикасы тайинленди.

Къайд этмели ки, лексемаларнынъ мана сынъырлары зайыф, чюнки лексик мананынъ чокъкомпонентли структурасы сёзни айны манасыны чешит тарафлардан косьтере биле ве бу лексемалар фаркълы группаларгъа кирмек мумкюн. Лексик-семантик группанынъ теркиби энъ чокъ къулланылгъан лексик бирлемлеринен сынъырлана.

Саттарова Зера Мамбетовна,
Абдуллаева Адиле Энвер кызы

Лексико-семантическая особенности имён прилагательных, обозначающих отрицательные качества человека

Аннотация. *В статье рассматриваются лексико-семантические особенности имён прилагательных, обозначающих отрицательные качества человека. Определяется лексический состав лексем отрицательных качеств человека, по характеру и по внешнему виду проводится классификация и устанавливаются парадигматические отношения.*

Ключевые слова: *имена прилагательные, крымскотатарский язык, лексико-семантическая группа, тюркские языки, лексема, отрицательные качества человека, парадигматика.*

Sattarova Zera Mambetovna,
Abdullayeva Adile Enver kyzi

Lexıco-semantıc features of the names, approprıate negatıve qualıtıes of the person

Abstract.*The article deals with lexico-semantic features of adjectives, which denote negative qualities of a person. The lexical composition of the lexemes of the negative qualities of a person is determined, the classification and the appearance of paradigmatic relations are carried out by character and appearance.*

Keywords: *adjectives, Crimean Tatar language, lexico-semantic group, Turkic languages, lexeme, negative qualities of a person, paradigmatics*.

Эдебият:

1. Добринина А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека: в сопоставительном аспекте: диссертация кандидата филологических наук / А. Добринина. – Новосибирск, 2006.– 193 с.

2. Магомедова П. Лексико-семантический и функциональный анализ имен прилагательных в кумыкском языке: в сопоставлении с арабским / П. Магомедова. – Махачкала, 2004. – 120 с.

3. Болат Ю. Той девам эте. Пьессалар / Ю. Болат. – Таш.: Гъафур Гъулам адына эдебият ве саньат нешрияты, 1974. – 209 с.

4. Черкез А. Сабалар къучагъында. Роман / А. Черкез. – Таш.: Гъафур Гъулам адына эдебият ве саньат нешрияты, 1973. – 349 с.

5. Болат Ю. Алим. Роман / Ю. Болат. – Таш.: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санат нешрияты, 1982. – 421 с.

6. Эдемова У. Омюрлик янымдасынъ. Повесть / У. Эдемова. – Таш.: Гъафур Гъулам адына эдебият ве саньат нешрияты. 1977. – 191 с.

7. Антологія для позакласного читання для учнів 5-6 классів, які вивчають кримськотатарську мову / упор. А. Веліулаева. – Чернівці: Букрек, 2012. – 208 с.

8. Меметов А. Къырымтатар тили. 10 – 1-нджи сыныфлар ичюн дерслик 2-нджи гъайрыдан нешир ишленильген, кенишлетильшген ве толдурылгъан нешир / А. Меметов. – Симф.: КъДжи «Къырымдевокъувпеднешир нешрияты», 2008 – 240 с.

9. Велиуллаева. А. «Крымскотатарская литература»: учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений / А. Велиуллаева. – Симф.: «Крымучпедгосиздат», 2001. – 208 с.

УДК 81-23+930.85

Ельяшевич Вячеслав Алексеевич[1]
E_mail: eljashevitch@yandex.ru

Особенности произношения лешон кодеш (иврит) у крымских караимов как результат влияния фонетики крымскотатарского языка

***Аннотация**: В статье рассматриваются фонетические правила иврита в произношении крымских караимов, отличающие его от традиционного сефардского произношения. Продемонстрировано соответствие этих правил с правилами тюркского сингармонизма и на основе этого сделан вывод о влиянии фонетики крымскотатарского языка на произношение иврита у крымских караимов во время длительного совместного проживания караимов и крымских татар в Крыму.*

***Ключевые слова**: произношение, фонетика, иврит, крымские караимы, сефардское произношение, крымскотатарский язык.*

Рядом характерных особенностей произношение *лешон кодеш*[2] (иврита) крымских караимов отличается от произношения иврита ашкеназскими евреями и современного иврита, в основу которого положено сефардское произношение[3]. Это явление, безусловно, имеющее глубокие историко-культурные корни, до второй половины XX века специально не изучалось. Впервые исследовательский интерес был проявлен к произношению иврита литовских караимов в статье Моше Альтбауэра «О произношении иврита караимов Литвы» [12]. Затем произношением иврита литовских караимов, отличающимся от произношения иврита в европейских еврейских общинах, заинтересовался финский ученый Тапани Харвиайнен. В 1988 году он совершил поездку в Литву, где сделал запись образцов чтения библейских текстов литовскими караимами. На основе своих наблюдений Т. Харвиайнен написал две статьи, посвященные произношению иврита литовскими и крымскими караимами [10; 11]. Сравнив произношение литовских караимов с произношением йеменских евреев, чье произношение библейского иврита на сегодняшний день считается наиболее близким к масоретскому, Т. Харвиайнен сделал предположение о сохранении масоретских черт в караимской традиции произношения иврита. Вскоре после статей Т. Харвиайнена в 1994 году была опубликована статья Генрика Янковского, посвященная уже непосредственно произношению крымских караимов [9]. И, наконец, в 1995 году была опубликована рецензия Р.М. Капаланова и М. Гаммала на работы Т. Харвиайнена, в которой авторы привлекают учебник А. Кокея «Огель Авраам» в качестве нового источника для исследования произношения иврита восточноевропейских караимов [1]. Анализ учебника А. Кокея «Огель Авраам» позволил авторам подтвердить выводы Т. Харвиайнена о том, что система гласных в караимском произношении полностью совпадает с сефарадским произношением. Ограничившись анализом учебника, авторы сознательно воздержались от выводов, но

[1] ***Ельяшевич Вячеслав Алексеевич,*** студент 4-го курса Таврической Академии (Крымского федерального университета), факультет крымскотатарской и восточной филологии (Симферополь).

[2] Именно так, лешон кодеш – «священный язык», крымские караимы называли иврит (древнееврейский язык). По этой причине автор этой статьи также будет придерживаться этого термина.

[3] В иврите выделяют две основные группы произношения: ашкеназская (Западная Европа) и сефардская (Ближний Восток).

согласились с Т. Харвиайненом в том, что особенности произношения иврита восточноевропейскими караимами могут свидетельствовать об этногенезе данной субэтнической группы [1, с. 164].

В вышеперечисленных работах традиция произношения библейского иврита восточноевропейскими караимами рассматривалась в исторической связи этой народности с еврейскими субэтническими группами Ближнего Востока. При этом совершенно не был учтен географический фактор, то есть значение региона, в котором проживали караимы и их этническое окружение. После захвата Золотой Ордой в XIII веке большей части Крымского полуострова, сюда вместе с завоевателями проникает тюркская культура, со временем ставшая доминирующей в этом регионе. Таким образом, появившиеся в Крыму приблизительно в одно время с татарами, караимы очень скоро оказались вовлечены в тюркскую среду и частично ассимилировались с ней, заимствовав язык и традиционную культуру своих соседей [4, с. 106–107]. Сохраненный караимами библейский иврит в качестве священного языка оказался внутри языковой оболочки сначала чагатайского, а затем строосманского и крымскотатарского языков, и в силу естественных причин мог подвергнуться определенной фонетической ассимиляции, приведшей к возникновению своей собственной, уникальной произносительной традиции. На это нам указывают некоторые фонетические правила иврита крымских караимов, имеющие сходство с фонетическими правилами языка крымских татар.

Во время работы по данной теме в поле нашего зрения попал один интересный источник, который подтвердил, сделанные нами предварительные выводы. Речь идет о малоизвестной статье В.Ю. Чернина «Крымчакское произношение иврита», написанной в 1983 году, в которой автор на основе собранной им устной традиции и письменных источников рассматривает особенности произношения библейского иврита крымчаками [8]. Интересно отметить, что некоторые из этих особенностей автор рассматривает как следствие влияния тюркского языка. «Следует подчеркнуть, – пишет В.Ю. Чернин – что фонетика разговорного языка всегда оказывала существенное влияние на традиционное произношение иврита, свойственное той или иной общине. Сохранение в «святом языке» на протяжении веков звуков, отсутствующих в разговорном языке, практически невозможно» [8, л. 5]. В целом же крымчакское произношение библейского иврита В.Ю. Чернин характеризует как «в основе своей сефардское, подверженное влиянию разговорного языка крымчаков (крымскотатарского), а также ашкеназского произношения иврита» [8, л. 4]. Учитывая, что крымские караимы находились с крымчаками в одной языковой среде, по аналогии с определением В.Ю. Чернина караимское произношение библейского иврита очень осторожно можно определить как «сефардское, подверженное влиянию разговорного языка крымских караимов (крымскотатарского)».

Рассмотрим примеры особенностей произношения библейского иврита крымскими караимами в сравнении с фонетикой тюркских языков, взяв за основу два караимских учебника древнееврейского языка для начальных классов, изъясняющих фонетические правила: Авраама Кокея «Огель Авраам. Учебник древне-библейского языка для Караимских детей первого учебного возраста» [5] и Авраама Самуиловича Фирковича «Келяле ha-дикдук би-льшон кедар аль-дерех шэилот у-тэшувот» («Общая грамматика на языке кедаров[1] в вопросах и ответах») [7]. В качестве примеров мы будем использовать заимствованные гебраизмы и транскрибированные отрывки из караимских периодических изданий на русском языке начала XX века, главным образом, – журналы «Караимская жизнь» и «Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления». Для сравнения произношения иврита крымскими караимами с произношением современного иврита, в основу которого легла сефардская традиция, мы будем использовать двуязычное издание ТаНаХа издательства «Мосад Арав Кук» (Иерусалим, 1978).

[1] Так караимы называли тюркские народы.

Загадочная фонема «Ч»

Одним из ярких примеров специфики произношения библейского иврита у крымских караимов является полная замена фонемы «ц» фонемой «ч». Это фонетическое явление не описано в учебнике А.Я. Кокея, зато достаточно хорошо отражено в караимской литературе на русском языке, в котором гебраизмы записаны в той форме, в которой они произносились. В качестве примера можно упомянуть рассказ А.И. Катыка «Учитель», в котором учитель учил учеников букве «цади»:

«– Вот, – говорит учитель детям – новая буква…

И ставит на линейку «чадек».

– Это – говорит, – будет буква «ч-ч-ч».

– Рибби, перебиваю его, не «ччч», а «чадек». Простите за вмешательство…

– Так запомните, – говорит учитель, будто и не слышит меня, – «ччч» [3, с. 6].

Другим примером замены фонемы «ц» на «ч» может служить ономастика крымских караимов, перешедшая в русский язык – имена **קחצי** Ицхак и **הינפצ** Цефанья, произносимое крымскими караимами как Чефанья и Ичхак, фамилия **ץרוח** Цореф – Чореф. Такие распространенные у крымских караимов заимствования из иврита, перешедшие в караимский и русский языки, как, например, слова **הצמ** *маца* (опресноки, пасхальный пресный хлеб) и **הקדצ** *цдака* (милостыня, подаяние), также произносилось с заменой звука «ц» на «ч» – *мача* и *чедака*.

Аналогичное фонетическое явление присутствовало и в языке крымчаков. В.Ю. Чернин дает ему следующее объяснение: «Буква «цади» произносится как «ч» (маца – мача). Это явление тоже связано с влиянием крымско-татарского языка, в котором звук «ц» встречается только в ново-заимствованных словах. Характерно, что крымские караимы тоже произносят «цади» как «ч», в то время, как литовские караимы, в диалекте которых звук «ц» есть, произносят «цади» как «ц» – «цедака» [8, л. 7].

Как видим, В.Ю. Чернин связывает рассматриваемое нами фонетическое явление с влиянием крымскотатарского языка. Действительно, в языке крымских татар, как и в других тюркских языках, отсутствует звук «ц», и речевой аппарат тюркоязычных караимов с течением времени мог просто вытеснить чуждый ему звук «ц» с заменой на фонетически близкий звук «ч», также являющийся среднеязычным и глухим.

Полугласный звук в начале слова

В иврите существуют полугласный звук – самый краткий звук в языке, который на письме выражается диакритическим знаком «шева», расположенным под буквой (две точки, расположенные одна над другой по вертикали). Этот звук в зависимости от его положения в слове, произносится как краткое «э» («подвижный шева»), либо вообще не произносится, выполняя функцию разделителя слогов («остановочный шева») [4, с. 61]. Произношение этого полугласного звука у крымских караимов отличается от традиционного произношения иврита. Например, если знак «шева» стоит под первой буквой в слове[1], то он произносится как звук «э», тогда как в традиционном произношении знак «шева» в такой же позиции не произносится.

Возьмем для примера упомянутое выше слово *чедака*, которое пишется со знаком «шева» под начальной буквой «чади» – «ч». Известно, что в традиционном произношении это слово произносится как *цдака*, так как здесь не работают два фонетических правила крымских караимов: а) замена звука «ц» на звук «ч» и б) произношение полугласного «шева» в начале слова. Как мы уже говорили, замена звука «ц» на звук «ч» могла возникнуть вследствие влияния крымскотатарского языка, в котором нет звука «ц». Не исключено, что правило произношения начального «шева» имеет те же самые корни. Для тюркских языков

[1] В иврите диакритические знаки (некудот), обозначающие гласные звуки, пишутся под или над буквами.

вообще не характерно соседство двух согласных звуков в начале слова, как правило, такие слова являются заимствованными из других языков – трен – от англ. train, штан – от рус. штаны и т.д.

Человек, говорящий по-тюркски, при произношении непривычных для него слов с двумя согласными в начале слова, старается «разбавить» их гласными звуками, в результате чего возникли такие формы как *э-стул* (от «стул»), *п-ы-лат* (от «платье), *к-е-ревет* (от «кровать»). В караимских текстах встречаются такие адаптированные формы заимствованных из русского языка слов как *и-второй* (вместо «второй»), *б-ы-рат* (вместо «брат»). Такая же фонетическая адаптация происходит, вероятно, и при произношении слов из иврита с двумя начальными согласными и с остановочным «шева», который становится подвижным «шева» – *ч-э-дака* (вместо «чдака»), *ш-э-тар* (вместо «штар»). Это явление можно наблюдать и в ономастике. Крымские караимы никогда не произносят имя *Шломо* (Соломон), но всегда как *Ш-э-ломо*, *Шмуэль* – как *Ш-э-муэль*, превращая остановочный «шева» в подвижный.

Полугласный звук перед гортанными звуками ע ח ה א

В иврите есть четыре гортанные согласные, служащие для передачи гласных звуков. В караимском произношении иврита эти гортанные звуки влияют на произношение полугласного звука «шева» в начале слова, о котором уже шла речь. Одно из правил в учебнике «Огель Авраам» гласит: «Шева в начале слова придается звучание следующего за ним звука, передаваемого на письме буквами **ע ח ה א**[1] [5, с. 45]. В качестве примера можно привести религиозное благословение «Барух адонай лоолам» – «Благословен Господь вовеки», заканчивающее многие молитвы, а также название молитвы «Ашира ладонай» – «Воспою Господу». Образец произношения названий этих молитв можно найти в рассказе А.И. Катыка «Учитель», в эпизоде, где действие происходит во время службы в кенасе:

«Учитель быстро снял ботинки, влез в мягкие терлик, завязал умело чичит, подошел к Тора, пал на колени, встал, поцеловал Тора и начал:

– Барух адона-а-ай ло-о-л-а-ам»

Все ответили:

– Амен ваамен!..» [3, с. 52].

Рассмотрим интересующие нас слова в этих молитвах на древнееврейском языке – *лоолам* и *ладонай*. Слово *лоолам* (вовеки) состоит из предлога *ло-* (в)[2] и существительного *олам* (век, мир). Под начальной буквой в слове *лоолам* стоит знак «шева», который в данной позиции согласно вышеупомянутому правилу должен произноситься как звук «э» – лэ-олам. Но так как, за полугласным «шева» в следующим за ним слове «олам» (век, мир) следует гортанный **ע** с диакритическим знаком «холам», передающим звук «о», то следовательно первой гласной «э» придается звучание следующего за ней звука: вместо *лЕ-олам* (как в традиционном сефардском произношении) произносится *лО-олам*. Тоже самое фонетическое правило мы видим и на примере со словом *ваамэн*, состоящее из предлога *вэ* (и) и наречия *амен* (верно). Под начальной буквой в слове *ваамэн* стоит знак «шева», который в данной позиции должен произноситься как звук «э». Но так как вслед за ним стоит буква **א** со знаком «камец» («камеч»), которым передается звук «а», то соответственно звук «э» произносится как звук «а»: вместо *вЭ-амен* – *вАамен*. В слове *ладонай* (из молитвы «Ашира ладонай») мы видим, что предлог *вэ* не только меняет свое произношение на *ва*, но и полностью сливается с последующим за ним звуком, в результате чего вместо *ла-адонай* оно произносится как *ладонай*.

---

[1] Диакритический знак или знак вокализации. Специальный знак в иврите, обозначающий гласный звук, и ставящийся под или над буквой.

[2] В иврите предлоги всегда пишутся слитно с существительными.

Похожее фонетическое явление звуковой ассимиляции можно наблюдать в переводе книг ТаНаХа (Ветхий Завет) на древнегреческий язык – Септуагинте, где при транскрибировании слов древнееврейского языка полугласному звуку в начале слова чаще всего придается звучание следующего за ним гласного звука. Например, библейское имя *Шломо* транскрибируется как *С-о-ломон*, *Сдом* – как *С-о-дом* и т.д. [2, с. 61]. Интересно, что в «Еврейской грамматике» В. Гезениуса есть упоминание фонетической адаптации у еврейских общин Испании и Португалии: «…что же касается произношения последних (испанских и португальских евреев – В.Е), то оно, *согласуясь с произношением звуков Арабского языка (курсив мой – В.Е.)*, в тоже время гораздо более соответствует организму самого Еврейского языка» [2, с. 35].

Вероятно, мы можем говорить о том, что влияние местных языков на традиционное произношение иврита было достаточно распространённым явлением. Оказавшись в тюркоязычной среде, караимы Крыма адаптировали произношение иврита под свою разговорную речь, как это делали, например, евреи средневековой Испании, находясь в арабоязычной среде. Что же касается правила произношения полугласного «шева» перед гортанными звуками в иврите крымских караимов, то оно полностью соответствует одному из правил присущего всем тюркским языкам сингармонизма – губно-негубного созвучия. Согласно этому правилу в основе слова и в присоединяемых к нему аффиксах должны быть либо только губные гласные (гласные переднего ряда *и*, *э*, *ё*, *ю*), либо – негубные (гласные заднего ряда *а*, *о*, *у*, *ы*). Что мы и наблюдаем на примере слова *ло-олам*, в котором в соответствии с тюркской сингармонией губной гласный *э* заменен на следующий за ним негубной *о*, и таким образом соблюдено правило сингармонизма с двумя негубными звуками. Еще одним примером может служить слово из иврита *шошбин* (свидетель на свадьбе), которое у крымских караимов имело форму *шошпын* [6, с. 188]. Здесь мы видим не только соблюдение губно-негубного созвучия – губной «и» во втором слоге заменен на негубной «ы» в соответствии с негубным «о» в первом слоге, но также ассимиляцию согласных – звонкий «б» заменен на глухой «п» в соответствии с предшествующим ему глухим «ш».

Скрытый «вав» и «йуд»

Одной из характерных особенностей произношения иврита крымскими караимами является так называемый «скрытый «вав», отсутствующий в произношении европейских евреев. Согласно одному из правил в «Огель Авраам» гортанные звуки **ע ח ה** в конце слова произносятся только после предшествующего им гласного «а». Но если этим гортанным звукам предшествуют другие гласные кроме «а», то между этими гласными и конечным звуком «а» делается вставка скрытого «вав» или «йуд»: «вав»+«а» или «йуд»+«а» [5, с. 53]. В качестве примера можно привести традиционные библейские караимские имена и фамилии. Имя Йегошуа/Иисус (на конце гортанный **ע** которому предшествует гласный «о») крымские караимы произносят как *Йегошу-в-а*, имя Ноах/Ной (на конце гортанный **ח** которому предшествует гласный «о») произносят как *Но-в-ах*. Другие примеры из древнееврейского языка: *луах* – *лу-в-ах* («таблица, скрижаль»), *реах* – *ре-я-х* («запах»), *тануа* – *тану-в-а* («гласный звук») и др.

Надо заметить, что похожее явление можно также и наблюдать и в разговорном языке крымских татар, в котором заимствованное из арабского языка слово *дуа* (молитва) произносится как *ду-в-а*. Действительно для крымскотатарского языка не характерен дифтонг *у-а*, встречающийся в заимствованных словах, главным образом из арабского языка (например, араб. *суаль* – вопрос). Вероятно, именно по этой причине тюркоязычным караимам трудно давалось произношение двух следующих одна за другой гласных *у-а*, и потому для удобства делалась вставка букв «вав» и «йуд».

Итак, мы видим, что вышеперечисленные особенности в произношении иврита у крымских караимов, каковы бы ни были их исторические корни, имеют аналоги в произношении

крымскотатарского языка. Этот факт позволяет сделать вывод о влиянии крымскотатарского языка на фонетику иврита. Основные характерные особенности, рассмотренные в данной работе, следующие:

1. Замена звука «ц» на звук «ч»: в крымскотатрском языке, как и в других тюркских языках, отсутствует звук «ц».

2. Полугласный непроизносимый звук «шева» в начале слова произносится как гласный «э»: для крымскотатарского языка не характерно два согласных звука в начале слова.

3. Слияние полугласного «шева» с последующим за ним гласным звуком: правило сингармонизма в тюркских языках, губно-негубное созвучие.

4. Произношение скрытого «вав»: аналогичное явление можно наблюдать и в крымскотатарском языке.

Нет ничего удивительного в том, что находясь в тюркоязычной среде и разговаривая на языке крымских татар, крымские караимы адаптировали произношение иврита под более привычное для них тюркское произношение. Однако, надо отметить, что до сих пор ни один из исследователей, изучавших особенности произношения иврита крымскими караимами, не решал этот вопрос влиянием крымскотатарского языка. Исключением является, пожалуй, лишь статья В.Ю. Чернина, в которой автор обнаруживает аналогичные произношения иврита у крымчаков. В дальнейших наших работах мы собираемся более детально и всесторонне проанализировать влияние крымскотатарского окружения на формирование произношения иврита у крымских караимов. В дальнейших наших работах мы собираемся более детально и всесторонне проанализировать влияние крымскотатарского окружения на формирование произношения иврита у крымских караимов. В дальнейших наших работах мы собираемся более детально и всесторонне проанализировать влияние крымскотатарского окружения на формирование произношения иврита у крымских караимов.

Elyashevich Vyacheslav Alekseyevich

The Crimean Karaite pronunciation of the *Ieshon Kodesh* (Hebrew) as a result of the phonetic influence of the Crimean Tatar language

Abstract*: The article deals with the phonetic rules of Hebrew in the pronunciation of the Crimean Karaites which distinguish it from the traditional Sephardic pronunciation. The compliance of these rules with the rules of Turkic vowel harmony is shown and, on the basis of this, a conclusion is made about the influence of phonetics of the Crimean Tatar language on the Hebrew pronunciation of the Crimean Karaites during the long cohabitation of the Karaites and Crimean Tatars in Crimea.*

Keywords: *pronunciation, phonetic rules, Hebrew, Sephardic pronunciation, Crimean Karaites, Crimean Tatar language.*

Литература:

1. Гаммал М. Новое о произношении иврита у караимов Восточной Европы / М. Гаммал, И. Капланов // Вестник еврейского университета в Москве. – 1995. – 1 (8). – С. 160–166.

2. Еврейская грамматика В. Гезениуса / пер.: К. Коссовича. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1874. – 555 с.

3. Катык А. Учитель / И. Катык // Караимская жизнь. – 1912. – Кн. 10-11. – С. 5–10.

4. Кизилов М. Крымская Иудея / М. Кизилов. – Симф.: Доля, 2011. – 335 с.

5. Кокей А. Огель Авраам: Учебник древне-библейского языка для Караимских детей первого учебного возраста / А. Кокей – Одесса: Типо-Литография А.М. Дыхно, 1903. – 68 с.

6. Хафуз М. Русско-караимский словарь. Крымский диалект / М. Хафуз. – М: Институт востоковедения, 1995. – 215 с.

7. Учебник древнееврейского языка на языке «кедаров» / сост.: А. Фирковичем. – Евпатория: 1838. – 33 с.

8. ГКУ РК ГАРК. – Р-4967. – Оп. 1. – Д. 149.

9. Henryk Jankowski. Jak krymsky karaimowie czytali patah I co z togo wynika / H. Jankowski // Studia orientalia Thaddaeo Levicki oblata: Materialy seji naukowej poswieconej profesora Tadeusza Lewickiego. – 1994. – P. 107–114.

10. Tapani Harviainen. Karaiitit liettuan ja heidan hepreansa [Karaites, Lithuanian Karaites and their Hebrew] / T. Harviainen // Teologinen Aikakauskirja. – 1990. – 95. – P. 387–393.

11. Tapani Harviainen. Three Hebrew Primers, the Pronunciation of Hebrew among the Karaims in the Crimea, and Shewa / T. Harviainen // Built on Solid Rock: Studies in Honour of Professor Ebbe Egede Knudsen. – 1997. – 98. – P. 102–114.

12. השמ ראואבטלא ."סנושלבש סייִרבעה תודוסיה לעו אטיל יארק יפבש תירבעה לע" .אכ וננושל (ז"ישת): 126–117 בכ (ח"ישת): 265–258 ספדוה שדחמ רותב ורפס :סירקחמ ושלב ,א :סילשורי ,סמ ,לשת"ח ,מע 38–17.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА – ФОЛЬКЛОРДЖЫЛЫКЪ

УДК 82.512.145. «19»: [17+111.852]

Сеферова Фера Асановна[1]
***E_mail*: fera-sef@ukr.net**

Сравнительно-типологическое исследование эпических сказаний (дестанов) тюркоязычных народов

Аннотация. *Сходство мотивов эпических сказаний – дастанов (дестанов) крымскотатарского, казахского, узбекского, киргизского народов свидетельствует о том, что корни заимствования лежат в глубине веков – они тесно связаны с историческим и культурным развитием народов. Характеризуя поэтику дестанов, мы отмечаем такие её качества, как широкая амплитуда охвата явлений как высоких, сакральных, так и реальных, тесная связь с обрядовостью, аллегорическая образность.*

Ключевые слова: *аллегория, сакральность, архаика, образность, обрядовость.*

Фольклор тюркоязычных народов характеризуется многими общими чертами, что объясняется родственными связями этих народов, их этнической и языковой общностью (Якубова С.З.) Существующую по данной теме литературу можно классифицировать по трём основным направлениям: исторически-описательное, концептуальное и компаративистское. Первое наиболее ярко представлено в трудах А.-К.Ю Абдуллатипова [1], С.М. Алиева [2], Ф.В. Ахметова [3], Б.А. Каррыева [9]. Собранный и представленный здесь материал воссоздаёт важнейшие исторические события, свидетелем и участником которых был народ. Начало концептуально-аналитическому направлению в изучении дестанов положено работами В.В. Радлова [21] В.М. Жирмунского [7], А. Бертельса [4], В.М.Гацака[5], Х.Т. Зарифова[8]. Влияние дастанной поэзии на становление крымскотатарской прозы отмечали в своих работах К. Джаманаклы [6], Р. Музаффаров [19], С.Р. Изидинова [9], С. Нагаев [20].

Рассматривая эпос тюркских народов, отмечая в его нарративной структуре сочетание стихов и прозы, В. Жирмунский прибегает к определенной жанрово-стилевой классификации, указывая на два типа такого сочетания:

1) основная часть повествования имеет стихотворную форму, прозаические отрывки – это только соединительные переходные звенья повествовательного типа;

2) рассказ вполне ведется в прозаической форме, а стихотворные партии содержат слова или песни героев (это по мнению исследователя, «народные романы» героико-романтического или просто романтического характера, которые по сравнению с произведениями

[1] ***Сеферова Фера Асановна,*** к.филол.н., доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

первого типа более позднего происхождения. По характеру создания дестаны можно разделить на *индивидуальные и народнопоэтические* [7, с. 615–616]. Сравнительно-типологическое исследование крымскотатарского дестана «Чора батыр», киргизского эпоса «Эр Табылды», узбекского «Алпамыш» показало, что эпические сказания имеют много общего в своей сюжетно-композиционной организации. Каждая из вышеназванных поэм состоит из двух частей. В первой части рассказ ведётся о событиях, происходивших до сражения главного героя с врагом. Вторая часть повествует о пленении народного героя, о его страданиях в зиндане или на чужбине и долгом возвращении на родину. Если в первой части произведений действия героев несколько различны, то во второй нетрудно проследить аналогичные мотивы в развитии событий, в характере и поступках героев. В изображении крымскотатарского Чорабатыра, узбекского Алпамыша и киргизского – Эр Табылды многообщего. Все они обладают чудесными свойствами: они не горят в огне, не тонут в воде, их не сечёт меч, не достанет стрела, они не умирают и на виселице. Во всех дестанах можно отметить «международный мотив», так называемую сказочную сюжетную коллизию, как мотив о клевете, оскорблениях жены главного героя, о кознях злой старухи-*джады-къурткъа*, отсылающей на чужбину или отравляющей героя, и о его выздоровлении. В каждом дестане народного героя освобождает из темницы дочь падишаха или хана, которая затем выходит замуж за него и начинает вести борьбу против отца. Аналогичные мотивы наблюдаются и во многих других эпизодах, например, в том, что падишах был бездетен, но после благословения мудреца-«саиля» и съедения яблока вместе с супругой, супруга родила. Ко многим дестанам как вступление использован весьма распространённый мотив – просьба о наследнике. Данный мотив встречается в казахском «Козы Корпеш», крымскотатарском «Таир ве Зоре», «Керем ве Аслыхан», кумыкском «Дагир и Зухра» и др. Так, в крымскотатарском дестане «Таирнен Зоре»: *«Падиша: Эр шейим бар, амма не файда, бир кунь келип оле къойсам, ериме къалмагъа бир балам биле ёкъ. Везирим де шай баласыз, – дей. Саиль: Айса, мен сизге алма берейим, бирисини ортадан болюр де, ярысыны озюнъ, ярысыны да къадынынъ ашар. Мынавы бирини де везиринъе бер, ярысыны озю ашасын, ярысыны къадыны, сонъ сизлернинъ баланъыз олур, – дей».* (досл.: Падишах: И всё у меня есть, однако какая польза в том. Нет у меня наследника, чтобы занял моё место. И у моего визиря тоже нет детей. Саиль (нищий): Тогда я тебе дам яблоко. Половину съешь сам, а другую половину пусть съест твоя жена. А второе яблоко отдай визирю. Пусть он вместе с женой съест. Через определённое время у вас родятся дети) [12, с. 267]. Сходство наблюдается в сценах описывающих поединок отца и сына. «Традиционно бой заканчивается победой, однако, сама победа не всегда означает гибель одного из богатырей, напротив, зачастую бой служит как бы средством «узнавания» в противнике отца, брата или сестры, нахождения и обретения жены или поводом для заключения побратимства, – пишет С.Р. Изидинова. – Нет сомнений, что это типично степные сюжеты, как и «симбиотические» отношения героя со своим конём, наделённым как бы мышлением, как и все предметы степного полукочевого быта…» [9, с. 91] Сходные мотивы мы наблюдаем и в романтических дестанах. Сравнение структуры крымскотатарского дестана «Къозукюрпеч», казахского «Козы Корпеш» и узбекского «Кунтугмуш» показывает близость между ними. Присутствие двух сюжетных линий, которые переплетаются между собой, конфликт между умной, чистой девушкой и старым, подлым падишахом, мотив испытания влюблённых. Противником влюблённых в эпосе «Къозукюрпеч» выступает Эдиль бай отец Баянслув, в эпосе «Козы Корпеш – Карабай, отец Баян Сулу. Есть и второстепенные персонажи, мешающие встрече влюблённых: это **Хынзыр** в крымскотатарском эпосе, а в казахском эпосе «Козы Корпеш» – некая женщина. В дестанах налицо и схожие детали (приручение воробья – ***торгъая*** или жаворонка, выступающих в роли связного) и эпизоды (выслеживания врагами воробья или жаворонка с целью узнать место нахождения возлюбленного). Для дестанов характерен образ пастуха. Следует отметить, что в идейно-художественной структуре эпических сказаний пастухи,

конюхи, как правило, изображаются беднейшими из бедных. Таков пастух в эпосе Къозукюрпеч, таков конюх в эпосе «Кёрогълу», таков сын Нарика и Менъли Сулу Чора. Ум, смелость, доброта и находчивость в любой ситуации – всё это ярко выражает особенность этого образа. Начало развития эпических сказаний про древних крымских татар в Крыму уходят в глубокую древность. (По справедливому мнению) Исследователь Х.Т. Зарифов предполагает, что «одни дестаны возникли в глубокой древности ещё до распространения ислама, а другие – три-четыре века тому назад. Перерабатываясь по несколько раз в соответствии с требованиями своего времени плеядой народных сказителей, эти дестаны дошли до нас во многих вариантах» [8, с. 305].

Как известно, героический эпос и любовно-романтические сказания отличаются друг от друга историей создания, способом изображения основных событий и персонажей. В героическом эпосе отражается жизнь кочевых скотоводов, то в любовно-романтических дестанах перед нами предстаёт исторически более поздний период, когда произошло классовое расслоение. *Характеризуя поэтику дестанов, мы отмечаем такие её качества, как широкая амплитуда охвата явлений как высоких, сакральных, так и реальных, тесная связь с обрядовостью, аллегорическая образность*. Одним из важнейших принципов создания сюжета, способов изложения является словесная формула эпоса. На её основе строится вся композиция эпоса: соединяются эпизоды, излагаются монологи, диалоги, делаются наброски батальных сцен и т.д. [2, с. 56]. Героические дестаны отличаются гиперболическим показом героической борьбы главного героя. Обратимся к материалу такого эпического сказания как «Чорабатыр», центральным героем которого является сын джалчы (раб) Нарика и дочери скотника Менъли Сулу Чора. С его именем связаны основные сюжеты: чудесное рождение («в виде огня»): *«Ёлдан кетип бараяткъанда, Нарикнинъ апакъайы толгъата, локъса ола. Баласы догъгъан вакъытта, бала атеш олып догъа. Сонъ аягъы тийген ерден сув чыкъып, сувнен атешни сёндюре. Ана Чоранынъ эджели сувдан олгъаны шунынъ ичюн экен»* (досл.: В пути жена Нарика родила. Мальчик родился в виде огня. Из земли, которой касались ножки младенца, просачивалась вода и тушила огонь. Всем стало ясно, что Чора примет смерть от воды) [13, с. 61]. Закалка главного героя в огне, после которого совершенно неуязвимым становится его тело широко разработанный в мировом словесном творчестве мотив.

В романтических дестанах крымскотатарского народа женские персонажи объединяет исключительная красота героинь, завораживающая внешность. А это свидетельствует о возросших эстетических вкусах. «Образы складываются по канонам красоты: девушки высоки, стройны с белоснежной кожей и красивыми чертами лица» [10, с. 9; 24, с. 92]. При описании женского портрета в дестане «Эдиге» используется устойчивый набор традиционных поэтических средств, особенно изобразительные эпитеты: *«…эвнинъ ичинде бир къыз отура, амма бу къыз ай десенъ авызы, кунь десенъ козю, къаранлыкъ ерге чыракъ оладжакъ, дюльберликте – догъгъан айнынъ он дёрти. Бир пускюргенде мелевше япрагъы киби майыша экен»* (досл.: Девушка была очень красива, луна не луна, солнце не солнце, словно свечка ночью, словно месяц. А когда ступает, то изгибается, словно лист фиалки)» [22, с. 5]. Такова девушка, отличающаяся неповторимой внешностью из дестана «Наркъамыш»: *«дюньяда оларнынъ къызы киби дюльбер къыз ёкъ экен»* [12, с. 287]. (во всём свете такой красоты никто не видывал) В крымскотатарском варианте дестана «Чорабатыр» мы читаем строки, описывающие супругу Нарика Менъли Сулу: *«…къызынынъ дюльберликте дюньяда акъраны ёкъ…»* во всём свете такой красоты никто не видывал) [13, с. 58]. Наряду с ними бытуют и сюжеты о воинственных, обладающих богатырской силой девах, защитницах племени и народа. В узбекском дестане «Тульганой» отмечена такая характерная особенность девы-воительницы Тульганой как смелость, озорство, находчивость: «*Словно лихой джигит, вскочила Тульганой на коня, повернула в сторону и поскакала… Едет, скачет девушка-озорница на коне. Золотое шитьё на чалме блестит,*

пояс золотой талию ей стягивает, сабля в золотых ножнах на поясе висит» [23, с. 304]. По этому поводу известный исследователь В.М. Жирмунский писал: *«… образ богатырской девы распространён в мировом эпосе: он нашёл своё поэтическое отражение в «удалых поленицах» русских былин, в греческих «амазонках», в девах воительницах древнескандинавских и кельтских эпических сказаний, в «Шахнаме» Фирдоуси и др.»* [7, с. 39]. В фольклоре тюркских народов, частности эпосах «Китаби деде Коркут», «Манас», «Алпамыш», «Козукюрпеч», «Чорабатыр» вариант героического сватовства, связанный с образом девы-воительницы имеет достаточно широкое распространение. Так, в дестане «Зюльфи-эр» дева-воительница предстаёт в виде страшного заколдованного старика-карлика: *«Гедже бир атлы келе. Бу атлынынъ эки къарыш бою, дёрт къарыш сакъалы бар экен. О, оларнынъ къазанларыны алып, бутюн ашларыны ашай. Акъшам олгъан сонъ белинден къамчысыны чыкъарып, кичик къардашнынъ докъуз аякъдашыны да къамчылай-къамчылай, айдап алып кете»* (Ночью появляется всадник. Всадник этот был очень низок: ростом в две пяди, а борода его в четыре пяди. Он жадно съел всю еду в казанах. А с наступлением вечера, избивая длинной плетью, увёл младшего брата с его девятью спутниками). Волею сказочного преображения устанавливается желанная справедливость: страшный карлик превращается в деву-воительницу: *«Зюльфи-эр къыз уянып, огъланны корьгени киби, тылсымы бозула. Къыз еринден турып, огълангъа сарыла* (Как только Зюльфи-эр увидела охотника, колдовство исчезло)» [6, с. 198]. Таким образом, охотник добивается своей любимой ценою долгих странствий и преодоления бесчисленных опасных преград. Победа охотника основана на его добрых человеческих качествах, возвышающих его над корыстными братьями, злыми колдовскими силами. По мнению исследователей «это наиболее архаическая форма состязания, которая отражает древнюю ступень семейно-общественных отношений, восходящих к брачным обычаям эпохи родового строя. В античных мифах и эпических сказаниях формами состязания и воинских игр, являлись бег, стрельба из лука и борьба. В состязаниях и беге с другими женихами Одиссей добывает для себя Пенелопу, женихи Атланты состязаются в беге с ней самой, причём побеждённый платится собственной головой и т.д. [24, с. 90]. Следует отметить, что в крымскотатарских дестанах не используется стереотипная форма выражения чувства любви-болезни: слёзы, мольбы, стоны. Во имя любви, сохранения семейного очага девушки проявляют незаурядный ум, сообразительность, решимость вплоть до принятия смерти. Такова Баян Сулу («Козукюрпеч»), Менли Сулу («Чорабатыр»), Зоре главная героиня дестана «Таирнен Зоре». Эмоциональное состояние Зоре является демонстрацией силы любви и её победы. Это состояние передаётся через песенные признания: *«Бирини минип, бирини джетип, Бильмем къайда кетесинъ. Ачылмагъан гъонъдженъни Кимге самарыш этесинъ? Ал кийинип гонълюм осьтюрмем, Муабетим сенден кестирмем, Эки козюм кёр олса, Окчечигинъ эздирмем*» (…..) [13, с. 99]. «Песни и плачи – речитативы – неотъемлемый компонент широко известных среди тюркских народов эпических произведений половецко-кыпчакского цикла: «Козу Корпеш», «Эдиге», «Чора Батыр», «Баянслуу», «Кобланды Батыр» и др. [9, с. 93]. В дестане «Кёроглу» существуют две сюжетные линии, которые переплетаются между собой. Первая – это жестокость хана по отношению к конюху. Вторую, основную линию составляют любовные приключения Кёроглу, его чувства, воспевание верности. Герой пребывает наедине с природой и имеет возможность углубиться в свои мысли. Кёроглу сочиняет стихи, играет на сазе (щипковый народный музыкальный инструмент) исполняет песни. Не внешняя красота девушки привлекает главного героя дестана, а богатство духовного мира, нравственная чистота: «*Теналарда гердanынъны ачасынъ, Акъыз, шимди не ичюн шай къачасынъ? Не ичюн акъ юзюнъ менден ортесинъ? Аман дюльбер, инсаф иле кель манъа. Кёр огълудыр бу ерлернинъ арсланы, Акъыз сени шекер иле беслерим. Сенден бир батыр огълан истерим, Аман, дюльбер, инсаф иле кель манъа»* (В уединении ты откинула покрывало с лица, Почему ты меня избегаешь? Почему прячешь своё лицо? Львом этих мест

является Кёроглу, Сладкие угощения ждут тебя, красавица, приди ко мне… Подари мне сына-батыра…). Следует отметить, что материнство являлось важной ценностной характеристикой девушки. [13, с. 245]. Характер, дух главного героя, его решительные действия против жестокого правителя передаются посредством песни: *«Мен бир Кёр огълуйым, дагъда кезерим, Эскен рузгярлардан иле сезерим. Демир чокъмар иле ханы эзерим, О да манъа бир иш дегиль, мениm Кёр огълу»* (Я Кёроглу, объезжаю горы, Ветер бьёт мне в лицо, Железной булавой уничтожу я хана, Я – Кёроглу!)) [13, с. 246]. Трудно представить себе Кёроглу без его коня. В дестане нашло отражение специфичность труда конюха, пастуха. По мнению Б.А.Карыева дестан «Кёроглу» «представляет научную и историческую ценность, имея важные общественное и культурно-воспитательное значение для всех поколений» [10, с. 318]. Мотив священного дерева сохранил своё место в эпических сказаниях тюркских народов. В этом контексте особенно характерны дестаны «Арзы ве Гъамбер», «Керем ве Аслыхан», «Эдиге», «Наркамыш». Так, в дестане «Эдиге» основные события, происшествия и наказания виновных происходят под деревом, растущим на берегу «Шекерли голь» («Сахарное озеро»). Под деревом собираются ханы на охоту, там же происходит сговор завистливого Темирхана с Куртлукая о похищении яйца из гнезда, под деревом происходит зло и там же Куртлукая получает суровый приговор за воровство: изгнание на Карадаг. «*Къуш сельби терекдай бир терекнинъ тёпесине ува япып, онда къозлай экен. Къуртлукъая бей узун аркъандан мердивен ясап, кене де терекнинъ тёпесине чыкъа*» (досл.: Птица построила своё гнездо на верхушке дерева. Куртлукая бей при помощи верёвочной лестницы полез на дерево и похитил яйцо птицы) [13, с. 4]. «Большинство народов мира верило в существование в центре вселенной мирового дерева, – пишет Н.М Мамедов. – *Основное магическое свойство мирового дерева обосновывалось тем, что оно растёт в центре космоса. Согдасно верованиям, и первые предки человечества (Адам и Ева, Улген и Умай), выросли, делая первые шаги под этим деревом»* [14, с. 213]. В системе поэтического пейзажа дестана «Наркамыш» рядом с деревом особое место занимает камыш. Главным содержанием всех четверостиший является внешняя среда, то есть камыш выступает как фон переживаний героини: *Огълан шу сёзлерни айтып йырлай*: *Нар, Наркъамыш, Наркъамыш, Ярылса да шу къамыш. Шу къамышнынъ ичинде Меним ярем бар эмиш. Къамыш ичинден къыз онъа: Нар, Нар къамыш, Нар къамыш, Ярылмасын шу къамыш Къардашына яр деген Бу дюньяда бар эмиш* (досл.: Джигит поёт: Нар, Наркамыш, Наркамыш, В камышах прячется моя невеста, Откройся, камыш! Девушка поёт из зарослей камыша: Нар, Наркамыш, Наркамыш, Не открывайся, камыш На свете живёт такой человек, который родную сестру называет свой невестой) [12, с. 288]. В дестане «Керем ве Аслыхан» талант сказителей проявляется в создании через флористику особенного эмоционального впечатления, когда и природа, и человек сливаются в страданиях: *«Ярем бою бенъзер фидана, Янар атеш салды джана» (Моя возлюбленная стройна как кипарис, Сердце моё пылает в огне* [12, с. 299]. Таким образом, традиционная для крымскотатарского фольклора символика растений приобретает новую окраску. В крымскотатарских эпических сказаниях популярны сюжеты с участием птиц: картал (орёл), шаин (сокол), карылгач (ласточка), бульбуль (соловей), кыргый (ястреб-перепелятник), бозторгай (серый воробей), кузгун (ворон). Обратимся к материалу дестана «Керем ве Аслыхан». «Падиша огълунынъ авджы ***къыргъыйы*** бир къуш артындан къувып, буюк бир багъча ичине кирип кете» (досл.: Ястреб сына падишаха, охотясь за птицей, залетел в большой сад) [12, с. 296]. Появление ястреба, воплощающего злые силы и покровительствующего раздору глубоко символично. Под её крыльями происходит диалог двух людей, которые не могут найти общий язык: ***Къыз****: «Бабам мени къафесте туткъандай тута, ич бир ерге чыкъармай. Ялварам санъа, эгер мени севсенъ, кель манъа керем эйле (мени аджы)…****Огълан****: Яхшы, мен сенден ич айырылмакъ истемесем де. Шимдилик озь башынъа быракъайым. Амма*

сен де менден не ичюн къачкъанынъны айт. Бельки, энди мени севмейсинъдир?» (досл.: **Девушка:** «Отец держит меня словно в клетке, никуда не пускает. Прошу, если ты меня любишь, пожалей меня». **Джигит:** «Хорошо, даже если я не хочу разлучаться с тобой, я тебя оставлю. Но почему ты меня избегаешь?») [12 с. 296]. Напомним, что в контексте древнетюркских традиционных представлений ястреб – это образ надвигающейся тревоги, мрачного предчувствия. Сама эта сцена происходит под сенью крыльев хищной птицы. Образ этой птицы можно понимать как воплощение неких враждебных сил. Возможно, народ вкладывал и такой смысл в этот образ, но дестан читается несколько сложнее. Обратим внимание на то, когда появляется образ ястреба. Появляется он после решения кешиша-папаза запретить дочери встречаться с сыном падишаха: *«Меним диним христиан дини, огълан исе мусульман динине. Къызымны гъайры динлиге бермек, динимизге, шериатъкъа уймай – гунадыр* (досл.: Я – христианин, а сын падишаха – мусульманин. Отдать дочь за иноверца – значит совершить грех) [19, с. 295]. Следы почтительного отношения к «акъкъу» (лебедь) сохранились в дестане «Эдиге бий». Хан Тахтамыш, убегая от преследований Нураддина, прячется в камышах. Лебеди, встрвоженные Тахтамышем, взлетают вверх. Тахтамыш, совершая большой грех, проклинает лебедей: «*Акъкъу къушлар, къаз къушлар, Сизни сунгъур, боз къушлар Эдигенинъ улы Нураддин – Алла бермесин мурадын Мени юрттан айыргъач Сизни де гольден айырсын! Къанатынъыз тоздырып Башынъызны къайырсын!»* (досл.: Лебеди-птицы, серые птицы Сын Эдиге Нураддин – Пусть Аллах не исполнит его желаний, Как он меня разлучил от Родины, Так пусть и вас разлучит от озера, Сломает вам крылья, Свернёт головы!) [13, с. 47]. По сведениям информаторов, в глубокой древности лебедь был тотемом некоторых тюркских народов [15; 16]. Причинять зло, разорять гнёзда, беспокоить, проклинать и тем более убивать лебедя запрещалось. Запретными для убийства были также ласточка (къарылгъач), голубь (гогерджин), соловей (бульбуль), журавль (турна), филин (байкъуш) [17]. В дестане «Керем ве Асылхан», упомянутый в содержании старинной песни бульбуль (соловей) является символом благородства, щедрости, трудолюбия: *«Гуль далында* ***бульбуль*** *япар ювалар. Этрафнынъ дюльберлерин йыгъсалар, Булмазлар онынъ мислин не чаре»* (досл.: *На веточке розы соловей строит своё гнездо. Хоть и соберут всех красавиц округи, Подобным соловью не будет никого, что делать*…) [12, с. 297]. Таким образом, сходство мотивов крымскотатарского, казахского, узбекского, киргизского народов свидетельствует о том, что корни заимствования лежат в глубине веков – они тесно связаны с историческим и культурным развитием народов. Эпические сказания – дестаны выполняли несколько функций: художественную, эстетическую, нравственную и дидактическую. В их основе лежат народные воззрения на исторические события, исторические личности. В них как бы заключался своеобразный кодекс правил поведения, жизни.

Seferova Fera Asanovna

Comparative-typological study of epic tales (destan) of Turkic-speaking peoples

Abstract. *The similarity of the motifs of epic tales – dastan (destan) of the Crimean Tatar, Kazakh, Uzbek, Kirghiz peoples testifies to the fact that the roots of borrowing lie in the depths of centuries – they are closely related to the historical and cultural development of peoples. Describing the poetics of the destanies, we note such qualities as the wide range of phenomena of high, sacred, and real phenomena, a close connection with ritual, and allegorical imagery.*

Keywords: *allegory, sacredness, archaism, figurativeness, ceremonialism.*

Литература:

1. Абдуллатипов А.-К. «Дагир и Зухра» на кумыкском языке / А.-К. Абдуллатипов // Дослукъ. – 1978. – № 4. – С. 75–77.

2. Алиев С. Откуда к нам пришёл «Лейла и Меджнун» / С. Алиев // Дослукъ. – 1972. – № 3. – С. 76.

3. Ахметов Ф. Дастан в татарском фольклоре и его связи с общетюркским эпосом / Ф. Ахметов // Тюркоязычные литературы: история и современный процесс. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции. – Алма-Ата, 1976. – С. 87–88.

4. Бертельс А. Низами: предисловие к тому «Низами. Пять поэм». – Т. 26. / А. Бертельс / Библиотека всемирной литературы. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1972. – С. 19.

5. Гацак В. Эпический певец и его текст / В. Гацак / Текстологическое изучение эпоса. – М., 1971. – С. 23–27.

6. Джаманакълы К., Усеин А. Къырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи, ишленильген нешир. – Симф.: КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты», 2008. – 384 с.

7. Жирмунский В. Народный героический эпос / В. Жирмунский М.-Л. Изд-во «Просвещение», 1962. – С. 264–269.

8. Жирмунский В., Зарифов Х. Узбекский народный героический эпос / В. Жирмунский, Х. Зарифов. – М.: Изд-во «Просвещение», 1947. – С. 60–120.

9. Изиддинова С. «Половцы. Мифы и реалии» / С. Изидинова. – Севастополь: Севастопольское отделение Координационного центра по возрождению крымскотатарской культуры, 1995. – 121 с.

10. Каррыева А. Поэтический образ героинь туркменского рмантического дестана / А. Каррыева // Известия Академии наук Туркменской ССР. – 1990. – № 6. – С. 5–57.

11. Ауэзов М., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа / М. Ауэзов, Л. Соболев // Литературный критик. – 1939. – № 10–11; 1940. – № 1.

12. Эдемова У. Къырымтатар эфсанелери ве дестанлар / У. Эдемова. – Акъм.: Таврия, 2004. – 340 с.

13. Бекиров Дж. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы: хрестоматия / Дж. Бекиров. – Таш.: Укитувчи, 1991. – 248 с.

14. Мамедов Н. Система образов в творчестве Мамеда Араза: образ дерева / Н. Мамедов // Учёные записки ТНУ им. В.И.Вернадского. – Том 26 (65). – Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – № 1. – С. 213–217.

15. Материалы фольклорной практики 17.07.2011. Информатор Сеит-Асан Ибраимов (1924 г/р. г. Симферополь) Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК КИПУ.

16. Материалы фольклорной практики 15.07.2011. Информатор Исмет Ипекчиев (1924г/р. с. Бешэв Симферопольского р-на) Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК КИПУ.

17. Материалы фольклорной практики 19.07.2009. Информатор Ревиде Эреджепова (1918 г/р. с. Корбекуль, Алушта). Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК КИПУ.

18. Мирбадлаев А. Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра / А. Мирбадлаев / Туркменский романтический эпос. – Ашхабад, 1971. – С. 127–135.

19. Музаффаров Р. «Об изучении фольклора крымских татар» / Р. Музаффаров // Советская тюркология. – 1970. – № 6 – С. 111–115.

20. Нагаев С. Йылнамелердеки излер: къырымтатар эдебияты акъкъында этюдлар / С. Нагаев. – Таш.: Гъфур Гъулам адына нешрияты, 1991. – 300 с.

21. Радлов В. Предисловие к Ү тому «Образцы народной литературы северных тюркских племён» / В. Радлов / «Манас» героический эпос киргизского народа. – Фрунзе, 1968. – С. 32–41.

22. Тынчеров Р. Татар халкъ масаллары / Р. Тынчеров, Ю. Болат, К. Джаманакълы. – Таш., Девлет нефис нешрияты, 1959. – 262 с.

23. Джураев Я., Джалалова Г. Узбекские народные сказки / Я. Джураев; Г. Джалалова. – Таш.: Шарк, 2007. – 320 с.

24. Чимпоеш Л. Образ народного героя в гагаузских дестанах / Л. Чимпоеш // Литература. Фольклор: проблемы поэтики. – 2009. – Вып. 33. – С. 63–69.

25. Якубова С. Сюжет «Арзу и Гамбар» у тюркоязычных народов / С. Якубова // Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции – Таш.: ФАН, 1984. – С. 324–327.

УДК 801.81-343.512.19

Kasumov İlgar Alikulu[1]
E_mail: ilgar_gasymov@mail.ru

“Koroğlu” eposınıñ genezisi

Añlatma. *“Koroğlu”nıñ türk halqları tarafından meydanğa ketirilgeni ilmiy dairelerde artıq çoqtan bellidir. Amma bir sıra tetqiqatçılarnıñ eserniñ peyda olmasınen bağlı çeşit mulâazaları mevzu etrafında ilmiy iddialarnıñ kenişlenmesine yol aça. Aynı zamanda türk halqlarınen genetik soyluğı olmağan diger qavimlerniñ ziyalı tabaqalarınıñ esassız baqışları, olarnıñ “Koroğlu”nı özümsimesi alları da eposnıñ genezisiniñ muayenleşmesinde tamırsız mübahaseler doğura. Bu maqalede bir sıra körümli folklorşınaslarnıñ araştırmaları müşahede etile ve epik nümüneniñ genezisinen bağlı qaynaqsız uydurmalarğa munasebet bildirile. “Koroğlu” eposınıñ genezisiniñ belgilenmesinde eserniñ belli olğan eñ qadimiy qolyazmalarınıñ emiyetli derecede rol oynağanı talil etile. Çalışmada epik nümünege has olğan “Koroğlu”, “Qırat” ve “Çamlıbel” kibi baş sözlerniñ daqiq manalarınıñ etimologik añlamları eposnıñ genezisiniñ tayinlenmesinde önemli menba olması haqqında fikir yürsetile.*

Anahtar sözler*. Koroğlu, genezis, epos, folklor, variant, türk, menba.*

Ulu keçmişi olğan türk halqları zengin ağız edebiyatına malikler. Sözsüz ki, namlı batırlarnıñ renkarenk cenkâverlik sanalarınen tarihleşken misilsiz eposlar umumtürk folklor medeniyetiniñ nadir incileri sayılalar. Çünki şifaiy halq edebiyatınıñ bu beñzersiz nümüneleri türk halqlarınıñ şanlı tarihinen bivasta bağlıdırlar. Cihan tarihinde öz mevcutlığınıñ barlığını küreş meydanında tasdıqlamağan birde-bir halqnıñ böyle ölmez eserlerge saip olması istisnadır. Eski zamanlarnı tamırsız uydurmalarnen yaraştırmaq, onı nisbeten yañılaştırmaq allarına tarihte rastkeline. Lâkin menşesiz yañıdan bir eposnı meydanğa ketirmek, ya da başqalarınıñ mifologik tefekkürini öz adına yazmaq mümkün degil. Çünki eposnı tarihiy şarait ve zaman meydanğa ketire. Onıñ icatkârı ve iştirakçisi, em de yaşadıcısı halqtır. Şuña köre de aqiqiy keçmişi aks olunmağan mifologik tefekkür halqnıñ ruhuna uyğunlaşmay ve onıñ hatırasından izsiz silinip kete. “Manas”, “Alpamış”, “Dede Qorqud”, “Koroğlu”, “Edige”, “Çorabatır” ve diger qaramanlıq destanları umumtürk ağız edebiyatınıñ şah eserleridir. Elbette, bu eposlar öz süjet, münderice, ve mifik maiyetlerine köre biri-birinden seçilip hususiy qıymetke malikler. Lâkin itiraf etmek kerek ki, bu epik nümünelerniñ sırasında “Koroğlu” destanı türk ve diger halqlar arasında daha da ziyade nam qazandı. Onlarnen halqlarnıñ ağız edebiyatında mevcut olğan “Koroğlu” eposı darqalmaq mıqyasında qıyaslanmazdır. Bu baqıştan olsun yazılı edebiyat, ya da olsun ağız edebiyatnıñ birde-bir nümünesi “Koroğlu”nen teñeştirilmezdir. Bir taraftan eposnıñ sevimli olması quvançlı aldır. Diger taraftan ise asırlarnıñ devamında türk halqlarınen iç bir genetik bağı olmağan qavimlerniñ ziyalı tabaqalarınıñ mantıqsız şekilde “Koroğlu”nı özümsimesi folklorşınaslıqta uyğunsız ilmiy davalar doğura.

Yüzyıllıqlardan berli aqiqiy manada tillerde destan olğan “Koroğlu” demek mümkün ki, türk halqlarınıñ soñuncı ve eñ müteşem qaramanlıq eposıdır. Ondan soñ meydanğa kelgen qaramanlıq destanları doğrudan-doğru tarihiy şahıslarnen bağlıdır. Türk mifik tefekküriniñ inkişaf basamaqlarını müşahede etkende “Koroğlu” eposınıñ “Manas”, “Alpamış”, “Dede Qorqud”, “Çorabatır”, “Edige” ve digerlerinden soñ peyda oluvı sezilip tura. Lâkin buña baqmadan şu epik nümüneler poetik bağnen bir-birine bağlılar. Meselâ, “Koroğlu”nen “Kitabi-Dede Qorqud” arasında üzülmez semantik-struktur alâqa bar, şu bağnı itiraf etmeden Azerbaycan “Koroğlu”sınıñ

[1] ***Касумов Ильгар Аликулу,*** науч. сотрудник отдела крымскотатарской литературы и фольклористики НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

tek genezisini degil de, iç tipologiyasını da belgilemek mümkün degil – “Kitabi-Dede Qorqud”dan “Koroğlu”ğa qadar türk-oğuz ozanı Azerbaycan aşığına transformatsiya olunğan [1, s. 7].

İtiraf etmek kerek ki, “Koroğlu”nıñ sımasında asırlardan berli daimiy surette ösüvde olğan türk mifik tefekküri öz aliy maqsatlarına irişti ve epik tüşünceniñ şanlı yüksekliklerini fetih etti. Bu meşur nümünede batırlıq çizgileriniñ evelkilerine nisbeten yañı şekilde ve daa da tolğun manada ifadelenüvi tasavurlarnı beñzersiz obrazlarnen zenginleştirdi. Mifik tefekkürde peyda olğan yañı obrazlar halqlarnıñ hatırasına ebediy siñdi. “Koroğlu”da tasvir etilgen obrazlar öz ayatiliginen diger eposlardaki qaramanlardan yeterli derecede farqlandılar. Olar real ayatta ömür etken adiy halq toplumına daa yaqın ediler. Şu epik nümünede sanki halq öz aksini taptı. Epos qaramanınıñ dünyanıñ tertibine nizam ketirmek istegi, adaletsizlikke qarşı maqsatlı küreşi ve onıñ misilsiz batırlığı halq tarafından rağbetlendi. Sanki halq Koroğlunıñ sımasında öz qorçalayıcısını buldu. Qısqa vaqıt içinde Koroğlu obrazı asıl bir halq qaramanı kibi biñlernen insanlarnıñ qalbinde özüne qaviy yer aldı ve afızalarda çoqtan berli arzulanğan saf idealğa çevrildi. Zanımızca, mına şu esaslı sebeplerden de “Koroğlu” destanı keniş bir arealda darqalmağa muvafaq oldu.

Bir çoq körümli folklorşınaslarnıñ fikrince onlarnen variantlarğa malik olğan “Koroğlu” eposı münderice ve süjet farqlarına köre esasen Ğarp (Azerbaycan, türk, qırımtatar, gürci, lezgi, arap, kurd, ermeni vei.) ve Şarq (türkmen, özbek, qazaq, qırğız, tatar, tacik vei.) variantlarından ibarettir. Eposnıñ Ğarp variantlarınıñ mündericesi real ayatqa, tarihiy adiselerge daa uyğun olıp, metinleri ise nasır ve nazmnen yazığa alındı. Efsaneviy obrazlar ve mifik süjetlernen zenginleşken Şarq variantlarınıñ metni ise esasen nazmnen yazığa köçürildi. Epik nümüneniñ dünya üzü körgen variantları sırasında Azerbaycan “Koroğlu”sı eposnıñ genezisiniñ tayinlenmesinde hususiy qıymetke ve soñ derece tarihiy emiyetke maliktir. Belli folklorşınaslarnıñ bir sıra araştırmalarında eserniñ diger versiyalarınıñ Azerbaycan “Koroğlu”sından ğıdalanğanı qayd oluna. Olarnıñ fikrince eposnıñ süjeti ve esas obrazları bu variant vastasınen Ğarptan Şarqqa doğru darqaldı.

Azerbaycan folklorşınaslarınıñ ekseriyeti öz araştırmalarında “Koroğlu”nıñ Azerbaycan halqınıñ mifik tefekküriniñ mahsulı olması iddiasını ilmiy ve tarihiy delillernen isbatlaylar. Olardan bazı birilerniñ çalışmaları diqqatımızını daa da ziyade özüne celp etti. Akademik N. Ceferov bu yönelişteki tetqiqatlarında baqışlarını böyle tasvirley: “Koroğlu” destanı, umumen, çeşit türk (ve türk olmağan) halqları arasında belli derecede darqalsa da, mükemmel epik yaratıcılıq aktı olmaq itibarinen tarihen Azerbaycan halqına, Azerbaycan türklerine mensüptir. Azerbaycan “Koroğlu”sı mensüp olğan halqnıñ şifaiy edebiyatınıñ intıbahı devrinde büyük milliy-içtimaiy tefekkür energiyasınıñ mahsulı kibi peyda olıp, şu halqnıñ bir qaç asırlıq tarihiy merağını, sotsial-siyasiy, ideologik, em de maneviy-estetik dünyabaqışlarını, mentalitetini, milliy itiraslarını aks ettirgendir” [1, s. 7].

Epik nümüneniñ keniş mıqyasta tanılmasına toqunğan ve onıñ genetik kodunıñ taliline tırışqan koroğluşınas İ.Sadıq öz tetqiqatlarında yaza: “Eposnıñ böyle keniş darqalmasına ve Koroğlunıñ Balqanlardan ta Çinge qadar dünyanıñ er yerinde belli olmasına, esasen eserniñ ideya tolğunlığı, bediiy seciyeniñ kâmilligi ve yüksekligi, andaki şiirlerniñ poetik küçü, olarnıñ asıl istidatnıñ mahsulı olması, aynı zamanda qaramanlarnıñ qanına-iligine siñgen türk millliy harakteriniñ bütün inceliklerine qadar tasvirlenmesi sebep olğan” [2, s. 99]. Alim tetqiqatında qayd ete ki, Koroğlu obrazında türk harakteriniñ bütün çizgileri aydın şekilde cemleşkenine köre er bir türk halqınıñ öz Koroğlusını meydanğa ketirmege maneviy aqqı olğan ve bu sebepten de “Koroğlu”nıñ türk, türkmen, özbek, qazaq, qırğız, tatar, qırımtatar vei. variantlarına tabiiy baqmaq kerek [2, s. 99]. Lâkin bularnen bir sırada tetqiqatçınıñ fikrince, eposnıñ ayrı mustaqil variant ve versiyalarınıñ peyda oluvında Azerbaycan halqınıñ “Koroğlu”sı bütün türk halqlarınıñ ortaq ve bölünmez maneviy servetine çevrildi. Başqa koroğluşınaslar kibi İ.Sadıq da öz araştırmalarında eposnıñ diger mustaqil versiya ve variantlarına faqat Azerbaycan “Koroğlu”sınıñ degerli menba olması ğayesine salmaqlı delillernen qoltuta [2, s. 99].

Bazı folklorşınaslar tetqiqatlarında “Koroğlu”nı münderice ve süjet farqlarına köre Azerbaycan, Türkmen, Küçük Asiya qısımlarına böleler. Destannen bağlı mahsus araştırmanıñ müellifi olğan

türk folklorşınası P.N.Boratav şu bölgüge uyğun kelgen “Koroğlu”ları tetqiq etip böyle bir qanaatqa kelgen ki, bütün bu versiya ve variantlarnıñ esasını – tamırını Azerbaycan eposı teşkil ete [3, s. 16]. Folklorşınas M.H. Tehmasibniñ baqışlarına köre eposnıñ Qafqaz versiyası (gürci, ermeni, kurd, lezgi, avar) Azerbaycan variantı, türkmen, qazaq, tacik, arap (Orta Asiya arapları) variantları ise özbek “Koroğlu”sı etrafında merkezleşken [3, s. 16]. Bu yönelişte alıp barılğan araştırmalarnıñ sırasında V.M. Jirmunskiy ve H.T. Zarifovnıñ da bilgileri diqqatqa lâyıqtır: “Koroğlu” nıñ Azerbaycan versiyasına bivasta bütün Yaqın Şarq, Zaqafqaziya – türk, gürci, ermeni vei. variantları aittir. Bütün bular destannıñ esas maiyetni, başlıca epizodlarını – öz yigitligini terennüm etken qaramannıñ “hayırhah cenkâver” ve halq ikmeti, yeñilmez küreşçi ve nağmekâr kibi keyfiyetlerini özünde saqlap qalğan” [4, s. 183].

XIX asırnıñ ortalarında rus, em de Avropa araştırıcılarınıñ “Koroğlu”ğa merağı epik nümüneniñ ilmiy surette ögrenilmesinde ve onıñ genezisiniñ tayinlenmesinde önemli rol oynadı. Koroğluşınas İ.Abbaslı tetqiqatlarında köstere ki, rus şarqşınası İ.Şopen destannıñ bir variantını Cenübiy Azerbaycanda Araz özeniniñ yalıboyunda Ömer adlı bir türk aşığınıñ ağzından yazıp alğan ve onı rus tiline tercime etken. Añılğan variantta İ.Şopen destannıñ qaramanınıñ menşesini doğrudan-doğru türk aleminen bağlay. Onıñ baqışları eposnıñ genezisiniñ ögrenilmesi nazar noqtasından hususiy degerge malik olğan bir teşebbüs kibi qıymetlendirilmelidir [3, s. 5].

Sözsüz ki, mezkür saada alınıp barılğan araştırmalarnıñ ög sırasında poloniyalı şarqşınas Aleksandr Hodzkonıñ teşebbüsi taqdirge lâyıqtır. Tercimannıñ ilmiy çalışmaları umumtürk ağız edebiyatına, hususen, Azerbaycan folklor medeniyetine misilsiz tarihiy bahşıştır. Halq eposınen bağlı araştırmalarda defalarca hatırlanğanı kibi, XIX yüzyıllıqnıñ otuzıncı senelerinden itibaren İrandaki Rusiye Missionerler Cemiyetinde terciman, soñ ise Reşt ve Gilanda Rusiyeniñ sefiri vazifesinde çalışqan belli poloniyalı şarqşınas, şair ve terciman A. Hodzko Cenübiy Azerbaycandan Avropağa alıp barğan “Koroğlu” destanınıñ qolyazmasını ingiliz tiline tercime yapıp Londonda bastırmağınen (1842) eserniñ neşri tarihinde silinmez iz qaldırdı [5, s. 4]. A.Hodzko tarafından tertip etilgen “Koroğlu”nıñ Paris nushası (toplayıcısı Mahmud Dünbüli Dircuy, söyleyicisi Aşıq Sadıq, yazıp alğan Mirze Abdülvahab) destanda tasvirlengen adiselerniñ mantıqıy ardıcılığınen ifadelengen, manalı süjet, zengin epizodlarnen yetkinleşken, on üç meclisten ibaret olğan mükemmel epik nümünedir. 1834-nci senesi nasır qısmı farsca, nazmı ise Azerbaycan türkcesinde kâğıtqa köçürilgen eposnıñ Paris nushası “Koroğlu”nıñ yazığa alınğan eñ qadimiy variantı sayıla. Şunı da mahsus qayd etmek kerek ki, tercimanğa añlayışlı olması içün eposnıñ metninde Azerbaycan türkcesinde yazılğan şiirlerniñ yanında olarnıñ farsca satrı tercimesi berilgen. A.Hodzko eposnıñ ingiliz tilindeki neşrine yazğan kiriş sözünde itiraf ete ki, esasen Şimaliy İran (Cenübiy Azerbaycan – İ.K.) ve Xazar etrafı topraqlarda peyda olıp, darqalğan bu poetik söz sanatınıñ abidesi şu bölgeniñ sakinlerine mahsustır [5, s. 6].

Söz kelimi, Parisniñ Milliy Kitaphanesinde ve Tbilisiniñ G.Kekelidze adına Qolyazmalar İnsititutında saqlanıp qalğan “Koroğlu” destanları eposnıñ eñ qadimiy qolyazma nushalarıdır. Olar er şeyden evel ebediyleştirilgen folklor nümüneleridir. Eposnıñ esas qaynağını, tamırını teşkil etken bu nushalar, olarnıñ zengin süjet ve epizodları, obrazlar silsilesi, başlıca ideya ve münderice boyaları destannıñ soñki variantlarında belli bir derecede öz aksini taptı [3, s. 12]. Şunı da mahsus qayd etmek kerek ki, meşur destannıñ genezisiniñ belgilenmesinde ve onıñ metnindeki bir sıra anahtar sözlerniñ etimologik talilinde bu variantlar salmaqlı delillernen zengin olğan beñzersiz menbadırlar. Destannıñ Cenübiy Azerbaycan variantınıñ Azerbaycan türkleriniñ epik tefekküriniñ mahsulı olması ğayesinen razılaşqan belli folklorşınas P.N.Boratav öz tetqiqatlarında “Koroğlu” eposınıñ Paris nushasını “Azeri rivayeti” serlevhasınen taqdim etti. B.Karrıyev ise araştırmalarında onıñ diger variantlarğa nisbeten daa da qadimiy, tolğun manalı ve itibarlı menba olğanını yazdı [5, s. 9]. A. Hodzkonıñ London neşri cazibe küçüne malik olğan mücizeli “Koroğlu” eposınıñ alman, fransız ve rus tillerine tercimesine keniş imkânlar açtı. Destannıñ bu neşri S.S. Penn tarafından ingilizceden rusçağa tercime olunğan soñ Rusiyeniñ “Северная пчела”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Сын Отечество”, “Отечественные записки”, “Современник” kibi belli mecmualarında epik nümünenen bağlı bir sıra degerli tüşünceler derc etildi [5, s. 9].

“Koroğlu” eposınıñ eñ qadimiy qolyazmalarından biri de Tiflis nushası sayıla. Tahminen XIX asırnıñ birinci yarısında yazığa alınğan bu nusha münderice ve kölem itibarınen eposnıñ daa da keniş süjetini tasvirlegen. Qolyazmanıñ ilkin tetqiqatçılarından biri olğan gürci folklorşınası L.G. Çlaidze ilmiy araştırmalarında Tiflis nushasınıñ “Koroğlu”nıñ belli olğan Azerbaycan versiyasınıñ mündericesini demek olar ki, tamam qavrap alğanını qayd etken [3, s. 14]. Mezkür qolyazmanen bağlı bilgilerniñ arasında H.N.Koroğlunıñ baqışları büyük meraq doğura. O, Tiflis nushasınen bağlı mahsus alıp barğan çalışmalarında ayrı-ayrılıqta eposnıñ 28 meclisiniñ qısqa mündericesini taqdim etken, olarnı halq romanınıñ teşekkül tapqan devirniñ tarihiy adiseleri fonunda közetken. Qolyazmanı terenden talil etken alimniñ añlatmalarında bildirile ki, bu nusha til, em de üslübına köre eposnıñ Azerbaycan versiyasına aittir ve bugüne kibi digerlerine nisbeten onıñ daa çoq tolu variantı sayılmaqtatır [3, s. 14]. “Koroğlu”nıñ Paris nushasınıñ süjeti ve epizodları Tiflis qolyazmasında da öz aksini tapqan. Teñeştirüvli araştırma eposnıñ Paris nushasında rastkelgen obrazlar silsilesiniñ Tiflis nushasında da saqlap qalğanını isbatlay. Er eki nushada rastalanğan anahtar sözlerniñ – Koroğlunıñ, Çamlıbelniñ ve Qıratnıñ aynı bir şekilde qullanılması bu añlamlarnıñ etimologik manalarınıñ izalanmasında, em de eposnıñ genezisiniñ ögrenilmesinde önemli ilmiy menbadır.

Azırda “Koroğlu” eposınıñ eki qırımtatar variantı bellidir. Olardan biri keçken asırnıñ birinci yarısında şair O. Amit tarafından “Edebiyat ve kultura” jurnalında basıldı [6, s. 5]. Destannıñ daa mükemmel ekinci versiyasını ise Y. Zeki 1935-nci senesi İ. Çobanovdan yazıp alğan. Er eki variantnıñ süjetleriniñ, bir sıra epizodlarınıñ ve esas obrazlar silsilesiniñ “Koroğlu”nıñ Paris, em de Tiflis nushalarından qaynaqlanğanı sezilip tura. Lâkin evelceden qayd etmek kerek ki, eserniñ qırımtatar versiyaları bir manada olaraq iç te Azerbaycan variantlarınıñ doğrudan-doğru, ya da belli bir derecede deñiştirilmelerge oğratılğan tercimesi degil. Eposnıñ süjet ve motivleriniñ Azerbaycan “Koroğlu”sına pek yaqınlığına baqmadan olarnıñ er ekisi mustaqil variant sayılalar.

Destannıñ qırımtatar variantlarınıñ belli olğan Azerbaycan versiyalarından menbalanğanı fikrini tetqiqatçı N.S.Seytâğyayev de öz araştırmalarında destekley. O, eposnıñ Qırımda peyda olması meselesini aşağıdaki şekilde açıqlay: “Umumen, destannıñ Qırımğa kelgen yolu – mürekkep ve az ögrenilgen bir meseledir. Folklorımızda qaramaniy ve içtimaiy-turmuş destanlarınıñ bir vaqıtta teraqqiyat etkenlerini köz ögüne alsaq, “Kor oğlu” destanınıñ bizge Anadoludan ya da Azerbaycandan o yerlerde yaratılğan içtimaiy-turmuş destanlarınen bir vaqıtta kelgenini tahmin ete bilemiz... Bugün bizde saqlanğan “Kor oğlu”nıñ metniniñ asıl Azerbaycan ve Anadolu versiyalarından az farq etkeni XVII–XVIII asırlarda Qırımda şu destannıñ alınıp menimselgen, qırımtatar tarihına, menligine ve Qırım vaziyetine keliştirip deñiştirilgen milliy versiyaları degil de, asıl Azerbaycan ve Anadolu versiyalarınıñ variantları icra etilgenini tasdıqlay... Azerbaycan variantları Qırımğa em bivasta Anadoludan, em de Qafqazdan (meselâ, Dağıstandaki Derbend ve Gürcistandaki Batum yolunen) kelmek mümkün ediler” [7, s. 32–34].

Söz kelimi, şunı da hatırlatmaq kerek ki, Y. Zekiniñ destannıñ söyleyicisinen bağlı bigileri de N.S. Seytâğyayevniñ baqışlarınen aynı bir ruhta sesleşe: “İ. Çobanov “Koroğlu” destanını D. Papudan ögrengen. D. Papu 30 yıl Terek özeniniñ etrafında çobanlıq yapqan, soñ evge qaytqan ve 50 yaşında evlengen. D. Papu dağıstanlılar, rumlar ve şair tatarlarnen yaqından dostluq etken” [7, s. 182]. “Koroğlu” eposınıñ qırımtatar versiyalarını közetkende Y. Zeki tarafından yazığa alınıp ve azırda Bakuda AMİAnıñ M. Fizuliy adına Qolyazmalar İnstitutınıñ arhivinde saqlanıp qalğan qolyazma [7, s. 9] öz originallığınen diqqatnı celp ete. Fikrimizce, 9 qoldan ibaret olıp bir umumiy destan şekilinde yazığa köçürilgen bu versiya “Koroğlu”nıñ eñ nadir variantlarından biridir. Eserni “Koroğlu”nıñ diger mustaqil variantlarından farqlandırğan ceetlerden biri onıñ aqiqiy söyleyicisinen bağlıdır. Eposnıñ yazığa alınğan mustaqil versiylarınıñ söyleyicileriniñ ekseriyeti söz ustaları ve kedaylardır. Y. Zeki tarafından yazıp alınğan metinniñ söyleyicisiniñ itirafına köre o, destannı D. Papudan ögrengen. D. Papu ise ne şair, ne de kedaydır, adiy bir çobandır. Bu önemli deliller eposnıñ keniş kütle arasında darqalğanını, Koroğlunıñ yırlarınıñ sözniñ asıl manasında halqlarnıñ tillerinde destan olmasına delâlet ete.

“Koroğlu” eposınıñ gürci ve ermeni tillerine tercimesi tahminen XIX asırnıñ ortalarına rastlana. Daa doğrusı, gürci ve ermeni tercimanları da ilk tecribelerinde “Koroğlu”nıñ farscağa tercimesi usulından (“Koroğlu”nıñ Paris nushası kibi – İ.K.) semereli faydalandılar. Gürci ve ermeni tillerine tercime yapılıp neşir olunğan eposnıñ ilk variantlarınıñ nasır qısmı olarnıñ öz ana tillerinde, şiirleri ise Azerbaycan türkcesinde ifadelendi. Aynı zamanda S.S.Penn tarafından destannıñ rus tilindeki neşri keniş mıqyasta darqalğan eserniñ gürci ve ermeni tillerine tercime olunmasına kerekli seviyede tesir etti. Eposnıñ S. Penniñ neşrinden bir müddet keçken soñ şu kitaptan alınğan gürci tilinde ilk serbest tercimeniñ meydanğa kelmesi iç de tesadüf degil. Aynı zamanda kene de şu neşirniñ I, II, III meclisleri S. Dieli tarafından gürci tilinde mühtelif yıllarda neşir olundı [3, s. 7]. Epik nümüne gürci folklorşınası ve tercimanı D. Givişviliniñ de diqqatını celp etken. Terciman bayağı yıllar devamında destannen yaqından tanış olğan ve “Koroğlu”nıñ çeşit meclislerinden ibaret gürci tilinde bir qaç kitap azırlağan. Müellif Azerbaycan “Koroğlu”sından faydalanğanını araştırmalarında itiraf etken. “Koroğlu” eposınıñ nasır qısmını gürci tilinde nazmğa çevirip, destandaki şiirlerniñ şeklini deñiştirmeden D. Givişvili ayrı-ayrılıqta (1887, 1897, 1911, 1912) dört kitap neşir ettirgen. Şu kitaplarnıñ titul saifelerindeki “tatarcadan (azerbaycancadan) tercime olunıp şiirge çevrilip” – qaydları isbatlay ki, D. Givişvili neşriniñ esasını Azerbaycan “Koroğlu”sı teşkil etken. Terciman destannı neşirge azırlağan zaman Aşıq Zülali, Aşıq Camali ve Y.Stepanovdan toplağan meclislerden de yararlanğanını çalışmasında qayd etken [3, s. 7]. Belli akademik N.Y.Marr da “Koroğlu” eposınıñ gürci tiline tercime olunmasında faallik kösterdi. Alimniñ Qafqaz halqlarınıñ, hususen, Azerbaycan ve gürci ağız edebiyatınen yaqından tanışlığı onıñ eserlerinde aksini taptı. O, “Рассказ Кер-оглы” serlevasınen toplağan nümüneni (1904) ermeni ve gürci filologiyasına ait tetqiqatlarında derc ettirdi. Bu qol-rivayetniñ nasır qısmınıñ gürci tilinde, şiirleriniñ ise gürci ve kiril elifbesinde Azerbaycan türkcesinde taqdim etilmesi bir daa tasdıqlay ki, Zaqafqaziyanıñ diger qomşu halqlarındaki kibi Gürcistandaki “Koroğlu” destanı da esasen Azerbaycan saz ustalarınıñ icadiy mahsulı olğan [3, c. 8].

XIX asırnıñ ortalarından başlap gürci tercimanları kibi ermeni ziyalıları da “Koroğlu” eposınıñ öz ana tillerine tercime olunmasına büyük seynen kiriştiler. Olar asırlarnıñ devamında meydanğa kelgen, millionlarnen türkniñ qanına-iligine siñgen destannı qısqa bir zamanda özümsimege tırıştılar. Bu baqıştan ermeni aşıqları ve tercimanları “Koroğlu”nı olğanı kibi degil de, metinlerni deñiştirip özlerine uyğun kelişken tarzda tercimesine mahsus diqqat ayırdılar: “Ermeni ziyalıları bu silsileden sayılğan bir qaç meclis ve rivayetlerni ayrıca kitapçalar şeklinde neşir ettirdiler. Elbette, bu anane öz tarihiy tamırlarına maliktir. Alâ 1872 senesinde eposnıñ bir qısmı ermeni elifbesinen Azerbaycan türkcesinde neşir olundı” [3, s. 8].

Şu devirde ermeni halqı arasında tek “Koroğlu” degil de, atta Azerbaycan folklor medeniyetiniñ nadir incilerinden olğan “Esli ve Kerem”, “Şah İsmayıl”, “Aşıq Qerib” kibi lirik destanlar da keniş surette darqalğan edi. Ermeni aşıqları öz meclislerinde, toy-düğünlerde añılğan eserlerni Azerbaycan türkcesinde yırlağanlar. Prof. G.Antonyan araştırmalarında bunı aşağıdaki şekilde itiraf etken: “Kerem ve Esli”, “Şah İsmayıl”, “Aşıq Qerib” ve “Koroğlu” kibi halq ikâyelerini ermeni aşıqları esasen Azerbaycan tilinde yırlaylar” [2, s. 107]. Aynı zamanda bir sıra ermeni ziyalıları Azerbaycan “Koroğlu”sından yararlanıp öz tillerinde uydurma rivayetler, ikâyeler meydanğa ketirdiler. Ekser allarda ise olar Azerbaycan eposınıñ metinlerini özlerine keregi kibi ana tillerine tercime yapıp, oquyıcılarğa ermeni halqınıñ epik tefekküriniñ mahsulı kibi taqdim etkenler. Meselâ, G.Ağayan “Koroğlu”nıñ süjetleri esasında üç ikâye yazğan. Tetqiqatçı İ. Sadıg bu yönelişteki araştırmalarında Y.Ramazanovnıñ çalışmalarına istinaten bildire ki, bu ikâyelerden ekisi Azerbaycan eposından doğrudan-doğru tercime yapılğan, yalıñız üçüncisiniñ üzerinde qısmen yaratıcılıq işi alınıp barılğan [2, s. 108].

Umumen alğanda qayd etmek kerek ki, şu devirde “Koroğlu” başqa halqlar kibi ermeniler arasında da büyük nam qazanğan. Epos qaramanınıñ şanlı batırlığı bütün Qafqazlarda ve onıñ sınırlarından çoq-çoq uzaqlarda adiy adamlardan, söz ustalarına qadar bir çoqlarınıñ diqqatını özüne celp etken. Elbette, Koroğlunıñ cenkâverliginiñ rağbetnen qarşılanıp tillerde destan olmasına tabiiy baqamız. Lâkin aynı zamanda destannıñ bir sıra ermeni ziyalıları tarafından añlı tarzda

özümsimesini mantıqsız ve ilmiy esassız sayamız. Bu saadaki tetqiqatlar olarnıñ uydurmalarınıñ temelsizligini delillernen isbatlay. XIX asırnıñ ekinci yarısında "Koroğlu" ermeni yazıcılarından ekseriyetini meraqlandırğan. Olar eposınıñ mevzu ve süjetinden yararlanıp bir çoq eserler yazsalar da, bularnıñ iç birisini mustaqil yaratıcılıq mahsulı esap etmek olmaz. Çünki olar özlerine has olğan menbalardan degil de, yüzyıllarnıñ devamında şekillenip pişkinleşken umumtürk mifik qaynaqlarından qullandılar. H. Abovyannıñ, G. Ağayannıñ, B. Broşyannıñ ve başqalarnıñ eserleri buña parlaq misaldir [2, s. 108]. Meseleniñ meraqlı taraflarından biri de ondan ibaret ki, bazı ermeni yazıclıları Azerbaycan folklor nümünelerinden faydalanğanlarını gizlemeden eserlerinde itiraf eteler. Folklorşınas G. Tarverdiyan araştırmalarında asıl aqiqatnı aşkârane beyan ete ki, ermeni aşıqlarınıñ belli bir qısmı tamamınen azerbaycanca şiir söylegenler, qalğanlarınıñ çoqusı ise eserlerini azerbaycanca ve ermenice yırlağanlar [2, s. 109].

Aynı zamanda şunı da hatırlatmaq kerek ki, Azerbaycan tilini mükemmel bilgen ermeni aşıqları ve ziyalıları halq ağız edediyatınıñ nümünelerinen yaqından tanış olmaq imkânlarına mailk ediler. Olar fursattan keregince faydalandılar ve bu saada qolda etken bilgilerini öz menfaatlarına doğrulttılar. G. Antonyannıñ itirafları oylarımızğa ilmiy esastır: "G. Ağayan faqat ermeni folklorını degil de, aynı zamanda Azerbaycan folklorını da mükemmel bilgen, hususen, "Koroğlu" destanınen daa da yaqından tanış edi. Koroğlu obrazına mahsus sevgisi olğan G. Ağayan "Koroğlu"nıñ ikâyelerini halq arasında söylenilgen, em de aşıqlar tarafından yırlanılğan bir sıra türkülerden alğan" [2, s. 110]. Tetqiqatçı Y. Ramazanov da öz çalışmalarında bu fikirniñ doğrulığına qoltutıp beyan ete: "Qaydlardan ve ikâyelerden aşkâr ola ki, G. Ağayan "Koroğlu" eposınıñ ermeni halqı arasında darqalğan ve azerbaycanca icra etilgen variantlarını ermeni tiline tercime yapqan" [2, s. 111].

Körümli koroğluşınas V.Huluflu eserlerinde "Koroğlu"nıñ ermeni versiyasınıñ mevcut olması haberini ciddiy qarşılamağan. Bu meselege muqaytlıqnen yanaşqan alim eposnıñ mükemmel bilicisi kibi 1929-ncı senede neşir ettirgen "Koroğlu" kitabınıñ kiriş sözünde yazğan: "Yañı qolda etken malümatqa köre Koroğlu aqqında ermenice de çoqtan bir kitap yazılğan. Al-azırda bazı ermeni yazıcıları tarafından kollektiv bir surette İran ayatından Koroğlu adında bir pyesa azırlanmaqtatır. Müelliflerniñ fikrince Koroğlu İranlıdır. Er alda bu saat mübahasege kirişecek degilmiz" [2, s. 110]. Lâkin afsus ki, qızıl terror büyük alimge sahtekârlarğa qarşı ilmiy esaslernen küreşmege imkân bermedi. Sert repressiyanıñ qurbanı olğan Azerbaycan ziyalılarınıñ tahqiqatlarınen bağlı arhiv materiallarından belli ola ki, 1937-nci senesi V.Huluflu aps etilgenden soñ ermeni milletinden olğan tahqiqatçılar alimniñ evinden "Koroğlu"nıñ neşirge azır olğan bir nushasını qolda etip Yerevanğa yollağanlar. Ermeni yazıcıları birlikte bu metinniñ üzerinde çalışıp 1941-nci senede onı "Koroğlu"nıñ «ermeni variantı» adınen neşir ettirgenler [2, s. 111]. Mında şubeli bir meselege toqunmaqnı zarurlı sayamız. Zanımızca, eposnıñ ermeni versiyasınıñ kerçekligi tek bizde degil de, atta onı suniy yolnen meydanğa ketirgenlerde de sual doğura. Daa doğrusı, olar sahte icatlarınen bir-birilerini inkâr eteler ve bu neşirniñ ciddiyligi öz maiyetini coya. Aşağıdaki deliller fikrimizge salmaqlı destektir: "1941-nci seneniñ neşrindeki kitapqa kiriş sözü yazğan ermeni alimleri bu variantnıñ Azerbaycan "Koroğlu"sı esasında meydanğa kelgenini qayd etseler de, soñki alimler ise şu versiyanıñ tacik "Koroğlu"sından peyda olğanını söylegenler [2, s. 112].

"Koroğlu"nıñ genezisinen bağlı alınıp barılğan araştırmalarda eposnıñ ermeni variantınıñ halq epik tefekküriniñ degil de, ziyalılarnıñ sahte usulnen uydurmasınıñ mahsulı olması aşkârlana. Tüşüncelerimizni daa da aydın ve daqiq beyan etsek, bu yalancı versiya asılında Azerbaycan eposınıñ ermenicege tercimesidir. Sadece, bir sıra ermeni ziyalıları eposnıñ özümsimesine bar küçlerini sarf etkenler ve eserniñ ermenileşmesi içün bayağı zamanda «ilmiy faaliyette» bulunğanlar: "Koroğlu"nıñ ermeni versiyasınıñ Azerbaycan variantı esasında meydanğa kelgenini isbatlağan sebeplerden eñ mühimi er eki variantta olğan ideya-münderice aynılığıdır. Bu aynılıq, bu birlik yalıñız neşir olunğan variantta degil de, aynı zamanda "Koroğlu"nıñ qolyazması olğan bütün ermeni variantlartına aittir. Şunı da qayd etmek kerek ki, bu variantlarnıñ episinde yırlarnıñ ekseri qısmı Azerbaycan tilindedir" [2, s. 111].

Söz kelimi, mezkür meselenen bağlı tarihiy bir zaruriyetni añmaqnı maqbul sayamız. Fikrimizce, arap, fars, gürci, ermeni, tacik, abhaz ve diger tillerde (türk halqlarından ğayrı)

mevcut olğan meşur destannıñ versiyaları aqiqatta “Koroğlu”nıñ mustaqil variantları degil de, türk halqlarından alınğan tercime özümsimedir. Eposnı öz tillerine tercime yapıp, onı milliyleştirmege tırışqanlarnıñ eñ büyük, em de eñ yañılış adımı şundan ibaret ki, olar “Koroğlu”nı adiy bir eser kibi qabul etkenler. Asılında ise müteşem “Koroğlu” destanı asırlardan berli umumtürk epik tefekküriniñ mürekkep basamaqlarında şekillengen, dünya qurumını adaletli nizamlamağa çağırğan felsefiy epopeyadır ve onıñ apansızdan, ya da tesadüfden boş meydanda peyda olması istisnadır. “Koroğlu” manaslarnıñ, alpamışlarnıñ, dede qorqudlarnıñ, edigelerniñ, çorabatırlarnıñ tasavurlarında yüzyıllarnıñ devamında şekillengen sotsial-siyasiy ve maneviy-estetik baqışlarnıñ eñ yüksek bediiy ifadesidir. Koroğlu bir epos qaramanı kibi ulu türkniñ epik tefekküründe canlanğan ve hayallerde cenkâverlik yılnameleri yazğan beñzersiz batırlıq remzidir.

Hülâse, genetik qanunlar boyunca ermeni, gürci, tacik, kurd vei. qavimleriniñ türk halqlarınen iç bir soyluğı mevcut degil. Olarnıñ türk halqlarınen birlikte umumiy ğaye içün alıp barğan küreşleri de tarihniñ sanasında öz aksini bulmağan. Oña köre de birde-bir ziyalılarnıñ öz qavimleri adından çıqışları ve türk halqlarınen birlikte aynı bir eposqa ortaqlıq yapmaq niyetleri ilmiy esassız, em de tarihen temelsizdir. İşte şu nazar noqtasından V.Y.Proppnıñ baqışları araştırmalarımıznı nurlandırır: “Eki halq aynı bir eposqa yalıñız o vaqıt malik olması mümkün ki, eger tarih bu halqlarnı ortaqlaştırırsa, olar birlikte küreşirler ve tarihiy tırışuvlarını aks ettirgen umumiy eposnı meydanğa ketirirler” [8, s. 51].

Folklorşınaslar birde-bir epik nümüneniñ genezisiniñ belgilenmesinen bağlı araştırmalarında eserde mevcut olğan milliy ruhnıñ, milliy mentalitetniñ ve milliy harakterniñ hususiy çizgilerini, milliy adet-ananelerniñ özüne mahsuslığını, em de eñ başlıcası ise metinlerniñ ana tilinde ifadelengenini ilmiy esas kibi közde tutalar. Sözsüz ki, er bir halqnıñ mifologik teffeküründe peyda olğan epik nümüne onıñ tuvğan tilinde meydanğa kele. Bizce, er bir mükemmel epos onıñ süjetiniñ özegini teşkil etken anahtar sözlerden – eserniñ baş qaramanınıñ adını, baş qaramannıñ mekânınıñ adını ve baş qaramannıñ atınıñ adını ifadelegen añlamlardan ibarettir. Destannıñ poetikası ve metinniñ süjetinde tasvirlengen vaqialar esasen şu anahtar sözlernen bivasta bağlılar. Bu sözlerniñ daqiq etimologik talili eposnıñ genezisiniñ tayinlenmesinde inkâr etilmez delildir ve olarnıñ yardımınen istenilgen eserniñ qaysı halq tarafından meydanğa ketirilgenini belgilemek mümkün.

Bir kimsege sır degil ki, ağız edebiyatınıñ nümüneleri şifaiy nutqta peyda olıp, yazığa alınğanğa qadar serbest şekilde halqlar arasında darqalmağa muvafaq oldular. Lâkin bu eserlerde rastlanğan bir çoq şifaiy sözlerniñ tarihiy ve ilmiy maiyetini ekseriyetimiz degerince qıymetlendirmeymiz. İlmiy nazar noqtasından bir aqiqiy menba kibi olarnıñ farqına varmaymız. Asılında ise zalım ükümranlarğa ve siyasiy zamanlarğa boysunmağan şifaiy sözniñ özüne mahsus aqiqiy añlamı, öz tarihi, öz sırı, öz qüdreti bar. Fikrimizce, biñyıllıq tarihi olğan bu sözler folklor eserleriniñ temelli ögrenilmesinde eñ itibarlı ve eñ önemli ilmiy qaynaqtır. Mına şu baqıştan O.Süleymenovnıñ “Sözniñ kodu” eserindeki şifaiy söznen bağlı mergin tüşünceleri fikrimizge aydınlıq ketirir: “Şifaiy söz terkibinde ve strukturında qafa kemiklerinden ibaret olğan muzey kollektsiyalarına ve qıymetli eşâyalarğa nisbeten özünde daa çoq tarihiy aqiqatnı saqlap qalğan. Nutqqa malik olmağan arhelogik artefaktlar saqavdırlar. Sizniñ evinizniñ altındaki qazuvlar esasında peyda olğan arhelogik eserler mıtlaq ejdatlarıñızğa ait degil. Yazılı yılnamelerniñ ömrü bir qaç asırdan uzaqqa barmay. Şifaiy söz yazılı vesiqadan alâ ilim tarafından qıymetlendirilmegen bir sıra üstünliklerge maliktir. O iç bir zaman yanmaz ve nemlenmez, em de qartaymaz. Mabet ve Saraynı memnün etmek içün yañıdan yazılmaz, olarnıñ istegine uyğunlaştırılmaz. Etnosnıñ tarihiy arenadan silinip ketmesi mümkün, lâkin onıñ sözleri başqa tillerde saqlanıp qala. Sözlükler – asıl tarihiy malümatlarnıñ eñ ebediy ve eñ itibarlı arhividir. Eger Sözniñ altın anahtarını bulsaq, o zaman ondan faydalanmaq imkânlarına nail olurmız. Faqat mından soñ Söz ve Yazınıñ, yani tilniñ menşesiniñ sırı bizge açılacaqtır. Şimdi tarihniñ sanasından silinip ketmek telükesi altında olğan azsaylı halqnıñ luğatında ulu bir keçmiş saqlanğan” [9, s. 5] .

Yüzyıllıqlarnıñ devamında ağızlardan ağızlarğa keçip bir taraftan cilâlana-cilâlana zenginleşken, diger taraftan da çeşit seviyeli söyleyiciler vastasınen qaç-qaç kerelerden transformatsiyalarğa, bazan ise suniy surette deñiştirilip özümsimelerge oğratılğan eposlar bu baş sözleriniñ eski şekillerini özlerinde saqlap qalğanlar. Bu mifologik qanunğa uyğunlıq türk halqlarınıñ bugünimizge yetip kelgen bir çoq mükemmel epik nümünelerinde olğanı kibi "Koroğlu" eposında da öz mantıqiy manasını taptı. Destannıñ Paris ve Tiflis nushalarında aynı bir şekilde ifadelengen baş sözler – Koroğlu, Qırat ve Çamlıbel buña parlaq misaldir. Bu usuldan yararlanıp bütün dünyağa namı ketken türk eposlarınıñ da genezisini tayinlemek, daa doğrusı, olarnıñ umumtürk mifik tefekküriniñ mahsulı olmasını ilmiy esaslarnen isbatlamaq mümkündir. Şanlı destanlarda rastlanğan baş sözler fikrimizniñ kerçekligine zemin yarata ve olardan bazılarını nümüne kibi cedvelde taqdim etmekni munasip bildik:

№	Eposlar	Eposnıñ baş qaramanınıñ adı	Eposnıñ baş qaramanınıñ esas mekânı	Eposnıñ baş qaramanınıñ atınıñ adı
1.	"Manas" (qırğız variantı)	Manas	Talas	Akkula
2.	"Alpamış" (özbek variantı)	Alpamış	Kongurat (Qoñurat)	Bayçibar
3.	"Çorabatır" (qırımtatar variantı)	Çorabatır	Köküşli Köktama	Tasmalı ker
4.	"Koroğlu" (Azerbaycan variantı)	Koroğlu	Çamlıbel	Qırat (Gırat)

Söz kelimi, bunı mahsus hatırlatmalımız ki, Koroğlu, Qırat ve Çamlıbel kibi añlamlar morfologik terkibine köre saf türk sözleridir. Yaşı bilinmegen bu qadimiy sözlerniñ daqiq etimologik manaları yalıñız türk halqlarına añlayışlıdır ve olarnıñ başqa tillerge tercimesi istisnadır. Eposnıñ türk halqlarınıñ mühtelif variantlarında Koroğlu ve Çamlıbel sözleriniñ bazı bir fonetik deñişmelerge oğraması olarnıñ mana añlamına mania degil. Bu türk tillerine has olğan tabiiy ses deñişmesidir. Sözlerniñ guzelligi faqat olarnıñ manasındadır. Sözlerni bir-birine yaqınlaştırğan, em de bir-birinden uzaqlaştırğan ancaq olarnıñ mana farqlarıdır. Bu baqıştan Koroğlu, Qırat ve Çamlıbel kibi sözlerniñ añlamları yaqın manalıdır ve olarnıñ mekânı "Koroğlu" eposıdır. Mücizeli sözler etimologik tabirlerine köre umummana birdemligine malikler. Yani Koroğlu, Qırat ve Çamlıbel kibi baş sözler birlikte "Koroğlu" fenomeniniñ münderice ve ğayesiniñ açılmasına hızmet etken altun anahtardırlar. Bizimce, qaç-qaç asırlardan berli eposnıñ metninde ve millionlarce insanlarnıñ şifaiy nutqında türkce seslengen bu ulu sözlerniñ barlığı qocaman "Koroğlu"nıñ umumtürk epik tefekküriniñ mahsulı olmasına ilmiy esaslar bere.

Eposnıñ genezisiniñ muayenleşmesinde eserniñ originalındaki tili ve metinlerdeki epik tefekkürniñ ifadelengen şiir şekilleri eñ salmaqlı menbadır. Aynı bir vaqıtta epik nümünede tasvirlengen milliy harakterniñ hususiy alâmetleri, milliy adet-ananelerniñ özüne mahsuslığı, milliy ruhnıñ ve milliy mentalitetniñ çizgileriniñ eposnı meydanğa ketirgen halqqa haslığı da destanlarnıñ genezisiniñ ögrenilmesinde tetqiqatçılar tarafından degerli qaynaq kibi faydalanıla. Zanımızca, bularnen bir sırada er bir eserge has olğan baş sözlerniñ daqiq manalarınıñ etimologik añlamları da eposnıñ genezisiniñ tayinlenmesinde itibarlı anahtardır. Yuqarıda qayd olunğan bilgiler "Koroğlu" eposınıñ türk halqları tarafından meydanğa ketirilgenini isbatlay. Daa doğrusı, epik nümüneniñ ilk temel taşınıñ Cenübiy Azerbaycandaki oğuz türkleriniñ bina etmesi, soñradan ise onıñ çeşit söyleyiciler ve icracılar tarafından bir sıra transformatsiyalarğa, em de impovizatsiyalarğa oğraması neticesinde keniş arealda darqalması ihtimalı haqiqiy manada işanç doğura.

Касумов Ильгар Аликулу

Генезис эпоса “Кёроглу”

Аннотация. *О создании тюркскими народами вариантов эпоса «Кёроглу» науке известно весьма давно. Тем не менее, появление трудов ряда исследователей с новой аргументацией открывает дорогу к продолжению научной дискуссии по данной проблематике. Необоснованные высказывания представителей интеллигенции некоторых народов, не связанных генетически с тюрками, их попытки присвоения эпоса «Кёроглу» порождают измышления касательно генезиса эпоса. В настоящей статье рассматриваются результаты исследований известных специалистов в области фольклористики и опровергаются не опирающиеся на реальные источники высказывания относительно генезиса вариантов эпоса. Анализу подвергнута и уточнена роль, которую сыграли в генезисе эпоса «Кёроглу», как хорошо известные, так и наиболее древние рукописные образцы. В исследовательской работе высказывается мнение об этимологии и точных значениях таких ключевых слов, как «Кёроглу», «Кырат» и «Чамлыбель», присущих именно данному произведению, и обсуждается источниковедческая база, которая позволяет определить основы его генезиса.*

Ключевые слова: *Кёроглу, генезис, эпос, фольклор, вариант, тюркский, источник.*

Kasumov İlgar Alikulu

Genesis of epos “Koroglu”

Abstract. *The existence of the Turkic peoples’ variants of the epos “Koroglu” has been known to science for a long time. However, the appearance of works of a number of researchers with new arguments opens the way to continuing the scientific discussion on this issue. At the same time, unreasonable statements made by intellectuals belonging to certain peoples who are not genetically related to the Turks, their attempts to assume the right to the epos “Koroglu” give rise to fabrications about the genesis of the epos. This article examines the results of researches done by well-known specialists in the field of folklore studies and refutes baseless statements about the genesis of the variants of the epos. The role of the well-known as well as the most ancient hand-written samples played in the genesis of the epos “Koroglu” has been subjected to analysis. An opinion on the etymology and exact meanings of such key words as “Koroglu”, “Kyrat” and “Chamlybel”, inherent in this particular work, and a source study base is being discussed in order to determine the bases of its genesis.*

Keywords: *Koroglu, genesis, epic, folklore, variant, Turkic, source.*

Edebiyat:

1. Ceferov N. Türk xalqları ədəbiyyatı. Yeni dövr / N. Ceferov. – Bakı: Çaşıoğlu, – Azərbaycanda Atatürk Mərkəzi, 2007. – 320 s.
2. Sadıq İ. Azərbaycan şifahi xalq ədəbiyyatına dair tədgiglər (iyirmi doqquzuncu kitab) / İ. Sadıq. – Bakı: “Nurlan”, 2009. – 164 s.
3. Abbaslı İ. “Koroğlu” dastanı / İ. Abbaslı. – Bakı: “Lider” – 2005. – 552 s.
4. Жирмунский В. Узбекский народный героический эпос / В. Жирмунский, Х. Зарифов. – М.: Гос. изд-во худ. литер., 1947. – С. 183.
5. Abbaslı İ. “Koroğlu” dastanı, Paris nüsxəsi / İ. Abbaslı. – Bakı: “Şərq-Qərb”, 2005. – 224 s.
6. Бекиров Дж. Дестанлар / Дж. Бекиров. – Таш.: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – 152 с.
7. “Koroğlu” destanı / tert.: İ. Kasumov. – Aqm.: Qırımdevoquvpedneşir, 2009. – 184 s.
8. Пропп В. Русский героический эпос / В. Пропп. – М.: Издат. «Лабиринт», 1999. – 640 с.
9. Сулейменов О. Азия / О. Сулейменов. – Алматы: ОФ Литературный Альянс, 2013. – 88 с.

УДК 801.316.1.

Сакен Сеилбек,
Әділбекова Ләззат Махайқызы[1]
E_mail seilbeksaken2207@mail.ru

Әділ сұлтанның эпикалық бейнесі және жыршылық дәстүр

Аннотация. *Мақалада бүкіл Орта Азия мен Қазақстанға кеңінен танымал эпостық жырлар «Қырымның қырық батыры» мен Қырым татарлары, ноғайлар, қазақтар арасында сақталған «Әділ сұлтан» жыры мен қазақтың «Қарасай, Қази» жырының сюжеттің желісіне кеңінен салыстырмалы зерттеу жасалынады. Әділ сұлтанның ерлігін жырлаған «Қарасай, Қази» жырының бірнеше нұсқасы тарихи деректермен, фольклорист ғалымдардың пікірлерімен салыстырыла отырып, кеңінен талданады.*

Кілт сөздер: *Әділгерей сұлтан Дәулеткерейұлы, қырым татарлары, Қарасай-Қази, Осман сұлтаны, Қарасай батыр.*

Көпнұсқалы эпостың кейіпкері болудың арқасында кейінгі ұрпақтардың есінде мәңгілік қалған тарихи тұлғалардың бірі – Әділгерей сұлтан Дәулеткерейұлы. Оның жыр кейіпкеріне айналуына себеп болған оқиғаны тарихшы А. Исин: «Қырымлы II Мұхаммед-Герей тұсында [1577–1584] ағасы – Әділ-Герей қалға қызметін атқарған [ханнан кейінгі мемлекеттегі басты тұлға]. 1583 жылы Осман сұлтаны – III Мұрадтың бұйрығымен парсы еліне қарсы жорыққа аттанған ол тұтқынға түсіп, жат елде шаһ әмірімен өлтіріледі. Әділ-Герей сұлтанның жорығына Дешті жауынгерлері, ноғайлар қатысқан да, бұл эпикалық сананың қалыптасуына әсер еткен», – деп баяндаған [1, б. 70].

Әділгерейдің осы қайғылы тағдыры Қырым татарлары, ноғайлар, қазақтар арасында сақталған «Әділ сұлтан» жырында және қазақтың «Қарасай, Қази» жырында бейнеленген. «Әділ сұлтан» жыры ең алғаш рет академик В.В. Радлов 1896 жылы жариялаған «Образцы народной литературы северных тюркских племен, Ч. 7. Наречия Крымского полуострова» атты жинақ арқылы көпшілікке мәлім болды. Бұл туындының екінші бір нұсқасын 1895 жылы Кизляр қалалық училщесінің мұғалімі Г.Ананьев қара ноғайдың өзге тарихи аңыздарымен бірге жинақтап, 1900 жылы Тифлисте жарық көрген «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» атты кітапта жариялаған. Шығарманың ендігі бір нұсқасы 1910 жылы Орынборда баспа бетін көрген «Шайыр яки қазақ ақындарының басты жырлары» атты Ғабдолла Мұфтақ құрастырған жинаққа енді. Жырдың тағы бір ноғайша нұсқасын Әбділхамит Жәнібеков 1924 жылы Қаңлы аулының тұрғыны Әмзе Мүтәліпұлынан жазып алған. Ал, соңғы уақытта жырдың екінші бір қазақша нұсқасы Санкт-Петербург мемлекеттік университеті ғылыми кітапханасының Шығыс бөлімі қорындағы 493-папкада «Қырғыз өлеңдері» деген атаумен сақталған қолжазба кітапта сақталғаны анықталып, А.И.Исин дайындаған «Әділ сұлтан» эпикалық жыры» атты кітапта 2001 жылы жарияланды.

«Әділ сұлтан» жырының аталған нұсқаларын «Қарасай, Қази» жырының Әділдің ерліктерін суреттейтін нұсқаларымен салыстырып қарастыра отырып эпикалық туындының қалыптасу жолдарын аңғаруға болады. Бұндай салыстырулар барысында жалпы фольклор үлгілеріне мәтіннің ақпалылығы тән екеніне еріксіз назар аударамыз. Кезінде В.Радлов

[1] ***Сакен Сеилбек,*** филология ғылымдарының кандидаты, Қазақ мемлекеттік қыздар педагогикалық университетінің профессоры міндетін атқарушы; Әділбекова Ләззат Махайқызы, филология ғылымдарының кандидаты, Қазақ мемлекеттік қыздар педагогикалық университетінің профессоры міндетін атқарушы (Алматы, Қазақстан).

мотивтердің ақпалылығы, бөлшектердің үнемі өзгеріп отыратындығы, олардың вариант-тары пайда болуы біртіндеп жырдың мазмұнын да өзгертетіндігі, жалпыхалықтық дәстүр негізінде жаңа жеке жыршының рөлі эпос үлгілеріне ортақ заңдылықтар екенін анықтап, қырғыз жомоқшыларының өнері туралы: “Поет так вдохновенно, так как он не в состоя-нии спеть одно и то же два раза, не изменяя форму изложения”, – деген ғылыми тұжы-рым жасаған болатын [2, б. 1–10]. Бұл ой қорытындысының Әділ сұлтанның эпикалық бей-несіне де қатысы бар екенін біздің төмендегі талдауларымыз арқылы дәлелдеуге болады. Нұсқаларды қарастыру барысында жалпы фольклорға, оның ішінде эпосқа тән тұтастану [циклизация] үдерісі Әділ сұлтанның бейнесін де халықтық мұраттарға [идеалға] сәйкестен-діре сомдау үшін қызмет атқарғанын байқаймыз. Фольклордағы тұтастану құбылысының ерекшеліктерін әсіресе В.М. Жирмунскийдің жақсы ашып көрсеткені белгілі. Ол кісі «Шығыс және Батыс халықтарының эпосын [кейде аңыз бен ертегілерін де] мейлінше кең салыстыр-малы түрде зерттеудің арқасында жалпы эпос жанрында сюжеттік, ғұмырнамалық [био-графиялық] және батыр [әмірші] төңірегіне тұтастану бар екенін анықтап, оларды типологи-ялық тұрғыдан зерттеп, бұл құбылыстың қоғам мен фольклордың даму деңгейіне қарай әр кезеңде, яғни, әр қилы көрінетінін деледеген» [3, б. 11].

Ал, қазақ ғалымы С.А. Қасқабасов бұларға қоса фольклорлық туындыларда болатын тарихи және географиялық тұтастануға да тоқталған (Қасқабасов С.А. Тұтастану – фольклор поэтикасының заңдылығы // Қазақ фольклорының поэтикасы. Алматы, 2001. – б. 44–60).

Жырдың Қырым татар нұсқасы он жастағы Әділ сұлтанға Ыстамбұлдағы сұлтаннан хат арқылы фермен келгенін, онда қол жинап, Қарасай, Қазиды қасына алып, Ажем (парсы елі – С.С.) шаһына қарсы аттану жөнінде бұйрық болғаны баяндалады.

Одан арғы жыр жолдарында Әділ сұлтанның фольклорлық туындыларда ғана бола-тындай жедел жетілуді бастан өткеріп, он жасында түрік сұлтаны жауапты жорықты басқа-руға жұмсайтындай дәрежеге келгені суреттеледі. Бұл эпизод та эпос поэтикасына тән «ортақ жерлердің» бірі екенін эпосты зерттеушілер әлденеше рет атап көрсеткен. Мысалы, С. Қасқабасов: «Әдетте батырлық ертегі мен эпоста керемет жағдайда туған бала жылдам өсіп, өте күшті әрі ақылды болып шығады. Оның ерен қайраты мен даналығы ерте байқа-лады», – деген пікірі [3, б. 30] Әділ сұлтан балалық шағының әр жылындағы сипаттарға да қатысты.

Келген хатты оқып, онда не жазылғанын анықтаудың соншалықты қиынға түскенін суреттеу Әділ сұлтанға жоғары билеуші тарапынан жүктелген міндеттің аса маңыздылығын ұқты-рудың тәсілі екені анық.

Сексен мың әскермен Қырымнан аттанып шыққан Әділ сұлтан Кур суынан өтіп, аялдама жасаған сәттегі оқиғаны суреттеуде эпосқа тән бас кейіпкерді даралау тәсілі қолданылады. Әділ сұлтан тіл әкелуге жұмсаған Шырын Дәулет, Шыжуат Мәмбет, Ұзын айдар Кобук, Қарақожа Есені, Шалғырлы Қыблай, Мысфытаф палуан атты әйгілі батырлар бұл тапсыр-маны орындаудан бас тартып:

– Бізден улу кіші бар, – деседі.

Әділ сұлтанның:

– Сізден улу кім бар? – деген сұрағына олар:

– Бізден улу, сұлтаным,

– Орақ улу Қарашай бар, – деп жауап береді.

Шынында да Қарасай батыр барып, тіл алып келеді.

Алып келген ажем Әділ сұлтанға өз елін қырымдықтар жеңе алмайтынын айтады. Әділ сұлтан оның басын кесіп:

«Сен не дерсің, Карашай?» – деп сұрағанда, Қарасай жаудың қару-жарағы сай екенін және жолдың қараңғы, кілең тасты екенін айтып, Қырымға қарай кейін қайтқан дұрыс екенін білдіреді.

Оқиғаның одан ары қалай дамығанын көрсететін:

«Әділ сұлтан айтты:

«Қорқсаң, қошта қаласың,

Қорқмасаң, маға жолдаш боларсың.

Атланды атқа Әділ,

Қарашай әскерін тузду.

Әділдің алдында йуруп

Йолға кетті Карашай». – деген жыр жолдары қаһармандық эпостың қаһармандарына тән ешқандай қауіп-қатерден қорықпау, алған бетінен қайтпау Әділдің эпикалық образына да тән екенін аңғартады.

Қарасай Тебризден өтіп барып, жауды шауып, қарсыластардың үш ордасын қырады, үшінші ордасы қашып құтылады. Ажемнің бір он бес жасар қызы қолға түседі.

Қырымға қарай бет алған әскер Кур суына келгенде, Қарасай қолды арғы жағаға өткізгенде, Әділ сұлтан қыздың ұсынысы бойынша судан өтпестен, шатыр тігіп, қызбен екеуі оңаша қалады.

Кешке Қарасай дұшпанның келе жатқанын байқап қалып, Әділ сұлтанның шатырының қасына шауып келіп: «Аман, тур, душман йетіпті! Атына мін! Қачайық!» – дегенде, қыз ұйқыдағы сұлтанды оятпай, өзі шығып: «Ал, шықтым!», – дейді. Оны Әділ сұлтан деп білген Қарасай: «Тут ат қуйруғуна, султаным», – деп, атының құйрығын ұстаған қызды ертіп, суға түсіп, арғы жағаға өткен соң ғана Әділ сұлтан дегені қыз екенін біліп, оны өлтіріп, арғы жағаға қайтадан өткенде, Әділ сұлтанды дұшпандар байлап алғанын көріп, ұрыс жүргізгенде, сегіз жерден жараланады. Сонан соң Әділ сұлтан: «Аман, Карашай, мен өзум еткемен. Менің үшүн сен йазық етме өзүңе. Менің қайып болған қақама хабар беріп айт! Сен гүнаң өзүң мойнуңа, мен келдім, сен өзүң қайт», – дейді. Ханның бұйрығын екі етпеу әдебі Қарасайдың Әділ сұлтанды жауға қалдырып, өзі елге қайтуын ақтаудың бір тәсілі болып табылады.

Эпос поэтикасына тән типологиялық мотивтердің бірі – қаһарманның сәтсіздігіне әдетте әйелдердің айлакерлігі, батырға тән қатты ұйқы себеп болып табылатыны және жат жұрттықтардың ішінде батыр көмегін қабылдайтын адамның да әдетте қыз болып табылатыны. Жырдың алғашқы тармақтарынан ертедегі батырларға тән ерекшелігі бар екені суреттелген Әділдің қолға түсуінің мотивировкасы осылайша бейнеленеді.

Әділ сұлтанның одан арғы тағдыры: «Әділ султан бек дулбер кіші еді. Оңу ажем халқы бір қызман қапады. Ол онда қалды соң Карашай Қрымға қайтты әскермен барабар», – деп баяндалады.

Жыр Әділді анасының жоқтауымен тамамдалады. Осы жоқтау «Әділ сұлтан» жырының барлық нұсқаларында және «Қарасай, Қази» жырының бірқатар нұсқаларында кездесуі М. Әуезовтің эпос генезисі туралы айтқан пікірінің дұрыстығын байқатады. Ол қазақ батырлар жыры үлгілерін талдау барысында: «Эпостық дастандардың шығу тегі сөз болғанда, олар тұрмыс-салт жырларының негізінде туды деп айтуға кәміл болады.

Батыр жорыққа аттанғанда айтылатын «қоштасу» жыры, ол қалыңдық әкелгенде айтылатын үйлену салт жыры, ол өлгенде жанкүйерлері жылап-сықтап айтатын «жоқтау» жыры сол батыр жайындағы эпостық жырдың негізін құрамауы мүмкін емес. Мәселен, бір кезде болған Сайын деген батырдың жайына байланысты туған «қоштасу» жыры, ол өлгенде туған «естірту» жыры, әйелінің «жоқтау» жыры кейін бір ақынның өзекті желіге түсіруі арқасында кейін дастанның тұңғыш нұсқасын жасауы ықтимал», – деп жазған еді [4, б. 236].

Бұл нұсқадағы айрықша назар аударуды қажет ететін жайт – түрік сұлтанының хатында Әділ сұлтанға Қарасай мен Қазиды қосшылыққа алу тапсырылғанымен, одан ары қарай Қази туралы мүлде сөз болмайтыны. Бұл құбылысты Қази Әділдің соңғы жорығынан жеті жыл бұрын – 1576 жылы қаза тапқанымен түсіндіруге болады.

«Әділ сұлтан» жырының біз жоғарыда тоқталған, болған оқиғаға ең жақын жерде туған нұсқасы бас кейіпкерді анасының жоқтауын, оған қатысты оқиғаларды жыршының өзекті

желіге түсіруінің нәтижесі болып табылады. Ал, жырдың Санкт-Петербургтен табылған қазақша қолжазба кітаптағы нұсқасы әлем халықтарының фольклорындағы тұрақты типологиялық сарын – түс көру мотивін қолданудан басталады. Әділдің анасы өзі көрген қорқынышты түсін енесіне айтып, оны жоруын өтінгенде, енесі оның түсін жақсыға жориды. Дегенмен, сол кезде екі кісі келіп, Әділдің жау қолына түсіп қалғанын хабарлайды. Одан ары қарай Әділдің анасының жоқтауына кезек беріледі. Алдыңғы қарастырылған нұсқада жыршының атынан айтылған Әділдің он жасына дейінгі жедел өсіп-жетілуін сипаттау бұл нұсқада біршама өзгерістермен сұлтанды жоқтаудың бас бөлігін құрап тұр.

Г. Ананьев жазып алып, жариялаған нұсқада Әділ сұлтанның бала күнінде таққа отырғанын, ол хандық құрған кезде Қырымның белгілі бір дәрежеде Түркияға тәуелді болғанын, түрік сұлтаны Қырымды толық иемдену үшін Әділді тақтан түсіргісі және өлтіргісі келгенін, осы мақсатына жетуді көздеп оған фермен жіберіп, онда Әділ ханға оның ата-анасын өлтірген парсыларға шабуыл жасап, әкесінің қанын жууды міндет етіп қойғаны баяндалады.

Жырдың бұл эпизодында көптеген анахронизмдер орын алған. Ең алдымен, Әділдің хан тағына отырмағанын, қалға лауазымында болғанын ескертуге тиіспіз. Оның үстіне түрік сұлтаны мен оның ықпалында болған Қырым ханының арақатынасы өте жақсы болғаны, олардың арасында бірін-бірі өлтіретіндей жағдай туа қоймағаны тарихтан белгілі. Әділдің ата-анасының парсылардың қолынан қаза тапқаны да шындыққа жатпайды.

Әскер жинап, қасына мырзаларды, Қарасайды алып, жорыққа шыққан Әділ сұлтан Сүлеймен, Қоңырат мырзаларды парсылардың әскери ахуалын біліп келуге жұмсағанда, олар бұл тапсырманы орындаудан бас тартады. Бұл ұсыныс Қарасайға жасалғанда, ол тапсырманы жақсы орындап келеді, бірақ дұшпанның қамалы берік, қару жарағы сай, ауа райының өте ыстық, судың тапшы екенін айтып, кейін қайту жөнінде ұсыныс жасайды. Хан батыр Орақтың ұлының бұндай қорқақтығына таңданыс білдіргенде, Қарасай ханның пайдасын көздеп отырғанын, егер хан еркі мен оның алдындағы парыз талап етсе, ол үшін өлім деген түкке тұрмайтынын айтады. Осылайша біз Қарасайдың өз ұсынысының қорқақтыққа жатпайтынын дәлелдеуге талпынуының алғашқы көрінісіне куә боламыз.

Әділ сұлтан парсыларға шабуыл жасап, дұшпанын қашуға мәжбүр етеді. Жауды қуу барысында Сүлеймен мен Қоңырат қаза табады. Соңғы көрініс бұл шығармада эпос поэтикасына тән көркемдік қиял тарихи шындықтың ізін толық жасырып үлгермегенін аңдатады. Өйткені классикалық қаһармандық эпос дәрежесіне көтерілген жырда жағымды кейіпкерлердің қаза табуын суреттеу мүмкіндігі жоққа жақын. Бұндай қайғылы жағдайды сөз етуге батырлық дастанды айтушылар баршаға белгілі шындықты бұрмалауға ешқандай мүмкіндік қалмаған жағдайда ғана барады. Біз қарастырып отырған жырдағы Әділдің өлімі – осындай айдан да анық ақиқат.

Әскерімен жаудың соңына түскен Әділ хан өткел бермес батпаққа тап болып, бірнеше мырзаларымен соған батып кетеді. Қарасай ханды ұзақ уақыт іздеп, оны шақырса да, өр көкірек Әділ оған жауап бермейді, оны Қарасай құтқарса, сүйегіне таңба түсетінін ойлап, батпақтың ішінде қалып, өлгенді артық көреді. Қарасай әскердің қалғанын бастап елге оралады.

Дұшпандары зынданға тастаған Әділ сұлтан өзінің сұңқармен аңға шығатын кезі келмеске кеткеніне торығып, Қарасайды еске алады, аталған батыр ол үшін парсылардан кек алса, қуанышты болатынын айтады.

Бұл нұсқада да Әділдің анасының қорқынышты түсі суреттеледі. Бір ерекшелігі бұл нұсқада ханым түсін барша халыққа баяндайды. 4–5 күннен кейін хан әскері оралып, Әділдің жағдайы белгілі болғанда, ханым жоқтау айтып, жоқтауының соңында баласын жауға қалдырып келген Қарасай мен мырзаларды кіналайды. Осы тұста ханымның есімі Данобике екені айтылады.

Бұл нұсқа парсылардың Әділді көздерін ойып, қол-аяқтарын кесіп азаптап өлтіргені туралы хабарды мәлімдеумен тамамдалады.

Жырдың Ә.Жәнібеков жазып алған ноғайша нұсқасында өзге нұсқалардағы Әділдің он жасқа дейінгі жедел дамып жетілуін бейнелеуге арналған жыр тармақтарын бас кейіпкердің он бірден жиырма жасқа дейінгі аралықта бастан кешкен жағдайы бейнеленген шумақ ретінде қолдану арқылы басталады.

Одан ары жиырма жасқа келген Әділге Түркияның билеушісінен хат келгені баяндалады. Өзге нұсқалардан бір айырмашылығы – бұл нұсқада хатпен бірге шұбар ат пен екі сұлу қыздың жіберілуі.

Бұл нұсқада да келген хаттың мазмұнын білу кең құлашты түрде суреттеледі. Ең ақырында зорға дегенде оған қабілетті адам табылады. Қырым татарлары нұсқасында ол кісінің есімі Абыл Қасым болса, бұл нұсқада ол Абулгазы Шелеби деп аталады.

Түрік патшасы өзге дайындықтармен қоса:

«Исун улы Сулейменді
Әскеріне басшы етсін,
Орақтың ұлы Қарасайды
Әскеріне қосшы етсін», – деп жазғаны белгілі болады.

Патшаның айтқанының бәрін істеп болып, жорыққа шығып, парсы еліне жақындап келген Әділ әскерінің басшысы Сүлейменге:

– Қызылбас деген дұшпанның
Айланып йолын бір қараш! – дегенде, ол:
– Барар едім, батпайман,
Тақсырлымын, – деп жауап береді.

Содан кейін осы тапсырма Қарасайға берілгенде, ол дұшпанды барлап келіп, қызылбастың жерінің айналасы алты айлық, төңірегі төрт айлық байтақ, оған баратын жол қараңғы, кілең тас екенін, қаласының тесігінен жылан да өте алмайтынын, қызылбастың әскері кілең құрышпен қаруланғанын, кілең арғымақ мінгенін айтып, Қырымға қайту жөнінде ұсыныс жасайды. Бірақ Әділ сұлтан қорқақтардың кемшілігін бетіне басып, өзі алған бетімен ілгері жүріп, қызылбастарды есік-есік жол етіп шауып, жеңіске жетеді, Шаарбек аруды олжа етіп алып, кері қайтады. Жолда келе жатып Әділ біраз тынығып алмақ болып ұйықтап кеткенде, сол сәтті пайдаланған қызылбастар оны тұтқын етеді. Ал, Қарасай әлгі ұсынысынан кейін жырда мүлдем көрінбей кетеді.

Әділ сұлтанның анасы, қорқынышты түс көріп, балшыға барып, түсін баяндайды. Оның түсінің баянында:

«Әділім мінген ақ шал ат
Кісі астында көрінді.
Ер мырады екі аяқ
Созылыңқы көрінді.
Ер медеуі екі қол
Бүгүлүңкі көрінді.
Ер шырағы екі көз
Йымылыңқы көрінді.
Биеден туған құлынның
Құйрығы шонтық көрінді», – деген секілді баласының өлгенін аңғартатындай жыр тармақтары көп кездеседі.

Бірақ балшы ол көріністің бәрін жақсылықтың белгісіне жориды.

Әділдің анасы үйіне қайтып келгенде, түсінде көрген қорқынышты көріністің бәрі шындыққа сәйкес келетінін білдіретін хабар алады. Дұшпандары Әділдің екі қолын шынтағынан кесіп, екі көзін ойып азаптап өлтіргені белгілі болады.

Жалпы фольклордың поэтикасына сәйкес кейіпкерлердің түсі шын өмірде айны-қатесіз қайталатыны баршаға аян. Сол дәстүр осы жырда да өзгеріссіз қайталанады.

Жырдың 1910 жылғы «Шайыр» жинағындағы нұсқасы Әділдің он жасына дейін жедел өсіп-жетілуін сипаттайтын жыр шумағынан басталады. Одан кейін суреттелген хат келу оқиғасы, онда не жазылғанын білудің қиындығы Қырым татарлары нұсқасындағыға ұқсас суреттеледі. Айырмасы – бұл нұсқада хатты оқыған кісі Хиуа, Бұқар елінен келген, Ыстамбулда оқыған Әбілқайыр деген жас жігіт болып шығады. Түрік сұлтанның тапсырмасында қосшылыққа алатын батырлардың есімдері кездеспейді, алатын әскердің саны қырық мың болуы, орыстардан кеме алу нақты жазылады.

Жолда Әділ сұлтан Үйсіннің ер Сүлейменін, Қоңыраттың Ұзын Айдарын, Мансұр ұлы Ғафуды тіл әкелуге жұмасғанда, олар:

«Тақсырлымын», – деп, шындарын айтады.

Бұл тапсырма Қарасайға берілгенде, ол Шалғасқасын мініп, барлауға барып келеді. Қызылбастың жерін аралап келген соң ол Әділге дұшпанға барар жолда өткел бермес Күрі өзені бар екенін, қызылбастың отыз екі мың қолы барлығын айтып, жаудың бекінісін:

«Ау, мен бір қала көрдім,
Айналасына арғымақ атлар шауып жеткісіз,
Астынан күзен, қарсақ інін қазып өткісіз,
Ауласының басына
Балапан торғай шырлап ұшып қонғысыз.
Темір қапы Дербентті
Тепкіледі, бекітті.
Барған сайын қараңғы,
Басқан сайын қара тас,
Тасы болат соқырыш,
Батырлар ат ойнатар жер емес», – деп әсірелей суреттеп, барша батырларды Қырымға қайтуға шақырады.

Осыны естіген Әділдің қандай күйге түскені:

«Кіп-кішкентай жас сұлтан
Бұған қатуланды, қарланды,
Қатты жаман шамданды,
Буырқанды, бусанды,
Мұздай темір құрсанды», – деп суреттеледі.

Оның Қарасайдың намысына тиіп айтқан сөздері өзге нұсқадағыларға ұқсайды. Оған жауап ретінде Қарасайдың айтқан сөздерінде:

«Мен атам Орақтан туғалы,
Беліме садақ буғалы,
Қашқан жауды қуғалы,
Қайсыңнан кем алғанмын?
Қайсыңа да олжа салғанмын,
Ең қорқағың мен болсам,
Мен өлейін, қалайын.
Шалғасқаны алып едім
Жүйрік деген даңменен,
Тоғыз қара нарменен,
Сегіз сусар тонменен,
Сыйы біткен қызбенен», – тармақтар бар.

Осы келтірілген үзінділердің өзі-ақ бұл нұсқаны жырлаушының өзі өмір сүрген кезеңде өте қатты дамыған қазақ батырлар жыры дәстүрін бойына мықтап сіңіргенін, ең бастысы – «Қарасай, Қази» жырының нұсқаларымен жақсы таныс екенін сездіреді.

Оны Қырым татарлары нұсқасында Тебриз деп аталған қызылбастың қаласының Темір қапы Дербентке айналып кетуінен де, Қарасайдың мінген тұлпарын қыз беріп сатып алға-

нынан да, оның барлауға барғанда көрген көрінісі «Қарасай, Қази» жырындағы батырлардың тіл ала барып куә болған суретіне ұқсайтынынан да байқаймыз.

«Қарасай, Қази» жырында батырлардың жорық жасап баратын жерлері Темір қақпалы Дербент, Қиғаш тауы болып табылады. Оның алғашқысы Кавказ-Иран шегарасындағы орта ғасырлық бекіністі қала екені белгілі. Ал, Қиғаш – Астрахан облысының территориясындағы тау. Бұл екеуін бір жорық барысында басып өту қиын. Дегенмен, бұлар – Кіші Ноғай ордасы жауынгерлері тарихтың әр кезеңдерінде аяқ басқан жерлері. Қызылбастардың жеріне жасалған жорықтың көріністерін өзіміз бақылап отырсақ, 1569, 1571 жылдары түрік сұлтанының, Қырым хандығының, Ноғай ордаларының орыс патшалығына қарсы соғыстарының басты мақсаттарының бірі Астрахан хандығын түркі халықтарына қайтарып алу болатын. Сол соғыстарда Кіші Ноғай ордасының әскерлерін Қази басқарған болатын және Қырым ханы Дәулеткерей өзінің ханзадаларымен бірге қатысқан еді. Демек, «Қарасай, Қази» жырында жоғарыда сөз болған екі топонимикалық нысанның қатар аталуын батырлық эпостағы географиялық, тарихи тұтастану құбылысының мысалдарының бірі деп есептеуге болады.

«Сыйы біткен қызбенен» деген жыр тармағы «Қарасай, Қази» жырының Мұрат, Қашаған ақындар, жыршылар – Құдайберген Шоқаев, Мүстежеп Ахметов, Мұрын жырау жырлаған нұсқаларында жауға аттанатын ат таба алмаған Қарасайдың Ер Көкше шалдың тұлпарын алу үшін өзінің сұлу қарындасы – Қибатты бермек болғанын еріксіз еске түсіреді.

«Әділ сұлтан» жырының «Шайыр» жинағындағы нұсқасында Қарасайдың әскерге бас болып, қызылбасқа барып тигені, сол соғыста Үйсін Сүлеймен, Тама Сүлеймен, Қоңырат Ұзын Айдар батырлардың қаза тапқаны, атқан жерін есік-есік жол етіп, дұшпанға керемет-тей қырғын салып жүрген Әділдің садағының адырнасы сынып, соның себебінен жаудың қолына түскені, оны іздеп, атын атап шақырған Қарасай көп әскердің ішінен сұлтанын таба алмай, жаудың ішіне үш рет кіргенде, өз әскерінің үш адамын алып шыққаны, бірақ Әділдің дұшпан қолында қалып қойғаны суреттелген.

Әділ сұлтанның анасы – Байбикеш ханым қайтқан әскерді алыстан көріп, қара жамылғылар көзіне түсіп, бір сұмдықтың болғанын біліп, күдікті сезімін жырға қосып айтады. Сөйтіп тұрғанда қасына келген әскердің ішінде Қарасайдың қасында тұрған жас жігіт ханымға шешен тілмен Әділ сұлтан тап болған жағдайды ұқтырады. Жыр Байбикеш ханымның өзге нұсқалардағыдан ұзағырақ жоқтауымен аяқталады.

Әділдің ерліктері «Қарасай, Қази» жырының бірқатар нұсқаларында да суреттеледі. “Әділ сұлтан” атты туындылардың “Қарасай, Қази” жырының нұсқаларынан басты-басты мынадай айырмашылықтары бар. Біріншіден, туындылардың аттарынан да байқалып тұрғандай “Әділ сұлтан” атты шығармалардың бас кейіпкері – Әділ сұлтан, ал, “Қарасай, Қази” жырының бас қаһармандары – Орақ батырдың екі ұлы болып табылады. “Әділ сұлтан” жырының нұсқаларында Қарасайдың ерлігі дәріптеліп, Қази мүлде көрінбегенімен, “Қарасай, Қази” жырында Қарасаймен қатар Қазидың да ерлігі әсірелене жырланады, тіпті кейбір нұсқаларда аталған ағайынды батырлардың кішісі ерлігінің ағасынан да асып түсетінін айқын танытады. Үшіншіден, “Қарасай, Қази” жырында Әділдің балалық, бозбалалық сәтіндегі сипаттары мүлде сөз болмайды, керісінше Қарасай мен Қазидың жырға арқау болған оқиғаларға бала кезінде араласқаны баяндалады. Оның үстіне “Қарасай, Қази” жырының кейбір нұсқаларында Әділдің есімі де аталмайды, оған қатысты оқиғалар да баяндалмайды.

«Қарасай, Қази» жырының Қашаған ақын жырлаған нұсқасының басталуы «Әділ сұлтан» жырындағыға ұқсас. Әділ, Қарасай және өзге батырлардың жорыққа аттануына Қондыгердің хаты себепші болғаны “Әділ сұлтан” жырының барлық дерлік нұсқаларында айтылғанымен, “Қарасай, Қази” жырының тек осы нұсқасында сөз етіледі. Зерттеушілер қазақтардың “Қондыгер” немесе “Көндігер” жұртына Селжүк сұлтандарына еріп, Кіші Азияға қоныс аударған қандастарымызды жатқызатынын анықтаған. Демек, Қашаған жырлаған нұсқада “Қондыгер”

деген сөз “он екі баулы Қазақ, Ноғайды басқаратын” ханның атауы ретінде қолданылуының шындыққа сәйкес келетін де, келмейтін де жақтары бар. Шындыққа сәйкес келетіні: Қарасай, Қазилар және оларға үкімін жүргізе алатын Қырым ханының Түркия сұлтанының ықпалында болғаны, Әділгерей сұлтанның сол Түрік билеушісінің бұйрығын орындау барысында бас бостандығынан айрылғаны – шындық. Дегенмен, Ноғайлардың барлығы бірдей Түрік сұлтанының қарамағында болмағаны, мысалы, Ұлы Ноғай Ордасы мен Түркия мемлекетінің арасында тұрақты саяси байланыс та болмағаны белгілі. Дереккөздері Қазақ хандығы мен Түркия мемлекетінің арасында тығыз қарым-қатынас болмағанын аңдатады. Демек, Түркия мемлекетіне тәуелді болмаған елде өмір сүрген қазақ жыршыларының көпшілігі жырдың бас қаһарманының өзге бір ықпалды билеушінің тапсырмасын орындаушы ретінде көрінуі ғасырлар бойы қалыптасқан жыршылық дәстүрдің ұстанымдарына қайшы келетінін, яғни, халық батырын дәріптеуге нұсқан келтіретінін жіті аңғара білген. Ал, Қашағанның өзі өмір сүрген өлкеде айтылып, 1910 жылы баспа бетін де көрген “Әділ сұлтан” жырында баяндалатын шындықтан ауытқуды жөн деп есептемегені сезіледі.

Бұл нұсқаның өзге нұсқалардан өзгешеліктерінің бірі – жауға аттанған Қырымның қырық батырының хандыққа таласуы. Бұл да ертегілік сарынның әсерімен жырға енген анахронизм болып табылады. Шындығына келгенде, Қарасай мен Қази тарих аренасында болған мезгілде Қырым хандығының тағында 1466 жылы әуелі сол мемлекетті құрған Меңлігерей ханның ұрпақтары мұрагерлік ретпен кезек-кезегімен билік құрып, өзге әулеттен шыққандардың билік басына келуіне, әсіресе төре тұқымынан шықпаған батырлардың таққа талассуына ешқандай жол бермей отырған болатын. Өзге нұсқалардың көпшілігінде Қарасай, Қази және өзге батырлардың Әділдің хандығын мойындап, оның қандай тапсырмасы болса да, бұлжытпай орындап отыруы, Әділдің өмірінің соңғы жылдарында өз әкесі әрі Қырымның ханы – Дәулеткерейдің қалғасы, яғни, орынбасары лауазымын иеленгенінің, аталмыш хандықтағы екінші тұлға болғанының әсері екені анық.

Ал, Қашаған жырау нұсқасында хандыққа таласушы батырлардың ақырында Қарасайды хан сайлауы да өткен заманның оқиғаларының егжей-тегжейлері кейінгі дәуір адамдарының барлығының бірдей санасында толық сақтала бермегенін байқатады. Едіге де, оның ұрпақтары да хандық лауазымды иелене алмағандығы, Шыңғыстың ұрпағы болмағандықтан, өз үстемдіктерін хандардың беглербегі, яғни, әмірлердің әмірі қызметін атқару арқылы жүргізуді көздегені – тарихи шындық. Оның үстіне Қарасай – Ноғай Ордасындағы ең жоғарғы лауазым – би атағын да иеленбеген кісі. Осындай шындықтың көрінісі «Қарасай, Қази» жыры нұсқаларының басым көпшілігінде хан ретінде Әділдің ғана бой көрсетінінен, ал, Қарасай, Қази жырда ерлігі жаннан асқан батырлар ретінде ғана дәріптелетінінен аңғарылады.

Дегенмен, хандық лауазымды биліктің, мәртебенің ең биік шыңы ретінде ұғынған халық әдетте бас қаһарманның барша мұратына жетуімен тамамдалып жататын фольклорлық туындыларында, оның ішінде классикалық қаһармандық эпостың көптеген үлгілерінде де, бас кейіпкердің жеңісінің ең зор нәтижесі оның өз еліне хан болғаны екенін атап өтіп отырады. «Қарасай, Қази» жырының көптеген нұсқаларында Мамайдың хан ретінде таныстырылуы, қарастырылып отырған нұсқада осындай дәрежеге Қарасайдың қол жеткізуі – осындай дәстүрдің ізі. Бірақ «Қырымның қырық батыры» жырлар циклының көптеген үлгілерін жатқа білген Қашаған әдетте хандық Әділге тиесілі екенін де ескермей тұра алмайды. Соның айғағы – бұл нұсқада бір батырдың: «Қарасайдың айтуы бойынша мына жолдан өткенде әскер екіге бөлінетін болып тұр, сондықтан екінші әскерге хан етіп Бүркіт хан ұлы Әділді сайлайық», – деген ұсынысы өзгелерден қолдау табуы. Осы тұста нұсқаларда ойдан шығарылған кісі, жер-су аттары да жиі кездесіп тұратынын, әлгінде сөз болған Бүркіт хан атты кейіпкердің тарихи прототипін табу тіпті мүмкін еместігін де ескерте кету артықтық етпес.

Әділдің бұйрығымен жаудың мекен еткен жерін барлап келген батырлардың аттары да нұсқалардың әрқайсысында азды-көпті өзгеріске түсіп отыратыны байқалады. Тама мен Тарғынның осындай қызметті атқаруы тек осы нұсқада ғана баяндалады.

Бұл нұсқада адамзат баласының көне замандардан осы уақыттарға дейінгі наным-сенімдерінің нәтижесі болып табылатын түс көру мотивінің атқаратын қызметіне баса мән беріледі. Сол себепке байланысты өзге нұсқаларда Әділдің хабарын оның жанашырларына білгізуші болып табылатын қарлығаш, қарақұс кейіпінде көрінетін пір бұл нұсқада ұшыраспайды. Бас кейіпкерлердің бірі жау тұтқынынан босағандығын нанымды, дәлелді етіп көрсету үшін қолданылған мотивировка қызметін атқаратын ондай хабаршының да, кейбір нұсқаларда Қарасай мен Қазиға жөн сілтейтін Ноғайлы халқынан шыққан әйелдің де, өз ұлдарына көрден шығып жәрдем беретін Орақтың аруағының да міндетін бас кейіпкерлердің ерекше қасиетке ие болып табылатын анасы атқарады. Бұлар көне дәуірдегі түсініктердің кейінгі замандардағы жаңаша пайымдала бастауынан туын-даған өзгерістер санатына жатады.

Құдайберген Шоқаев жырлаған нұсқасында Әділ Шынтемір ханның баласы ретінде көрінеді. Бұл жырдың негізгі оқиғасы басталатын тұс: «Әлқисса, бұл кезде Шынтемір хан өліп, баласы – Әділ он бір жасында әкесінің орнына хан болып сайланған еді. Әділ Қарасай мен Қазидың жан қиярлық досы екен. Бір күні Әділ ой ойлапты: «Осы менің достарымның аталары батыр болған. Солардың ала алмаған жаулары бар ма екен?», – деген ойға келіп және «Қарасай, Қази достарымның батырлығы солардай ма екен?», – деп, достарын шақырып алып, сұраған жері екен», – деген үзіндіден басталады.

Әділдің сұрағына Орақ пен Мамайдың шешесі жауап беріп, Орақтың балаларына айтып кеткен үш өсиетін айтады. Сонда Әділ қырық мың әскер жинап, Қарасай мен Қазиды қасына ертіп, Орақтың үшінші арманын орындау, яғни, Қиғаш тауын жайлаған қызылбастарды алу үшін жорыққа аттанады. Әділ ханның анасы – Бәйбіше ханым ұлы жорыққа аттанған соң қорқынышты түс көріп, Әділдің қарындасы – Ілияға түсінде Алтын Сарай қаласына Алатаудың құлағанын, үйге тіреу болған сырығы ортасынан қырқылғанын, асау ұстайтын құрығы ортасынан үзілгенін баяндап, оның жоруын сұрағанда, қызы да бір қатерден қауіптеніп, шешесін ертіп, ағасын қуып жетіп, қалуын өтінгенмен, Әділ көпшіліктен қалып, артқа қайтуға арланып, көнбейді. Оның үстіне Қарасай мен Қази да Әділдің қалуынан қауіп етіп, Орақтап айқай салады. Орақтаған дауысқа сүйегі қызған Әділ де қалың қолға ілесіп бара жатқанда, артынан анасы келіп:

«Мендей жасы жеткен анаң бар.
Кімге тастап кетесің?» – дегенде, Әділ:
«Онан-дағы, анам-ай,
Батаңды берсейші маған-ай!», – дейді.
Сонда анасы батасын беріп, ұлын Аллаға, періштелерге, піріне тапсырып, ұлына:
«Қысылған күні қарағым,
Осы пірді жадыңа ал.
Жадыңа алып, сыйынсаң,
Жар болар, балам, өзіңе.
Ұмытып қалма, Әділ-ау,
Құлақ ас айтқан сөзіме.
Шын қысылсаң, қарағым,
Адам болып, жақындап,
Көрінер сенің көзіңе», – деп ескертеді.

Бұл жерде кейінгі дәуірлерде түркі халықтары фольклорында елеулі орын алған ислам дінінің желеп-жебеушілеріне деген сенімнің куәсі болып отырмыз. Оқиғалардың даму барысында Әділдің шешесі айтқан сөздерді есіне алып, пірінен медет тілеуі, фольклорлық туындыларда шындыққа айналмай қоймайтын түс арқылы берілген аянның жүзеге аспауына алып келеді.

Жыршы Әділдің әскерінің ішінде Айсаның ұлы Ахмет, Әмет, Қоңырат Ұзын Айдар, Сүлеймен, Қоянақ секілді айтулы батырлар бар екенін атап өтіп, соның ішінде әуелі Қоянақ пен Айса ұлы Серік батырларды жолды байқап келуге жұмсайды. Олар қарақұс басына ұшып

шыға алмайтын биік таудың беткейіндегі бұрғылап тескен тесіктің тастан құйған есігін көріп, тартқылап аша алмай, кейін қайтып келеді. Бұл есікті Ахмет батыр да аша алмайды. Содан кейін аттанған Қарасайдың ғана әлгі есікті ашуға шамасы жеткенімен, арғы жағындағы қиын жолдың аяғына жете алмайды. Сондықтан ол Әділге кейін қайту жөнінде ұсыныс жасайды. Содан кейін аттанған Қазидың ғана жолдың бәрін түгел барлауға мүмкіндігі болады. Жырды оқи отырып Қарасайдың қолынан келмеген істі Қазидың атқара алуына алдыңғысының анасының батасын алмай аттануы себеп болғанын, бұл қағиданы ұмытпаған Қазидың пірінің көмегімен мұратына жеткенін аңғарамыз.

Бұл жерде байқалатын бір ерекшелік: қаһармандық эпос дәстүріне сәйкес жағымды кейіпкерлердің ешқайсысы қорқақ ретінде көрінбейді, дегенмен, олардың ерліктерін салыстыра суреттеу барысында жырдың бас кейіпкерлері айрықша дәріптеледі.

Қайтып келіп, ханға мән-жайды айтқанда, Әділ оның әкесі – Орақтан төмен екенін айтып, ол ойын дәлелдеу үшін:

«Баратын жерін білген соң,
Дұшпанның елін көрген соң,
Талқан қылып қаласын,
Шулатып қатын-баласын,
Мінгестіріп бір қызды
Әкеліп неге бермедің?
Қанша батыр болсаң да,
Қазиым, саған сенбедім», – деп, бас кейіпкердің намысына тиеді.

Соған шамданған Қази он төрт мың әскерді бөліп алып, аттанады. Он үш мың әскерді бұдан бұрын Әділ шамына тиген Ахмет пен бес інісі бөліп алады. Он үш мың әскерді Әділ бөліп алып, олар қызылбасқа үш бөлініп аттанады. Әуелі қалаға жеткен Қарасай мен Қазидың әскері жауды қашырып, қалаға енеді де, Ахмет батыр ішке ене алмай тыста қалады. Дұшпандары Қарасай, Қазидың қайтар жолын бітеп тастайды.

Соңғы болып ұрысқа араласқан Әділдің қасындағы серігі – Сүлеймен қаза тауып, жалғыз өзі соғысып жүрген ханның жебесі сынған кезінде ақ шалмалы пірі қасына келгенде, Әділ одан көмек сұрамай, сол себепті сәтсіздікке ұшырап, орға жығылып, сонда қалып қояды.

Бұл кезде Қазбан деген қаланы алып, Дербентті ертеңіне Әділмен бірге алмақшы болған Қарасай, Қази Әділдің бір қиындыққа тап болғанын сезіп, іздестіргенмен, таба алмайды. Кейін олар жауды жеңіп, елге қайтады.

Дұшпандары тұтқын етіп, құлдыққа жегілген Әділдің есіне шешесінің айтқандары қиналғанда ғана түсіп, Құдай мен піріне жалынғанда, пірі көмекке келеді. Оның Әділге келе жатқан түрі:

«Ақ шалмалы пірадар
Әділ ханның пірі еді.
«Адам болсам, білер», – деп,
Бір қарақұс болды да,
Пірі ұшып жөнелді», – деп суреттелген.

Пірдің бұндай антропоморфтық сипаты бертінгі кездегі фольклорлық туындыларда тотемдік сарындар мен исламдық мотивтер тығыз астасып, бұлардың екеуі де мұсылман желеп-жебеушілері ретінде ұғынылa бастағанын аңдатады. Сондай кейіпте ұшып келген қарақұстың өзін қолдау үшін келген жан иесі екенін сезген Әділ қолы байлаулы болса да, қаламды тісімен тістеп отырып, жақындарына хат жазып, өзінің хал жағдайын, қайда екенін мәлімдейді.

Бұны байқап қалған қызылбастар Әділді өлтірмек болғанда, оған оқ өтпейді, қылыш кеспейді, отқа салса, күймейді, суға салса, батпайды. Амалы таусылған жаулары Әділді зынданға тастайды. Қарақұс алып келген хатты оқыған Әділдің шешесі мен қарындасы, білгендерін Қарасай мен Қазиға айтып, олар досын қайтадан іздеп барғанымен, зынданның

нақты қай жерде екенін білмей тұрғанда, олардың көздеріне бір әйел түседі. Ол дыбыстап шақырғанда, қасына келген екі батыр оның өздерінің әжесі – Қараүлек екенін біледі. Ол керемет қасиетінің күшімен немерелеріне көмектесу үшін келген екен. Осылайша жатқан жерін біліп, Әділді босатқан, сонымен бас қосқан үш батыр қызылбастарды түпкілікті жеңеді. Қанша қиындық көрсе де, бас кейіпкерлердің ақырында барша мұратына жетуі осы туындыда да қайталанады.

«Қарасай, Қази» жырының Мүстежеп Ахметов жырлаған нұсқасында да Әділ ханның Қарасай, Қазиға әкелері – Орақ батырдың орындалмай кеткен үш арманының ең соңғысын, яғни, Қиғаш тауының арғы бетіндегі он екі ханы бар қызылбастың елін алуды жүзеге асыруына көмектеседі. Әділдің бұл жорыққа аттануына нендей жай түрткі болғанын жыршы: «Қырымның ханы он бір жасар Әділ бала болса, жалғыз өзі батыр еді. Қарасай, Қазидың «Құдай» дескен досы еді. «Қызылбасқа барамыз», – деп бұйрық сұрайды. Сол кезде Түріктің патшасы Қырымның бұдан бұрынғы ханы Махамбет деген кісі еді. Баласы жоқ еді. Кейін әйелі босанып, бір ұл, бір қыз болады. Баланың атын Әділ, қызының атын Ілия қояды. Сонан соң Махамбет дүниеден өтпес бұрын: «Балам жалғыз еді, сүйенері жоқ. Жалғыз баламды Қарасай, Қазиға дос қыламын. Атадан келе жатқан мықты ер еді. Басына қиын іс түссе, жәрдем берер»,– деп еді. Сөйтіп, өзі дүниеден өтіп кетеді. Әділ он бір жасқа жеткен еді. Атасының тағына мініп, хан болады. Бұл заманда Ноғай патшасы отыз ұлдың бастығы – Ысмайыл деген ер еді. Үстінен қарайтын Әділді жамандап хат жазады. «Әділ деген Қырымның патшасы мықты болса, Қарғасаның Қызылбас деген жауын бағындырып алсын. Менің әлім келмейді»,– деген патшасынан хат келеді. Міне, Әділдің қызылбастың жауына қырық мың әскермен аттанғанының себебі осыдан болады»,– деп түсіндіреді.

Бұл жерде Әділдің ел билеушісінің перзентсіздік зарын тартып жүргенде көрген жалғыз ұлы ретінде бейнеленуі – эпостың сюжеттік инвариантының тұрақты бөлігі болып табылатын типологиялық өмірбаяндық мотивтің қайталана қолданылуының нәтижесі. Әйтпесе Әділдің әкесі – Дәулеткерейдің ұлдары бірнешеу болған, олардың есімдері тарихи деректер арқылы белгілі. 1583 жылы қалға лауазымын атқарып жүрген Әділ жауға аттанған тұста Түркияны және Қырым хандығын кімдер басқарғанына жоғарыда тоқталдық. Ысмайылдың Ноғайдың патшасы емес, биі болғаны белгілі. Оның «үстінен қарайтын Түрік патшасы» деген сөз анық анахронизм болып табылады. Өйткені Ысмайылдың Түрік елінің бітіспес қарсыласы орыс патшалығының мүддесіне қызмет ету арқылы билігін нығайтқан, сол үшін бұрынғы Жошы, Шағатай ұлысын мекендеген түркі халықтарының санасында, опасыз, жауыз, сатқын, зұлым, алааяқ ретінде мәңгілік жағымсыз кейіпкер кейпінде сақталғаны мәлім. Оның үстіне Түркия мен Ысмайыл биі болған Үлкен Ноғай ордасы арасында ешқашан тұрақты дипломатиялық, достық қатынас орнамаған. Сондықтан Ысмайылдың жоғарыдағыдай мазмұндағы хатты түрік сұлтанына жолдауы, оған ол жақта құлақ асатын адамның табылуы шындыққа сәйкес келмейді.

Аталған үш батырға ерген әскердің ішіндегі айтулы батырлардың есімдері Қ.Шоқаев нұсқасында аталғандармен бірдей. Оқиғаның одан арғы дамуындағы Әділдің шешесінің түс көруі, Ілияның оны жоруы, екеуінің Әділді қуып жеткенмен, оны кері қайтара алмағандығы осының алдындағы нұсқадағыға ұқсас суреттелген. Салыстырылып отырған екі нұсқада Қазбан шаһарын алуды суреттегенге дейін елеулі өзгешелік жоқ. Тек бұл тұста Ахметтің сәтсіздігі туралы сөз болмайды. Әділ орға құлағанға дейінгі оқиғаларда да айырмашылық жоқ. Тек оны іздеген ағайынды екі батыр Қарасай жаралы болған соң ғана елдеріне қайтады. Одан арғы оқиғалардың дамуы бірдей болып келгенімен, Әділдің зынданын көрсететін әйелдің бейнесінде өзгеріс байқалады. Ол оқиға: «Әлқисса, Қарасай мен Қази досын іздеп таба алмай тұрғанда, өзінің анасы пір болып ұшып келіп, Әділдің жатқан жерін көрсетіп, ұшып кетеді»,– деп суреттелген.

Ал, «Қарасай, Қази» жырының Айса Байтабынов жырлаған нұсқасында Әділ сұлтан – Шынтемір ханның қартайғанға дейін перзентсіздік зарын тартып, Құдайдан бала сұрап жүр-

генде көрген жалғыз ұлы. Сонда Әділдің шешесі жеті басты айдаһардың жүрегіне жерік болады. Соған орай Шынтемір Қарасайға өтініш жасағанда, Қарасай шешесінің жөн сілтеуімен Күйгентау деген жерге келгенде, оған қарсы айдаһар айбат көрсетеді, бірақ оған батыр шыдас береді. Соған тәнті болған айдаһар өзінің құйрығының бір елісін кесіп береді. Оның салмағы он пұт, он қадақ шығады. Соны жеген Шынтемірдің кемпірі – Ақтолқын жерігін басады. Оның толғағы да қатты болып, перзенті сыртына шыға қоймайды. Бұның сырын Қараүлек қана біліп, елге;

«Ішіндегі ер екен,
Еңіреген ердің бірі екен.
Сырты – шойын, сүйегі темір,
Жүзі жарқын, өзі алғыр,
Билер халқын», – деп түсіндіріп:
«Жайшы деген кемпір бар,
Шақырт та енді, соны ал.
Жайшы кемпір келмесе,
Жайшы жайын білмесе,
Біле алмадым мен деді», – деп ақыл айтады.

Жайшы дегеннің мағынасы найзағай ойнатушы екені анық. Оның бұл қасиетінде грек мифологиясындағы Зевске тән ерекшелікке ұқсастық байқалады. Олимптің аталған патшасының да ең басты қасиеті жай [найзағай] ойнату болып табылғаны белгілі.

Жайшы кемпір Ақтолқынның босана алмай жатқан себебін Қарасайға былайша түсіндіреді:

«Туатұғын бұл бала
Өзіңнен де артық ер, – деді.
Әскерің жинап ал, – деді.
«Жау да келіп қалды», – деп,
Аллалап ұран сал, – деді.
Сонда бала туады,
Дауасы содан болады».

Сондай тәсілмен дүниеге келтірілген ұлдың келбеті:

«Басы қара қазандай,
Тереңнен шыққан сазандай.
Омырауы есіктей,
Ойынды еті бесіктей.
Саусағына қарасаң,
Құмға тиген көсіктей», – деп суреттелген.

Сөйтіп дүниеге келген Әділ он беске келгенде, Темір хан дегеннен хат алады. Ол әуелі Қарасай, Қазиға, одан кейін Телағыс пен Қобыландыға, ең соңында Ахметке сәлем жолдап, өзін Тесіктегі қызылбас шаппақ болып отырғанын айтып, көмек сұрайды. Сол шақыруға орай аталған батырлар мен Құбығұл батыр жорыққа аттанып, он екі ай жол жүріп, оның ішінде алты ай бойы шөлді басып өтіп бір көлге жетеді. Сол жерде дұшпанның елі мен жерін байқап келу үшін Әділ хан Ахметті жұмсайды. Ол көкпен тілдескен Теміртауға жетіп, соның ортасындағы тесіктің болаттан соққан есігін көріп, кері қайтып келеді. Одан кейін жұмсалған Қарасай әлгі тесіктен кіреді, соның қап-қараңғы ішімен он бес күн жүріп, арғы жағына шығады, сонда тұлпарымен тұрған қарауылшы батырмен шайқасып, жеңіп, ханына қайтып келеді. Содан хабар алғаннан кейін қызылбасқа өту үшін жеті батыр қолдан бөлінеді. Сол жердегі сұрапыл соғыс кезінде Әділ орға құлап, сонда қалады да, Қарасай, Ахмет, Телағыс, Құбығұл жаралы болып, өзге батырлар соларды жаудан алып шығып, елге оралады.

Әділді қолға түсірген қызылбастар оны суға батырып та, отқа жағып та өлтіре алмай қояды. Сонда бір мыстан кемпір Әділдің сүйегі шойын, терісі болат екенін айтып:

«Тас көмірді жағыңдар,
Майға бөлеп, балқытып,
Қарын кесіп алыңдар», – деп кеңес береді.
Солайша жеті күн бойы балқытып, кемтар етілген Әділге бір күні пірі келіп:
– Мінемісің үстіме?
Алып кетейін, балам-ай, – дегенде,
Әділ:
– Тіліңді, бабам, алмаймын,
Он саусақ пен қолым жоқ,
Сопайып елге бармаймын.
Осы күні бейне бір
Бұтағы кеткен талдаймын.
Бабам болсаң сен, – деді.
Берменірек кел, – деді.
Қанатыңды бер, – деді.

Айтқанын істеген пірінің қанатына хат жазып жібереді. Қарақұс кейпіндегі пірі Әділдің үйіне келеді. Қарындасы Ілия хатты оқыған соң Қарасай мен Қазиға келеді. Олардың өздері де Әділді іздеп жүргелі жатыр екен. Хатта жазылған жерге жетіп, дұшпанның Қанжарбек деген ханын қатты сабағанда, ол:

«Ханыңды сенің жазайын,
Ханыңның қарын салайын», – деп жалынады.

Содан кейін мыстан кемпірді алдырып, Әділдің қарын орнына салып, емдейді.

Бұл жыр Сыпыра жыраудың елге келген Әділдің шешесін құттықтаған толғауымен аяқталады.

«Қарасай, Қази» жырының Мұрын жырау айтқан нұсқасы Орақтың опасыздықпен өлтірілгенін суреттеуден, оның артында алты жасар Қази, жеті жасар Қарасай деген екі ұлы қалғанын баяндаудан басталады.Одан ары қарай Орақ өлгеннен соң болған оқиға: «Қондыкер деген қалмақтан хат келеді Әділ хан деген ханға [бұл ноғайдың ханы еді]. «Қарасай мен Қази қорықпаса, келсін, қалмаққа аттанып, шапсын, – деді. – Ер болса, екеуі де келсін», – деді.

Сонда Әділ хан ойлады:

«Екі бірдей жетім баланы жауға жіберіп, өзіміз үйде отыру келісімізге келмейді», – деп, Қырымға хабар салады. Қырымның байтақ ерін жиып алады... «Хан ордасына түсіп кетейік, – деп, Мұса ханның ордасына келіп түседі».

Бұндағы Қондыкер деген – Түркияның территориясына қоныс аударған қандастарымызға байланысты этноним, оны қалмақтармен байланыстыру қисынсыз. Ал, аталған Мұса – хан болмаған, би, беклербегі лауазымдарын иеленген кісі, ол Мамайдың әкесі, Орақтың атасы болып табылады.

Өзінің үйінен дәм татып аттанған Әділ мен әскерін көрген Қарасай солардың соңынан аттанады. Сол сапарда Әділдің аты орға жығылып, өзі жаудың қолына түсіп қалады. Ол зынданда жатқанда, қасына келіп қонған қарлығаштың қанатына хат жазып жібереді. Қарлығаш бір күні Әділдің үйіне жетіп, ханның қарындасы – Ханзияның тізесіне келіп қонады. Оның қанатындағы хатта: «Мен зынданға түсіп қалдым. Мені құтқарып алатын тоқсан баулы ноғайда ешкім жоқ. Орақ қияметтік досым еді, оның жалғыз баласы Қази қалып еді. Тірі болса, қарындасым Ханзия тапсын», – деп жазылған екен.

Ханзия Қазиды іздеп табады. Қази барып, Әділді зынданнан босатып, елге алып қайтады.

Байқап отырғанымыздай, Әділдің бейнесі «Қарасай, Қази» жырының нұсқаларында фантастикалық сипатқа молынан ие болып, классикалық қаһармандық эпостың өзге де батырларындай мыңдаған жаумен жалғыз өзі шайқаса алатындай сипатқа ие болып, зорайтыла сомдалған. Оған қазақ жыршыларының өздері тұрған өлкеден жырақта болған тарихи тұлға-

ның тағдырын жетік білмеуі де себепші болған секілді. Оны Әділдің әке-шешесінің есімдері әртүрлі және қате аталуынан да аңғарамыз. Оның соғысқан елдерінің атауларымен де келісе беруге болмайды. Мысалы, Қази, Әділдер өмір сүрген уақытта қалмақтар Ноғай Ордасы мен Қырым хандығының шенін басуға жарамаған. Зерттеушілер қалмақтардың өз жеріне келгенін Ештерек би бастаған ноғайлар ең алғаш рет 1601 жылы көргенін анықтаған.

«Қарасай, Қази» жырындағы кейіпкерлердің есімдері бұл туындыларға полистадиялық сипат, яғни, әртүрлі уақытта өмір сүрген тарихи тұлғалардың бір дәуірде өмір сүрген адамдар секілді суреттелуі тән екенін байқатады. Мысалы, Әділ хан әскерінің құрамында болғаны суреттелетін Алау, Тама, Ахмет, Қобыланды, Телағыс батырлар туралы осыны айтуға болады. Бұлардың алғашқысы күллі Кіші жүздің арғы атасы деп есептеледі. Ал, Тама Қазанды қорғаудың қаһарманы – Шора батыр шыққан рудың ілкі атасы. Татар ғалымы М. Усманов өзінің "Татарские исторические источники XVII–XVIII века" атты еңбегінде Айсылдың ұлға Аметтің тарихта шындығында болған тұлға екенін ибн Батутаның естеліктерінде аталған саяхатшының Өзбек ханның әрі күйеу баласы, әрі қайын атасы болып табылатынын, аталған ханның әмірлерінің әмірі қызметін атқаратын Исабек гураганның үйінде қонақта болғандығын әңгімелеу ұшырасатынына және "Никон жылнамасында" осы Исабектің немересі Астрахан князі – Салшының ушкуйниктік қарақшыларды алдаусыратып өлтіргені баяндалатынына, Салшының есімі "Айсылдың ұлы Амет" жырының соңында аталатынына сүйене отырып анықтаған.

Қобыланды – «Едіге» жырының 1419 жылы қаза тапқан бас қаһарманының да, 1521 жылы опат болған Алшағырдың да замандасы ретінде, 1456 жылы Қазақ хандығының Әбілқайыр билігінен бөлінуіне де себепкер ретінде танылатын тұлға. Ал, Телағыс жөнінде деректер де XVI ғасырдың жиырмасыншы жылдарының орта шеніне таман үзілген. Өзге батырларға да тоқталсақ, олардың жас шамасы Әділден алшақ жатқаны білінер еді. Олардың бәрі қазақ жыршылары айтатын «Қырымның қырық батыры» атты жырлар циклының кейіпкерлері болғандықтан, осындай бір жырдың кейіпкерлері болып суреттелетіндей дәрежеге жеткен. Жоғарыда байқағанымыздай, Әділ Қарасай, Қазидан да бірде үлкен, бірде кіші болып суреттелсе, кейде құрдас ретінде де көрінеді. «Әділ сұлтан» жырында бас кейіпкердің лауазымы дұрыс айтылса, «Қарасай, Қази» жырында ол хан деген атаққа ие болған. Сондықтан В.М Жирмунскийдің «Әділ сұлтан» жырының Қырым татарлары нұсқасы мен «Қарасай, Қази» жырының Мұрын жырау, Нұртуған ақын, Айса Байтабынов жырлаған нұсқаларын салыстыру нәтижесінде жасаған: «Ноғай нұсқалары тарихқа әлдеқайда жақын. Қазақта тарих аңызының алыс үні ғана сақталған. Әділ хан –ноғай, жаулары – қалмақ, жас батыр Қази оны қалмақ тұтқынынан азат етуші болып шықты»,– деген [5, б. 499] ғылыми тұжырымы – жалпы «Әділ сұлтан», «Қарасай, Қази» жырларының тарихилық сипатын анықтайтын, ден қоюға тура келетін ой қорытындысы.

Сакен Сеилбек,
Адилбекова Лаззат Махайовна

Эпический образ Адил султана и поэтическая традиция

Аннотация. *В статье описывается поэтический образ исторической личности Адилгерей султана Даулеткерейулы в казахском эпосе «Адил султан» и «Карасай Кази». Эпос был впервые опубликован в 1896 году академиком Радловым в сборнике «Образцы народной литературы северных тюркских племен, Ч. 7. Наречия Крымского полуострова», а другой вариант этого произведения был опубликован учителем местной школы г. Кизляр Ананьевым в 1900 году в книге «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Авторами произведен сравнительный анализ композиций между разными вариантами данного эпоса.*

Ключевые слова: *Адильгерей султан Даулеткерейулы, крымские татары, Карасай-Кази, Осман султан, Карасай батыр.*

Saken Sailbek,
Adilbekova Lyazzat Mahayovna

The epic image of Adil the Sultan and the poetic tradition

Abstract. *“Adil Sultan” and “Karasai Kazi”. The epic was first published in 1896 by Academician Radlov in the collection “Samples of folk literature of the northern Turkic tribes, P. 7. Adverbs of the Crimean Peninsula“, and another version of this work was published by the teacher of the local school of Kizlyar Ananyev in 1900 in the book” Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus.” The authors made a comparative analysis of compositions between different versions of this epic.*

Keywords: *Adilgerei Sultan Dauletkerei Uly, Crimean Tatars, Karasai-Kazi, Osman Sultan, Karasai batyr.*

Әдебиет:

1. Әуезов М. Шығармалар / М. Әуезов. – Он екі томдық. – Т. 11. – Алматы, 1969.
2. Исин А. ”Әділ сұлтан” эпикалық жыры / А. Исин. – Алматы, 2001.
3. Жирмунский В. Тюркский героический эпос / В. Жирмунский. – Лен., 1974.
4. Қасқабасов С. Тұтастану – фольклор поэтикасының заңдылығы / С. Қасқабасов // Қазақ фольклорының поэтикасы. – Алматы, 2001.
5. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. – Ч. 5. / В. Радлов. – СПб, 1885.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ – ЭДЕБИЯТШЫНАСЛЫКЪ

УДК: 930.253:94 (54) 02 (477.75)

Исмаил Асаногълу Керим[1]
E_mail: alimes@mail.ru

Къырым ханлыгъы девринден къыйметли вариет

(«Qırım hanlığınıñ qadıasker defterleri: metinler ve çeviriler» китабы акъкъында)

Анълатма. *Макъаледе бир сыра чокъ къыйметли ве уникаль малюматлар узеринде къырымтатар девлетчилигининъ шекилленмеси ве тикленмеси (1241–1783) эснасында маддий ве миллий-медений, ве маневий асабалыкъ косьтерильмеси ве ачыкъланмасы теджрибе этиле. Ишбу материаллар XIX асырнынъ сонъунда Смирнов, Биарсланов, Лашков, Чобан-заде, Бартольд ве дигерлери тарафындан ишленип башланса да, айры китап шеклинде ялынъыз 2017 сенеси Къырымтатар филологиясы, тарихи ве медениети ильмий араштырма институтынынъ хадими ф.ф.н. О.Д. Рустемов тарафындан тедкъикъ, транслитерация ве глоссарийлер иле азырланып нешир олунгъандыр.*

Анахтар сёзлер. *Къырым ханлыгъынынъ къадыаскер дефтерлери, сиджиллер, шериат махкемеси, махкеме къарарларындан суретлер.*

Ахыры-сонъу бу сене (2017) октябрь айында Акъмесджиттеки «Салта» нешриятында (бичимлемеси: «И. Гаспринский адына медиамеркез») О.Д. Рустемовнынъ «Кадиаскерские книги Крымского ханства (тексты и переводы). Qırım hanlığınıñ qadıasker defterleri (metinler ve çeviriler)» [1] серлевхасы алтындаки китабы чокъ сюслю ве юксек дереджеде сыфат иле дюнья юзюни корьди… Китапнынъ нешрини дестеклеген «Б. Чобан-заде фонду» на бинълердже эваллалар ве арды даа гурь олсун дее сёйлемемиз керектир.

Чокъ сенелерден берли аджиз къаранлыкъларда, корюнмез, сезильмез, дуюлмаз, танылмаз варлыкъларда булунгъан ве Къырым ханлыгъы деврине аит олгъан эльязылы териджылтлы 124 том мешхур «Къадыаскер дефтерлери»нинъ бириндже джылтынынъ (1608–1613 сс.) буюк къысмы ве дигер томлардан айры парчалары латин хуруфатына транслитерациясы ве русчагъа терджимеси иле матбаа юзюни корьди! Акъикъатен, муждделер олсун миллетимизге!!!

Азиз ватанымызда сонъ онларджа сенелернинъ девамында ишбу «Дефтерлер»ге тикленмеген козьлер, вургъун олмагъан юреклер къалмады десек, мубалягъа олмаз. Араб язысында азбучукъ окъугъан бир чокъ оджа ве алимлеримиз Акъмесджиттеки И. Гасприн-

[1] ***Керимов Исмаил Асанович,*** д.филол.н., проф.; директор НИИ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

ский кутюпханесинде булунгъан бу «Дефтерлер»нинъ 61-томлукъ копияларыны козьден кечире, хаялларгъа дала, муджизелерге бурюне эдилер. Ама кимсечикнинъ (Тюркиели базы оджалардан маада ве айрыджа мерхум Халиль Иналджыкъ) буларны окъумагъа, эр бир сёзчюгини, джумлечигини анъламагъа, манасыны чыкъармагъа бильги такъаты ве эски метинлер окъумакъ теджрибеси етмегендир ве якъын араларда эр шей ойле де къаладжакъ эди… Чюнки бу метинлер 400-йыллыкъ эскилигинде «дохтур» эльязысында олгъанындан гъайры, оларны окъуйджакъ инсан арабча-фарсиджени мукеммель бильмек, къырымтатарджанынъ эскисини – къыпчакъча-огъузджанынъ шиве деринлерини анъламакъ керек эди. Булардан гъайры, чокъ гузель бир хукъукъшынас, бу саха боюнджа керекли бильги ве эски терминологияны таныгъан, анълая бильген бир илим адамы олмакъ керек эди. Иште, бу сыфат ве мелекелернинъ эпси къыйметли оджамыз «Къырымтатарджада юридик терминология» мевзусында намзетлик диссертациясыны къорчалагъан Олег Дилявер-огълу Рустемов ве онъа бу иште якъындан ярдымджы олгъан иранлы хукъукъшынас Таги Салахшоруда булунгъандыр. Ишбу къыйметлиден-къыйметли чалышмалары ичюн оларгъа буюк миннетдарлыгъымызны бильдирип бинълердже сагъоллар ве эваллалар айтамыз.

Дегерининъ кенары олмагъан джылтны саифелер экенмиз, бу замангъа къадар кимсечикке – не филологларгъа, не де тарихчилерге белли олмагъан бир чокъ фактлар, сонъ дередже меракълы ве къыйметли малюматлар корьмектемиз.

Динимиз ве инанчымыз, ве Юдже Раббимизге табынмамыз, сыгъынмамыз не дереджеде самимий ве не дереджеде юксекликте олгъаныны шерие-и-махкеме сиджиллерининъ аман-аман эр биринде корюнмекте. Яни махкемеге огъраркен, къабаатсыз олгъанынъа тесадуфен ич бир тюрлю делиль ве исбат булунмадыгъы алда, «Аллахымызнынъ адынен емин этем» десенъ, къабаатсыз танылып махкеметен азат олунасынъ. Хатта инсан къатиллигинде шубеленгенлер биле емин иле джезадан къуртула эдилер: «…bi'l-muvacehe Aqay Gazi'den sual olunduqta bi'l-inkâr cevap vircek, el-merqum Küzi'den beyyine taleb olunduqta beyyine'den aciz olmağın, el-mezbûr Aqay Gazi'ye yemini teklif olunub, yemin Billâh itdiginden soñra necati ile hükm olunub qayd olundı».

Эм ялынъыз къырымтатарлары дегиль, базыда башкъа динге менсюп олгъанлар да, Аллахнынъ адынен емин эткенлери ве махкеметен азат олунгъанлары корюнмекте.

Махкеме сиджиллеринден язылып алынгъан суретлер (выписки) пек эмиетли весикъалар эдилер ки, кучьлерининъ муддети сынъырланмагъаныны козетемиз. Меселя, 1608 сенеси Багъчасарай шерие-и-махкемесинде бойле иш бакъыла. Арыкъ-бин Хаджы Молла адлы кимсенинъ бабасы сагъ олгъанда, Джихангир намлы койде багъча тута эди. Онынъ борджу олгъаны себебинден шу багъчаны 18 флюри (флорин – везни буюк олгъан кумюш пара) къыймети иле рехин (залог) шеклинде Мурат-Гъазы адлы кимсеге къалдыра. Арыкъ-бек 15 йыл ветанындан тыш булуна. Шу арада Мурат-бек сахибинден разылыкъ алмадан багъчаны сата. Ама Арыкъ-бек 15 йылдан сонъ къайтып, шу багъча аилесининъ мулькю олгъаны хусусында махкемеде дава ачып къайтарылмасыны талеб этерек, сахиплиги хусусында сиджильден суретни такъдим этип кенди багъчаларыны къайтара.

Бугуньдеки тарихий языларда ханлыкъ деврининъ белли шахслары хусусында лакъырды ачылгъанда, чокъсу алларда ханларнынъ кенди яхут оларнынъ якъынлары ве догъмушлары, айрыджа къалгъайлар, нуреддинлер мевкъилеринде булунгъанлар шу джумледе анъылмасыны коремиз. Ама «Къадыаскер дефтерлери»нде урьмет-итибар ве гъает буюк авторитет ве еткинлик къазангъанлары иле XVII асырнынъ башларында Багъчасарай ве этрафында яшагъан (бир олгъу, олай сыфатында) бойле затларнынъ адлары да кечмекте: Мухаммед-бек ибн-и Мустафа, Аллахахмар бин Ибрахим, Хаджи Бали ве дигерлери. Булар: «celîli'l-qadir» (къуввети буюк олгъан), «fahru'l-aqran» (мусавий кишилер арасындаки гъурур), яхут «mahfil-i kaza'yi celîli'l-qadir», яни «адалет мейданынынъ буюк темсильджиси», «улугъ зат» ве башкъа шаиране ве озь табакъасына ляйыкъ олгъан эпитетлер иле анъылалар.

Бу замангъаджек Къырым иле багълы тарихий эсерлерден огренгенимиз киби, курклер (меха, шкурки, пальто, шубы) Къырымгъа Русие тарафындан кетириле ве эсасен верги («поминки») сыфатында къулланыла эди. Ама «Къадыаскер дефтерлери»нде базыда бунынъ аксини коремиз. Яни чешит курклер Къырымдан Москвагъа сатылмасы ичюн кондериле экен. Меселя, бир сиджильде Али бин Шукюр-Агъа адлы кимсе Москвагъа сатылмасы ичюн 20 багъ курк кондергени ачыкълана.

О заманнынъ Къырымында мал фиятлары да айрыджа дикъкъат чекмекте. «Къыдыаскер дефтерлери»нде къайд этильгенине коре, къозусы иле берабер бир къойнынъ фияты – 1 хасене, учь огюз – 15 хасене, бир бугъа – 4–5 хасене, учь дёнюм топракъ 36 хасене. Аслында Къырымдаки малнынъ уджузлыгъыны чешит сейяхатчылар да къайд эткен эдилер. Меселя, 1663–1672 сенелери ичинде франсыз тилинде нешир этильген Жан де Люкнинъ «Ор-Къапы татарлары…» адлы эсеринде бойле малюматны буламыз: «Ашайт маллары Къырымда о къадар уджуз ки, 15 йымыртаны 1 аспргъа алмакъ мумкюн, бир тавукънынъ фияты – 1 су, бир фунт хавъяр (икра) – 2 су фиятындадыр» [2]. Айны фикирни дигер сейяхатчы голландиялы Николас Витсен де къайд этмекте (XVII а.): «Бильмейим, дюньяда даа ойле ер вармы, хангисинде ашайт малы даха сыфатлы ве даха уджуз олсун… Пек леззетли къой этининъ бир фунту (453 гр.) ялынъыз 4 пеннинг. Башкъа эт, отьмек, емиш, къуш эти ве ягъ даха уджуз. Тузну исе, бедава демек де мумкюн. Къыскъадан айткъанда, хаят ичюн не керек олса - хэр шей уп-уджуз, асла фият этмей» [3].

Тарихчилер тарафындан энъ аз огренильген меселе бу – Къырым ханлыгъы заманында гемияпыджылыкъ меселесидир. «Къадыаскер дефтерлери»нде бунъа аит малюмат да булунмакъта. 1610 сенеси бордж оденмеси меселесинде Къырым ханы Селямет-Герай ичюн сымарланып Хаджи Мусалли тарафындан къурулгъан «Къара Мурсель» гемиси акъкъында сёз юрютильмекте. Гемининъ узунлыгъы 30 аршын (22 метрге якъын) олып, къурулып битирильмегени алда фияты 1000 флюрин экени анълатылмакъта. Айны менбада, кене 1610 сенеси Ризван Реис («реис» – капитан манасында) адлы киши Балыкълавада узунлыгъы 15 метрлик (22 зирлик) ве фияты эпси олып 93 бинъ акъче масрафында геми къурдургъаны тариф этильмекте (sahife 22-B 1-73/70). Бунъа бенъзер базы дигер менбаларны да мисаль оларакъ кетирмек мумкюн. Меселя, 1634 сенеси нешир этильген Кефе шеэрининъ полиция башы Эмиддио Дортелли Д´Асколининъ «Описание Чёрного моря и Татарии…» китабында Къырымнынъ шеэрлери акъкъында хабер берилип Балыкълава бойле анълатыла: «Балукълава (!) кенди лиманы, этрафындаки орманларнынъ кенишлиги иле мешхурдыр. Тереклеринининъ къуруджылыкъкъа ярагъан чешитлигини корьгенде, айретлерге даласынъ. Бу ерде эр сене Мысыргъа къалын разанлар (терек кевделери) ташымакъ ичюн балабандан-балабан юк гемилери япылмакъта. Сонъ сенелери исе, бу ерде галералар да япылмагъа башлангъандыр. Кечкен сене беш галера ишке тюшюрильди. Ве меним эшиткениме коре, бу сене алты галера япылмасына сымарыш алынгъандыр» [4].

Къырым ханлары ве мырзаларынынъ бир чокъунда кенди гемилери олгъаныны да билемиз. Шахин-Герай ветаныны терк этеркен, этрафындаки эркянынынъ бир къысмыны кендисининъ эки гемисине юкленмелери хусусында бойле хабер булунмакъта: «Коллежский асессор Караценов Таманьден дёндюктен сонъра, рапорт иле хабер этти ки, къайдгъа алынгъан кишилернинъ эпси Шахин-Герайнынъ хызметинде къалып, онынъ хареми ве гурухыле ёнеджеклери акъкъында истек бильдирдилер. Шунынъ ичюн Таганрогдан Енъи-Къалеге кельген ханнынъ эки гемиси азыр олдугъындан сонъ, Калугадан Керим-Герай мырза тарафындан ёлланылгъан 34 кишилик гурухнынъ бир къысмы атларыле октябрь 12-де (1786 сенеси) Тавридадан Киевге ёнетильдилер. Керим-мырзанынъ кендиси де Калугалы Крейс исминде бир субай иле о тарафкъа ёнедилер. Ханнынъ хареми дигер бир гурух кишилерле гемилерге минерек октябрьнинъ 21-де Керчьтен денъизге чыкъып Истанбулгъа ёл алдылар» [5, с. 147]. Къырымда эски заманлардан гемияпыджылыкъ ишлери Акъярда да олгъаны беллидир. 1783 сенеси рус ордулары Къырымгъа кирген сонъ, бу ишлер о

ерде девам эттирильди. Эм де табий ки, Къырым дагъларындан алынгъан кересте о ерде ишлетилир эди. Князь Потёмкиннинъ Къырым иле багълы «ордерлеринде» бойле хаберни коремиз: «Севастополь лиманында гемилернинъ тюзетильмеси ве тамири ичюн керекли керестелерни Таврида орманларындан топлайып о ерге кондермеге мерамым бар… 31 октябрь 1788 сенеси» [6, с. 11–12]. Къырымда гемияпыджылыкъ ишлери къырымтатарлар тарафындан XIX асырда да девам эткени беллидир. Меселя, 1806 сенеси бу ерде кезинти япкъан ингильтере шаири Реджинальд Хебер бойле меракълы малюмат бермекте: «Партенит коюнде гемияпыджылыкъта буюк теджрибеси олгъан бир татар къартыны растладыкъ. Шу арада эки огълу ве кендиси елькенли бир геми къуруп битиргенлер. Козь къарарыле отуз тонлукъ шу гемини Кефели бир сатванджы сымарлагъан. Бу тарафларда япылгъан гемилернинъ чокъсу тюрк гемилерине бенъзер, елькенлери исе латин услюбинде олып, геминиңъ башы юксек котерили, къычы исе зиядесиле эгрильгендир» [7, с. 266]. Аслында Партенитте гемияпыджылыкъ ишлери чокъ асыр эввель олгъаны араб сейяхатчысы Аль-Идрисининъ языларындан беллидир. Кендисининъ 1154 сенеси язгъан «Джогърафик эгленджелери»нде Партенит акъкъында бойле сатырлар яза: «Гурзуфтан Партениткеджек месафе 10 миль. Партенит инсан къалабалыгъы иле айрылып турмакъта. Бу ерде гемилер къурула. Геми тезгяхы да булунмакъта».

Къырым ханлыгъынынъ ильк девирлеринде де, пек буюк олмаса да, геми донанмасы булунырды. Тарихчилер Хаджы-Герай заманындаки Инкерманда булунгъан геми донанмасы хусусында сёз юрютмектелер. Бундан гъайры, Менъли-Герай Джан-Керман (Очаков) шеэрининъ къурмасында эсас макъсады геми донанмасыны тутмакъ эди. Чюнки Озю (Днепр) ирмагъында тутулгъан гемилер тиджарий ихтияджлардан гъайры, керекли вакъытта Къырым аскерлерининъ къаршы кенаргъа чыкъмасы ичюн тутула эдилер [8].

«Къадыаскер дефтерлери»нде бугуньде къырым этнографларынынъ ильгисини чекеджек даа бир чокъ зенгин материаллар булунмакъта. Меселя, 1610 сенесине аит олгъан чешит варислик худжетлеринде бойле эшьяларнынъ адлары кечмекте: Буюк бекмез табасы, Кучюк къара сандыкъ, Чёюн къазан, Аладжа килим, Кучюк халы, Къадифе ястыкъ, Дими дёшек, Дувар ястыкъ, Чини сахань, Мезе тепси, Къулплы (къулакълы) бакъыр къазан, Тор (тешикли) къушакъ, Килим зили (ерге тёшельген килим), Ференги курк ичи ала тийин (!), Ал тон джуббе, Буюк кемикли сандыкъ, Буюк тенджере, Сепет сандыкъ, Кертикли сахань, Кебаб табасы, Бакъыр сини, Васат тенджере, Гугюм, Тёшек кебирни, Ястыкъ кебирни, Аякълы сахань, Тас къошаб, Хэльва табасы къулплы, Хаммам легени, Эль легени, Эль табасы, Эль мешребе, Чыракълыкъ, Кепче, Кебаб демири, Сач аякъ, Чалгъы, Килит, Таракъ, Агъач сини, Аякълы къона, Кёбе (бешик орьтюси), Макъас, Пычакъ, Буюк ашакъ, Буюк маша кучюк иле, Кемер, Бургъу, Дести (бал гугюми), Шах дести (богъазы тар, асты кенъ бир сой савут), Чёт, Балта ве дигерлери…

Сиджиллерде тилимизнинъ тарихи ичюн гъает меракълы малюматлардан ольчю келимелерини анъмалы. Бугуньде ич бир лугъатларда булунмагъан «саб» киби ольчю сёзлери ве оларнынъ маналары халкъымызнынъ тарихий хаятыны даа терен ве даа индже анълатмакъталар. О. Рустемовнынъ ачыкъламасына коре, «саб» – 1,6 (тахминен) тонналыкъ чекидир. Меселя, туз сатылгъанда, оны «саб» эсабынен ольчей эдилер. «Дефтерлер»де «зира» – къумач ольчюси (тирсектен ачыкъ эльнинъ орта пармагъы уджунаджек олгъан месафе); «киле» – богъдай, арпа, тары киби сепиле бильген неснелернинъ ольчюси; «бир къыта топракъ» – участок земли ве дигерлери. Биз эски лугъатларымызнынъ тахлилинен огърашыркен, эскиде къулланылгъан бойле ольчю сёзлерини косьтерген эдик: «онлама» – 833 метрлик месафе ольчюси; топракъ ольчюсинде «дёнюм» /ар/ – 10 соток, ве бунъа коре чейрекнинъ ярысы – «ярым бесери», чейрек олса – «бакъла» киби келимелер къулланыла. «Къарыш» – пядь земли. (Бу сонъкиси шартлы оларакъ терджимедир. «Къарыш» сёзю ве ольчюсини айрыджа анълатаджакъ олсакъ, «къарыш» ольчюси – ачыкъ эльнинъ баш пармагъындан чёнати пармагъынаджек олгъан месафе [9, с. 1024], «пядь» исе, ачыкъ эльнинъ

баш пармагъындан ишарет пармагъынаджек олгъан месафе [10, с. 835], «пядь» келимесининъ къырымтатарджасы «шанус»тыр [11], бугуньде «сюем» сёзю де къулланылмакъта. Топракъ ольчюсинде эскиден «Шерие-и-сиджил»лерге коре, «сабанлыкъ» келимеси де къулланыла эди. Яни бир сабанлыкъ – бир куньде сабан иле къазылгъан ер ольчеми; «Зир(а)» – 0,68 м. «Батман» – 18 фунт (о заманда рус фунту – 409,5 грамм эди); «Окъкъа» – учь фунт деп косьтериле (аслында окъкъа – 1283 граммдыр). Бу ерде бал ольчюсинде къуллангъан «за/н/» келимесини де анъмалы: бир за/н/ – 10 кг. балдыр. Буны А. Ильмийнинъ «Къуртчу Бекирчик» икяесинде растлаймыз [12, с. 149]. Ама Ханлыкъ заманында «зан» ольчюси иле топракъ да ольчене эди [13]. «Адым» – шаг; «аршын» – аршин. (Бу сонъки ольчюнинъ де къырымтатарджа ве русчасыны, азбучукъ олса да, айырмакъ керектир. Къырымтатарджа: «чаршы аршыны» 0,68 м., «мимар аршыны» 0,75 м., рус «аршин»и исе, 0,71 м.). Бу меселе иле даа тафсилятлы танышмакъ истенильсе, шу ашагъыдаки менбагъа мураджаат этмели [14].

Сиджиллерни козетиркен, бугуньде унутылгъан ве эски хариталардан биле силинген бир сыра гъает меракълы кой-кент адлары булунмакъта. Меселя: Джихангир (Багъчасарай этрафында), Азаб-Хани, Такъас, Баракъ, Бочла, Къарабек, Сиври-Таш, Учь-Оба (Салгъыр озени кенарында) ве бир чокъ дигерлери. Булар Къырымнынъ ерлешме джогърафик адлар тарихини огренмек ичюн гъает эмиетли материаллардыр.

400 йыл эввель къырымтатарлары арасында расткельген бир чокъ меракълы шахсий адларгъа да айрыджа козь ташламалы. Базыларынынъ унутылгъанларына языкъсынмакъ да мумкюн. Эр алда эр кеснинъ анълайышы, хошсес дуйгъусы, дюльберлик тасаввурына коре къабул олунса да, эр бириси тарихимиз ве тиль медениетимизнинъ бирер джюзюдир: Бахрибей, Гулистан, Гульназ, Кунешкельди, Кунешхан, Сеферали, Сефербек Вукъураиль, Чораман, Тохтамыш, Мардуш, Толубай, Сухраб, Эсенджар…

Къырым ханлыгъында ат-араба чокълугъы ве къалабалыгъындан, хатта арабаларнынъ бири-дигерине чарпмалары да ер алгъандыр. Бойле олайны бир сиджильде коремиз. Абдурахим бин Эль-хадж Махмуд адлы кимсе Муртаза Кятибнинъ арабасыле токъушкъаны акъкъында къайд олунмакъта… [sahife 9-A (1-86 / 84)].

Атларнынъ номайлыгъы ве чешитлиги инсанлар арасында оларнынъ сахиплиги иле багълы чешит олайлар да чыкъара эди. Базы атларнынъ эм джынс, эм де дон (тюй ренки) бенъзерлиги даванынъ эсасында булунып, атта ат узерине тамгъа урулгъаны алда биле, сахиплиги там беллисиз олып дава чыкъарыла ве шериат махкемесинде чезильмеси ичюн огърашыла. Меселя, 1608 сенеси Къошчы Усьтюре адлы кимсе махкемеге Махмуд Челебини чекип дава ача. «Махмуд Челебининъ къолунда олгъан къазы аякъ тамгъалы тору алаша меним мулькюмдир» дей. Бунъа джевабен Махмуд Челеби: «Ишбу тору алаша бизим кенди биемиздир, джыран биеден догъмуштур» деп шаатларыны косьтере. Дигер бир сиджильде Эш Чора адлы кимсе махкемеге Хусейин бин Алини «такърир-и дава къылуп» (ресмий язы иле) чекип, шаатлар огюнде: «Богърул (бойнунда беяз алкъасы олгъан) ат къуш тамгъа чагъында (бельгиси иле) меним янында иркенинъ тамгъалы меним мульк-ю сарихим (ачыкъ айдын белли олгъан меним мулькюм) иди» дей. Ве шаатлары Мухаммед бин Али ве Ягъмурджы Яхшы Къул Али буны тасдикъ этелер.

Меракълы шей. Бир инсан дигерини миллий хасиетине (аляметине) коре акъсымласа, хакъарет этсе, махкемеге чекиле билир эди. Джылтнынъ бир сиджилинде бойле вакъианы растлаймыз. 1609 сенеси Багъчасарайда хаммамджы Муса хаммамджы Хаджы Хусейинни кендисине «чуфутсын!» деп себепсиз къазф эткени (акъаретлегени) ичюн махкемеге ихзар эткендир (чеккендир)[sahife 13-B (1-82 / 80)].

Аслында Къырым ханлыгъында социаль дурум, инсанлар арасындаки мунасебетлер ве тюзюклер, статуслар, инсан хакълары насыл олгъаны да айрыджа бир мевзудыр. Ханым ве къадынларнынъ хакълары баягъы кениш олдугъы чокъ мисаллерден ачыкъланмакъта. Сиджиллернинъ биринде 1610 сенеси багъчасарайлы Джанхабиб бинти Абдуллах исимли ханым зевджи (къоджасы) Джафер бин Хаджы Халильни меджлис-и-шерге (шариат махкемесине) чекип онынъ малы ве мулькюнден ве озюнден вазгечкенини ве талакъ олмасыны

ортагъа къоя. Яни айрылма меселеси къоджасындан дегиль де, ханымдан да чыкъа биле эди. Къадын-къызларнынъ сербестлиги, шу джумледе маддий джихэттен, къоджагъа чыкъкъанда мехр-и-мюэджель парасынен, яни эвлендиги заман къоджасы анълашма иле ваад эткен пара иле, темин олуна эдилер. Хатта ханым джарие (тутсакъ) олса биле, хоранта ичине алынгъан сонъ, догъмушларына киби бакъыла ве итирамлы мунасебетлерде булуна эдилер. Бунъа мисаль оларакъ харбий сеферде булунгъан Сулейман-эфендининъ 1633 сенеси къадынына язгъан мектюбидир. Мектюпте хоранталарында булунгъан джариелерге де айрыджа афер селямлар кондериле. «Дефтерлер»ден корюнгени киби, джариенинъ баласы догъаркен, шерие-и-махкемеде баланынъ бабасы таныттырылып, омюр ичюн керекли хакъларны ала эдилер. Меселя, 1609 сенеси Мехмед бин Абдуллах адлы кимсе Мехмед Челебининъ джариеси иле «гонъюль къошуп» баба олгъаны акъкъында шаатлар огюнде къайд олуна.

Джылтлангъан сиджиллер арасында базыда Къырым ханларынынъ ярлыкълары да корюнмекте. Буларны дикъкъатле огрениркен, ханларымыз халкъымызны адалетсизликтен ве хакъсызлыкътан къорчалагъанлары чокъ айдын корюнмекте. Меселя, 1609 сенеси Селямет-Герай озь ярлыгъында Баракъ ве Отуз-Сув койлерининъ сакинлери олгъан бир гурух инсанлардан ерли зенгинлер (Якъуб Шейх ве Мехмед Челеби) шериаткъа уймагъан верги алмакъ истеклерине шикяет эткенлерине эсасланып махсус ярлыкъ кондеререк мезкюр койлюлерден къой отлаткъанлары ичюн бир къойдан бир акъче верги аламаларына серт шекильде ясакъ эте. Дей ки, бойле верги не бабалар, не де къартбабаларымыз заманында олмады!... Иште, бойле ярлыкълар мунасебетиле, якъында нешир этильген Саадет-Герайнынъ 1524 сенеси берген ярлыгъыны да анъмакъ ерлидир. Бу ярлыкъта хан азретлери бир чокъ инсанларны хакъсыз вергилерден къорчалап бойле буюра:

«Улугъ улуснынъ онъ къолнынъ, сол къолнынъ, туман (он бинъ), бинъ, юз, он, бильген огъланлар, беклеринге, ички шехир даругъа беклеринге (шеэр мудирлерине), муфтий-муддерислеринге ве къазы-мухтесиблеринге (эскиден хэсапчы, беледие ишлерине бакъкъан мемурлар), диван битикчилеринге (кятиплерине), мешайих-софуларынгъа, къушчы-барсчыларынгъа, анбарджыларынгъа, тамгъаджы-тартнакъчыларынгъа (гумрюкчилерге), къаравул-туткъалларынгъа (ярлыкълар сакълагъанларгъа), гемиджи-копюрджилеринге, букъавул черилеринге (тамгъасыз мал кечирмеген аскерий хызметчилерине), юрюр-ишур эльчи-ёлавджыларынгъа, къаима (вар олгъан) иш уза юрьгенлеринге, коп ильге, барчагъа, тюз ве индже билинъ ким: ярлыгъны алып тургъан Тайкини огълы, Альп-Къараны, Маллийи, Къойлыны, Акъкъочкъары, Бозкъочкъарны, инси (кучюк къардашлары), Байкъараны, Джанкъараны огълу Танъры-Бердини, Баракъны огълы Хубданени, Акъылданени, Акъ-Мехмедни, Мехмед Софуйы, агъасы Танъры-Бердини, Итуни, Ходжукъи, инси (кучюк къардашлары) Тахирни, Девлет-Яры, Ураз-Кельдини, Байкъара Ходжайи - Альп-Къара, Джанкъара, Тахир – бу учюси бизге тюфенкчи олдугъы себебинден суюргъал (топракъ сахиплери) болуб азад тархан болсун дедик биз, бу тарханларымыздан ясакъ-къалай (умумий верги) деб тилемесунлер, алмасунлар, аты-улагъдан, къой-къозусындан, улагъ-ильмек (ат-араба) тутмасун, сойсун-улюфе (эрзакъ, ашайт) япмасунлар, эвлерине кучьбирле къонакъ-къошун къондурмасунлар, илим (тувгъаным), къошуным, мениким, туманым деб, нукерим (хызметчим), ишим (тувгъаным) деб тилемесунлер, алмасунлар, къол-ший – къолтукъа-ший, кочь нерселерин алмасунлар, саты-алыгъ къылсалар, тамгъа-тартнакъ (гумрюк вергиси) тилемесунлер, алмасунлар… [15].

О.Д. Рустемовнынъ «Кадиаскерские книги Крымского ханства (тексты и переводы). Qırım hanlığınıñ qadıasker defterleri (metinler ve çeviriler)» серлевхасы алтындаки китабы бу ве бойле чешит ве меракълы малюматларнен вардырылгъан олып, буларнынъ джумлеси 400 йыл эввельки Къырымнынъ къалабалыкъ халкъы ве гурьджанлы хаят дурумынынъ объектив тарихий левхасыны ачыкъламагъа ве айдынлатмагъа бахасы бичильмез дереджеде мухимдир, ве энъ эсасы, къырымтатарынынъ 350-йыллыкъ мустакъиль миллий девлетчилигининъ ибрети ве тимсалидир.

Эбет, О.Д. Рустемовнынъ бу чалышмасы миллий тарихимиз ве медениетимиз ичюн буюктен-буюк бир кешф олгъаныны юкъарыда къайд эткен эдик. Эм де тарихте биринджи дефа китап оларакъ русча чеврильгени себебинден, мытлакъ дюнья илими ичюн де джиддий эмиет буладжакътыр. Муэллиф китапны неширге азырларкен, окъуйыджыгъа къолайлы олсун дее, метинлердеки къыйын сёзлернинъ, кой адларынынъ ве Къырым ханлыгъындаки мевкъилернинъ (гёревлернинъ) айрыджа джедвелини япып китапнынъ сонъуна къошмакъта.

Эминлик бильдиремиз ки, бу буюк чалышма муэллифнинъ янъы сахадаки ишининъ биринджи адымыдыр, яни 124 джылтлы «Къады аскер дефтерлери»нинъ тек биринджисидир. Иншалла, бундан сонъра экинджиси ве дигерлери ишленип матбаа юзюни кореджектирлер. Ишбу аджайип китапнынъ сонъ дередже аджайип шеклинде нешир меселесининъ малие масрафларыны бутюнлейин усьтюне алгъан белли иш адамымыз Ресуль-бей Велиляевнинъ адыны да шюкранлар иле анъмагъа кендимизге бордж таныймыз.

Исмаил Асаноглу Керим

Къырым ханлыгъы девринден къыйметли вариет
(Кадиаскерские книги как ценнейшие документы по правовым отношениям в Крымском ханстве)

Аннотация. *В статье на основе уникальных материалов сохранившихся в «Сиджилях» (1608–1613) делается попытка освещения материальной и духовной культуры, возникшей в условиях становления и развития крымскотатарской государственности (1241–1783). Данные материалы хотя и начали разрабатываться еще в конце XIX века, часть их впервые увидела свет в виде книги в 2017 году. Автором исследований, транслитерации и составления «Кадыаскерских книг Крымского Ханства» является бывший сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма при КИПУ Рустемов О.Д.*

Ключевые слова: *сиджиль, Крымское ханство, культура, история, средневековье.*

Ismail Asanoglu Kerim.

The valuable heritage from the Crimean Khanate's epoch
(On the book «Kadiasker defters of the Crimean Khanate: studies, texts and translations»)

Abstract*. In the article, on the basis of the unique materials preserved in «Sidzhils» (1608–1613), an attempt is made to throw light on the material and spiritual culture that arose in the conditions of the formation and development of the Crimean Tatar statehood (1241–1783).These materials, although began to be worked out at the end of the XIX-th century by prof. Smirnov, Biarslanov, Lashkov, Choban-zade, Bartold and others, all the same some of them for the first time emerged as a book in 2017. The author of the research, transliteration and compilation of «Kadiasker Books of the Crımean Khanate» is a former employee of the Scientific and Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimean Ethnoses at CEPU, Rustemov O.D.*

Keywords. *Kadiasker defters of the Crimean Khanate, sidzhils, Sharia court, extracts from the court verdicts.*

Эдебият:

1. Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы / О. Рустемов. – Симф.: ГАУ РК «Медиацентр им. И.Гаспринского», 2017. – 280 с.

2. Жан де Люк. «Описание Перекопских и Ногайских татар…» / Жан де Люк // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. – 1879. – Т. 11. – С. 474–488.

3. Витсен Н. «Путешествие в Московию 1664–65» / пер.: В. Трисман, Р. Максимова, Й. Дриссен, Н. Копанева. – СПб.: Symposium. – 1996.

4. Эмиддио Дортелли Д´Асколи. «Описание Чёрного моря и Татарии» / Эмиддио Дортелли Д´Асколи; пер.: Н. Пименова // ЗООИД. – 1902. – Т. 24.

5. Мурзакевич Н. Выезд последнего Крымского Хана Шагин-Гирея из России в Турцию в 1787 году / Н. Мурзакевич // ЗООИД. – 1883. – Т. 13.

6. Киреенко Г. Об ордерах князя Потёмкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784–1796) / Г. Киреенко // ИТУАК. – 1891. – № 13.

7. Храпунов Н. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. / Н. Храпунов // Крымское историческое обозрение. – 2015. – № 3.

8. Абдуллаева Г. Джан-Кермен, или Очаков / Г. Абдуллаева // Авдет. – 2017. – № 38 (979). – Сент. 18.

9. Шемседдин Сами. Къамус-и тюркий. 4 баскъы / Шемседдин Сами. – Истанбул: Гюндогъду матбааджылыкъ, 1992. – С. 1574 + 16. (Араб язысында).

10. Ушаков Д. Большой толковый словарь современного русского языка. 180.000 слов и словосочетаний / Д. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2009. – 1240 с.

11. Керимов И. Эбу Хайяннынъ лугъатлары / И. Керимов // Янъы дюнья. – 2015. – № 16 (1307). – Июль 24.

12. Ильмий А. Эсерлер топламы / А. Ильмий; сост.: И. Керимов. – Акъм.: Таврия. – 2004. – 176 с.

13. Биарсланов М. Выписки из кадиаскерского сакка 1613 года / М. Биарсланов // ИТУАК. – 1889. – Т. 8. – С. 46.

14. Керимов И. Лексикографические работы по крымскотатарскому языку в дореволюционный период (1292–1916) / И. Керимов. – Симф.: Ариал. – 2016. – 168 с.

15. Керимов И. Къырым ханлыгъынынъ мектюбаты / И. Керимов // Янъы дюнья. – 2017. – № 15 (1397). – Апр. 21; № 18 (1400). – Май 12.

УДК 821. 521. 145 «13/18»

Абдульвапов Нариман Ремзиевич[1]
E_mail: Lale64@mail.ru

Роль суфийской обители в формировании и развитии тюркоязычной религиозно-суфийской поэзии (на примере литературы османского региона)

Аннотация. *В статье исследуются вопросы места литературы и литературного творчества в жизни различных суфийских тарикатов, а также роли института суфийской обители (текие) в становлении и развитии как крымскотатарской религиозно-суфийской поэзии, так и всей тюркоязычной поэзии османского региона в целом.*

Ключевые слова*: суфизм, текие, поэзия.*

Знакомство с крымскотатарской поэзией XIII–XVIII вв. обнаруживает довольно значительное количество памятников, которые могут быть рассмотрены в религиозно-суфийском контексте. Основная их часть является образцами собственно религиозно-суфийской поэзии, однако не менее обширным оказывается пласт и таких произведений, – условно говоря, светского содержания, – которые испытали то или иное влияние мистических идей и суфийской поэтики и без понимания последних оцененными в полной мере быть не могут.

Говоря о первой группе памятников, необходимо отметить, что образцы непосредственно религиозно-суфийской лирики присутствуют во всех трех основных направлениях крымскотатарской поэзии того времени, а именно: 1) «поэзии суфийской обители» (*текие шиири*) – направления, по определению, полностью состоящего из произведений суфийского содержания; 2) поэзии дивана – в виде отдельного блока соответствующих произведений: *диний-тасаввуфий диван шиири*; 3) поэзии ашыкской (*ашык шиири,* составной части т. н. «народной литературы» – *халкъ эдебияты*), где даже существует отдельная категория ашыков-мистиков – *диний-тасаввуфий ашыкълар*. Аналогичное обстоятельство в османской литературе дало основание целому ряду известных турецких литературоведов охарактеризовать религиозно-суфийскую составляющую как базовую, объединяющую все три указанных литературных направления. Особая роль здесь отводится суфизму, который представляется духовным мостом, соединяющим все эти направления, непосредственно же *литература текие* предстает в виде купола литературного здания, стенами и арками которого являются *литература народная* и *литература дивана* [16, с. 35–45].

Все это свидетельствует об огромном влияние суфизма и, соответственно, его организационной единицы – суфийской обители *текие* на формирование и развитие как отдельных литературных направлений, так и всей тюркоязычной литературы османского региона в целом.

Крым в периоды Золотой Орды и, особенно, Крымского ханства имел достаточно разветвленную сеть суфийских обителей, располагавшихся практически по всему Крыму и игравших весьма важную роль не только в религиозной, но и социально-политической жизни государства [2]. Вместе с тем, повседневная жизнь крымской суфийской обители

[1] ***Абдульвапов Нариман Ремзиевич,*** к.филол.н., вед. науч. сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

остается темой практически неисследованной, то же касается и конкретных исторических свидетельств о литературной жизни в стенах крымских текие – таковых в настоящее время известно крайне мало.

Однако, с большой долей уверенности можно предположить, что многие процессы в соответствующе сфере были аналогичны тем, что имели место в других регионах, где была распространена, более того – доминировала османская литературная традиция. В этом отношении, материалы, представленные ниже, могут стать весьма полезными для изучения роли суфийских обителей в литературной жизни в Крыму и, в частности, развитии крымскотатарской религиозно-суфийской поэзии.

В книге «Первые мистики в тюркской литературе» («*Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar*») выдающийся турецкий литературовед М. Ф. Копрюлю приводит весьма характерный пример. Известный арабский путешественник Ибн Баттута (XIV в.) в пригороде Бухары Фетх-Абад гостит в обители знаменитого шейха Сейфеддина Бохарзи. Шейх обители, один из внуков Бахарзи, устраивает по этому поводу прием, на котором, в присутствии известных людей, хафизы нараспев декламируют Коран, проповедники читают проповеди, присутствующие хором, с воодушевлением, по-тюркски и на фарси исполняют различные религиозные песнопения [17, с. 342]. (Добавим, что аналогичный случай имел место у Ибн Баттуты и в непосредственной близости к Крыму – в Азаке [5].)

В связи с этим, М. Ф. Копрюлю замечает: «Действительно, если вспомнить те периоды истории исламского мира, то становится очевидным, что литература, музыка и раскрепощенная, свободная мысль, противостоявшие сухому и холодному фанатизму аскетов, могли существовать исключительно в условиях суфийских обителей. Обители и, в целом, суфизм на многие века стали для исламского мира источником интеллектуальной активности и развития искусства, его духовным прибежищем. Успех, завоеванный, особенно среди тюрков, мевлидскими общинами (собрания по исполнению и слушанию «Мевлида» Сулеймана Челеби – *Н. А.*), бывшими синтезом религиозной поэзии и музыки, родился из соответствующей потребности народа, желавшего древних ритуалов, а именно, музыкально-литературных собраний. Обитель была той отдушиной, где, в противовес аскетическому и набожному фанатизму, олицетворявшемуся медресе, можно было свободно дышать воздухом красоты и разума» [17, с. 342].

М.Ф. Копрюлю вторит еще один известный авторитет в области тюркской литературы и суфизма – А. Гёльпынарлы, в книге «Суфизм в 100 вопросах» («*100 Soruda Tasavvuf*») отмечающий, что «Суфизм, слившийся с античной философией, в свою очередь, родившейся из философской мысли как таковой, довольно значимо, – относительно своего времени, – расширил границы мысли (мышления); религиозными терминами – с одной стороны, суфийскими – с другой, обогатил язык, раба поставил лицом к лицу с Богом, вместо страха предложил любовь, вместо надежды – воссоединение (с богом – *Н. А.*), он максимально возможно освятил человека, представив весь мир и всю Вселенную как проявление Творца, показал этот мир, порицаемый аскетами, как непрерывно работающий творческий станок Бога, с самых разных сторон открыл безграничный простор для размышления» [12, с. 159].

Суфизм оказал весьма благотворное влияние на развитие культуры и искусства. Он формировал атмосферу, санкционировавшую и стимулировавшую развитие литературы и других видов искусства в обществе, религиозная традиция которого в своём ортодоксальном выражении не очень поощряла подобных занятий. Речь идёт, прежде всего, о поэзии, музыке и изобразительном искусстве (миниатюре). М. Кара отмечает: «Суфийская обитель, в целях распространения своих идей нуждавшаяся в создании необходимой среды, пользовалась для этого средствами изящных искусств, начиная с музыки. Единственным местом встречи слова, звука и письма – каллиграфии – являются обители. Поэтому рассматривать историю нашей литературы и музыки в отрыве от обителей нельзя» [15, с. 61].

Особенно наглядно это можно проследить на примере суфийского *тариката мевлеви*, возникшего на основе духовно-литературного наследия выдающегося поэта и духовного наставника Джеляледдина Руми (Мевляна, XIII в.), а также его ритуальных (медитационных) практик. То обстоятельство, что адепты этого ордена не отвергали в своих ритуалах использование различных средств музыкально-поэтического искусства, привлекло к нему значительное количество представителей интеллигенции, прежде всего, творческой – поэтов, музыкантов, каллиграфов, миниатюристов.

И. Унвер характеризует мевлевийские обители в османский период как своего рода «школы культуры и искусства» [19, с. 56]. А. Гёльпынарлы следующим образом описывает обычный день в обители *мевлеви*: человек, попадавший в ее коридоры, слышал из различных комнат то игру *нея*, то фрагменты чтения стихов из «Месневи», то звуки, свидетельствовавшие о занятиях теорией музыки и т. д. Что же касается комнат, казавшихся пустыми, то там, по весьма уместному замечанию И. Пала, наверняка были заняты, собственно, сочинением стихов [19, с. 56].

В ряде братств, и в первую очередь в среде *мевлеви* значительное развитие получило и музыкальное искусство: мевлевийские обители были той средой, в рамках которой развивалась не только музыка религиозная, но и, скажем так, академическая музыка того времени в целом [12, с. 168–170]. В этом отношении, обители мевлеви, как отмечают исследователи, исполняли роль современных консерваторий [20 с. 474]. Из них вышли десятки наиболее талантливых османских музыкантов и композиторов [12, с. 165, 171]. Обители мевлеви не были исключением, пристальное внимание к музыке присутствовало и в других братствах [10, с. 470–475].

В этой связи стоит сказать, что в настоящее время известны имена и образцы творчества целого ряда представителей и крымскотатарского музыкального искусства того времени, из которых в контексте религиозного творчества особо отметим имена Хусейин Кефеви, Абди Дервиша Кефеви и Мемета Эфенди [1, с. 8–9]. Примечателен в этой связи факт из жизни выдающегося османского композитора XIX в. «Буюк» Осман Бея (1816–1885). Шейх Галатской мевлевийской обители (Стамбул) Атауллах Эфенди заказал последнему инструментальное произведение для мевлевийских радений. Композитор долго отказывался от предложения, не считая возможным исполнить заказ, поскольку, по его мнению, уже существовал совершенный образец жанра, принадлежащий перу крымского хана-композитора Гази Герая II, которого «Буюк» Осман считал единственно достойным внимания среди всех османских композиторов прошлого [9, с. 460]. Еще одним примером внимания крымских татар к религиозной музыке может служить указание на то, что крымский хан, поэт и композитор Хаджи Селим I (ум. в 1704 г.) способствовал переложению на музыку *иляхи* известного османского шейха-поэта Ниязи Мысри [23].

Возвращаясь к литературе, отметим чрезвычайно важную ее роль, в первую очередь поэзии и агиографии, в жизни и ритуалах различных братств, а также в суфийской проповеди в целом. Поэзия была одним из главных инструментов проповеди, на нее возлагалась огромная и, во-многом, особая нагрузка, причем, на самых разных этапах как агитационной работы и пропаганды, так и индивидуальной работы по поддержанию религиозного духа и духовной практики. Слова Эрнста относительно того, что «истоки персидской суфийской поэзии <...> кроются в недрах суфийской обители», абсолютно применимы и в отношении литературы тюркской [8, с. 205].

Сразу отметим, что имело место и обратное влияние. И. В. Боролина отмечает: «Важным источником для развития турецкой литературы и, прежде всего, для зарождения её письменных традиций послужила миссионерская суфийская проповедь» [4, с. 324]. Об этом же в цитировавшемся выше труде пишет и М.Ф. Копрюлю: «В целях распространения в народе суфийских идей и привлечения сторонников, суфии, – практически во всем исламском мире, будь-то среди арабов, персов или среднеазиатских тюрков, – непременно обращались к средствам поэзии. Мысль об использовании потребности народа в поэзии

побуждало шейхов к созданию в обителях более привлекательной интеллектуальной и эстетической среды, по этой причине, поэзия в ритуалах братств занимала – как и музыка – важное место» [17, с. 342]. Здесь же следует и напоминание о том, что «Месневи» было написано Дж. Руми исключительно для его мюридов, то есть не будь обители и постоянного духовного общения в формате «муршид-мюрид», это произведение могло и не увидеть свет [17, с. 342].

И. Пала замечает: «Обитель мевлеви невозможно отделить от поэзии. Со времен Мевляны поэзию носили на руках. Поэзия была всегда актуальна. Она занимала весомое место в распорядке жизни обители. Она витала в воздухе, наполнявшем стены текие. Вместе с образцами каллиграфии, она встречала и неотступно сопровождала человека со стен обители. В различных кельях кто читал, кто комментировал «Месневи», кто спорил о поэзии, кто, непосредственно, творил» [19, с. 56].

Говоря о своего рода культе «Месневи», добавим, что в мевлевийских обителях имелась должность *месневихана* – рецитатора «Месневи» во время радений *сема*, который, как правило, знал наизусть все шесть томов произведения Руми. К слову, членство в тарикате не было непременным условием для получения разрешения (*иджазетнаме*) на исполнение обязанностей месневихана [19, с. 56].

Нельзя не сказать и том, что для изучения и комментирования «Месневи» были созданы специализированные учебные центры – *дар-уль-месневи*, по аналогии с *дар-ул-курра* и *дар-уль-хадис*, готовившими, соответственно, специалистов по Корану и хадисам [19, с. 56]. Принимая во внимание мевлевийские пристрастия целого ряда крымских ханов, можно предположить, что подобные центры были и в Крыму.

Мевлевийские обители, наконец, были пристанищем и непосредственно поэтов. Известно, что *тарикат мевлеви*, в сравнение с другими братствами, воспитал наибольшее количество поэтов. Поэты-мевлеви лишь османского региона исчисляются сотнями. М. Исен, исследовав двадцать семь, главным образом, османских антологий XVI–XIX вв., отмечает наличие в них 220 имен поэтов-мевлеви – из 320 авторов, принадлежавших различным тарикатам [14, с. 306]. Один лишь город Конья только в XIX веке дал, по меньшей мере, 22 мевлевийских поэта [22]. Данное обстоятельство вызвало к жизни появление поэтических антологий (*тезкире*), в которых присутствовали образцы поэзии исключительно приверженцев этого братства [22, с. 316–317]. Наиболее известная из таких антологий, составленная поэтом-мевлеви Мехмедом Эсрар Деде (ум. 1797), «Tezkire-i Şu'arâ-yı Mevlevîyye», насчитывает 217 имен, и это при том, что впереди было еще более чем сто лет развития османской поэзии [11]. И. Пала справедливо замечает, что такое внушительное количество поэтов могло составить содержание и славу не только одного из поэтических направлений в литературе одного народа, но и всей поэзии того или иного народа в целом [19, с. 56].

Заслуживает внимание и то, что предметом поэтических бесед и дискуссий в стенах обителей была не только лишь исключительно поэзия суфийского содержания. Источники свидетельствуют о значительном внимании, которое оказывали члены братства, спорам вокруг и поэзии дивана [19, с. 57]. Принимая во внимание, что последняя, во многом, была продуктом все той же мевлевийской культуры, эти свидетельства не воспринимаются как нечто не логичное. В этой связи, достоин внимания и тот факт, что значительная часть поэтов дивана, ставших гордостью всей османской литературы, – Нефи, Наили, Недим, Наби, Шейх Галиб и др., – были, опять же, именно поэтами-мевлеви [19, с. 56].

Нельзя не сказать и том, что при каждой обители, как правило, имелась своя библиотека, включавшая книги как ортодоксального шариатского канона, так и суфийскую литературу – как «теоретического» характера, так и художественную. Причем, последняя была далеко не на последних ролях. Особо наглядно это демонстрируют обители мевлеви, в библиотечных собраниях которых тома «Месневи» располагались непосредственно за Священным Кораном. Здесь же присутствовали многочисленные книги преданий о том или ином суфий-

ском иерархе (агиография – *менакибнаме*), поэтические диваны и другие сборники самых различных авторов [19, с. 57].

Обращает внимание, что эпонимы и основатели значительного числа тарикатов были известными поэтами: Джеляледдин Руми, Ибрахим Гульшени, Махмуд Хюдаи, Омер Рушени, Хасан Сезаи, Ниязи Мисри и др. Количество же рядовых поэтов – членов различных братств в масштабах Османской империи исчисляется, без преувеличения, сотнями [14].

Не может не обратить внимание то, что среди поэтов *текие* присутствуют десятки имен, произведения которых составили повседневный литературный канон, своего рода настольную книгу тюрок-мусульман османского региона, уже не мысливших свои привычные религиозные ритуалы и молебны (*дуа*) без «народной классики»: гимнов *иляхи* Юнуса Эмре и многочисленных его последователей (Эшрефоглу Руми, Азиз Махмуд Хюдаи, Ниязи Мисри, Куддуси и др.), религиозных дестанов Кирдиджи Али, «Мевлида» Сулеймана Челеби, «Мухаммедие» Мехмеда Языджызаде и т. д. [6, с. 72–73, 127].

Обилие и отдельные особенности произведений представителей различных тарикатов привели к тому, что стало возможным говорить об определенной специфике литературы, рожденной в рамках того или иного братства. Исследователи вводят в обиход такие понятия, как *мевлевийская литература, шазилитская литература* и др. М. Ф. Копрюлю замечает: «По мере распространения, путем основания суфийских обителей, принципов суфизма среди народа, стало неизбежным и возникновение особой для каждого тариката литературы. В настоящее время практически в каждом братстве встречаются произведения, содержащие описания этикета и обычаев, теоретических основ этого братства, преданий о его прошлых шейхах и «сотворенных» ими чудесах» [17, с. 341–342].

Литература мевлеви – огромный пласт произведений самых различных жанров, который может составить совершенно самостоятельную отрасль литературоведческих исследований. О *шазилитской литературе*, сформировавшейся на основе идей и творчества Абу-л-Хасана аш-Шазили (ум. 1258) и разрабатывавшейся представителями одноименного тариката, пишет А.-М. Шиммель [7, с. 198].

А вот какое отношение к литературному наследию *пира* (основателя тариката) присутствовало в братстве гульшение, обители которого, к слову, были и в Крыму: « [Шедшему путем] тарика Гюлшанийа прежде всего, то есть до начала вступления на Путь, необходимо изучать жизнь и деятельность святого пира, который в течение 114 лет следовал по пути святых и творил чудеса. После глубокого изучения этого нужно обратиться к его «Манави», которая состоит из 40 тысяч бейтов, и где излагается путь к совершенству, описываются состояния, имевшие место в уединении и разлуке. Кроме этого, «Анка-наме» состоит из 30 тысяч бейтов, тюркский диван – из 12 тысяч бейтов, персидский диван – из 20 тысяч бейтов, арабский диван – из 10 тысяч бейтов, тюркские, персидские, арабские четверостишия и кит'а – из 15 тысяч бейтов. [Сборник] его проповедей «Кадам-наме», «Атвар-и саб'а» и такое же количество прозаических и стихотворных [трудов] не переписаны начисто и хранятся в сундуке в его священной гробнице» [3, с. 124–125].

Продолжение же этой цитаты может дать представление и о некоторых предпочтениях, о своего рода поэтическом кругозоре суфиев того времени: «Но, к сожалению, дервиши нашего времени склонны к новому языку, то есть к стихам современных поэтов, и в их руках можно видеть в основном диваны Урфи, Талиба, Исмата и Саиба… И поэтому их время пропадает даром, и с каждым днем ослабевают основы тарика. Кстати, если бы эти новоявленные поэты видели хотя бы один изящный стих или содержательную газель или один яркий бейт из сочинения святого (шейха) Гюлшани и вникли в глубины смысла его фраз, то <…> оставили [бы] заниматься стихотворством» [3, с. 125]. Понятно желание автора трактата возвеличить поэтический талант пира братства – Ибрахима Гульшени. Однако, в нашем контексте важно то, что упомянутыми здесь «новоявленными» поэтами являются представителями т. н. «индийского стиля» – «*себк-и хинди*», получившего в тюркской литературе

значительное распространение с XVII в. и имевшего к суфизму самое непосредственное отношение, поскольку практически все его крупнейшие представители находились под влиянием суфийских идей ордена накшибендийе [7, с. 154]. Течение имело огромный резонанс и в османской литературе, его сторонником, в частности, был «последний великий поэт эпохи Османов» – Шейх Галиб (ум. 1799) [18, с. 427]. Влияние этого стиля видим в творчестве и крымских поэтов, в частности, автора XVIII в. Саид Герая [21, с. 212–215].

Обращает внимание также и формирование особых жанров или же использование различных названий одних и тех же жанров в различных тарикатах. Так, наиболее распространенный жанр духовных песнопений, – гимнов-*иляхи*, – в различных тарикатах имел различное название: у мевлеви – *айин*, у гульшени – *тапуг*, у хальвети – *дурак*, у алевитов-бекташи – *нефес* [13, с. 618].

Литературоведческие исследования отдельно по тарикатам представляются очень перспективными и в ближайшее время, надо полагать, станут предметом более серьезного внимания. Что, в свою очередь, будет способствовать ещё более глубокому и подробному изучению проблем религиозно-суфийской литературы в целом.

В отношении же Крыма, уже сегодня можно указать на ряд суфийских обителей, бывших в свое время значительными центрами соответствующей культуры: в селении Сеййид-Эли (между Старым Крымом и Кефе), в котором наставничали шейхи-поэты – отец и сын Афифеддин эфенди (псеводоним Афифи) и Абдульазиз эфенди (псевдоним Иззи) (XVI–XVII в.), в селении Коледж (там же), из которого вышли шейхи-поэты – отец и сын Шуайб Челеби и Исмет эфенди (псевдоним Исмети) (XVIII–XIX вв.), карасубазарская обитель Текие-Хан-Джами, возглавлявшаяся Мехмедом Факри (XVIII в.), *мевлевихане* в пригороде Бахчисарая – Азизе и др.

Abdulvapov Nariman Remziyevich

The role of Sufi convent in the formation and development of the Turkic-speaking religious-Sufi poetry (on the example of the literature of the ottoman region)

Abstract*. The article explores the issues of the place of literature and creating writings in various Sufi tariqats, as well as the role of the institution of the Sufi monastery (tekke) in the formation and development of both the Crimean Tatar religious-Sufi poetry and the entire Turkic-speaking poetry of the Ottoman region as a whole.*

Keywords: *Sufism, tekke, poetry.*

Литература:

1. Абдульвапов Н. Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода / авт. предисл. Н. Абдульвапов; сост.: Дж. Кариков. – Симф.: Доля, 2007. – С. 5–10.

2. Абдульвапов Н. Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература: основные направления исследований // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. – Сб.: Т. 1 / Н. Абдульваапов; сост.: Киримов Т. – Симф.: КРИ «Издательство Крымучпедгиз», 2011. – С. 135–158.

3. Алескерова Н. Суфийское братство Гюлшанийа / Н. Алескерова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 160 с.

4. Боролина И. Турецкая литература // Литература Востока в средние века. – Ч. II: Литература Ирана, Арабская литература, Турецкая литература / И. Боролина. – М.: Издание Московского ун-та, 1970. – С. 313–439.

5. Тизенгаузен В. Сборник материалов, касающихся к истории Золотой Орды. – Том I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб, 1884.

6. Чобан-заде Б. Крымскотатарская литература новейшего периода: Доклад / Б. Чобан-заде. – Симф.: Доля, 2003. – 132 с.

7. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / А. Шиммель; пер. с англ.: Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. – М.: Алетейа, Энигма, 2000. – 416 с.

8. Эрнст Карл В. Суфизм / В. Эрнст Карл; пер. с англ.: А. Горькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 320 с.

9. Aksoy H. Osman Bey, Büyük (1816–1885) / H. Aksoy // İA. – C. 33. – İst., 2007. – S. 460–461.

10. Can H. Tasavvuf Musikîsi. Tasavvuf Kitabı / / H. Can; haz.: C. Çiftçi. – İstanbul, 2003. – S. 476–502.

11. Esrar Dede. Tezkire-i Şu'arâ-yı Mevleviyye / Esrar Dede; haz.: İ. Genç. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yay., 2000. – 596 s.

12. Gölpınarlı A. 100 Soruda Tasavvuf. 2. Baskı / A. Gölpınarlı. – İst., 1985. – 199 s.

13. Güzel A. Dini-Tasavvufi Türk Edebiyatı. 3. Baskı / A. Güzel. – Ankara, 2006. – 872 s.

14. İsen M. Tezkirelernin ışığında divan edebiyatına baqışlar: divan şairlerinin tasavvuf ve tarikat munasebetleri: Osmanlı Divan Siiri Üzerine Metinler / M. İsen, haz.: M. Kalpaklı. – İst., 1999. – S. 306–309.

15. Kara M. Din, Hayat, Sanat açısndan Tekkeler ve Zaviyeler M. Kara. – İst.: Dergâh Yayınları, 1990. – 477 s.

16. Kılıç M. Sufi ve Şiir. Osmanlı Tasavvuf Şiirinin Poetikası. – 7 Baskı / M. Kılıç. – İst.: İnsan Yayınları, 2009. – 208 s.

17. Köprülü F. Türk Edebiyatında Ilk Mutasavvıflar. 4. Baskı / F. Köprülü. – Ankara, 1981. – 415 s.

18. Pala İ. Ansiklopedik Divan Şiiri Sözlüğü. – C. I–II / İ. Pala. – Ankara, 1989. – 554 s.

19. Pala İ. Edebi Çehresiyle Mevlevîhâneler / İ. Pala // II. Milletler Arası Osmanlı Devletinde Mevlevîhâneler Kongresi. – 1993. – S. 55–60.

20. Tanrıkorur B. Mevleviyye / Barihüda Tanrıkorur / B. Tanrıkorur // İA. – C. 29. – Ankara, 2004. – S. 468–475.

21. Tavukçu K. XVIII. Yüzyıl Sebk-i hindi şairlerinden Sa`id Giray`ın üslup özellikleri K. Tavukçu // Uluslararası II. Türkoloji Kongresi. Bildiriler. (Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi, 22–24 Mayıs 2008). – Simferopol, 2009. – S. 210–219.

22. Yeniterzi E. XIX. Yüzyılda Konyalı Mevlevi Şairler. Tasavvuf Kitabı / E. Yeniterzi; haz.: C. Çiftçi. – İstanbul, 2003. – S. 316–328.

23. İhramcızâde Hacı İsmail Hakkı Altuntaş. Niyazi-i Mısri. Divan-ı İlahiyyat ve Açıklaması / İhramcızâde Hacı İsmail Hakkı Altuntaş [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://seyyidin.blogcu.com/niyazi-i-misri-kaddese-llahu-sirrahu-l-azizin-hayati/9113088

УДК: 821.512.161

Ичли Ахмет[1]
E_mail: ahmetiçli@ardahan.edu.tr

Неизвестные произведения Бора Гази Гирея

Аннотация. *Известно, что после того как Османская Империя стала управлять политической системой Крымского Ханства, мальчики – наследники ханского трона – стали воспитываться в духе традиционного османского образования. С раннего детства обучение ханских детей начиналось в Стамбульской школе (мектебе) Эндерун. Кроме, непосредственно, турецкого и персидского они изучали также и ряд других иностранных языков, что, безусловно, позволяло им в дальнейшем быть высокоэрудированными людьми своего времени. Обучение изящным искусствам также носило серьёзный характер, как известно многие крымские ханы знамениты своими стихами, написанными в разнообразных жанрах, на различных тюркских наречиях, а также других языках.*

Один из наиболее известных деятелей Крымского Ханства – Бора Гази Гирей Хан, получивший традиционное османское воспитание и обучение, впоследствии стал правителем. Прославленный своими успешными военными походами против Московского Царства, Польши и других восточноевропейских государств в составе османской армии Гази Гирей, ещё до того как стал ханом, попал в плен в Иране вместе со своим старшим братом Адилем. После семилетнего пребывания в плену сумел бежать и добраться до Эрзерума, откуда был потом доставлен в Стамбул. После смерти своего другого старшего брата, Ислям Гирея, в 1588 году получил султанский берат (указ) о назначении его ханом. Родившийся в 1554 году Гази Гирей умер в 1607 году от чумы, возвращаясь из очередного похода.

Ключевые слова: *Гази Гирей Хан, Газаи, Газель, Диванче, Сборник, Поэзия.*

Биографическая справка: хан Гази Гирей II (годы жизни: 1551–1607)

Так как Гази Гирей II был лидером ханства, входящего в Османскую Империю, его биография довольно подробно изучена. Его жизни и деятельности посвящены несколько книг и множество статей: [8, С. 734–736; 5, Т. 3, С. 305–306; 3, Т. 4, С. 138–139; 4; 13, С. 47–48; 17, С. 737; 2]. Прежде чем приступить к освещению найденных нами стихотворений, мы хотели бы вкратце резюмировать основные вехи биографии поэта-воина.

Гази Гирей II, сын Девлет Гирей хана, родился в 1551 году. Будучи ребенком, он был отдан в стамбульскую школу Эндерун, где получил классическое османское воспитание. Помимо гуманитарного образования Гази Гирей был изрядно искусен и в военном деле. Особенно впечатляют его действия в ходе Османо-Персидских войн конца XVI-го в. за Азербайджан. Он даже был удостоен награды султана за то, что отстоял вновь приобретённые земли от кызылбашей и разбил зимний лагерь иранцев. В ходе этой войны он попал в плен к кызылбашам во время одной из стычек, стреляя со спины из лука, в то время как его конь налетел на дерево и он упал на землю оглушенный, ударившись головой о ветку. Попавшего в плен в том же бою его брата Адиля, персы казнили за интриги, которые он плёл с дочерью шаха чтобы заполучить шахский престол. Самому Гази Гирею шах предложил перейти на его сторону, принеся клятву в верности, за что обещал ему выдать замуж другую свою дочь, назначить наместником Ширвана и дать под его командование 10000-ый отряд. Гази решительно отказался, за что был упрятан в крепость Аламут, где провел в заточении семь лет.

[1] ***Ахмет Ичли,*** к.филол.н., доц. Ардаханский университет (Турция).

В конце-концов ему удалось бежать из крепости и в образе странствующего дервиша добраться до Тебриза, оттуда до Вана и наконец до Эрзерума. Вместе с губернатором (вали) Эрзерума Осман Пашой Гази Гирей участвует в многочисленных походах против Ирана. После смерти паши, Гази отбывает в Стамбул откуда его направляют на поселение в Янболу, где обычно жили претенденты на ханский престол из рода Гиреев.

Когда умер Ислям Гирея, Гази Гирей от имени Османской Империи назначается крымским ханом и ему вручается соответствующий берат (султанская грамота). Уже будучи ханом он вступил в войну с Московским Царством, и был ранен во время боя. В результате этих войн ему всё же удалось вновь принудить Москву платить ежегодную дань Крыму. Благодаря проискам султанского визиря был отстранен от крымского трона. Но спустя короткое время вновь был восстановлен в качестве хана. За вспыльчивость характера его прозвали Буря (кр./тат. Bora).

Гази Гирей впоследствии играл заметную роль в истории Восточной Европы. Участвовал в походах на Венгрию и Польшу. Подавлял восстания в Молдавии и даже менял молдавских правителей на угодных ему. Отличился во время ожесточенного сражения при переправе через Днепр с запорожскими казаками. За преданность, проявленную в течение всего своего более чем двадцатилетнего правления и предыдущие заслуги перед Османской империи ему были отведены в личную собственность сельскохозяйственные угодья в Силистрии (Греция). Скончался в Темрюке от чумы во время похода. Был похоронен в Бахчисарае в дюрбе (мавзолее) своего отца.

Известные и неизвестные произведения Бора Гази Гирея

1. Сборник стихов (диванче)

Собрание стихов Бора Гази Гирея. Есть указания на то что подобный сборник был составлен ещё при жизни поэта. Но то, что мы имеем на руках сегодня, вероятней всего не полное прижизненное издание «Диван»а его стихов, а лишь малая часть таковых. Таким образом это небольшой по объёму сборник – «Диванче». Добавив в него новые произведения в результате может быть собран полноценный «Диван» произведений Гази Гирея.

В настоящем же «Диванче» содержатся произведения написанные поэтом как на османском языке, так и на наречии крымских татар того времени. Сборник был опубликован в 1958 году Хикметом Эртайланом [4]. Следующая работа, посвященная как сборнику (Диванче) так и биографии поэта является докторская (PhD) диссертация, выполненная в Турции Эльвиной Абдуллаевой [1]. В работе представлены как уже известные и опубликованные 42 произведения Гази Гирея, так и четырнадцать новых, ранее неизвестных, взятых из вновь обнаруженного сборника османских поэтов (меджмуа). Среди них присутствуют стихи в жанре кыта, рубаи, а также отдельные бейты (двустишие, стихотворение, состоящие из двух срок, которое может быть частью большего по размеру произведения – месневи, газель, так и носить самостоятельный законченный характер – фард). Подобные находки внушают оптимизм на то, что и другие произведения из перечисленных ниже и известных только по названиям, которые приводят различные источники, также будут обнаружены.

2. Водяная Мельница (Dolabnâme)

Поэма (месневи), состоящая из сорока бейтов, носящей дидактический, воспитательный характер. Была опубликована Хикметом Эртайланом [4, С. 27–29]. Время создания – неизвестно. Как правило, поэмы в жанре *долабнаме* состоят из вопросов и ответов и, таким образом, напоминают собой крутящийся барабан водянной мельницы. *Долабнаме*, собственно, и означает – водяная мельница. Принадлежит к жанрам суфийской поэзии.

3. Роза и Соловей (Gül ü Bülbül)

Несмотря на упоминание в некоторых источниках о существовании произведения под таким названием, написанное Гази Гиреем [1, С. 44], ни одна рукопись с подобными стихами до сих пор ещё не обнаружена.

4. Кофе и Вино (Kahve ile Bade)

Произведение также упоминается в источнкиках [1, С. 45], но текст пока не обнаружен.

5. Письма или произведения эпистолярного жанра

Согласно последним исследованиям сохранились письма Гази Гирея, адресованные шейх уль-исламу[1], государственным чиновникам и некоторым друзьям хана. Абдуллаева Эльвина в своей диссертационной работе представила тексты этих писем, сопроводив их детальным анализом и описанием [1].

Литературный портрет

Согласно традициям своего времени незаурядный поэт Бора Гази Гирей использовал в своих стихах махлясы или псевдонимы. У него было два псевдонима: Газаи и Хан Гази. Получивший классическое образование Газаи, писал свои произведения почерком «Талик», который выходил довольно искусным из-под его пера. Есть сведения, что он даже давал уроки каллиграфии своему другу и личному историку Печеви.

Известно также, что поэт был хорошим исполнителем собственных стихов под аккомпанемент саза, мелодии для которого он сочинял сам. Сохранились ноты некоторых его музыкальных произведений.

Будучи тонким ценителем художественного слова Бора Гази Гирей взял под свою опеку поэтов Зихни и Хильми. Кроме этого, он был мастером в таком жанре как «назире». Назире представляют собой своеобразные ответы на произведения других писателей. Это можно рассматривать как своего рода соперничество в изяществе и метафоричности между поэтами. К слову сказать, на его стихи также много кто пытался в свою очередь писать подобные «ответы». Особенно на наиболее известную его газель, начинающуюся строчками: *“Râyete meyl ideriz kâmet-i dil-cû yerine / Tuğâ dil bağlamışız kâkül-i hoş-bû yerine”* (Знамя мы выбираем, тонкого стана вместо / к тугу (бунчуку) привязаны наши сердца, душистым локонам вместо). Стихотворение состоит из уподоблений и сравнений: мы склоняемся больше к древку знамени, вместо тонкого, изящного стана (красавиц) / К тугу (состоящего из хвостов горного яка) привязаны мы душой, а не к душистым локонам красавиц. Историк литературы XIX-го века Бурсалы Мехмет Тахир предполагает, что его отец – Рифат Бей, а также вали (губернатор) и командующий округом Эски Ишкодра (современная Тиррана – столица Албании) Бедри Паша в том числе писали назире (ответы) на эту газель Бора Гази Гирея [18, С. 348–349]. Известны и другие «ответы» на стихи Газаи, например, написанные Шейх уль Исламом Яхъёй (Яхъя) [12, С. 454]

Большинство стихотворений Бора Гази Гирея заключает в себе характерные особенности классической османской литературы. Кроме этого в его произведениях нередко можно увидеть и отражения событий из его собственной жизни. Например, даже на предложение иранцев свободы в обмен на удовлетворение их требований он ответил поэтическим отказом в жанре рубаи.

Большая часть его произведений, которые относятся к так называемой диванной или салонной литературе, представляют собой лирические газели. Однако, помимо газелей до нас дошли образцы других стихов, написанных в форме кыта, рубаи и месневи. В опубликованном сборнике его стихов (диванче) представлены все эти жанры. В газелях Газаи, в основном, разрабатываются классические темы или идеи, присущие османской литературе в целом. Это жалобы о невозможности познать истину (то есть познать Бога), тоска по любимой, воспевание достоинств любимой, радости жизни, приход весны, весёлые застолья и беседы, мысли о незыблемости государства. Находит себе место в его творчестве

[1] Шейх уль-ислам – глава всех муфтиев в мусульманском государстве. Здесь имеется в виду шейх уль-ислам Яхъя (1552–1643), известный поэт и политический деятель Османской Турции. До того как вступил в должность был кадиаскером Румелии и затем Анатолии. Был дружен с крымским ханом Бора Гази Гиреем.

и темы воинской доблести, геройства, смелости, мужества. Особенно этой теме соответствует приведённая нами в качестве примера газель, начинающейся словами о знамени.

В установленных нами как новые произведения Газаи стихах речь также идёт о бренности мира, об обманчивости красоты, о желании увидеться с любимой и о вине. Более подоробно о жизни и творчестве поэта Газаи можно познакомиться в указанных нами выше книгах и докторской диссертации Эльвины Абдуллаевой [1].

Новые тюркские стихотворения Бора Гази Гирея

В опубликованном сборнике (диванче) Газаи находится 42 газели. Кроме них в докторской (PhD) диссертации Эльвины Абдуллаевой присутствуют 14 новых газелей, которых нет в предыдущем сборнике. В изученных автором диссертации различных поэтических собраний и исторических книгах наиболее часто встречается уже упоминаемое нами стихотворение, с зачином: “Râyete meyl ideriz kâmet-i dil-cû yerine / Tuğâ dil bağlamışız kâkül-i hoş-bû yerine” (Знамя мы выбираем, тонкого стана вместо / к тугу (бунчуку) привязаны наши сердца, душистым локонам вместо), что говорит о его популярности в османском литературном мире. Именно его опубликовал Бурсалы Мехмет Тахир как пример творчества Газаи [18, С. 348].

Тот факт, что новые газели поэта были в самых разнообразных источниках, большинство из которых представляли собой собрание произведений различных поэтов (меджмуа), даёт основание предполагать, что далеко не все произведения Гази Гирея найдены. На наш взгляд, работа с подобными собраниями (меджмуа) может привести к новым открытиям.

Необходимо уточнить, что для изучения тюркской (в особенности турецкой) литературы Османской эпохи собрания произведений различных поэтов, называемых арабским словом «меджмуа», являются одним из самых важных и надёжных источников. Эти меджмуа носят характер избирательности. В них приводятся произведения, которые составитель счёл наиболее интересными или показательными для характеристики творчества того или иного писателя. Там могли быть как поэтические тексты так и прозаические. Исследования подобных многочисленных собраний, которые в последнее время набирают обороты, могут открыть нам в каждом новой рукописи имя незнакомого прежде поэта или совершенно новое произведение писателя о котором, казалось бы все уже давно известно. Собрания стихов «могут оказаться надёжными помощниками в поисках стихов любого поэта, не вошедших в прижизненный сборник (диван / диванче) образцов его произведений» [16, С. 127]. Таким образом, собрания (меджмуа) это словно «решето в котором могут оказаться новые произведения, принадлежащие перу какого-либо поэта или писателя» [15, С. 56].

Из стихотворений, которые не вошли в диван Бора Гази Гирея и которые не указаны в диссертации Эльвины Абдуллаевой нами были обнаружены ещё две новых газели. Одна из них встретилась с собрании (меджмуа), составленным и написанным поэтом Изаки, а другое в собрании назире, то есть в сборнике поэтических ответов на стихи других писателей.

Собрания в которых были обнаружены стихи Гази Гирея

Собрание (меджмуа) Изаки (İzâkî) [11].

Собрание, которое собрал и оформил своим почерком Изаки находится в Библиотеке Собраний Исламских Советов Ирана. Рукопись под архивным номером: 9810, состоит из 97 страниц. Меджмуа написано почерком талик. На первой и последней страницах рукописи находится печать указанной выше библиотеки. Рукопись содержит исключительно поэтические произведения, написанные в разных жанрах. Незначительное количество стихов написано на персидском языке, подавляющая же часть на тюркском (османском). Большая часть из них принадлежит перу Рухи Багдадлы (Bağdatlı Ruhî). Кроме стихов самого Изаки в сборнике содержаться 65 стихотворений, как персидском, так и на османском языках, принадлежащих другим поэтам. В конце сборника находится стихотворение, состоящее из трёх бейтов (двустиший), написанное рукой самого Изаки, но без махляса, то есть без псев-

донима, но содержащее некоторую информацию о дате составления сборника. Согласно этому стиху меджмуа был написан самое позднее в конце 1040 года Хиджры (1631 год н. э.) или немногим позже.

В собрании присутствует газель Бора Гази Гирей Хана состоящая из пяти бейтов (двустиший). Стихотворение озаглавлено следующими словами: “Merhûm Gâzi Girây Han Fermâyed” (Покойный Хан Гази Гирей завещал). Произведение располагается на заднем обороте 15-страницы рукописи. В транслитерированном виде на латиницу оно выглядит следующим образом:

Размер аруза:[1] ***Mefûlü Mefâîlü Mefâîlü Feûlün***

1 Bîçâre gönül hâlini dildâra disünler
Gam tîğı çeker yardığını yâra disünler

2 Deşt-i ğam ara lâle gibi bağrımı yakıp
Kan ağladığım lâl-i şeker-bâra disünler

3 Âşık kişinin âh-ı sehergâhı yamandır
Benden varup ol şûh-ı sitemkâra disünler

4 Zülfi ğamıdın hâlim eğer sorsa o dildâr
Mâtemzededür giydi bugün kara disünler

5 Hicran dikeni dâmenimi aldı Gazâyî
Rahm etmese de ol gül-i bîhâra disünler [11, C. 15-b]

Перевод на русский язык с пояснениями:

1. *Бейт:* Эй несчастная душа, пусть расскажут о ране твоей, которую нанёс тебе меч любимой. Пусть расскажут о том что ещё пришлось тебе вынести разорвавшись пополам.

Любимая, обнажив меч горечи и тоски нанесла рану тебе, разрубив пополам. Эй несчастная душа/поэт, о том что тебе пришлось выстрадать пусть пойдут и расскажут любимой.

2. *Бейт:* В пустыне печали словно тюльпан жжёт мне душу и заставляет плакать кровавыми слезами пусть расскажут об этом моей любимой с сахарными устами.

В этом мире/ пустыне печали будто тюльпан прожигает мне грудь, заставляя плакать кровью, пусть известят об этом мою любимую, чьи губы так сладки.

3. *Бейт:* Злые вздохи у ашыков по утрам, пусть же расскажут моей любимой о том какие у меня вздохи.

Вскрики влюбленных на рассвете бывают злыми/тяжёлыми, идите же к моей возлюбленной, расскажите ей, упрекающей меня, чтобы остерегалась моих вскриков, потому что эти любовные мои вздохи, молитва, которую принимает (Творец).

4. *Бейт:* Если спросит обо мне эта красавица, в каком я состоянии печалюсь о её локонах, скажите: одел он траур, сегодня в чёрном я.

Эй друзья, если случиться так, что спросит о моей тоске по чёрным волосам моя любимая, расскажите ей: от боли внутри меня, пребываю я в трауре и оделся в чёрное.

5. *Бейт:* Эй Газаи, однажды зацепился твой подол о шип разлуки, если же не обрету я прощения, расскажите любимой моей, чтобы знала: она совершенная роза без шипов.

Эй Газаи / Гази Гирей Хан, колючка разлуки унесла мой подол / всё, что мне принадлежало. Вероятно, не будет мне прощения, расскажите же о моём состоянии моей любимой, что совершенна как роза без шипов.

---

[1] Аруз стихотворный размер арабского происхождения, основанный на определённом порядке чередования долгих и кратких звуков.

В газеле присутствует многослойность понятий. На поверхности как-будто звучит тема несчастной любви и страдания от разлуки с любимой. Но в более глубинном смысле, на наш взгляд, в произведении звучит чувство печали и тоски по родине, с которой поэт разлучён в силу обстоятельств. Вероятней всего, эта газель была написана Гази Гиреем в персидском плену, когда он совершенно не знал, будет ли он прощён когда-нибудь и отправлен домой. В произведении звучит некий упрёк и мелькает мысль о вероломстве. Таким образом, это может быть также стихотворным посланием султану Мехмеду III после того как Гази Гирея отстранили от ханского трона.

Собрание назире (поэтических ответов) [19].

Неизвестно кем составленное собрание содержит в основном образцы поэзии поэтов XVI-го века и ответов написанных на них. Первые 63 страницы этого сборника состоят из стихов, написанных в форме назире. На страницах же 64–79 присутствуют произведения более поздней эпохи, написанные другим почерком, отличным от первого. Меджмуа хранится в в рукописном фонде библиотеке им. Ататюрка Буюкшехирского муниципалитета в Стамбуле (İstanbul Büyükşehir Belediyesi Atatürk Kitaplığı Yazmaları) под регистрационном номере Bel. Yz. K.07. Из всего количества стихотворений, расположенных на 119 страница собрания есть такие, чьи авторы до этого были неизвестны, а их произведения впервые увидели свет после многовековой паузы.

Газель Бора Гази Гирея выполнена почерком Насх и озаглавлена словом «Газаи», написанным красными чернилами. Газель, состоящая из пяти бейтов находится на двадцать третьей странице с обратной стороны. В этом собрании стихов содержится информация о том что Шейх уль-ислам Яхъя написал на эту газель назире. В транскрибированном виде она выглядит следующим образом:

Размер аруза: ***Feilâtün Feilâtün Feilâtün Feilün.***

1 Ey nesîm-i seher ol yâre yetür peyğâmı
Arz kıl hasret ile hâl-i dil-i nâ-kâmı

2 Lutf(i)le hâlim eger sorsa nihânî diyesin
Eyledi kan ğam-ı lâlün dil-i bî-ârâmı

3 Hâli kılmak dilerem gönlümü bir dem ğamdan
Gel safā bezmine sâkî yine toldur câmı

4 Kanı dildâr(i)le ey dil o geçen evkâtın
Ol dahi bir dem idi gitdi safâ hengâmı

5 Vasl-ı yârile bugün olma Gazâyî mağrûr
Akıbet olsa gerek her seherin ahşamı [19, C. 23-b].

Перевод на русский язык с пояснениями:

1. *Бейт:*** Эй утренний ветер, доставь возлюбленной моей вести обо мне. Поведай о состоянии моей души, которая тоскует, что не может достичь своей цели.

Эй утренний ветер, доставь обо мне вести той любимой моей. Пусть знает она, чего только не вынесла моя душа из-за того, что не могу достичь моей желанной цели.

2. *Бейт:*** Если спросит обо мне, проявив милосердие, скажите ей тайком, что полна дум о её алых губах моя беспокойаня душа, и истекают кровью мои раны.

Обладатель могущества и силы, моя возлюбленная, если тайком спросит обо мне, прошепчите ей, что вдали от неё, не имея возможности видеть её и говорить с ней в тоске поеё алым губам в постоянном беспокойстве и смущении мой дух, и сердце обливается кровью.

3. *Бейт:* Эй сакий (виночерпий) вновь на веселом застолье наполни-ка мой кубок, хоть на миг освобожу я свою душу от тоски.

Эй сакий / моя возлюбленная, мой дорогой друг / хочу хоть на миг освободить душу свою от тоски и печали. Что будет если ты придёшь на весёлый пир и наполнишь этот кубок. Мой путь спастись от душевной боли это быть рядом и говорить с тобой.

4. *Бейт:* Эти твои времена, о сердце, с разрывающей мне душу в кровь (красавицей),
Словно миг пролетели, ушли весёлые деньки

Эй болящая душа, где те времена, что случилось с теми днями, которые я проводил со своей возлюбленной. Так словно миг пролетели они. Эти счастливые и прекрасные времена – всё вместе это целая жизнь. Всё это стало лишь мечтой или сном. Счастливые дни закончились.

5. *Бейт:* Эй Газаи, не гордись, что этим утром воссоединился с любимой. Так же как после утра наступает ночь, твоё воссоединение в конце-концов закончится разлукой.

Эй Газаи, эй Гази Гирей Хан, тем, что был ты вместе с возлюбленной не гордись, будь сдержан. Потому как всякое утро заканчивается ночью. На смену единению придёт вновь разлука, а снею боль и тоска.

Классическая турецкая литература в своих традициях восходит к XIII веку. К сожалению, на протяжении всех веков её существования различные случавшиеся беды, такие как грабежи, пожары, землетрясения, наводнения, насекомые-вредители и пр. послужили причиной того, что многие произведения погибли и не дошли до наших дней. Досадно и то, что из-за сложностей возникавших при производстве бумаги и чернил, отутствия печатных станков, распространения книг посредством переписывания от руки, в результате привели к тому, что количество этих рукописей невелико, а некоторые произведения и вовсе не были перенесены на хорошую бумагу и потому не дошли до нас. Как мы видим на примере творчества Гази Гирея, который будучи известным и могущественным правителем не испытывал риск быть забытым и кануть в безызвестность, многое из того, что он написал сегодня, тем не менее, неизвестно. Что же сказать о поэтах не обладавших властью, и не имевших собственных переписчиков.

Для воссоздания как можно более полной картины османской литературы, для нахождения как можно большего числа произведений древних поэтов одного источника, конечно, же мало. Поэтому, для подготовки собрания сочинений какого-либо писателя османской или более древней эпохи необходимо работать не только с его диванами и упоминаниями о нём современников. Необходимым является также исследование всех возможных собраний сочинений других авторов. Так как это произошло с двумя новыми газелями Бора Гази Гирея, найденных совершенно случайно в указанных нами двух меджмуа. В собрании назире мы также обнаружили поэтический ответ шейх уль-ислама Яхъи на стихотворение Гази Гирея, что также подтверждает их тесную дружбу. Кроме того, размышляя над содержанием стихотворений Бора Гази Гирея, можно вынести дополнительные характерные особенности в отношениях Османской Турции и Крыма.

Ahmet İchli

Unknown works of Bora Ghazi Giray

Abstarct. *It is true that after the Ottoman Empire began to manage the political system of [ap1] the Crimean Khanate, boys – heirs of the khan's throne – began to be brought up in the spirit of traditional Ottoman education. From early childhood, the training of khan's children began at the Stamul School (Mekteb) of Enderun. In addition to Turkish and Persian, they also studied a number of other foreign languages, which, of course, allowed them to continue to be*

highly erudite people of their time. The teaching of fine arts also had a serious character, as many Crimean khans are known for their verses, written in various genres, in various Turkic dialects, and also in other languages.

One of the most famous figures of the Crimean Khanate – Bora Gazi Girey Khan, who received traditional Ottoman education and training, later became ruler. Known for his successful military campaigns against the Moscow Kingdom, Poland and other Eastern European states as part of the Ottoman army, Ghazi Girey, even before becoming a khan, was captured in Iran along with his elder brother Adil. After seven years in prison, he managed to escape and reached Erzurum, from where he would then be taken to Istanbul. After the death of his other elder brother, Islame Giray, was appointed sultan to the position of khan in 1588. Born in 1554, Ghazi Girey died of plague in 1607 when he returned from his last campaign.

As you know, after Gazi Girey there were many works written by him, both in Ottoman and Crimean Tatar. Among these works the most famous, and probably the most revealing one is the collection of his poems – Divantsche. The sofa actually means a meeting, in this case a collection of poems, and a sofa – a large collection. After this collection was published in Turkey, his other works were found, particularly fourteen gazels, which were not included in the "Divanch".

In his poems Ghazi Girey used pseudonyms (makhlyasy) Ghazai or Khan Ghazi. This can be traced in his all works found newly, which gives some prerequisites for further searches and possible findings of his works in the libraries and archives that are located on the territories that once belonged to the Ottoman Empire. Our note is devoted to two more gazels of Bora Ghazi Girey, which had not been found before. They are written in Ottoman Arabic script. We transliterated the original texts into the Latin alphabet and provided their translation to the modern Turkish.

Keywords: *Ghazi Girey Khan, Gazay, Gazel, Divancha, Collection, Poetry.*

Литература:

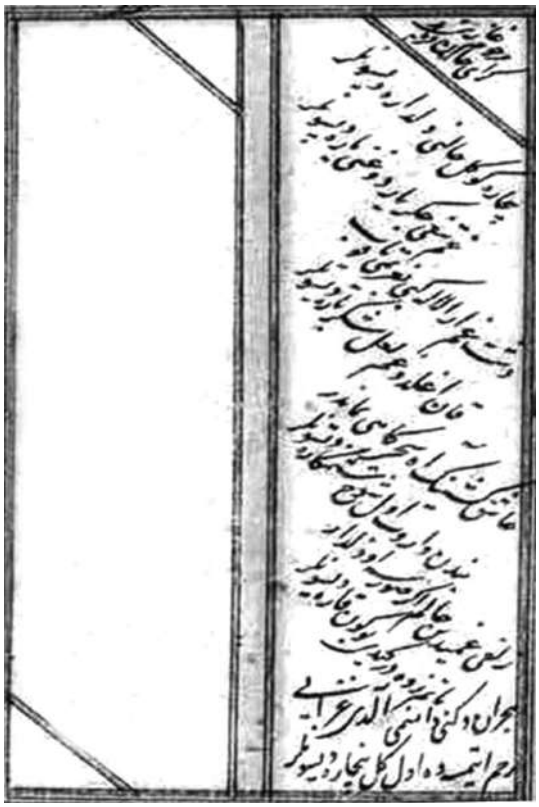
1. Abdullayeva E. Bora Gazi Giray Han: Hayatı ve Eserleri / E. Abdullayeva. – Ankara: Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Doktora Tezi, 2011.
2. Bursalı Mehmet Tahir. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Müellifleri / Mehmet Tahir Bursalı. – Ankara, Kültür Bakanlığı, 1990. – 64 s.
3. Cumbur Müjgan. "Gazi Giray Han" / Cumbur Müjgan // Türk Dünyası Edebiyatçılar, Yazarlar ve Şairler Ansiklopedisi. – C. 4. – Ankara: AKM Yay, 2004.
4. Ertaylan İ. Gazi Giray Han. Hayatı ve Eserleri / İ. Ertaylan. – İstanbul: Ahmed Said Basımevi, 1958. – 92 s.
5. "Gazi Giray" / İslam Ansiklopedisi. – C. 13. – İstanbul: TDV Yay.
6. "Gazi Giray" / Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi. – C. 3. – İstanbul: Dergah Yay.
7. Halim Giray. Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi) / Haz. Alper Başer-Alper Günaydın. – İstanbul: Avrasya Enstitüsü Yayınları, 2013. – 94 s.
8. İnalcık Halil. "Gazi Giray" / İslam Ansiklopedisi. – C. IV / H. İnalcık. – İstanbul: MEB Yay.
9. İpekten Haluk. Tezkirelere Göre Divan Edebiyatı İsimler Sözlüğü / H. İpekten [ve dig.]. – Ankara: KTB Yay, 1998.
10. İsen Mustafa. Kırım Hanedanının Şairliği / M. İsen // Bilig. – 2000. – Sayı. 15. – S. 81–90.
11. İzâkî. Mecmua, İslamî Şurâ Meclisi Kütüphanesi (Kitabhane-i Meclis-i Şurâ-yı İslâmî) / İzâkî. – Sıra Nu: 9810, Kayıt Nu: 952753, Kitap Tanıtım Fiş Nu: 13378-10, 1631. Tahran
12. Kavruk Hasan. Şeyhülislam Yahyâ Divanı / H. Kavruk. – Ankara: M.E.B. Yay. 2001.
13. Kurnaz Cemal, Halil Çeltik. Osmanlı Dönemi Kırım Edebiyatı / C. Kurnaz, H. Çeltik. – Ankara: Kurgan Edebiyat, 2000.
14. Kurnaz Cemal. Tuhfe-i Nâ'ilî / C. Kurnaz [ve dig.]. – Ankara: Bizim Büro Yay. 2001.
15. Kurnaz Cemal, Yaşar Aydemir. Mecmualara Sorulması Gereken Sorular / C. Kurnaz, A. Yaşar // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 8/1, Winter, p. 51-64, Ankara-Turkey. 2013.

16. Yaşar Aydemir. Metin Neşrinde Mecmuaların Rolü ve Karşılaşılan Problemler / A. Yaşar // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 2/3 Summer, 2007. S. 123–137.

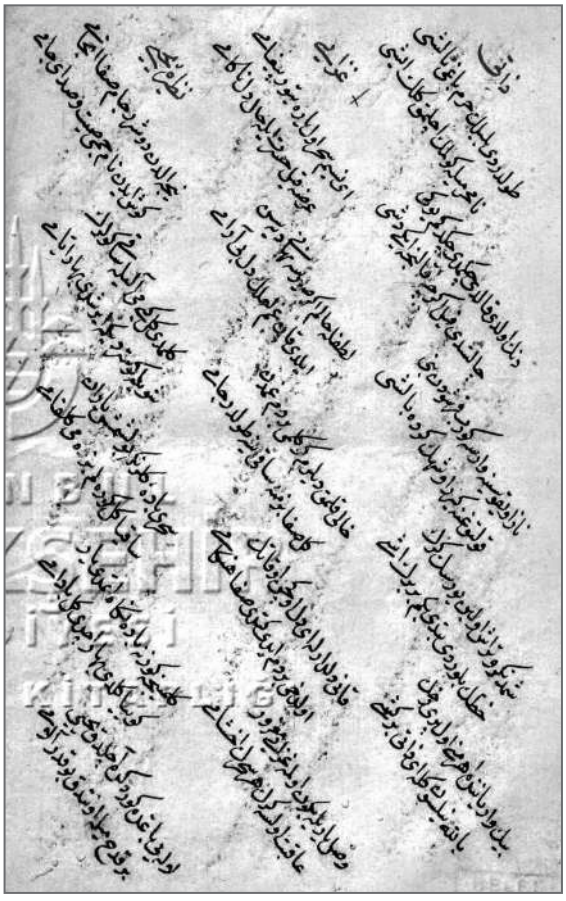
17. Tansel F. Abdullah. Gazi Giray'ın Edebî Şahsiyeti: İslam Ansiklopedisi / /F. Tansel. – C. IV. – İstanbul: MEB Yay.

18. Bursalı Mehmed Tahir. Osmanlı Müellifleri II. / Bursalı Mehmed Tahir. – İstanbul: Matbaa-i Amire, 1333 (1915).

19. Сборник стихотворений. Рукопись. (Şiir Mecmuası). – Стамбул. – Буюкшехирский муниципальный архив им. Ататюрка. Архивный фонд: Bel_Yz_K_0007.



◄ Приложение 1.
Страница из сборника (меджмуа) поэта Изаки, на котором содержиться стихотворение Гази Гирея. Размер: 324x524. *Библиотека собраний исламских рукописей (собраний) (Kitabhane-i Meclis-i Şurâ-yı İslâmî)* Раздел: 9810, Регистрационный номер: 952753, Библиотечный шифр: 13378-10, 1631. Тегеран.



Приложение 2. ►
Страница из анонимного сборника стихов. Буюкшехисркий муниципальный архив им. Ататюрка. Архивный фонд: Bel_Yz_K_0007, Лист 23-b

УДК 821(=512.19)

Abdudjemilev Refat Rustemoglu[1]
E_mail: refatimus@gmail.com

The matter of sources in the Crimean chronicles of the khanate era

Abstarct. *The article is devoted to the chronicles of the Khanate period. In the focus of the research – the chronicles "Tarih-i Sahib Geray Khan", "Tevarikh-i Desht-i Kypchak", "Tarih-i Islyam Geray Khan", "Tarih-i Mehmed Geray", "Essebu's-Seyyar" and "Umdet al-ahbar". The choice of sources varied according to the content of the works. The general stories were mainly based on the writings of Eastern authors. The chronicles (panegyrics) praising individual padishahs were based on personal testimonies (mushahede) of the chroniclers close to the rulers. Among the sources there was official documentation of the state chancellery.*

Key words*: Chronicle, source, narrative, Crimean Khanate, muverrikh.*

The choice of sources in the Crimean chronicles varied depending on certain factors: the specificity of the works, the chronological framework of the narrative and the author's biography. Muverrikhs (chroniclers, historians) who wrote "common stories" used materials from the writings of famous Eastern writers. To compose panegyrics, personal testimonies ("mushahede") of the authors were more expedient, which strengthened the artistic potential of the work. Obviously, the sources used were processed for stylistic and compositional design of the chronicles. The Chroniclers were close to the ruling elite of the Crimean Khanate, this factor allowed for more careful monitoring of the state life.

The witness of many events of the time of Sahib Geray's Khanate was the chronicler Nidai-effendi, known as Remmal Khoja. On the pages of his work "Tarih-i Sahib Geray Khan" ("The History of khan Sahib Geray") these events were reflected under the foreshortening of his own view. With the person of Khan, the author acquaints readers from the beginning of the work, expressing his astonishment. The writer's awareness of the state of affairs at the highest level of power manifests itself in detailed descriptions of the episodes, the rendering of the content of the conversations of the khan with the main and secondary characters.

Remmal Khoja had seen Sahib Geray for the first time on the procession with Sultan Suleyman in Istanbul. From the text: *«…halq-ı alem temaşaye çıqmış. Ben dahi bir köşede turub seyran ederdim. Gördüm ki, padişahıñ yanında bir civan, cemal-i şems-i taban, yüzün görenler olur hayran, otuz yaşında, devlet tacı başında, alı al, qızıl qızıl olmuş, libasınıñ mecmu'ı tatarı, mürdeler ihya qılur güftarı. Padişah ile musahebet edüb beraber gider...»* («…all the people contemplated it. I also was looking at the side. I saw a young man near by padishah, his face was shining like the sun, he was all admired at the sight of him, he was thirty, on his head – the crown of the state, all in red, clothed in a Tatar apparel, his speech resurrected the deceased. He walked beside the padishah, talking to him…») [1, p. 19].

Abdullah ibn Ridvan in his work "Tevarikh-i Desht-i Kipchak" ("Histories of Desht-i Kipchak") refers to the names of Hafiz Muhammad Tashkendi and Sheikh Ahmed bin Omer bin Arabshah

[1] ***Абдужемилев Рефат Рустемоглу,*** к.филол.н., ст. науч. сотрудник отдела крымскотатарской литературы и фольклористики НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

Ansari regarding the first khans of Desht-i Kipchak [2, p. 24]. The basic skeleton of the work, the narrative of the Crimean khans, is based on information from the chronicler's father and on the author's own testimonies.

The scrupulousness of specifying the dates in "Tarih-i Islam Gerai Khan" ("The History of khan Islam Geray") from el-Hajj Mehmed Senai allows us to assume that the author has drawn information from the records of the khan's office, in particular, the diaries of military expeditions. During the campaigns the army was accompanied by clerks, who recorded on the paper noteworthy events. Certain information could be obtained from official diplomatic correspondence. Proceeding from the biography of Senai, the writer formerly occupied the post of "munshi-i divan-i-hakani" (the designer of papers for the khan's council) [3, p. 172]. In addition to officially recorded information, the court writer also had personal observations at his disposal. Senai was present at the festivities in Bakhchisaray on the return from the first campaign and at the feast in Akmesjit.

Author's testimonies are the basic source of "Tarih-i Mehmed Geray" ("The History of Mehmed Geray"). The chronicle refers only to one tarih – "Tarih-i ibn Kesir." [4, p. XVIII] Mehmed Geray narrated about the events, beginning with the Khanate of Saadet Geray. Based on his testimonies, the author described the battle of Salankamen. Being the representative of the khan's family, the author relied on the testimonies directly from the khans. At the same time, the author referred to the source: "Saadet Geray Han-ı merhumuñ kendü lisanından menkuldür ki" ("From the speech of the late Khan Saadet Geray"), in part about el-Haj Selim Geray - "bu abd-i pür-taqsir, Han hazretlerinüñ kendülerinden su'al eyledim "(" This feeble servant, that is, I asked his Majecty, Khan himself "). Mehmed Geray used other oral sources as well – legends, stories, folk rumor. This is confirmed by the phrases: "rivayet olunur ki" ("as reported in the stories"), "efvah-ı nasda mütevatir ve şayi 'olduğı üzre" ("by talk transmitted from mouth to mouth") [4, p. XX].

The spectrum of sources in the chronicle "Es-sebu's-seyyar fi ahbar-i mulük-i Tatar" ("The Seven Planets in the News of the Tatar rulers") [5] is represented by the following works: "Tarih-i Nishanji Pasha" ("The History of Nishanji Pasha, XVI century. "); "Ravzatul-Hussein fi hulyasati al ahbar al-hafikayn" ("The Garden of Hussein in a brief account of news about the west and east") of the Ottoman chronicler Naima Chelebi (XVII century); Chronicle of the Muverrikh Khayri-zade; a brief chronicle of the "Ajem Makasid" by Skender; "Rauzat al-safa firat al-anbiya wa'l-mulük wa'l-hulyafa" ("The garden of purity concerning the life of prophets, kings and caliphs") or "The general history" of the Iranian historian Mirkhond (XV century); "Kitab tajziyat al-amsar ve-tajziyat al-asar" ("Book of the division of regions and passage of times") or "Tarih-i-Vassaf" ("The History of Wassaf") of the Iranian muverrih Vassaf (XIV century); "Takvim el-buldan" ("Ordering Countries") of the Arab historian and geographer Abul-Fida (XIII century). The author of The Seven Planets, Seyyid Muhammed Riza, obviously used the information from the early chronicles devoted to the reign of the Crimean khans. In fact, Mıhammed Riza was a pure «historian» in the direct sense of this word.

The same can be said about Abdulgaffar Kyrymi. The work "Umdet al-ahbar" ("Support of News") by Abdulgaffar Kyrym, whose narrative has a wide chronology, is based on a number of sources of eastern authors (24 units) [6, p. 13–14]. Some examples: the records of Ahmed Khan Ozbeki, The History of Baba Ali-Bek, «Künhül Ahbar» by Gelibolulu Ali-Efendi, the composition of Haji Tarhanli el-Hajj Niyazi, rivayets (stories) from el-Hajj Jantemur-Bek, rivayets from el-Hajj Murtaza-Murza. In a variety of sources is the degree of informativeness in "Umdet al-ahbar": the author is not limited to the history of the Crimean Khanate, the narrative vector touches upon the history of Islam and the development of the Turkic states.

To conclude with, we can say that Crimean Chroniclers based their works on different sources. Some writers compiled their works using the information from the writings of the well-known historians. Others had their personal observations. The detailed descriptions of some episodes lead to the thought of the direct evidences from the author.

Абдужемилев Рефат Рустемоглу

Вопрос источников в крымских хрониках ханской эпохи

Аннотация*. Статья посвящена хроникам ханского периода. В поле зрения исследования – хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан», «Теварих-и Дешт-и Кипчак», «Тарих-и Ислам Герай хан», «Тарих-и Мехмед Герай», «Эссебу'с-сейяр» и «Умдет аль-ахбар». Выбор источников разнился согласно содержанию произведений. Общие истории в своей основе преимущественно опирались на сочинения восточных авторов. Восхваляющие отдельных падишахов хроники (панегирики) основывались на личных свидетельствах (мюшахеде) летописцев, приближенных к правителям. Среди источников имелась и официальная документация государственной канцелярии.*

Ключевые слова*: хроника, источник, нарратив, Крымское ханство, мюверрих.*

References:

1. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551) [History of khan Sahib Giray] / Dr. Ö. Gökbilgin. – Ankara: Baylan Matbaası. – 1973. – 313 s.

2. Abdullah ibn Ridvan, Tevarih-i Deşt-i Kipçak an Hıtta-i Kırım veya Tevarih-i Tatar Hanan-ı Kadim ve Ahval-i Deşt-i Kipçak [Tevarikh-i Desht-i Kipchak] / M. Akif Erdoğru, S. Uysal. – İzmir: Ege Üniversitesi Yayınları. – 2012. – 80 s.

3. Turanly F. G. Litopysni tvory M. Senai ta G. Sultana yak istorychni dzherela [Chronicles by M. Senai and G. Sultan as historical sources] / F.G. Turanly. – Kyïv. – 2000. – 311 s.

4. Demir U. Tarih-i Mehmed Giray [History of Mehmed Giray] (Değerlendirme – Çeviri metin): Yüksek Lisans Tezi / U. Demir. – İstanbul. – 2006. – 163 s.

5. Kazem-bek M.A. Asseb-o seyyar, ili Sem planet, soderjashiy istoriyu krymskij hanov ot Mengli-Girey hana 1-go do Mengli-Girey hana 2-go, t.e. s 871/1466 po 1150/1737 g. Sochineniye Seyida Muhammed Rizy [Asseb-o seyyar, or Seven planets, containing the history of the Crimean khans from Mengli I Geray as far as Mengli II Geray, i.e. from 871/1466 till 1150/1737. The work by Seyid Muhammed Riza] / M.A. Kazem-bek. – Kazan. – 1832.

6. Kyrymi Abdulgaffar. Umdet al-akhbar. Kniga 1: Transkriptsiya, faksimile. Seriya «Yazma miras. Pismennoye naslediye. Textual Heritage». *Vyp. 1* [Umdet al-akhbar. Transcription, facsimile. Series «Yazma miras. Textual Heritage»] / A. Kyrymi.– Kazan: Institut istorii im. Sh. Marjani AN RT. – 2014. – 420 p.

УДК 82.512.19-14’16’

Кадырова Урие Рефатовна[1]
E_mail: uriye@list.ru

Ашыкъ Умернинъ шиириетинде наргиз, ясемин ве нилюфер тимсаллери

Аннотация. *Макъаледе къырымтатар ашыкъ эдебиятынынъ XVII асыр темсильджиси – Ашыкъ Умернинъ шиирлеринде наргиз, ясемин ве нилюфер тимсаллери огреniле. Наргиз чичегинен багълы эфсанелер кетирилип, бутюн чичеклернинъ эдебиятта къулланма хусусиетлери косьтериле. Манзумелерде тимсаллернинъ ишлетилюви насыл ифадели васталарнен ачыкъланъаны талиль этиле. Чичеклернинъ бильдирген догъру маналарынен берабер тасаввуфий эсаслары да ачыкълана.*

Анахтар сёзлер: *Ашыкъ Умер, наргиз, нилюфер, ясемин, тимсаль.*

Ашыкъ Умернинъ иджадында гъает кениш бир саа – чичеклер тимсаллеридир. Шаирнинъ шиирлеринде энъ чокъ гуль, ляле ве сумбуль тимсаллери къуллангъаныны къайд этмеге мумкюн. Амма бу чичеклерден гъайры севгили ве ашыкънынъ образларыны ифаделемек ичюн наргиз, нилюфер ве ясемин де муим ве озюне хас ерни алдылар.

Гуль ве ляле тимсаллеринен берабер ***наргиз*** акъкъында да бир къач эфсане бар. Бир эфсанеге коре, Наргиз – генч, пек дюльбер, амма сувукъкъанлы огълан олып, ашкътан ич те анъламай экен. Онъа ашыкъ олгъан къызлар Наргизнинъ дикъкъатсызлыгъыны танърыларгъа шикяет эткен. Танърыларнынъ джезасы нетиджесинде Наргиз кенди акисини сувда корип, озь-озюне ашыкъ олгъан ве бир кунь озюни сейир этип отургъанда сувгъа атылып, богъулгъан. Онынъ вуджуды чюрюген ерде козьге ошагъан дюльбер бир чичекке чевирилип оськен ве бутюн гузеллерге айран олып, байгъын-байгъын бакъып турмагъа махкюм этильген. Экинджи эфсанеге коре, генч ве дюльбер Наргиз бир перининъ севгисини ред эткен. Пери де умютсиз ашкътан солып бир ташкъа чевирильген, тек Сеси къалгъан. Шаркъта белли олгъан башкъа эфсанеге коре, Гуль ве Наргиз бири-бирине ашыкъ олгъанлар. Севгилилерден бири – Наргиз, козь шеклиндеки чичекке чевирилип, къыяметке къадар омюрини айрылыкъ ве бекленти ичинде кечирме укмюне огърагъан [10, с. 356].

Чогъу алимлернинъ къайд эткенине коре, наргиз – къадимий юнан тилинден ναρκάω (наркао) сёзюнден пейда олып, «уюшмакъ, къатып къалмакъ» [3] маналарыны бильдире. Белли олгъаны киби, наргизнинъ томарлы тамыры зеэрли, оны кемириджи айванлар биле ашамайлар. Чичекнинъ озю ве тамыры тыббиетте ве къокъулар истисалында чокъ ишлетиле. Къадимий заманларда бу чичекнинъ тыббий файдасы акъкъында даа Гомер ве Ибн Сина язгъан эдилер.

Бутюн бу хусусиетлерни Ислям динимизде де тапмагъа мумкюн. Наргизнинъ тюз ве даяныкълы сапы Ислямда хызмет ве иман темсилидир [2].

Мухаммед Пейгъамберимизнинъ (сав) наргизнен багълы бойле хадиси белли: «Наргиз чичегини куньде, афтада, сенеде, я да омюринъизде бир кере къокъланъыз. Чюнки инсан юрегинде делилик, барас (лейкодермия) ве джюззам (лепра, проказа) урлукълары сакълыдыр, наргиз къокъусы исе оларны юректен чыкъара» [6]. Арапларда бу чичек самимиет,

[1] ***Кадырова Урие Рефатовна,*** аспирант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК КИПУ (Симферополь).

догърулыкъ ве дюрюст табиатнынъ темсилидир [2]. Бу миллетнинъ наргиз чичегинен алякъалы бойле аталар сёзю белли: «Эки отьмегинъ олса, бир данесини сат ве наргиз чичегини сатын ал. Чюнки отьмек вуджутны, наргиз исе – гонъюль, рухны беслей» [3]. Иранда исе наргиз къокъусыны генчлик къокъусы деп адландыралар [2].

Наргизнинъ бир чешити – Narcissus Poeticus (тюркче *Зеррин*) адыны ташый. Адынынъ экинджи къысмы – poeticus (поэтик, шиирий) – бу чичек асырларнен шаирлер тарафындан эсерлеринде къуллангъаныны косьтере.

Шаркъ шииириетинде севгилининъ козьлери чокъусы алларда байгъын, мефтюн этиджи ве джильвели наргиз чичегинен къыяслана. Наргиз сап устюнде бойну букюльген, таджы ашагъа саркъкъан бир чичектир. О, ачкъан сонъ къапанмай ве бу себептен, санки, даима юкъугъа тоймагъан бир алдадыр. Дж. Нурбахш къайд эткенине коре, тасаввуфта наргиз чичегининъ къулланылувы «севгилининъ гузеллигини, джазибесини ве сиирини» ифаделей [5].

Бутюн анъылгъан хусусиетлерини Ашыкъ Умернинъ шииириетинде усталыкънен ишлетильгенини корьмеге мумкюн. Мисаль оларакъ, шаир севгилининъ козьлерини анълаткъанда козь сёзюни къулланмайып, догърудан-догъру *неркислер* деп айта:

Таби олмуш хал у хатт у зюльфюне Чин у Хютен
Кухл ичюн неркислеринъ истер Сафахандан харач (164).[1]

Бейитте севгилининъ дюльберлик унсурлары тариф этилип, Чин ве Хютен мемлекетлери севгилининъ бенъ, юзюндеки тюйлерине ве зюльфюне таби олгъаны, козьлери исе Исфахандан берги истегени ифаделене. И. Пала къайд эткенине коре, шиирлерде Чин мемлекети ресим санатынынъ меркези оларакъ анъыла ве эскиден бу улькеде Хыта, Хютен диярларында миск тапылып, кениш къулланма саасыны темин эткен [10, с. 103]. Яни биринджи мысрада шаир севгилининъ мисильсиз гузеллигине ве индже миск къокъусына атыф этип, гузель ресим ве къокъу меркезлери олгъан Чин ве Хютен биле онъа таби олмасыны тариф эте. Белли олгъаны киби, сурьме (кухль) – козьлерге сюрюльген ве чокъ тыббий файдалары олгъан маддедир. Сурьмени «исмид» адлы тоз шекилине кетирильген къара таштан япалар. Исмид ташынынъ энъ яхшы чешити Исфаханда (Иран) тапылгъан экен [1]. Яни бу ерде севгилисининъ неркис-козьлери энъ яхшы сурьмеге ляйыкъ олгъаны ичюн, сурьме истисал меркези олгъан Исфахан шеэринден берги аладжакъ къадар къыйметли ве итибарлыдыр.

Невбеттеки орьнекте Ашыкъ Умер *неркис-и шехля* (къою мавы-къара тюстеки козьлер) меджазы вастасынен севгилининъ гузель ве байгъын бакъышлы козьлерни тариф эте. Бейитте севгилининъ юзю ве мефтюн этиджи, джазибели козьлерине эр бир ашыкъ бакъып оламаджагъы, бакъса биле ханджерине даянаджагъы бильдириле:

Ким назар къылмыш джемали неркис-и шехлясына
Къахраман вари даянмыш ханчер-и хемтасына (294).

Ашагъыдаки бейитте севгилининъ козьлери *неркис-и мест* меджазынен ифаделенген. Османлыджа-тюркче лугъатында къайд этильгенине коре, наргиз чичегининъ суву сархош этиджи, эсини джояджакъ къадар гузель ве хоштыр [9, с. 774], бу себептен наргиз *мест* ве *сархош* эпитетлеринен анъыла:

Къачан ким неркис-и местинде джана хаб олур пейда
Янагъында ики ахмер гул-и сираб олур пейда (152).

Бу бейитте севгилининъ мест (сархош) нергиз-козьлеринде юкъу пейда олмасынен янагъында эки къырмызы тазе гуль пейда олмасы косьтериле. Яни шаир эм наргиз чичегининъ суву сархош этиджи хусусиетини, эм де шарап ичмектен сонъ севгилининъ янакълары къызаргъанына атыф эте. Белли олгъаны киби, диван, халкъ ве тасаввуф эдебиятларында шарап акъкъында язмакъ, оны шиирлеринде къулланмакъ асырлар девамында шекилленген бир аньанедир. Суфилер ашкъны, севгини Аллахкъа улашмакъ, етмек бир ёл оларакъ къабул этип, шарапны да рух джошкъунлыгъы ичюн бир васта оларакъ коре эдилер

[1] Манзумелеринининъ талили 1936 с. С.Н. Эргюн тарафындан нешир этильген «Ашыкъ Омернинъ диваны» узеринде япылды. – К.У.

[10, с. 52]. Тасаввуфта *шарап* – Аллахны зикир этмесинден сархошлыкъ меджазы оларакъ ишлетиле [4]. Яни ичимликнинъ терен символик манасы мевджут. Тасаввуф – бу фаркълы шекиллерде огренме, бильги алма ёлудыр. Бу ерде шарап – корюнмеген дюньянынъ адиселерини менимсемеге ярдым эткен тимсальдир. Суфининъ джошкъунлыгъы – кендини ичинден денъиштирме, башындан озьгюн бир маяланма кечирме адисесидир. Ве бу ерде «ичмек», яни менимсемек пек муим ер алмакътадыр.

Башкъа бейитте *неркис-и местане* меджазынен ашыкъ севгилисине хитап эте. Яни ильк оларакъ гузеллик унсурларыны – козьлерни ифаделемек ичюн ишлетильген меджаз, сонъра догърудан-догъру севгилиге хитап оларакъ къулланыла:

Эй баде эгер ярым ичерсе сени бенсиз

Вер неше факъат неркис-и местане докъунма (154).

Бу бейитте севгили *неркис-и местане* (сархош киби, озюнден кечкен) оларакъ адландырылгъан. Биринджи мысрада ашыкъ *эй баде* (эй, шарап) хитабынен (*джанлардырма*) башлап, ашыкънынъ севгилисине къуванч, шенълик багъышлап, онъа токъунмамасы (*джанландырма*) риджасынен девам эте. *Докъунма* редифли бу гъазельде ашыкъ залим фелекке, саба рузгярына, шарап ве олюм мелегине хитапта булуна. О, севгилисинден узакъ олып, оларнынъ вастасынен селям ёллай, шенълик бермесини, амма ич кимсе онъа токъунмамасы риджасында булуна. Ашыкъ озь джаныны олюм мелегине дегиль де, севгилисине адагъаныны ифаделей. Яни бутюн эсер ашыкънынъ севгилисине ашкъ, садыкълыкъ ве оны эр шейден къыскъанма дуйгъуларынен толу олганыны анълата.

Севгилининъ ашыкъны сархош этиджи наргиз оларакъ адландырылмасы невбеттеки бейитте де мевджут:

Хасретлик иле ляле гиби олды джигер хун

Къан агъладыгъым неркис-и местаныма сёйле (177).

Бу бейитте ашыкънынъ ашкъ ыстырапларыны косьтермек ичюн къанлы джигер (*ляле гиби* къыясы) ве къанлы яш (*къан агъладыгъым*) тимсаллери ишлетильген. Ашыкънынъ къанлы джигер ве козьяшларынынъ себеби *неркис-и местан* оларакъ адландырылгъан севгилидир. Кене де ильк башында козьлер иле къыяслангъан наргиз сонъра севгилининъ адландырылмасына себеп олды.

Ашыкъ Умернинъ иджадында севгилининъ тарифи ***ясемин*** тимсалинен де керчеклеше. Тюрк тедкъикъатчысы И. Пала къайд эткенине коре, ясемин шииретте гузель къокъусы ве ренки себебинден къулланылыр [10, с. 480]. Шаирнинъ иджадында ясемин догърудан-догъру севгилиге хитап оларакъ ишлетиле:

Эй семен гул-бу гузель билляхи ким севмез сени (342).

Ашыкъ мысрагъа дуйгъулылыкъ кирсеткен риторик суаль вастасынен (*ким севмез сени?)* севгилисининъ дюльберлигини къайд эте. Севгилиге *семен* (ясемин) меджазы иле хитап этип, *гул-бу гузель* истидрак (къошма) вастасы иле онынъ индже къокъусына дикъкъат чеке. *Семен* меджазы озюнде пек чокъ маналарны гизлей: севгилининъ гузеллигине ишарет эте, юзь ве янакъ ренкини, индже къокъусыны ифаделей.

Ашыкъ севгилисине хитап оларакъ *серв-и семен* изафетини де къуллана. Бу ерде гузельнинъ бою *серви* оларакъ адландырылмасы аньаневий ве даимий олып, севгилининъ эндамы тюзгюн, юксек олмасыны ифаделесе, онъа *семен* сёзюнинъ къошулмасынен индже ве тесирли къокъу сачмасыны козьде тута:

Дерд-и хасретинъле эй серв-и семен

Ихтияр эйледим гъурбет элин бен (67).

Бейитте ашыкъ севгилисине асретлик чеккенини ве бу дерттен гъурбет иллеринде ихтиярлашкъаныны тариф эте. Мысраларда дикъкъат чеккен хусусиет ашыкъ севгилисининъ *серв-и семен* (меджаз) эндамыны къайд этмеси, чюнки бу ерде онынъ акъылда къалгъан индже къокъусы огге чыкъа. Яни мында къокъу хатырлытыджы вазифесини беджере.

Айны *серв-и семен* (23, 407) изафетинен ашыкъ севгилисининъ гузеллик унсурыны – эндамыны да ачыкълай:

Леблери якъут-ы ахмер кенди гевхер къаныдыр

Къамети серв-и семен инджe мияна маликим (407)

Башкъа бир бейитте ашыкъ севгилининъ ясемин киби беяз олгъан коксюни анълата:

Ол гузель гёзлерде гёзлер бир семенбер джанибин (455)

Бу мысрада ашыкъ севгилисини бир къатиль, джанийнен (*джанибин*) къыяслай, амма бунъа бакъмадан оны гузель козьлерини ве ясемин киби беяз коксюни къайд эте. Бу ерде ясемин тимсалинен къыяслама даа чокъ кокюснинъ ренкини ифаделей. Мысрада текрарлангъан *гёзлер* сёзю ашыкънынъ беклентисини ве интизарыны косьтере.

Башкъа бир мысрада ясемин севгилининъ кумюш иле къыяслангъан элини къыскъангъаныны ифаде эте:

Саид-и симине решк этти къылды ясемин (590)

Бу орьнекте ясеминнинъ джанландырылгъаныны, яни онъа инсан чизгилери берильгенини корьмеге мумкюн (*решк этти – къыскъанды*). Мысрада севгилининъ эли кумюш иле къыясланып, о, ашыкъ ичюн къыйметли олгъаныны косьтере. Ясемин тимсалинен исе ашыкъ севгилисининъ эли ясеминден даа да беяз, дюльбер ве назик олгъаныны ачыкълай.

Ашыкъ Умер чешит чичеклернинъ къокъулары ве гузеллигинен сюсленген севгилининъ янында тек ашыкънынъ образында къулланылгъан тимсаллерни де ишлете. Мисаль оларакъ, асретликтен ашыкънынъ козьяшларнен толгъан козьлерини ве юзюнинъ сары ренкке чевирильгенини анълатмакъ ичюн ***нилюфер*** тимсалини къуллана. Нилюфер беяз, сары, мавы, пемпе тюслеринде олгъан, сувда оськен чичектир. Тедкъикъатчы Б. Айвазогълу, орта асырлар шииритинде нилюфер даа да чокъ беяз ве сары ренклеринде олгъаныны къайд эте [7, с. 256]. Ашыкъ Умернинъ шииритинде нилюфер тимсали бойле орьнекте кетириле:

Хасретинъ зафийле дёндю юзюмиз маненд-и зер

Къапламыштыр диделер ирмагъыны чокъ нилюфер (433).

Бу бейитте ашыкънынъ тыш корюниши янында – *юзюмиз маненд-и зер* (*къыяс*), онынъ ашкъ дертлери – асретлик ве айырылыкъ себебинден чокъ козьяш тёккени косьтериле. Козьяшлар чокълугъы ирмакълар пейда олмасына (*мубалягъа*) ве оларны нилюферлер къапламасына себеп олгъаныны анълатыла. Яни бу бейитте ашыкънынъ тыш корюниши ве ич дертлери айдынлатыла, амма *хасретинъ зафийле* ибаресинен бунынъ себепчиси севгили олгъаныны, яни севгилининъ образынен де раст келемиз. Шаир озюнинъ гениаль шаирлик къабилиетинен озьгюн чичек тимсаллерини тапып, ашыкънынъ янъгъызлыкъ дуйгъусыны тариф этти.

Бойлеликнен, Ашыкъ Умернинъ манзумелеринде гуль, ляле ве сумбуль тимсаллеринен берабер наргиз, ясемин ве нилюфер тимсаллери де озюне хас ве айры бир ер алмакъталар.

– Шаирнинъ иджадында наргиз тимсали тек севгилининъ образында къулланылып онынъ мефтюн этиджи козьлерини ве *неркис-и местан* изафетинен догърудан-догъру севгилининъ озюни ифаделей. Бу чичекнен къыясламасы козьнинъ шекиль джеэттен онъа бенъземесине ве сархош этиджи къокъусына эсаслана.

– Ясемин тимсали де тек севгилининъ образында къулланылып, онынъ гузеллик унсурларыны – эндамыны, коксюни, элини ве севгилининъ озюни де тариф эте. Манзумелердеки ясемин иле къыяслама чичекнинъ ренкине ве этрафкъа сачкъан индже къокъусына даяна.

– Нилюфер тимсали – тек ашыкънынъ образында ишлетилип, онынъ асрет чеккенини, янгъыз олгъаныны косьтермекте.

Нетиджеде шуны къайд этмелимиз ки, Ашыкъ Умернинъ иджадында къулланылгъан чичеклер тимсаллерининъ мисильсиз гузеллиги, индже къокъусы ве зарифлиги иле шиирлери даа да ренкли ве тесирли ола.

Кадырова Урие Рефатовна

Воплощение символов нарцисса, жасмина и водяной лилии в лирике Ашыка Умера

Аннотация. *В статье рассматриваются воплощение символов нарцисса, жасмина и водяной лилии в лирике представителя крымскотатарской ашыкской литературы XVII века – Ашыка Умера. Приведены легенды, связанные с нарциссом и отмечены особенности указанных цветов в литературе. Проанализированы изобразительные средства, посредством которых представлены данные символы в поэзии. Наряду с прямым значением цветов раскрыты их глубокие суфийские аспекты.*

Ключевые слова: *Ашык Умер, нарцисс, водяная лилия, жасмин, символ.*

Kadyrova Uriye Refatovna

The embodiment of the symbols of narcissus, jasmine and water lily in the Ashik Umer's lyrics

Abstract. *The article deals with the embodiment of the symbols of narcissus, jasmine and water lily in the lyrics of the representative of Crimean Tatar Ashyk literature of the XVII century – Ashyk Umer. Legends related to daffodil are given and features of the indicated colors are noted in the literature. Analyzed visual means, through which these characters are represented in poetry. Along with the direct meaning of colors, their deep sufi aspects are revealed.*

Keywords: *Ashyk Umer, narcissus, water lily, jasmine, symbol.*

Эдебият:

1. Марьям Умм Абдуллах. Сурьма [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: http://annisa-today.ru/medicina/surma/ (дата обращения: 03.03.2018).

2. Нарцисс, растение. [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.symbolarium.ru/index.php/Нарцисс,_растение (дата обращения: 03.03.2018).

3. Нарцисс (растение). [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://ru.wikiquote.org/wiki/Нарцисс_(растение) (дата обращения: 02.03.2018).

4. Нурбахш, Дж. Суфийская символика. Энциклопедия суфийских символов. [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://nimatullahi.sufism.ru/nashi-izdaniya/sufijskaya-simvolika/entsiklopediya-sufijskikh-simvolov.html (дата обращения: 02.03.2018).

5. Нурбахш, Дж. Энциклопедия суфийского символизма. Символика частей тела Возлюбленной. Часть 3. / Дж. Нурбахш. [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: https://o-r-love.livejournal.com/24291.html (дата обращения: 21.10.2017).

6. Чишти, Муинуддин Хасан. Суфийское целительство. / М. Х. Чишти. [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://islamvera.ru/xadisy-o-zdorove/ (дата обращения: 03.03.2018).

7. Ayvazoğlu, B. Güller kitabı. Türk Çiçek Kültürü Üzerine Bir Deneme / B. Ayvazoğlu. – İstanbul : Kapı Yayınları, 2016. – 412 s.

8. Ergün, S.N. Aşik Ömer: Hayatı ve şiirleri / S. N. Ergün. – Ankara : Semih Lütfi Matbaa ve Kitabevi, 1936. – 444 s.

9. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Büyük Lugat / Haz. A. Yegin, A. Badıllı, H. İsmail, İ. Çalım. – İstanbul : Çinar Matbaası, 2006. – 1070 s.

10. Pala, İ. Ansiklopedik Divan Şiiri Sözlüğü / İ. Pala – İstanbul : Kapı Yayınları, 2012. – 635 s.

УДК 821. 521. 145

Меметова Лиля Айдеровна[1],
E_mail: lili-qirim@ukr.net

Крымскотатарская поэзия периода пробуждения: просветительский аспект

Аннотация. *В статье дается краткий обзор результатов комплексного исследования просветительских идей в крымскотатарской поэзии периода Пробуждения. Автором осуществлен анализ предшествующих работ, посвященных изучению крымскотатарской поэзии конца XIX – начала XX вв., выявлены неисследованные аспекты, обозначены цели. Изучен массив поэтических произведений соответствующей эпохи, обозначены направления, определившие основные вехи развития крымскотатарской поэзии 1883–1917 гг. Посредством анализа тематики и проблематики, лексико-стилистических особенностей произведений выявлена специфика просветительских идей в творчестве крымскотатарских поэтов.*

Ключевые слова: *крымскотатарская поэзия, период Пробуждения, просветительские идеи.*

Для современного крымскотатарского литературоведения реабилитация и углубленное изучение утерянного в силу исторических событий художественно-эстетического наследия предыдущих эпох, а также качественное переосмысление совокупности творческого продукта в соответствии с новыми концептуальными направлениями являются первостепенными задачами. В связи с этим изучение неисследованных аспектов переломной эпохи рубежа XIX–XX столетий, когда национальная литература вступала в новый этап своего исторического развития, представляется приоритетным. В данном направлении выполнена и наша работа. Целью исследования является научное осмысление просветительских идей, выявление их художественной специфики в контексте крымскотатарской поэзии периода Пробуждения.

Интерес к крымскотатарскому поэтическому искусству конца XIX – начала XX столетий впервые проявили современники эпохи. В конце XIX века, с изданием газеты «Терджиман» («Переводчик»), начали публиковаться отдельные произведения крымскотатарских поэтов, там же и в последующих изданиях представлялись краткие сведения о литературной жизни периода. Позднее авторы предпринимали попытки углубленного осмысления литературных процессов (А. Лятиф-заде[2], А. Гирайбай[3], Б. Чобан-заде[4], А. Крымский[5] и др.), более

---

[1] ***Меметова Лиля Айдеровна,*** к.филол.н., науч. сотрудник НИИ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма ГБОУ ВО РК КИПУ (Симферополь).

[2] Лятифзаде А. Къырымтатар эдебиятынынъ сонъки деври акъкъында А. Лятифзаде аркъадашнынъ марузасы / А. Лятифзаде // Окъув ишлери. – 1927. – № 4–5 (24–25). – С. 30–31.

[3] Гирайбай А. Къырым эдебиятына бир бакъыш / А. Гирайбай // Йылдыз. – 1995. – № 3. – С. 8–24.

[4] Чобанзаде Б. Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври: маруза / Б. Чобан-заде – Симф.: Доля, 2003. – 132 с.

[5] Кримський А. Література кримських татар / упоряд., вступ., перекл. укр. мови на російську О. Губар; автор приміток І. Керімов; перекл. на кримськотатарську Н. Сейтягяєв. – Сімф.: Доля, 2003. – 200 с.

детально изучали творчество отдельных поэтов[1]. Поэзию эпохи они рассматривали в контексте историко-литературных процессов, характеризовали тематические особенности, обращали внимание на стиль поэтов, представляли биографические сведения[2].

Со второй половины XX века[3] работы в отечественной историографии были идеологически маркированы и поэтому ориентировались лишь на творческое наследие отдельных поэтов или отдельных произведений в творчестве некоторых поэтов. Интерпретация совокупности поэтического наследия периода Пробуждения, и тем более просветительского аспекта, в эти годы также не осуществлялась.

Последнее десятилетие XX – начало XXI вв. обозначились положительной динамикой в изучении поэтического искусства конца XIX – начала XX столетий. Получившие место процессы демократизации способствовали выходу в свет ранее неизвестных материалов, долгие годы являющихся лишь объектами научных поисков. В крымскотатарском литературоведении обозначались тенденции по комплексному изучению литературного мира рубежа XIX–XX столетий[4], а также по исследованию творчества ранее запрещенных поэтов[5]. Однако целевые ориентиры исследований не позволили в достаточной степени углубиться в специфику просветительских интенций поэтов рассматриваемого периода, изучить детально их творчество в различных аспектах. В связи с этим актуальным видится наше исследование, направленное на комплексное изучение просветительских идей в крымскотатарской поэзии 1883–1917 гг.

Поэзия конца XIX – начала XX веков была новым веянием в истории развития национального художественного слова. В этот период в крымскотатарском социуме обозначилась трансформация традиционного мировоззрения, переориентация общественной мысли на западноевропейский культурологический опыт. На общественной арене появилась плеяда передовых деятелей, поэтов и писателей, которые осознавали потребности времени, силу просвещения в развитии цивилизаций.

В авангарде прогрессивно мыслящих интеллектуалов находились А-Ч. К. Ховадже, А. Нури, А. Боданинский, И. Гаспринский, С.А. Озенбашлы, И. Леманов. Позднее к ним присоединились О.Н. Акчокраклы, А.С. Айвазов, А. Ильмий, А. Медиев, У.Ш. Тохтаргазы, А. Чергеев, У. Сами, Я. Шакир-Али, Х. Одабаш, Дж. Керменчикли, Ш. Бекторе, Н. Челебиджихан, Дж. Сейдамет, Б. Чобан-заде и десятки других, ставших яркими представителями крымскотатарской интеллигенции своего времени.

Особую роль в эволюции поэтического слова сыграла газета «Терджиман» («Переводчик»). Издание в первом же номере обозначило свое концептуальное кредо: на службе правде и просвещению[6]. Его просветительские ориентиры определили в последующем идейные доминанты национальной поэзии. Крымскотатарское поэтическое искусство, стало рупором по пропаганде национального просвещения.

Поэтический продукт периода Пробуждения, создававшийся на протяжении 1883–1917 годов, в соответствии с идейными, стилистическими и композиционными особенностями,

---

[1] Решидов К. У.Ш. Тохтаргъазы – халкъ шаири (А.С. Пушкин адына Къырым тиль ве эдебият ильмий тешкерюв институты. Илимлер намзети унванына язылгъан диссертация). – Акъм., 1940.

[2] Сейдамет Дж. Публицистика: малоизвестные статьи / Дж. Сейдамет; сост.: Т. Куршутов. – Симф.: Крымучпедгиз, 2012. – 128 с.

[3] Алтанлы А. Шаир А. Чергеевнинъ яратыджылыгъы. / А. Алтанлы // Ленин байрагъы. – 1970. – 20 янв. – С. 4; Джавтобели З. Эдипнинъ буюк хызметлери (Усеин Тохтаргъазынынъ догъгъанына 100 йыл толувы мунасебетинен) / З. Джавтобели // Йылдыз. – 1981. – № 1–2. – С. 144–149.

[4] Керимов И. XIX асырнынъ сонъу – XX асырнынъ башында къырымтатар бедий сезюнинъ эврими / И. Керимов. – Симф.: Къырымдевокъупеднешир, 1998. – 184 с.

[5] Киримов Т. Творческое наследие Дж. Керменчикли (первая треть XX века) / Т. Киримов. – Симф.: Оджакъ, 2007. – 164 с.; Къандым Ю. Куреш мейданыны от басмаз / Ю. Къандым. – Симф.: Къырымдевокъувпеднешир, 2002. – 256 с. ве саире.

[6] Гаспринский И. Русиеде мусульман матбаасы // Терджиман. – 1883. – Апр. 10.

можно условно классифицировать, выделив при этом две стадии: 1883–1905 гг. и 1905–1917 гг. Данная классификация наиболее приемлема, так как более полно отображает идейно-эстетические предпочтения времени.

В произведениях крымскотатарских поэтов 1883–1905 гг. существует определенная общность в творческой манере. Их поэтические сочинения создаются согласно лозунга газеты «Терджиман» – «Дильде, фикирде, иште – бирлик» («Единство в языке, мыслях и делах»). В результате, произведения этих лет характеризуются тематико-стилистической близостью [2, с. 17]. Не менее важным аспектом поэзии дореволюционных событий 1905 года является и общность лейтмотивов. В развитии стихотворных форм периода идейным импульсом служила концептуальная модель «к знаниям и науке», которая пропагандировалась на страницах «Терджиман»а. «Всякому надо быть грамотным <…> Без работы и знания нельзя жить <…> Целый народ также падает и пропадает как один человек, если ленится и ничего не умеет делать. Повторяем: для жизни нужны работа и знания» [1, с. 25]. Подобные напутствия были заявлены еще в первом пробном выпуске газеты 1882 г. [6, с. 23] и содержались практически в каждом последующем номере издания, что формировало у читателя адекватные мировоззренческие установки. «Терджиман» первый представил свои страницы для поэтических экспериментов и в дальнейшем стал «кузницей литературных кадров» [65, с. 33].

Революционный 1905 год, который «перевел решение национального вопроса в Крыму в другой статус» [6, с. 34] заметно повлиял и на поэтический слог. Творческие приоритеты поэтов регулировались общественным настроением, в котором пассивный характер национально-освободительного движения сменился на осознанную, целенаправленную, активную борьбу. В связи с этим корректировался и проблемно-тематический фон крымскотатарской поэзии. В творчестве стихотворцев либеральные тенденции постепенно сменились революционно-демократическими взглядами. Идейно-художественное содержание произведений диктовалось социальными интересами. Поэты актуализировали народную жизнь, рисовали будни сельского обывателя, высказывались о полярно-противоположных взглядах старого и нового мира. Они освещали такие животрепещущие вопросы национальной жизни, как земельное право, классовый гнет, давление со стороны консервативно мыслящих представителей духовенства, женское право и борьба с невежеством, выдвигали на первый план идею народного образования, признанную основополагающей в разрешении существующих проблем. Тематический спектр крымскотатарской поэзии был довольно широк, консолидирующим элементом выступала художественная идея – стремление к знаниям как основа человеческого бытия [4, с. 100].

Крымскотатарская поэзия возрождалась в новых реалиях. В эти годы значительные изменения претерпевает и ритмико-синтаксическое строение стиха. Ранее существующие поэтические формы не отвечали новым художественным задачам, и крымскотатарское поэтическое искусство стало тяготеть к европейским творческим принципам. Произведения поэтов этого периода представляли собой первые попытки по освоению новаторских принципов версификации. Ритмико-интонационная структура стихотворений заключала в себе особенности, как предыдущей эпохи, так и новых тенденций [3, с. 5].

Крымскотатарская поэзия рубежа XIX–XX столетий была представлена произведениями Абдуллы Сейид Озенбашлы, Хабибуллы Керема, Османа Нури Акчокраклы, Усеина Шамиля Тохтаргазы, Асана Чергеева, Умера Сами, Хабибуллы Одабаша, Номана Челебиджихана, Якуба Шакир-Али и других поэтов, которые осуществляли первые пробы пера в этот период. Авторы придерживались различных методов в реализации своих творческих талантов. Используя отличительные стилистические приемы, они создавали многочисленные образы, характеризующие социальную картину эпохи, поднимающие актуальные проблемы времени.

Активным популяризатором просвещения и борцом с социальной несправедливостью был Усеин Шамиль Тохтаргазы. Его поэзия стала воплощением протеста против угнетения

материально несостоятельных слоев населения власть имущими[1]. Частое апеллирование к антагонистическим понятиям «бедные» / «богатые» определило его творческую индивидуальность.

Выступления против отдельных представителей духовенства обозначены в поэзии Асана Чергеева. Поэт использует сатирический прием для обличения подлой и меркантильной личности клерикала, пользующегося неосведомленностью и малограмотностью народа. Лирика А. Чергеева актуализирует и проблему женского раскрепощения, вопросы национального образования[2].

С резкой критикой по отношению к сторонникам консервативных устоев выступает Якуб Шакир-Али. Поэт раскрывает изжившую себя систему этноконфессионального образования крымских татар. В прениях с адептом старого мира поэт высказывается от лица ученика новометодной школы и отстаивает прогрессивные идеи.

Творческий объектив поэтов был сфокусирован и на актуализации наиболее острой проблемы – женской эмансипации. Активную пропаганду по просвещению женского населения, предоставления им прав и свобод вели У. Ш. Тохтаргазы, А. Чергеев, Я. Шакир-Али, Х. Одабаш, Дж. Керменчикли, У. Сами и др.

По мнению поэтов, искоренение существующих социальных пороков было возможно лишь с помощью культивирования просветительских идей – всеобщей справедливости и равенства, гуманности и человеколюбия, повышения уровня просвещенности всего населения.

Ключевой категорией в репрезентации просветительских идей было понятие «знание». В рецепции просветителей «знание» означало познания и науки, необходимые для духовной и материальной жизни. Отношение крымских татар к данной гносеологической категории имело свои истоки, связанные с концептуальными основами исламского вероучения.

С распространением исламской цивилизации на территорию Крыма (по преданию, оно связано с именами святых Мелек Аштера и Газы Мансура, дервишей различных групп)[3] и в последующем принятием ислама в качестве государственной религии в XIV веке происходит трансформация ценностно-мировоззренческих позиций населения. Центральное место занимает исламская концепция миропорядка.

В соответствии с коранespecкими догмами стремление к знаниям было одним из основных предписаний Всевышнего человеческому роду[4]. Согласно данному принципу на протяжении последующих столетий активно культивировалось национальное просвещение[5].

Поэты периода Пробуждения актуализировали категорию «знание» – главный атрибут человеческого бытия. «Единственно, что в мире неразлучно остается при человеке, это – доброта и знание» [5, с. 45] – писал Х. Керем в своем дневнике. Этой аксиомы придерживались и другие авторы. С. А. Озенбашлы с тревогой отмечал об отсутствии народного стремления к просвещению. О. Акчокраклы акцентировал внимание на просветительской деятельности И. Гаспринского. У.Ш. Тохтаргазы активно призывал к просвещению. А. Чергеев сетовал на народную безграмотность, указывал пагубность старометодной системы образования. Я. Шакир-Али с особой экспрессией призывал к знаниям. О благе просвещения и знаний писал У. Сами. С характерной эмоциональностью о спасительной силе наук

---

[1] Керимов И. Къырым языджыларындан Усеин Шамиль Тохтаргъазы / И. Керимов // Труды НИЦ крымскотатасркого языка и литературы КИПУ. – Симф.: Крымучпедгиз, 2011. – С. 170–181.

[2] Asanova L. Asan Çergeyevniñ eserlerinde millî maarifçilik ğayesi / L. Asanova // Йылдыз. – 2008 – № 6. – С. 81–89.

[3] Гайворонский О. Мысли об Эски-юрте / О. Гайворонский // Qasevet. – 2005. – № 31.

[4] Кулиев Э. Коран / смысл. перев. и коммент.: Э. Кулиева. – М.: Умма, 2003; Коран. [Электронный ресурс] / пер.: И. Крачковский. – Режим доступа: http://www.falaq.ru/quran/krac/.

[5] Возгрин В. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма. – В 4-х томах. – Т. 2. – 3-е издание, стереотипное. / В. Возгрин. – Симф.: Тезис, 2013. – 872 с.

высказывался Дж. Керменчикли. Х. Одабаш говорил о значимости и силе просвещения. Н. Челебиджихан характеризовал знания как путь к совершенству и вечности.

Для актуализации идейной доминанты поэты-просветители апеллировали к словам «бильги» (знание), «окъумакъ», (учиться), «илим» (наука), «ышыкъ», «ярыкъ» (свет), «маариф» (просвещение) и семантически противоположным – «джеалет» (невежество), «къаранлыкъ» (темнота), «къара» (черный), «юкъу» (сон).

В целом творчество крымскотатарских поэтов периода Пробуждения было художественным воплощением прогрессивных суждений и эстетических взглядов эпохи. Поэзия оформлялась в рамках просветительских тенденций – идей гуманизма, равенства, нравственного самосовершенствования, стремления к знаниям и просвещению, что способствовало формированию новаторских направлений и определило творческие принципы последующих лет.

Memetova Lilya Ayderovna

The Crimean Tatarian poetry of the awakening period: the educational aspect

Abstract. *The article gives a brief overview of the results of a comprehensive study of educational ideas in the Crimean Tatar poetry of the Awakening period. The author analyzed the previous works devoted to the study of the Crimean Tatar poetry of the late XIX-early XX centuries, identified unexplored aspects, indicated goals and objectives. Also a lot of poetic works of the corresponding epoch was studied, conceptual directions were identified which determined the main milestones in the development of the Crimean Tatar poetry of 1883–1917. The specificity of the expression of enlightening ideas in the poetic creativity of the authors is determined through the analysis of subjects and problems and the lexico-stylistic features of works.*

Keywords: *Crimean Tatar poetry, Awakening period, enlightening ideas.*

Литература и источники:

1. Ганкевич Ю. Крымскотатарские медресе / В. Ганкевич. – Симф.: Доля, 2001. – 76 с.
2. Гирайбай А. Къырым эдебиятына бир бакъыш / А. Гирайбай // Йылдыз. – 1995. – № 3. – С. 8–24.
3. Керимов И. XIX асырнынъ сонъу XX асырнынъ башында къырымтатар бедий сезюнинъ эврими / И. Керимов. – Симф.: Къырымдевокъувпеднешир, 1998. – 184 с.
4. Меметова Л. Тематическая палитра крымскотатарской поэзии периода Пробуждения / Л. Меметова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 9 (28). – С. 100–101.
5. Самойлович А. Избранные труды о Крыме / А. Самойлович – Симф.: Доля, 2000. – 296 с.
6. Яблоновська Н. Этническая пресса Крыма: история и современность-Етнічна преса Криму: історія та сучасність / Н. Яблоновська. – Сімф.: Кримнавчпедержвидав, 2006. – 312 с.

УДК: 82.95.512.19-1:8122

Kirimov Tair Nuridinoviç[1]
E_mail: tairkerimoff@gmail.com

Şairniñ qalp töründe saqlanğan duyğular (Mehmet Nüzhetniñ icadına yañı baqış)

Açıqlama: *Maqalede namlı qırımtatar klassik şairimiz Mehmet Nüzhetniñ ömrü ve onuñ bugünge qadar saqlanğan edebiy mirası üzerinde bir araştırma yapıla. Manzumeleri, hikâyeleri misalinde edipniñ şahsiyetine ve felsefiy tüşüncesiniñ terenligine büyük diqqat ayırıla. Mezkürniñ öz eserleri vastasınen oquyıcığa tesir etme yolları, keşfleri açıqlana.*

Anahtar sözleri: *milliy, portret, halq, psihologiya, Mehmet, Nüzhet.*

Haqiqiy qırımtatar edebiyat klassikası ne olduğını M. Nüzhetniñ eserlerini qoltuq ucunda büyük heyecanlıq, endişe ile oqudığımda farq etmege; onuñ icadiy laboratoriyasında teren, ince hisseleri ile fikir ve nutuq şekilleriniñ nasıl canlanğanını aydın körmege başladım. Ziyadesinen edipniñ bediy qahraman tipleri üzerindeki ciddiy çalışmalardan pek de haveslendim. O, eserde böyle bir sert şaraitlerini yaratırken insannıñ (eser qahramanınıñ) tabiatını sınavlar. Ve birdebir cemiyet içersindeki davranışlarnıñ psiholojisini ögrenecek olsa, halqnıñ milliy çizgileri, dünyabaqışları üzerinden devamlı seyretmeler yapar. İşte, Mehmet Nüzhetniñ ilk baqıştan sade ve mündericesi komik kibi körüngen “Selim sohta” dramatik süjetli hikâyesi bunuñ misalidir. Bu yerde, menfiy ve qara renklerde tanıtılğan medrese talebesi mıyıqlı-qalpaqlı qırcıman Selim – yımşaq tabiatlı, nazik bir bay qızı Momine ile qırmızı qader yiplerini bağlamaq arzusında çeşitli dubaralarğa oğray. Çoq yıllardan beri aşq hayalları ile ömür keçirgen Selim, şahsiy psiholojik qusurlıqlarından (veya fenalaşqan ekonomik durumından) ötrü, kendi duyğularını istegen qızğa bildirmege cesaret bulamay. Ve bir kün sevgilisi Qıpçaqlı Acemet baynıñ oğlu Qurtmuratqa nişanlandığını eşittikçe, aşq ateşini öz yüreginde kömmekten başqa çareler körmey. Faqat, hayli vaqıt keçip, köydeşlerniñ ağzına tüşken – qocası Japon cenkinde helâk oldu, kibi haberine samimiyliknen sevinirken Momineniñ eki çocuqlı olğanına baqmadan, onuñ ile bir olmaq güzel fırsatını elinden qaçırmay. Ne oldu, ne olmadı, çoq beklenilgen evlilik hazırlıqları esnasında harp meydanından könderilgen *mektüp* Selimniñ ömrüni büsbütün yoqqa çıqara. Mehmet Nüzhet diger öz “Bahtsız horanta” hikâyesinde de hadiselerniñ aqışını *mektüp* vastası ile deñiştire zaten.

Meraqlısı şu ki, “Selim sohta” eseri süjetiniñ yüksek kerginligi noqtasında menim kibi bir duyğulı oquyıcı olursa, evvel eñ aşağı sıfatlarında kösterilgen sohtanı estetik cihetten nazik bediy sımasında qabul etmek hazır. Yani müellif, onuñ ruhiy aşağılığı, alçaqlığı ve nefishorlığında masüm, hüsn çizgilerini araştırıp çıqara. Böyleliknen, Selimni bambaşqa ampluada bizge yuttura. Velhasıl, mühitniñ vira şiddetleşken zamanında perde arqasından müellifniñ özü sahnağa çıqa. Ve bahs olunğan zarfnı açıp, mündericesini oqumaq mesuliyetini boynuna ala:

“Gece düşümde, kündüz esimde, başımnıñ tacı, göñlümniñ ilâcı, derdimniñ dermanı, quvançımnıñ fermanı, bağçamnıñ gülü, dalımnıñ bülbüli, cerde izim[2], kökte yıldızım… Momine hanıma çoq-çoq selâmlar idüp, hatır-ı şerifni istifsar iderim[3]. Ve yine, kürpe qozularım Ayşemen Esmanıñ közçüklerinden öpüp, menim bu qavğadan sağ-selâmet üyge qaytup barmaqlığım içün

[1] ***Kirimov Tair Nuridinoviç,*** Doç. Dr. Qırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversiteti, Qırımtatar edebiyatı ve gazetacılığı bölümi (Aqmescit).

[2] yerde izim. – T.K.

[3] hal hatır şerefleriñizni sorarım. – T.K.

Tañriden gece-kündüz dua idüp istemeñizni irca etemen[1]. (Men ölsem de, qalsam da eger) bu kişi sizge barğanday bosa eger, menim bir qabat urbamnı[2] oğa kiydiriñiz, biz onuñman bek yaqın dost bolğanımızdan, biribirimizge resimlerimizni de beriştik. Baqiy selâm, qara yazılı Qurtmurat...”[3].

Asılında eserniñ tam metni ve misalge ketirilgen mektüp parçası arasındaki til, üslüp farqlığı da meraqlı. Lingvistik qatmerler vastası ve hatta nesirniñ şiiriyetke keçmek anı ile yazıcı öz teren duyğularınıñ yüceligini köstermeknen meşğul. Her halda, mezkürniñ icadında edebiy türlerin biribirinen qarışması tek degildir. Bu yerde, “Feride apte” *manzum hikâyesini* hatırlamaq da yeterli[4]. Ve nihayet, bahs olunğan mektüp satırlarında ise, sıq-sıq qullanılğan intonasyon alâmetleri bediy qahramannıñ coşqunlığını, eşine beslegen sevgisinden nefesi tutulğanını, başı döngenini ifadeley. Bundan ğayrı, polisindeton denilgen stilistik figurası Ottomar Anshützniñ Electro Tahiscopı kibi tasavvurımızını kerçekleştire, canlandıra. Tıpqı muhabbet coşqunlığını edipniñ felâketli qaderini açıqlağan lirik şiirlerinde rastketirebilemiz. Örnek içün, şair ömür arqadaşınıñ ölümi münasebetinen yazğan bir ağıttır:

“Altındayım, elmazım, açqan gülüm,
Benlik, barlıq, bağımda bir bülbülim...” –

kibi accı satırları ile başlanğan *“Qırıq qalbimniñ qayğısı”* şiirinde torlanğan közlerimiz ögünde vedalaşma levhası canlana. Bu yerde, bir-eki tatar mollanıñ oquğan *“Bismillâhi ve alâ milleti Resülillâh”*[5] duası ile birlikte qabir çuqurına enip, cansız vucudını büyük muqaytlıqnen qollarına almağa hazırlanğan qocasını köremiz. Onuñ sevgili zevcesine soñ kere aytqan mülâyim ve tasalı sözçüklerini duymaqtan canımız, cigerimiz küymekte. Tenqitçi Eşref Şemizadeniñ çalışmalarında birinci beyiti kösterilmegen şiiri ve şairimizniñ elyazmaları esasında ğayrıdan basılğan şiirlerden bu varyantı mütecessiz (meraqlanğan) araştırmacılar içün pek qıymetlidir.

*“**T**abut **t**artup **t**eniñni **t**opraq **tt**ı,*
*C**a**ş **c**anıñnı **c**utuq **c**er **c**almap **c**uttı*

Uçtıñ artıq, elimden ölüm aldı...
*Q**ı**rı**q** **q**albim **q**ararup, **q**arap **q**aldı.*

*K**ö**z **k**örmegen **k**eçede, **k**öñül **k**irli,*
*T**ü**şünceler, **t**asalar **t**ürli-**t**ürli.*

*M**e**zarıña **m**ingenler **m**iyavquşlar,*
*T**e**k, **t**ik **t**enge **t**uyula **t**ik **t**avuşlar...”.*

Misalge ketirilgen parçada çoq tekrarlağan tutuqlar (sozuqlar) bir ses oyunı kibi tanılmaq mümkün. Amma, aldımızda şairniñ özüni tasavvurlasaq, bu seslerni ifadelegen – quruğan ağzında, morarlağan dudaqlarında can azabını, qara nefretini, öfke patlamasını, ümütsizligini bile körmek ihtimalı bar. Şiirde alliteratsiyalar ve assonanslarnıñ mantıqlı surette lehçe sözleninen nasıl güzel bağlanğanını baqıñız!.. Bu yerde, mimika ve jestlerden ğayrı insannıñ fiziolojik durumını açıqlağan sesli belgilerni rastketirmek mümkün.

Meselâ, ten titremeleri, közyaşları tulnıñ boğazında tüyümlengen sözlerini, hayqırmalarnı ta qalp töründen açıqlaylar:

“*Talpınaman tentirep[6], ten tarlıqta,*
Mırıldanup, moñsirep mezarlıqta.

---

[1] rica etem. – T.K.

[2] bir qat urbamnı. – T.K.

[3] İsmail Gaspralı adına milliy qırımtatar kütüphanesiniñ elyazmalar bölügi. M. Nüzhet fondu. – Dosye 1. – S. 156–157.

[4] Mehmet Nüzhet. Qırımnıñ çöl ayatından: Saylama eserler cıyıntığı. – Simf.: Dolâ, 240 s. – S. 159–164.

[5] Yüce Allağın ismi ile Resüllahın dini üzerine kömemiz. – T.K.

[6] çabalanam, qıynalam titrep. – T.K.

Qabiriñni qarmalap qaltırayman,
Canğa cetti cañğızlıq, dep cılayman”[1].

Şu arada inqilâpçı şairimiz C. Kermençikliniñ leksik anaforası sayesinde qullanılğan fonetik tekrarlanmaları aqlıma kele. Onuñ “*Sevin, ey, şanlı millet!”* şiirinde vatan hainlerini cezalamaq içün meydanda toplanğan işçiler böyle tasvir etile:

“Bıraq! Biraz damarında dolaşan qan qurusun,
Bıraq! Biraz zindanlarda kemikleri çürüsün.
Bıraq! Biraz sürgünlerde bizim kibi yürüsün,
Bıraq! Biraz közlerinde hasret qanı bürüsün…”[2].

İşte, bu taşqın satırlarından öz mecalsız qurbanını qanğa parçalamağa hazırlanğan bir sürü dehşetli börülerniñ ırıldamalarını duyğanımız kibi ola. Bu meraqlı olaynı evvel “Cemil Kermençikliniñ bediy mirası” degen kitapta (2007) daha terence açıqlağandım. Söz kelimi, eki müellifni *tabiylik* birleştire. Birisinde *milliyetçilik* ise, digerisinde *halqçılıq tabiyligidir*. Mehmet Nüzhetniñ icadında rastkelingen bediy janrlar, formalar, anekdotik epizodlar işte halqın hayatından alınğandır. Meselâ, bular qırımtatar milliy yırlarımıznıñ şekline beñzegen beşlikler, beyitler (“İçki qurbanı”, “Batır cigit”, “Qarılğaç”); masal, ertege maqamınen oqulmaq içün yazılğan tenbihler (“Tilenci qart”, “Kirpi ve durna”, “Oñmaz bike”); köylülerniñ eskirgen moral prensiplerini qamçılap külgen çıbırtmalar, fıqralar (“Qışta neler añılır?”, “Haq rahmet eylesin!”, “Vaaz”) ve ilh. Vesilesiyle daha bir qafiyeli parça:

“Bir zamanda bek aytuvlı bir baynıñ
Olğan büyük taqdirinen Hudaynıñ,
Dar-dünyada mal degenden bir qızı,
Lâkin soqur eken onuñ bir közü.
Hoca, mektep, oquv, yazı körmegen,
Bay olğan soñ, oquyım dep, yürmegen...”[3].

Bu *“Soqur közden saadet”* adlı şiir ise, biz evvel bilgen sohta ve onuñ evlenme macerasınıñ başqa bir devamıdır. Masal maqamı ile sözge başlağan şair tahsilnen işi-gücü olmağan bay qızınıñ tuhaf ömründen bahs ete. Ve cehalet ıstırabını çekken fuqare köylülerni yürekten acığanı kibi, oquvnıñ qadrini bilmegen zenginlerge kin, nefret besley. Böylece, yaşı 30’dan aşqan bekâr qızınıñ yarı cahilligi bir soqur közüniñ çirkinligi ile qarşılaştırılır. Cahillik soqurlığı yalñız aydın ve qasevetsiz kelecegini arzulağan barlıqsız, oñsuz bir Sefer sohtağa yaraşır anca. Bu hayat olayını M. Nüzhet böyle satırlar ile yekünleyerek, öz fıqra uydurma ustalığını köstere:

“Kiyev etip ketirgenler Seferni,
Seadetke tez qavuşqan bu “erni”.
Qapağanlar aqşam qıznıñ evine,
Kirgen kiyev, pek sevine-sevine.
İzin almay, qızıñ sorap özünden,
Pek yürekten öpe soqur közünden.
– Vay! Sav soyun öpseñiz, ev! – degen qız.
Sohta degen: “Bu menimçün bir yıldız!
Olmağaydı eger seniñ bu közüñ,
Aram ediñ hep bir mağa sen özüñ...”.

Şiirniñ soñki satırları ne qadar keskin, zekâ ve acayıp, degilmi?!. Bu yerde, estetik ve etik degerlikleriniñ kontrastları sayesindeki accı hayat hikâyesi şairden ise, Sefer-Selim sohtanıñ eski sevgiliden intiqam almaq vesilesi de haydı bizden olsun. Faqat, dügün gecesi can ağırtısınen qarşılanğan kelinniñ sıması nasıl kederli, muñlu olğanını lafsız añlamaq mümkün. Şairimizniñ portretler gallereyasını közden keçirdigimiz zaman dersin ki, bular meşhur Leonardo da Vinci’niñ

[1] Mehmet Nüzhet. Qırımnıñ çöl ayatından: Saylama eserler cıyıntığı. – Simf.: Dolâ, 240 s. – S. 98.
[2] Kermençikli C. Sevin, ey şanlı millet! // Terciman. – 1917. – Mart 16.
[3] Mehmet Nüzhet. Qırımnıñ çöl ayatından: Saylama eserler cıyıntığı. – Simf.: Dolâ, 240 s. – S. 39.

resim çizme talimatlarına esaslanıp yazılğandır[1]. Bahs olunğanı kibi, Mehmet Nüzhet duyğularğa ve olarnıñ ifadelenme şekillerine diqqat ayırırken cehaletniñ sımalarını yaqından tanımaq içün başı töben, boynu qısıq tilenci qart çobannen qoñuşa; qalın qursaqlı, yelkesi tavlı hilekâr mollasınen tartışa; üstü cartı, çırayı qaçıq sarğuş bir çiftçige de omuz bere. Bu canlı resimler arasında şöyle de bar ki, üzerinde edebiyat tenqidi ustaları davalaşır. Böyleliknen, "Avcı" ve "Avcığa" şiirleri misalinde avcılıqnıñ özelliklerini muzakere etken Şamil Alâdin ile Şakir Selim tatar avcınıñ qıyafetinde ve davranışlarında milliy alâmetlerni, psiholojik kerçeklerni açıqlamağa tırışalar[2]. Bularnıñ yanında coq yıldan beri Qırım müelliflerniñ kitaplarını öz resimlerinen yaraştırğan zemaneviy ressam Zarema Trasinova şairimizniñ "Noğaynıñ adağı", "Şairniñ uyqusı", "Aman, şu aqaylar!", "Bastırıqqa", "Tilenci qart", "Öşek", "Bahtsız horanta" ve diger eserlerde rastkelingen edebiy tiplerni qalemge alır. Ve mazilerde qalğan öşekçi Fatmalarnıñ, talihsiz Safiyelerniñ, ekiyüzlü Menseyitlerniñ, ırğat çobanlarnıñ, mahpus şairlerniñ kederlerini ğayrıdan hafızamızda tazelegen kibi ola. Anlaşılğanına köre, şair tek tek seçken sımalarnı farqlı, yani tış ve iç noqtayı nazardan açıqlamağa seve. O, eserde baş qahramanınıñ ağzından, yoqsa birdebir olaynıñ şahidi sıfatında söylenirken, şuuraltımızğa tesir bere. Bu güzel unsur M. Nüzhetniñ oquyıcılar ögünde can sıqıcı bir ahlâqçı körünmemek içün yardım ete. Müellifniñ "Millet" gazetasında basqan "Ökünç", "Bir sarguşıñ ağzından", "Bır tatarın fığanı" kibi şiirleri de bunuñ açıq örnegidir. Bahs olundığı kibi, şairniñ icadında nasihat şiirleri çoq rastkelinir. Lâkin, bularda tabiatınca kibirli insanoğlunı usandıracaq tazirlerni pek az taparsıñız. Şair, aksine halqnıñ günâhlarını boynuna alıp, accı közyaşlar içinde tövbelerde, itiraflarda bulunır. "Ağladım" şiiri de aynı maqamında yazılğandır:

"Alem-i islâmı baştan başa seyran iderken,
Ey-vah! Sürü-sürü mazlumları[3] körüp ağladım!
Saireler marifette cıhanı hayran iderken,
Közleri bağlı müslümanları körüp ağladım.

Emlâki ğasp idilmiş[4], huquqı payimal olmuş[5],
Haqsız çiğnenmiş masum canları körüp ağladım!
Mesut aileler şerr adüvve duçar olup[6],
Suv kibi tökülmiş al qanları körüp ağladım!

Vucutlar berbat olmuş, qalmamış hayattan eser,
Çehreleri solmuş insanları körüp ağladım!
Nedir dostluq, nedir düşmanlıq bilen pek az qalmış,
Kör nefsine qurban olanları körüp ağladım!

Qardaşınıñ müthiş derdine dermanlar arayup,
Hücumlara maruz qalanları[7] körüp ağladım!
Bu hali felâket iştimalden ibret almayan[8],
İnsan şeklindeki hayvanları körüp ağladım!"[9].

---

[1] Леонардо да Винчи. Об искусстве / пер. с итал.: А.А. Губера, В.К. Шилейко. – М.: Рипол классик; СПб.: Пальмира, 2017. – 319 с.

[2] Selimov Ş. Şamil Alâdin, çarıq ve çaqı haqqında // Qırımname-II. – Aqm.: Tarpan, 2008. – 176 s. – S. 80–85; Mehmet Nüzhet. Qırımnıñ çöl ayatından: Saylama eserler cıyıntığı. – Simf.: Dolâ, 240 s. – S. 41–42.

[3] Zulüm altında bulunğan, haqlarından mahrum olğanlar. – T.K.

[4] Mülkleri elden tartılıp alınğan. – T.K.

[5] Haqqı, huquqı taptalğan, yoq etilgen. – T.K.

[6] Bahtlı aileler fena düşmanlarnıñ qoluna tüşüp. – T.K.

[7] Hücum altında qalğanlar. – T.K.

[8] Her tarafnı sarğan felâketli halından örnek almağan. – T.K.

[9] Çelebizade Mehmet Nüzhet. Ağladım! // Millet. 1917. – № 56. – Sent. 4.

Yuqarıdaki dörtlükler keçken asır degil, bugün yazılğanı kibi zannetilmek mümkün. Ki, müsülmanlarnıñ hal-hazırki vaziyeti aynıdır: haqları taptalğan, mal-mülkleri tartılıp alınğan, aileleri bahıttan ayırılğan, vatanları düşmanlarğa satılğan. Felâketler furtunasınıñ ortasında bulunğan şair soydaşlarınıñ diqqatını çekmek, olarnıñ hisselerini qozğalamaq niyetinen ağlamağa başlay. Ağlayaraq etrafını sarıp alğan halqına hitaben iman ve ahlâqnıñ degerliklerinden, cehalet ve nefsiniñ qaranlığından bahs eter. Bu psiholoji cihetten küçlü bir tesiretme stratejilerini şair medreselerde oqutulğan hutbe derslerinden ögrengendir. Anca, biyografları bergen haberine köre, Mehmet Nüzhet balalıq, gençlik çağlarında Kezlev, Bağçasaray medreselerinde tahsil aldı. Talihi üzerinde bir eki söz aytacaq olsaq, mezkürniñ qısqa hayatını (1988–1934) çoq ğayıplar ve qarsanbalar teşkil ete. Meselâ, çocuqlığında anasından öksüz qalması ve daha soñra birinci eşi ile evlâdınıñ apansız vefatları. Özü de milliy ğayeviy prensiplerine sadıqlığından dolayı, defalarca hapshanelerge tüşer. Nihayet, ağır hastalanıp Kök-Köz hastahanesinde öle eken.

Eyi ki, merhumnıñ mirasqa qaldırğan elyazma ve matbu eserleri saqlandı. Bular milliy edebiyatımızı zenginleştirmeknen birlikte tenqitçilik ilmimizniñ yañı mertebege köterilmege bir hayırlı vesilesi ola.

Киримов Таир Нуридинович

Психологические элементы в творчестве Мемета Нузета

Аннотация: *в статье рассматривается жизнь и литературное наследие видного деятеля крымскотатарской литературы довоенного времени Мемета Нузета. На примере серии художественных произведений делается анализ личности поэта, его философского мышления. Выявляются авторские методы психологического воздействия на подсознание читателей.*

Ключевые слова: *литература, портрет, психология, народ, Мемет Нузет.*

Kirimov Tair Nuridinoviç

The psychological elements of Mehmet Nuzhet's writing creation

Abstract: *The article considers the life and the literary heritage of the prominent figure of the Crimean Tatar literature of the pre-war period, Memet Nuzet. On the example of a series of artistic works (poems and stories), the analysis of the poet's personality, his philosophical thinking is carried out. The author's methods and ways of psychological influence on the subconscious of readers are revealed.*

Keywords: *literature, portrait, psychology, people, Mehmet Nuzhet.*

Edebiyat:

1. Bekirov C. Memet Nüzet (1888–1934) // Nesillerden nesillerge miras. – Aqm.: Lemeşko K.A., 2012. – 160 s.

2. Cemal Kurnaz, Halil Çeltik. Hanlık dönemi Kırım şairleri hakkında bazı tespit ve değerlendirmeler // Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi, 2009. – Sayı 51. – S. 275–294.

3. Kerimov İ. 19 asırnıñ soñu ve 20 asırnıñ başında qırımtatar bediy sözüniñ evrimi. – Aqm.: Qırımdevoquvpedneşir, 1998. – 184 s. – S. 167–174.

4. Kerimov İ. Eki asır arasında (XIX–XX): Resimli buklet. – Simf.: "Qırımdevoquvpedneşir", 1997. – 21 foto.

5. Kerimov İ. Medeniy esnas: 1920–1938 (qırımtatar tili, edebiyatı ve medeniyetinden destegi). – Simf.: Tavriya, 1997. – 496 s. – S. 47–48.

6. Kerimov İ. Qırımtatar tili, edebiyatı, folkloru, tasili, tarihi, medeniyeti ve tehnik ilimleri ile bağlı bibliografik köstergiç (1618–1944). – Simf.: OAO "Simferopolskaya gorodskaya tipografiya", 2009. – 324 s.

7. Küneşten bir parça: qırımtatar şiiriyeti antologiyası (XIII–XX asırlar) / Haz.: M. Miroşniçenko, Y. Qandım. – K.: Ukrayinada yaşağan milliy azlıqlar tillerindeki edebiyatlar boyunca ihtisaslaştırılğan Baş redaktsiyası, 2003. – 786 s. – S. 226.

8. Mehmet Karaarslan. Bekir Çobanzade'den Mehmet Nüzhet'e Kırım şiirinde beşkoşma ve türk şiirinde beşkoşmalar / Elektronik ceryanı: http://ilmiyqirim.blogspot.com...

9. Mehmet Nüzhet. Qırımnıñ çöl hayatından: saylama eserler cıyıntığı / Haz.: N.S. Seytâğyayev. – Simf.: Dolya, 2003. – 240 s.

10. Nial Memet Nuzet qızı. Babaçığımnı hatırlap. – Simf.: QCİ "Qırımdevoquvpedneşir", 2015. – 120 s.

11. Qandım Yu. Memet Nuzetniñ söz elmazları / Yuqu yoqtır közlerde. – Simf.: Tarpan, 2009. – 192 s. – S. 22–32.

12. Qurtnezir Z. Qırımtatar edipleri: Bibliografik köstergiç. – Aqm.: Tavriya, 224 s.

13. Selimov Ş. Şamil Alâdin, çarıq ve çaqı haqqında // Qırımname-II: Tamçılar. – Aqm.: Tarpan, 2008. – 176 s. – S. 80–85.

14. Şemizade E. Es, tatlı yel, talğın, talğın / Edebiy ve tenqidiy maqaleler. – Simf.: Dolya, 2000. – 248 s. – S. 37–83.

15. Барт Р. Фрагменты любовной речи. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 320 с.

16. Борев Ю. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. – М.: «Искусство», 1970. – 268 с.

17. Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе / Пер. с итал. А.Г. Габричевского, А.И. Венедиктова. – М.: «Изд-во Альфа-Книга», 2017. – 1278 с.

18. Иванов Д. Специфика перфомативно-кинетической имиджевой подсистемы синтетической языковой личности в пространстве поэтического рок-текста // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 170–173.

19. Киримов Т. Творческое наследие Джемиля Керменчикли (первая треть XX века). – Монография. – Симф.: Оджакъ, 2007. – 164 с.

20. Крейдлин Г. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языка словянской культуры, 2005. – 224 с.

21. Леонардо да Винчи / Пер. с итал. А.А. Губера, В.К. Шилейко. – М.: РИПОЛ классик; СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2017. – 391 с.

22. Невзглядова Е. Интонационная теория стиха. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 160 с.

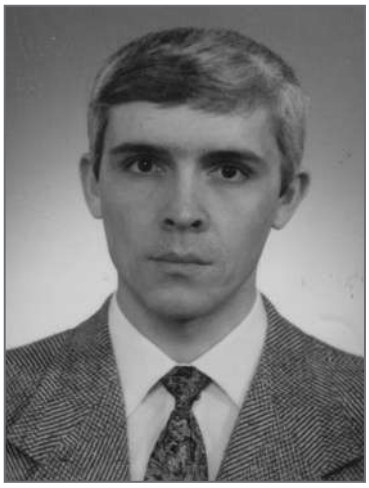
23. Потебня А. Психология поэтического и прозаического мышления. – В кн.: Семиотика и авангард: антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов и др. Под. общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Академический Проект; Культура, 2006. – 1168 с. – С. 177–197.

24. Урсу Д. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): Библиографический словарь. – Симф.: Доля, 1999. – 240 с.

25. Успенский Б. Семиотика искусства: поэтика композиции; семиотика иконы; статьи об искусстве. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.

26. Экман П. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2018. – 448 с.

УДК 82.512.145



Юнусов Шевкет Эльвисович[1]
E_mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua

Типиклештирювми, къабул этювми? (Мамут Дибагънынъ XX ас. 20–30-джы сс. къырымтатар несири черчивесиндеки иджады)

Анълатма: *Макъаледе 30-джы сс. экинджи ярысында иджат этип башлагъан къырымтатар несирджиси Мамут Дибагънынъ «Коктен зембильнен энгенлер» икяеси талиль этиле ки, ишбу муэллиф окъуйыджыларына халкънынъ о тарихий девирдеки типик яшайышыны тасвирлейиджи парлакъ нумюнелерни такъдим эткендир. Онынъ икяелеринде сечильген мефкюревийликке мейиль акъикъий вазиетке зыт келе. Бу такъым алларнынъ мевджутлыгъы кунь тертибине муэллифнинъ олардъа мунасебети меселесини чыкъара. Албуки, макъалемизде вазиетнинъ типиклештирильмеси ве муэллифнинъ аятий мевамы бакъыла, мундеридже, бедиий шекиль ве жанр меселелерине токъуныла.*

Анахтар сёзлери: *языджынынъ аятий мевамы, проблематика, типиклик, мефкюре, схемаджылыкъ.*

Бугуньки эдебиятшынаслыгъымызда XX асырнынъ 30-джы сенелериндеки миллий-бедиий махсулатымыз бир тюрлю энип къалмакъта. Олмасам, анъылгъан девирнинъ язылы бедиий медениетимизде айрыджа ери бар. Эбет, ишбу девирнинъ, суньий олса да, озь бакъышлары, «дегерликлери», мевзулары, ур-патла мефкюрелешкен къараманлары, шиарлары, бильмем даа нелери бардыр, ангилери ки бизим ичюн бугунь айтыладжакъ къадар муим дегиль. Амма, келинъиз, 30-джы сенелер эдебиятына эдебиятшынаслыкъ эльде эткен теджрибе ве асыл миллий аньанелеримиз меншурындан янашып бакъайыкъ.

XX асырнынъ 30-джы сенелерине аит эдебиятымыз тар партиявийлик къалыплары ичинде илерилеген бир эдебияттыр ки, бу девирде язылгъан эсерлернинъ эксериети бир мундеридже схемасы эсасында яратыла, бу ал исе оларнынъ, бир тарафтан, бедиий иджат джеэтинден зайыфлашмасына алып кельсе, экинджи тарафтан, реаль яшайыштан узакълаштыра. Белли я, бу девирде эски дюнья, онынъ векиллери олгъан дин хадимлери, эски муневвериетке сувукъ ве шекли козынен бакъылгъан, олардъа инкъиляп вакъиаларына насыл мунасебет къургъанларына коре къыймет кесильген. Айны заманда 30-джы сенелер несиринде эстетик джеэттен гъает дюльбер эсерлер мевджут олгъаныны къайд этмейип кечалмаймыз. Бу сырада Эннан Алимовнынъ «Къумру къанат керди», Юсуф Болатнынъ «Туфанда къалгъан къой сюрюси», Мамут Дибагънынъ «Концерт» икяелерини косьтермек мумкюндир. Адлары кечкен муэллифлернинъ бедиий махсулатында кимерде, аз-бучукъ олса да, кениш таркъалгъан бедиий къаиделерден четлешювге аректет этильмеси сезиле.

Ишбу ишимизнинъ эсас макъсады Мамут Дибагънынъ 30-джы сенелердеки бедиий махсулаты узеринде фикир юрсетмек экен, эсерлеринде тавирленген алларгъа типиклик меншурындан бакъмалымы, проблематика киби къабул этмелими деген суаль пейда ола.

---

[1] ***Юнусов Шевкет Эльвисович,*** к.филол.н., доц. кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь).

Къайд этмели ки, эгер XX асырнынъ 20-джи сенелери яратылгъан несиримизде кучюклер ве генчлерге бир умютнен бакъылгъан олса, артыкъ отузынджы сенелери бедиий эдебият меселени аль этюв ишини шу генчлернинъ къолуна туттура. Бу ал Ыргъат Къадырнынъ «Исмаил» поэмасы, Джафер Гъафарнынъ «Гъорт-гъорт тутулды», Умер Ипчининъ «Асан» повестьлеринде, кене Мамут Дибагънынъ «Концерт» ве «Коктен зембильнен энгенлер» икяелеринде къабартылгъан шекильге кире. Бу джеэттен хусусан сонъкиси меракълы корюне ки, муэллифи мында повестьке ляйыкъ материалны икяе ичине сыгъдырмагъа тырыша, бир чокъ моментлерни я атлап кече, я тавсилятларгъа берилювге аджет корьмей. Тамам бу инджеликлеринде токъталайыкъ.

Теткъикъат объекти олгъан девирде ресмий бедиий усул киби къабул этильген социалистик реализм языджылардан фааль аятий мевам ве актуаль меселелернинъ кунь тертибине къоюлмасыны талап эте. Бу аллар исе ашшыкъчанлыкъ муитинде композицияджа бири-бирине бенъзешип кеткен эсерлернинъ пейда олмасына алып келе. Демек, янъы джемиетни макътамагъа ве оны «бар юрекнен» къабул этмеге огреткен язылы санатнынъ къараманлары да шу шартлар ичинде арекет этмели эдилер. Айны заманда эдебият, укюм сюрген мефкюре ичинде яшамагъа меджбур олгъанына бакъмадан, языджылар, не япып-япып, бедиий саньатнынъ асыл вазифелерини эсапкъа аларакъ иджат этмеге бакъалар. Меселя, Юсуф Болат «Къойсыз чобан» икяесинде Зейнедин эфенди тек ярамазлыкълар этиджи бир шахыс киби дегиль де, эсленген сайын эп виджан азабы чекиджи инсан сыфатында тасвирлене. Яни белли бир манада девир талапларындан четлешип, динге якъын адамгъа сыджакъ козынен бакъкъан киби ола муэллиф.

XX ас. 30-джы сенелер эдебиятында бундан эвельки девирлерде адамларнынъ зорлукъ чекип яшагъанлары ургъулана. Албу ки, о ве шимдики (яни 30-джы) сенелер арасында ичтимаий-гъаевий контраст пейда ола. О агъыр ве къарышыкъ кечмишнен куреште эписи халкълар большевизм дегерликлери алтында яшамакъ ичюн бирлешелер, атта космополитлик тюсюне бурюнелер. Мевзумызнынъ эсас объекти олгъан «Коктен зембильнен энгенлер» (дженктен эвель русчагъа о «В далёком селении» дие терджиме этиле) икяесинде шу, миллий тюснинъ силинмеси киби тенденция бирден козьге чарпа.

Иште, артыкъ яшы 21-ге еткен огълу Билялны эвлендирмек арзусынен яшагъан колхоз чобаны Мемиш ве онынъ омюрдеши Теслиме бу ишни чевирмек пешине тюшип, огълангъа ляйыкъ келиннинъ лафыны япалар. Он йыл ичинде беш баласыны джыйгъан бу къорантада Билял екяне бир эвляддыр ки, шимди шеэрде агрономлыкъкъа окъумакъта олгъан бу йигитни эвинде сабырсызлыкънен беклейлер. Бабасы тарафындан лаф сырасы келин меселеси ачылгъанда, Билял буны джиддиетсиз къабул эткендайын ола. Тамам бу ал къартларнынъ кейфини бираз бозып, оларны тюшюнджелерге далдыра, атта огълунынъ миннетдарсызлыкъта къабаатланмасына маначыкъ ола. Амма айретлендириджи ери шу ки, аслында тамам ана-бабасы арз эткен кой къызы, яни Акиме Билялнен берабер кезгенлери ашкяр олып къала. Чокъкъа бармай Акиме де шеэрге кетип, экимликке окъуйджакъ экен… Бу ерде окъуйыджы оларнынъ экиси де парашют спортынен огърашып, койлерине зембильнен энмекни хаялланъанларындан хабердар олып къала. Дегиль койнинъ халкъы, бизим къартлар ичюн биле къаранынъ олгъан бу макъсат шунынъле хатимелене ки, бири-бирине севда олгъан яшлар озьлерининъ тоюна энип келелер. Тойгъа тедарикленип, софралар донаткъан ве эки яшны беклеген ана-бабалар ве джемаат бойле тесадюфий энювден шашып къалалар. Бу мерасим колхоз реисининъ реберлиги алтында (!) кече…

Бельгиленген мевзу черчивесинде «Коктен зембильнен энгенлер» икяесинде шимди эки тавсилят дикъкъатымызны чеке: биринджиси, Билял ве Акименинъ артыкъ эвленгенлери ве бунынъ акъкъында мектюп вастасынен ана-бабасыны хабердар этмелери ве, экинджиси, Элли яшына кельген Теслименинъ джемаат огюнде шарап къадесини котерип, сёз айтмасы (сонъкисини 2002 сенеси эдебиятшынас ве терджиман Лиля Юнусова

ургъулагъан эди [1, с. 267]). Корьгенимиз киби, бу эки ал да миллий адетдеримизге зыт келе: ана-баба огюнден кечюв, баш къудалыкъ, сёз кесюв, нишанланув аньанелери муим олмагъан шейлер киби къабул этиле (олмасам, 1940 сенеси язылгъан «Гизли нишан» пьесасында Мамут Дибагъ бу меселелерге айрыджа дикъкъат этеджек); омюринде шарап ыртламагъан Теслиме бир «къараманлыкъ» эте – яшлар ичюн иче. Бунъа гонъюльдже зиль туткъан джемаат исе онъа эль чырпа… Дикъкъат этсек, энди огълунен берабер къызы да оладжагъына олдукъча къуванаяткъан Теслиме бу дуйгъусыны ифаде эте. Иште, иш бунынънен битмек керек эди. Амма Мамут Дибагъ-икяеджининъ усталыгъы шунда ки, о, бу момент ве джемаатнынъ Теслимеден даа бир шейлер беклеп отурмасына айрыджа дикъкъат эттире. Бунысы исе дегиль факъат шу сиясий девир ве миллий адетлер арасында асыл олгъан контрастны ургъулай, артыкъ девирнинъ озю энди адамлардан бойле арекетлер талап эткенини косьтере. Башкъаджа ифаде эткенде, муэллиф типикликни косьтермеге, яни конкрет тарихий девирде кениш таркъалгъан адетлерни эсер материалына чевирмеге ынтыла. Амма айны заманда муэллифнинъ озю ишбу яшайыш материалыны кендиси анълагъаны киби (бунъа эдебиятшынаслыкъта *проблематика* дениле) такъдим эте экенми? Фикиримиздже, эсер 1938 сенеси, ана-баба куню укюм сюрген бир вакъытта язылгъаныны эсапкъа аладжакъ олсакъ, 32-33 яшларындаки несирджи рухен халкъына якъын олып, миллий дюньябакъышына садыкъ олса да, реаль сиясетте мейдангъа атылгъан шиарлар алтында иджат этмеге меджбур эди. Бу ерде хулясаи-келям шу ки, Мамут Дибагъ «Коктен зембильнен энгенлер» икяесинде Отар кою мисалинде Къырымда юзь береяткъан миллий дюньябакъыштаки майышувларны типиклештирюв дереджесине котере, амма оны бедиий къалыплар ичине ерлештире [2, с. 56]. Бу такъым эсерлернинъ эксериети девир элегинден кечалмайып, джан сыкъыджы махсулдайын корюнсе де, оларда 1920-джи сенелер (Джафер Гъафар, Абляким Ильмий, Асан-Сабри Айвазов, Абибулла Одабаш) ве 1930-джы йыллар (кене Джафер Гъафар, Умер Ипчи, Раим Тынчеров) арасындаки контраст бирден козьге чарпа. Шамиль Алядин тарафындан «яратыджылыкъ ишлеринининъ башында енъиликке ынтылгъан ве бутюн вакъыт къыдырувны девам эткенлер, енъи усулда тюшюнгенлер, енъи эсерлер язгъанлар» [3, с. 104] арасында къайд этильген Мамут Дибагъ артыкъ бедиий яратыджылыкъ саасында бу контрастны такъдим эткенлерден бири ола.

Юнусов Шевкет Эльвисович

Типизация или проблематика? (Творчество Мамута Дибага в контексте крымскотатарской прозы 20–30-х гг. XX века)

Аннотация. *В работе подвергается анализу рассказ «В далёком селении» начавшего творить во второй половине 30-х гг. XX в. крымскотатарского прозаика Мамута Дибага, представившего читающей публике яркие образцы типических для того исторического времени сцен из народной жизни. Отдельные эпизоды его рассказов имеют явные признаки идеологической направленности, поскольку контрастируют с истинным положением вещей. Наличие подобных вопросов выдвигает на повестку дня проблему авторской интепретации возможных событий. Ввиду этого в статье акцентируются вопросы типизации обстоятельств и авторского отношения к бытию, а также затрагиваются проблемы содержательно-формального и жанрового характера.*

Ключевые слова: *авторская позиция, проблематика, типизация, идеология, схематизм.*

Yunusov Shevket Elvisovich

Typing or issues? (Creativity Mamut of Dibah in the context of the Crimean Tatar prose the 20–30-ies of XX century)

Abstract. *In the work analyzed the short story «In a remote settlement» began to create in the second half of the 30-ies of XX century the Crimean Tatar novelist Mamut of Dibah, who presented the reading public vivid images of the typical order of historical time scenes from people's lives. Individual episodes of his stories have clear signs of ideological orientation, as contrasted with the true state of things. The presence of such issues puts on the agenda the problem of the author's interpretation of possible events in the cultural and folk life of the people. In view of this, the article highlighted the issues of typing circumstances and the author's attitude to life, as well as the issues of content and the formal and genre nature.*

Keywords: *author's position, perspective, typology, ideology, sketchiness.*

Эдебият:

1. Крымскотатарская литература: Сб. произведений фольклора и литературы VIII–XX вв. / сост.: Л. Юнусова. – Симф.: Доля, 2002. – 344 с.
2. Балашова Ю. Жанровые поиски в прозе 20-х – нач. 30-х годов XX века (по материалам литературных альманахов) / Ю. Балашова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2008. – № 4. – С. 55–59.
3. Алядин Ш. Ер делиджилер / Ш. Алядин. – Таш.: Гъафур Гъулам адына эдебият ве саньат нешрияты, 1991. – 224 с.

УДК: 82=512.14–94

Бекиров Сервер Энверович[1]
E_mail: nii_kipu@mail.ru

Бир корюшюв – эки чешит нокътайи назар

Анълатма. *Макъаленинъ муэллифи демократ шаир Усеин Шамиль Токътаргъазы акъындаки эки эсерни (Алим Фетислямовнынъ «Шаир Шамиль Токътаргъазы» ве Шамиль Алядиннинъ «Иблиснинъ зияфетине давет» повести) козь огюне алып, Улу къырымтатар мутефикири Исмаил бей Гаспринскийнинъ миллети огърундаки алидженап фаалиетини тасдикъламагъа истеди.*

Анахтар сёзлер: *Исмаил Гаспринский, Усеин Шамиль Токътаргъазы, Алим Фетислямов, Шамиль Алядин, демократ шаир, мутефикир, терджиман.*

Гаспринскийшынас-алим Виктор Ганкевичнен олгъан сонъки субетлеримизден биринде: «Сен Исмаил Гаспринскийнинъ Русие тюрк мусульманларынынъ анъларына ве талийлерине олгъан тесирлери акъкъында фикир юрсетесинъ, лякин мен эйи бир манада оны пантюркист ве панисламист, деп анъсам, бирден синъирлеринъ бозула, деген эди. Дюнья-бакъыш бирден денъишмей. Эр бир девлет къурумынынъ озь эксикликлери, тесири мевджут экен. Совет девлетинде дин ясакъ этилип, коммунист фиркъасына ёл ачылса, дигер девлетлерде аксине эди.

1927 сенеси 15 яшыны толдургъан Шамиль Алядиннинъ «Гаспринскийге» деп адландыргъан ильк шиири дюнья юзюни корьди. Бу, менимдже, онынъ урьметли оджаларындан бири Яя Байбуртлынынъ догърудан-догъру тесири алдында олгъан олса керек.

1928 сенеси къырымтатар муневерлери устюнден сиясий репрессияларнынъ биринджи акъымы башлай. 1938 сенесине барып, миллетни къорчалай биледжек бир зиялы биле къалмай. Къырымтатар халкъыны къайгъыргъан ватанпервер ве миллетсевер инсанларнынъ адлары «душман» сыфатында «Буюк Совет энциклопедиясы»на кирсетилип, кениш кутьлеге ясакъ этиле. Оларнынъ арасына Совет укюметинен ич бир алып береджеги олмагъан Исмаил Гаспринский де (1914 сенеси вефат этти) кирсетильген эди.

Кечкен асырда, яни 1910 сенелери Багъчасарай шеэринде ерлешкен «Терджиман» газетасынынъ нешриятында тарихий бир корюшюв – Улу мутеффикиримиз Исмаил Гаспринский ве прогрессив ве яш оджа ве шаир Усеин Шамиль Токътаргъазы арасында субет олып кечкен. Бу акъта аз да олса малюмат филология илимлерининъ намзети Алим Фетислямовнынъ «Шаир Шамиль Токътаргъазы» серлевасынен 1940 сенеси нешир этильген «Совет эдебияты» журналында бериле. Бу мезкюр макъаледеки бир къысымгъа дикъкъат этинъиз. Муэллиф демократ шаир Токътаргъазынынъ иджадыны косьтермек ичюн истер-истемез о девирнинъ талабына уюп, Исмаил Гаспринскийнинъ шахсыны бойле бир алда косьтере:

«Къырымтатар помещиклеринининъ, буржуазия сыныфынынъ, кулакларнынъ ве молланларнынъ Шамильни корер козьлери ёкъ эди. Олар Шамильге каршы ифтиралар ата, оны «динсиз», «кяфир» – деп, халкъ огюнде итибардан тюшюрмеге ынтыла эдилер. Лякин халкъ Шамильни таный, прогрессив, янъы оджаларда, гизлиден олса да, мектеплерде Шамильнинъ шиирлерини окъута, мумкюн олгъан ерде ара-сыра онынъ язгъан йырларыны йырлата эдилер. Гаспринскийлер исе Шамильнинъ шиирлерини басмай эди-

[1] ***Бекиров Сервер Энверович,*** переводчик лаборатории учебной литературы на крымскотатарском языке и языках малочисленных этносов Крыма НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

лер. Меселя, Шамиль 1910 сенеси. «Налеи Къырым» адлы джыйынтыгьыны о вакъытта Къырымда санки бирден-бир матбаагъа – Багъчасарайда Гаспринскийнинъ матбаасына алып бармагъа меджбур ола. Гаспринский джыйынтыкъкьа кирсетильген шиирлернинъ бир козьден кечире ве бу сой шиирлери басамайым, – деп, къаршысында джевап беклеп отургъан Шамильнинъ огюне сюрип ташлай. Шамиль озь джыйынтыгъыны буюк зорлукълар ве къыскъартувларнен 1910 сенеси Къарасувда «Ватан хадими» матбаасында бастыра биле, ве басыладжакъ шиирлер арасындан кескин демократический характер ташыгъан шиирлери, меселя, «Дюньяда не вар?», «Байрам киме», «Бир факъырнынъ дуасы», «Айнени», «Ялан дюнья» ве башкъалары чыкъарылгъан эди.

Бойле бир шараитте Шамиль, халкъ «дердине илядж буламай» белли дереджеде пессимизмге урулды. О, тарсыкъып:

Язмам артыкъ, бездим артыкъ язмадан.
Не язарсам, яздыгъым ерде къалыр!
Бойле язы язмадан не фаркъы олур?
Гендинъ нчюн къышта мезар къазмадан!

(«Язмам артыкъ», 1910, июль)

– деп язгъан эди. Эм акъикъатен, Шамиль чокътан-чокъ шиирлер, къач дане пьеса, атта «Саадет аллеи» киби повесть язса да, булардан «Налеи Къырым»дан ве Оренбургда чыкъкъан «Шура» журналында басылгъан бир къач шииринден башкъа ич бир эсери басылмагьан эди.

Иште, XIX асырнынъ сонъларында янъы, капиталистик девир шараитына уймакъ, истеген татар помещиклернинъ ве къуветлеше яткъан миллий буржуазиянынъ байрагъыны котерип, бу сыныфларнынъ огде джурюджи отряды оларакъ либерал Гаспринский группасы чыкъа.

Гаспринский группасы ялынъыз Къырымтатар помещиклери ве буржуазиясынынъ ннтересини темсиль этювнен къалмай. Бу группа хусусан 1905 сенеси революциясындан сонъ, куньдогъыш помещиклери ве буржуазиянынъ ислям дини эсасына рус чаризми платформасына бирлештирюв ве илерилетювге ынтыла.

Гаспринский 1905 сенеси: «мазысы ичюн къайгьырмаяракъ, ал азырыиа мути оларакъ, мусулъманлар Русие топрагъындаки бутюн халкъларле бирликте, Русие чарынынъ азаматлы тахты имаесинде генди парлакь истикьбалини беклеюр», деп яза ве рус чаризми платформасында пантуранизм ве панисламизм идеясыны темсиль эте. Гаспринскийнинъ «Дар уль Раат мусюльманлары» повести мына бу контрреволюцион пантюркизм ве панисламизмнинъ программасы эди.

1905 сенеси революциясы девринде эмекдар койлю массасынынъ интересини темсиль этерек, чаризмге къаршы курешкен янъы бир группа – Медиев группасы догъа.

Къырымда бу девирде эм акъикъатен эки эсас акъынты бар эди. Булардан биринджисини юкъарыда къайд этильгени киби, Къырымтатар буржуазиясынынъ ве помещиклернинъ интересини ифаде эткен Гаспринский группасы, экинджисини исе, эмекдар койлю массасынынъ интересини ифаде эткен Медиев группасы эди".

1. «Терджиман». 15/V111–I905 с.

* * *

Исмаил Керимнинъ 1999 сенеси Акъмесджитте нешир этильген «Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихы 1883–1914» адлы малюмат дестегинде... корьмек мумкюн.

Къырым севдасы. Мухтерем «Шура» меджмуасында бизим муаллимлерден Усеин Шамиль Тохтаргъазы эфендининъ шу шиири корюльди, деп 5-инджи беитини кетире:

Сонъ сёзюм будыр санъа, руслар иле хош яша!
Мектебе кит, русча биль ки, китмесин омрюнъ боша.
Нисваны шимдики алдаки эсареттен боша!
Къызларынъ да русча бильсе, сонъ тояр къарнынъ аша.
Бильмединъ сен ич маарет къадрини Валлах, татар!
Кимсенинъ андында, бакъ, шимди сайылмаз шах татар!

1-06-1913

Кене Исмаил Керимовнынъ шу китабында бойле учь къыскъа малюмат бериле:

Харджибиеде бир джинает. «Ж.К.» ("Жизнь Крыма" И. К.) *газетасында язылдыгъына коре, Кефе уезди Харджибие къыраесинде теэссюфли бир джинает вукъу олмыштыр. Мезкюр къыраеде муаллимлик иден Усеин Шамиль Тохтаргъазы-огълу иле мезкюр къырае джемаатындан Аджы Эрбаин Мурзакъ-огълу арасында бир шей узерине ихтиляф чыкъып бири-бирине душман олурлар. Ишбу сентябрь 17-нджи куню ерлилерден Менълибай нам киши бунлары барыштырмакъ ичюн эвине мусафирликке чагъырыр. Факъат ики душман арасында бурада къавгъа-гурюльти чыкъып, ниает, Аджы Эрбаин Усеин Шамиль-эфендининъ къурсагъына пычакъ саплаяракъ шу саат ольдюрир... Мерхум Усеин Шамиль-эфенди Къырым ичинде малюм эди. Ара-сыра газеталарда язы язмакъ ве миллий шиир язмакъле мешгъуль олан мюстаит бир генч эди. Генч яшында бойле теэссюфли бир сюретте вефатына теэссюф олуныр. Худанынъ рахметинде олсун.*

24-09-1913

Идарее мектюп. (Муаллим Мехмет Ариф Челебиев). *Къыйметдар меслекдешимиз Шамиль-эфендининъ пек генч яшында бир джанийнинъ къанлы пычагъыле урулмасы къальбимин энъ дерин, энъ рафикъ нокътасында унутылмаз яралар ачты. Биз муаллимлер бойле бир аркъадашымызын арамыздан чекильмесине къанлы козьяшларымызы акъытсакъ аздыр, лякин бизлере бундан эвель таликъ иден бир вазифе даа варсе, о да Гурзуф муаллимлерини ортая аттыгъы мума илейхюн быракътыгъы шиирлерининъ топланмасыдыр ки, меселе мезкюре пек муим олмакъле акъым къалдырмамакъ ичюн муаллим аркъадашларымыз кенди араларында хусусий бир комиссия айыраракъ топламакъ ичюн иджап иден васталара тешеббюс олунырса, о заман эм Шамилин руху шад, эм де терк иттиги огъулчыгъынынъ тербиеси ичюн аиледеки дерди савултмакъ иле мемнюн олурыз, фикирдейим.*

9-10-1913

Мерхум Усеин Шамиль *Кефеде сабыкъ мектеп муаллимлеринден Нусрет Ильмий-эфенди идаремизе яздыгъы бир мектюпте мерхум Усеин Шамиль акъкъында диюр: "Шамиль ёрулмакъ бильмез, себат ве девамындан айырылмаз, бутюн раатлыгъыны миллетнинъ раат ве сеадетине сарф иле муаллимлер арасында вуджуды надир булуныр бир зат иди. Еди сене къадар мухтелиф ерлерде муаллимлик идерек эвлят-ветаны зия-и-маарифле нурландырмая чалыштыгъы киби акъран ве аркъадашларыны да шевкъ ве гъайрете тешвикъ эйлемектен ич усанмаз иди. Яздыгъы шиирлериле Къырымын Токъаеви ад олунмая ляйыкътыр! Дженап Хакъын рахметинде олсун.*

15-10-1913

Корьгенинъиз киби «Терджиман» газетасы Усеин Шамиль Токътаргъазыгъа олгъан самимий мунасебетини бир вакъыт эксильтмеди.

Бу эйи мунасебетлерни девам этмек макъсадында сизинъ дикъкъатынъызны бир эсерге даа джельп этмек истедим. Бу Шамиль Алядиннинъ «Иблиснинъ зияфетине давет»инден бир парчадыр. Муэллиф бу повестни яраткъанда Исмаиль Гапринскийнинъ ады даа ясакъ эди. О чаресини тапып, демократ шаир Усеин Шамиль Токътаргъазынынъ образынен Гаспринскийнинъ де образыны яратмагъа наиль олды. Демократ шаирнинъ образыны ачып косьтерювнен бир вакъытта языджы буюк мутефиккиримизнинъ образыны да ачып косьтерди:

1. *Мен сизге енъи эсерлернен кельдим, – деди онъа Токътаргъазы. – Мумкюн олса, окъуп бакъынъыз!*

2. Мунасип корьсенъиз... Табъ этинъиз!

Исмаиль эфенди, Усеин оджанынъ авада узаныкъ къолундаки дефтерге бакъты-бакъты, ниает, башынынъ арекети иле кошедеки язы масасына ишарет этти. Усеин оджа дефтерни тез-тез алып-кетип, маса устюне къойды.

Эв саиби мусафирден Айвасыл ве Дерекой хаберлери динълеген, дост-эшлернинъ вазиети иле таныш олгъан сонъ къалкъты, маса башына отурып, шиирлерни окъуп бакъты…

– «Кими киер алтын тадж, кими бир пула мухтадж...» – Гаспринский шиирден сатырлар окъуп косьтерди. – Бу не демек, Усеин эфенди? Багълы козьлерле атылан таш... Ойлеми? Даа сонъра... – кене окъуды. – «Иш вирен токъ, ишчи ач. Буламады бунджа эким ич бу дерде бир илядж».

Дефтерни асабиликле кресло узерине быракъып, аякъкъа къалкъты.

– Ёкъ, огълум! Бойле эсерлери нешир ичюн бенде имкян ёкътыр!

– Насыл эсерлерни, къыйметли устаз?

– Заманы, шараити дюшюнмей язылан эсерлери... – деди Гаспринский. – Ве эписи озюнъизе малюм.

– Мен беллесем, беязгъа даима беяз, къарагъа – къара демек керек, – деди Усеин оджа.

– Шубэсиз... – Исмаиль Гаспринский мусафирнинъ фикирини тасдыкълап, башыны къакъытты. – Эр шейнинъ озь ады, озь таинаты вар. Ве Абдурешид эфенди, кендинъизе малюм, эр шейни озь ады иле адландырды. Къарагъа – къара деди, беязгъа – беяз... Эбет! Сиз дикъкъат этинъиз! – нашир еринден къалкъты, диваргъа якъын барды, аякъ уджларында котерилип, юксек рафтан «Ветан Хадими»нинъ биринджи нусхасыны алды, онынъ, баш макъалесинден базы келимелерни окъуп косьтерди. Исмаиль эфенди бунынъле окъувыны кесип, газетаны къайтарып рафкъа къойды. – Эбет! Медиев ишке бойле, араретли киришкен эди. Сёйленъиз, «Ветан Хадими» не къадар яшады?

– Эки йыл... – деди Токътаргъазы, – лякин намус-ырыз иле яшады.

– «Терджиман» йигирми еди йылдан бери омюр сюрмекте, – деди Исмаиль эфенди, ифтихар иле. – Не беллейсинъиз, о намуссыз-ырызсыз яшамакътамы?

«Ветан Хадими» узериндеки лаф генч муэллифни эеджангъа кетирди, чюнки онынъ догъувында ве фаалиетинде Усеин оджанынъ джиддий хызметлери олды ве... къапатылувы да юрегинде терен яра ачты. Бу яра даа тазе. «Ветан Хадими»не генчлик буюк умют багълагъан эди. Языкъ ки, халкънынъ сербестлиги ичюн енъи фикирлер сёйлеген «Ветан Хадими»... артыкъ ёкъ.

– Афу этинъиз, муаллим! – деди оджа басыкъ сеси иле. – Мен фикиримни, бираз башкъаджа сёзлерде ифа эттим. Мен демек истедим ки, экисинде эмель бир дегиль. Абдурешид Медиев курешти.

– Ким иле?

– Чаризм иле!

– Курешти... енъдими? – нашир иддетленип сорады. – Енъе билирми эди?

– Екъ. Енъип оламады, – деди Токътаргъазы. – Енъмек ичюн чокълукъ ве бирлик зарур.

– Енъмек ичюн кучь лязим, – дие итираз этти Исмаиль эфенди. – Биз зайыфмыз. Императорда силялы аскерий кучьлер бар.– Император, шубэсиз, бизден кучьлю, – деди Усеин оджа, яры кинае тарзында, – амма зайыф халкълар бирлешселер, кучьлю императорны енъе билирлер.

– Бирлешселер!.. – эв саиби мусафирнинъ сёзюни аджизликле текрарлады. – Бирлешмек ичюн анълы олмакъ шарт. Биз чокъ кериде къалдыкъ... чюнки джиалет къафамызы къурутты, козьлеримизнинъ шефаатыны алды. Илери халкъ олмакъ ичюн окъумалыйыз. Мутеракъкъий бильгилер ве фикирлер иле силяланмалы, онлары кенди дилимизде накъиль идип, кенди мектеплеримизе, медреселеримизе кирдирмейе чалышмалыйыз!

Бу фикирлер догъру. Усеин Шамильнинъ оларгъа итиразы ёкъ, лякин олар мукеммель дегиллер. Халкънынъ сербестлиги ичюн ялынъыз медениетнинъ, илимнинъ озю кяфи дегиль. Сербестлик ичюн даа муимдже, даа дедильдже ишлернинъ акъкъындан кельмек керек. Нашир олар хусусында, ничюндир, сёйлемеди. Фикирлерини ниаетке еткизмеди. Ничюн? Усеин оджа муталяаны девам этсинми? Бу эвге бир риджа иле келип де, умютсизден башлагъан мунакъашада Исмаиль эфендининъ сёзлерине яхшы, яхут яман деген къыймет кессинми? Ойле меселелер олдугъындан, сусып да оламады.

Шай тюшюнди Усеин оджа. Тюшюндже оны раатсызлады. Дигер якътан исе, муляазалар гъает джиддий ве ибретли... земане генчликнинъ къафасыны ишгъаль эткен меселелер олдугъындан, сусып да оламады.

– Афу этинъиз, Исмаиль муаллим! – деди оджа. – Кериде къалдыгъымызнынъ себеплеринден бири, шубэсиз, джиаллеттир. Я джиаллигимизе себеп недир? Бизлери эсир иден, аякъ алдында ёгъуран, эзен, инсан укъукъындан маърум иден недир? Чар акимиети дегильмидир?

Эв саиби айретле козьлерини котерди.

– Русие мусульманлары окъуп, медений адамлар олурларса, акъны-къараны таныяджакъ, кендилерини зулумдан къорчаламая биледжеклер, – деди о, Усеин Шамильге. – Илим, фен... иште, бизе не лязим.

– Мусульманларынъ тюрлюси вар. Зенгини де вар, фукъареси де. Зенгин мусульман джаиль дегиль. Демек, иш диний менсубиеттен зияде джемиеттеки ичтимаий мевкъида... ойле экен, мен зан этсем, эвеля фукъарелернинъ къолларындаки бугъавларны къырмакъ керек.

Муаллим бир дивардан дигер диваргъа къадар, илери-кери, кезинмекте экен, бирден токъталды.

– Афу этинъиз, Усеин эфенди! – деди о, мусафирге мураджаат иле. – Сиз къач яшындасынъыз?

– Йигирми докъуздам, – деп джевап берди мусафир.

Йигирми докъуздасынъыз... А! – Исмаиль эфенди, оджанынъ яшлыгъына сукъланып, хошнут черэ иле кулюмсиреди. – Меним «Тонгъыч»ым басмаханеден чыкъкъан вакъытта дюньяда вармы эдинъиз?

– Хайыр! – деди Усеин оджа ве кулюмсиреди. – Мен «Тонгъыч»тан эки ай сонъра дюньягъа кельгеним.

– Эки йыл сонъра халкълар «Терджиман»ны окъуя башладылар. Аля окъумакъталар. «Терджиман» чыкъмамыш олса эди... ким бильсин? Эбет! Ким бильсин! – деп текрарлады Исмаиль Гаспралы. – Итимал, шаир Токътаргъазы да олмаз эди. Матбуат ёкъ исе, языджы неден догъа бильсин? Сиз яшсынъыз. Даа чокъ яшайджакъ, чокъ кореджексинъиз. Бизим корьдюклеримизи дегиль, бутюнлей енъисини. Истисмардан, зульметтен азат аятны кореджексинъиз.

...Усеин оджа озюнинъ къальбининъ тепиндисини бираз тыймакъ ичюнми, ким бильсин... аякъкъа къалкъты, эллерини къавуштырып, не демекни, не япмакъны бильмей, онынъ огюнде турды.

– Отур! Отур, огълум! – деди онъа нашир. – Бу ал менде биринджи дефа дегиль. Къасветленменъиз!

Усеин Шамиль текрар отурды. Къаве ичильген сонъ эвге къайтмакъ ичюн къалкъты, маса устюндеки дефтерини алып, къоюн джебине къойды, сагълыкълашмакъ ичюн наширге чевирильгенде, о, арыкъ, узун эки пармагъыны котерип, авада эки дефа чертти.

– Сабыр этинъиз... – деди Усеинге. – «Руслар иле бир хош яша» намлы эсеринъизни къалдырынъыз! Ондан сонъра... «Къайдымызы ким чекеджек?» Ойле эди, гъалиба. Оны да беринъиз. Башкъаларыны... афу этинъиз, къабул этип оламайым! Олар озюнъизде турып-турсунлар!

– Не вакъыткъа къадар?

– Эйи куньлер келене къадар, – нашир явaштан кокюс кечирди.

Усеин оджа, эки шиирнинъ саифелерини дефтер ичинден йыртып алып, маса узерине къойды, муаллимнинъ алидженаплыгъы ичюн, къолуны миннетдарлыкъле сыкъты ве тешеккюр этип, уджреден чыкъты...

Иште, бу макъаледе эки инсан – оджа, филология илимлерининъ намзети Алим Фетислямовнынъ «социализм къуруджылыгъы»нынъ башында ве языджы Шамиль Алядиннинъ мезкюр къуруджылыкънынъ сонъунда айны бир Улу мутефикиримиз Исмаил Гаспринскийге кесильген къийметлерни корьгенинъизни ве бильгенинъизни истедим... Къайсы бири акъикъаткъа догъру кельгенини, иншалла, заманымызнынъ озю косьтерди...

Бекиров Сервер Энверович

На один диалог два различных взгляда

Аннотация. *В данной работе, на произведениях известных крымскотатарских деятелей: кандидата филологических наук Алима Фетислямова (статья«Шаир Шамиль Токътаргъазы») и известного крымскотатарского писателя Шамиля Алядина (документальная повесть «Приглашение на пир к дьяволу»), в которых пишется о поэте-демократе Усеине Шамиле Тохтаргазы, автор статьи пытается объяснить два различных взгляда на деятельность выдающегося крымскотатарского просветителя Исмаила Гаспринского.*

Ключевые слова: *Исмаил Гаспринский, Усеин Шамиль Тохтаргазы, Алим Фетислямов, Шамиль Алядин, поэт-демократ, просветитель, Терджиман.*

Bekirov Server Enverovich

Two dıfferent vıews on the same dialogue

Abstract. *In this article, on the works of famous Crimean Tatar figures: candidate of philological sciences Alim Fetislyamov (article “Shair Shamil Toktargazy”) and famous Crimean Tatar writer Shamil Alyadin (documentary story “Invitation to a feast to the devil”), in which is written about the poet-democrat Useen Shamile Tokhtargazy, the author of the article tries to analyze two different views on the activities of the outstanding Crimean Tatar enlightener Ismail Gasprinsky.*

Keywords*: Ismail Gasprinsky, Usain Shamil Tohtargazy, Alim Fetislyamov, Shamil Alyadin, poet-democrat, enlightener, Terjiman.*

Эдебият:

1. Саадет ичюн: шиирлер, поэмалар, пьеса / терт.: А. Алтанълы ве башкъ.; ред.: Э. Шемьизаде. – Таш.: Гъафур Гъулам адына Эдебият ве санат нешрияты, 1976. – 140 с.

2. Алядин Ш. Иблиснинъ зияфетине давет: повесть / Ш. Алядин. – Таш.: Гъафур Гъулам адына Эдебият ве санат нешрияты, 1979. – 216 с.

3. Деятели крымскотатарской культуры (1921 – 1944): библ. сл. / сост.: Д. Урсу. – Симф.: Доля 1999 – 240 с.

4. «Совет эдебияты» журналы, 1940 сенеси. Шаир Шамиль Токътаргъазы. Алим Фетислямов, Филология илимлерининъ намзети.

5. Джаманакълы К. Демократий Халкъ шаири Токътаргъазынынъ ольдюрильмесине 25 йыл тола / К. Джаманакълы // Эдебият ве санаат. – 1938.

6. Джаманакълы К. Языджы-демократ Усеин-Шамиль Тохтаргъазы / К. Джаманакълы // Крымский комсомолец. – 1941. – № 8. – Ноябрь.

7. Гаспринскийнинъ “джанлы” тарихи: 1883 – 1914. – Акъм.: Тарпан. – 1999. – 408 с.

УДК: 82 (470-321.9)

Велиев Аблязиз[1]
E_mail: elmazveliyeva@mail.ru

Къырымтатар эдебияты: кечмиши ве бугуни

(2017 с. сентябрь 6–10 куньлери Москвада олып кечкен Русие халкълары миллий эдебиятларынынъ бириндже фестивалинде япылгъан маруза)

Анълатма. *Макъаледе XII асырдан кунюмизге къадар къырымтатар эдебиятынынъ инкишаф ёлу – къадимий девир, орта асырлар ве уянув девринден бу куньгедже миллий эдебиятымызнынъ басып кечкен басамакълары талиль этиле ве онъа къыймет кесиле.*

Анахтар сёзлер: *Къадимий девир, орта асырлар, уянув деври эдебияты, эдебий сималар.*

Мерабанъыз, сайгъылы къалемдешлер! Башта бир Русие миллий эдебиятларынынъ бириндже фестивали иштиракчилерини селямламгъа мусааде этинъиз!

Мен къырымтатар языджылары бирлигининъ азасым. Бугуньки имкяндан файдаланып бизим эдебиятымызнынъ инкишаф тарихи акъкъында къыскъадан икяе этмек истейим.

Къырымнынъ тамыр халкъы – къырымтатарларнынъ эдебияты тюрк дюньясында энъ къадимийлеринден сайыла ве о 800 йыллыкъ язма тарихкъа малик.

Къырымтатар язма эдебиятынынъ энъ къадимий абидеси «Хикает-и Юсуф алейхисселям ве Зелиха»дыр. Онынъ муэллифи – къырымтатар язма эдебиятынынъ эсасчысы, XII асырнынъ экинджи ярысы ве XIII асырнынъ бириндже черигинде Къырымда яшап иджат эткен шаир Махмуд Къырымлыдыр. О вефат эткен сонъ бу эсерни шаир Халиль огълу Али язып битире ве эски османлы тилине терджиме эте. Юсуф ве Зелиха дестаны Къурандаки Юсуф пейгъамбер акъкъындаки эфсаненинъ гъаеси боюнджа язылгъан тасаввуф эдебияты жанрында яратылгъан бу дестан тюркий тильде шу мевзугъа багъышлап язылгъан ильк эсерлерден биридир.

Махмуд Къырымлынынъ бу эсеринынъ оригиналы сакъланып къалмады. Онынъ терджиме этильген къолязмалары исе Гот шеэриндеки (Алмания) герцог кутюпханесинде ве библиофиль Раиф Елькенджининъ (Тюркие) шахсий коллекциясында булуна.

Мына о дестандан къыскъа бир парча:

1. Бир сёзе башлаялум,
   Эввелин Аллах дею.
   Эм инает ол идее,
   Фадл-и бисмиллях дею.

2. Вир (бер) саляват, эй азиз,
   Башлаялум сёзе биз.
   Хош хикает коресиз
   Къыссайы аджеблею.

[1] ***Велиев Аблязиз,*** заведующий лабораторией учебной литературы на крымскотатарском языке и языках малочисленных этносов Крыма НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

3. Бу бир гузель къыссадыр,
   Сизе чокъ ал анъладыр.
   Юсуф алын бильдирир,
   Нитди Якъуб агълаю[1].

Энди бу парчаны рус тилинде динъленъиз:

1. Повествование начну
   Во имя Светлого Аллаха.
   Я вознесу ему хвалу
   С благословеньем «Бисмилляха».

2. Дай силы верному рабу
   Сложить прекрасное сказанье.
   Из слов я чётки соберу,
   Для всех красноречивым стану.

3. Правдиво людям расскажу
   О злоключениях героев.
   Как плакал праведный Якуб,
   Как убивался он от горя…[2]

Къырымтатар эдебиятынынъ тарихында мен орта асыр деврини айрыджа къайд этмек истейим (XIII асырнынъ сонъу – XIX асырнынъ башы). Шу девирде Къырымда чешит жанрларда бинълернен эдебий эсерлер яраткъан 150-ден зияде шаир, несирджи, тарихчининъ ады бугуньде бизге белли. Оларнынъ сырасында танылгъан классиклер Ашыкъ Умер, Джевхерий, Иззи, Халим Герай ве бир чокъ дигерлерини къайд этип кечмек мумкюн.

Белли рус шаири ве рессамы Максимилиан Волошин орта асыр эдебияты акъкъында фикир юрсетир экен, о девирни «Гирейлернинъ алтын девири»[3] деп адландыргъаны нафиле дегильдир. Чюнки орта асыр эдиплеринден 25 шаир, несирджи ве тарихчи Къырым ханларынынъ династиясына аиттир. Олар тарихкъа тек мешур сиясетчилер ве сераскерлер оларакъ дегиль де, дин, земане илими сааларында гъает кениш бильгиге наиль эдилер. Къырым ханлары Менъли Герай I, Гъазаий, Резми, Кямиль, Ремзи, Менъли Герай II ве башкъалары истидатлы шаир, несирджи, бестекяр, мусикъаджы, хаттат, корюмли меценатлар оларакъ да белли эдилер. Мешур Къырым ханы Бора Гъазы Герай II нинъ Гъазаий тахаллюсинен язгъан бир чокъ гъазеллеринден бирини мисаль оларакъ алайыкъ, о, иджады юксек севиедеки назмиетнинъ нумюнеси оларакъ косьтерильмеге ляйыкъ олгъан бир эсердир:

Хабибим, мунисим, ярым, табибим, дерде дерманым,
Энисим, яр-ы, лятифим, дильхахым, махремим, джаным.

Гюлендамым, дилярамым, вефадарым, хавадарым,
Ози шахым, юзи махым, бойы серв-и гулистаным.

Пери-пейкер, леби шекер, сёзи джевхер, ози хуштер,
Къашы яй, кирпиги ханджер, суханвер лял-и мерджаным.

---

[1] Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи / Р. Фазылов, С. Нагаев. – Акъм.: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – С. 31.

[2] Фазылов Р. Крымскотатарская литературы / Р. Фазылов; пер.: И. Сотниковой. – Симф., 2005. – С.18.

[3] Волошин М. Коктебельские берега. Культура, искусство, памятники Крыма / М. Волошин. – Симф.: «Таврия», 1990. – С. 215.

Юзи гуль, сачы рейханым, леби мюль, чешми хунхарым,
Ки сенсинъ хасылым-варым, мухассал – диним, иманым.

Гонъюль инълер, козим агълар, яшым чагълар фыракъынъда,
Тераххум эйле, эй шахым, текеллюм эйле, эй ханым.

Чыкъуб сейре сувар олмыш, ёлынъда тен гъубар олмыш,
Ниджелер хакисар олмыш, кезер наз иле джананым.

Козим яшын дёкер эр дем, чекер захмине ёкъ мерхем,
Гъазаий, къаны бир махрем? – дием ал-ы перишаным[1].

Гъазель Сергей Дружининнинъ терджимесинде рус тилинде шойле янъгъырай:

Моя любовь, моя судьба, спаси от мук, храни от ран.
Мой милый друг, моя душа, лишает сна твой нежный стан.

Ты, как цветок, и так нежна, как ветерок, и так верна.
Собой – княжна, лицом луна, стан – кипарис, дом – Гулистан[2]

Лицом – Лейла, устами – мед, во взоре – лед, огонь – в речах,
Ресницы, брови как клинок, кинжал – глаза, коралл – уста.

Розарий – лик, прядь – базилик, глаза – гроза, уста – нектар;
Несметный клад, бесценный дар, тебя мне сам Аллах послал.

Душа болит, горят глаза, течёт слеза – разлуки яд.
Прости меня, мой падишах, не зная сна, тоскует хан.

Когда тебя несёт твой конь, мужчины стелятся травой;
Когда по ним скользит твой взор, они как пыль, что льнёт к ногам.

Глаза – в слезах, душа – в крови, бальзам ее не исцелит.
О, Газайи, найди Сезам, верни любовь, прости обман[3].

Орта асыр къырымтатар эдебиятынынъ бу ве диггер нумюнелерини бир сыра джыйынтыкъларда тапмакъ мумкюн. Олардан бири 2003 сенеси Акъмесджитте чыкъкъан (тертип этиджи Нариман Абдульваапов, терджиман – мерхум шаир Сергей Дружинин. Орта асыр къырымтатар назмиетининъ анталогиясы – Грёзы любви)[4].

XVIII асырнынъ сонъундан XIX асырнынъ сонъунадже олгъан девир къырымтатар халкъынынъ тарихында къара асыр деври деп адландырыла. Къырымтатарларнынъ Тюркиеге, Романиягъа, Булгъарыстангъа кутьлевий кетюви нетиджесинде Къырымнынъ ичтимаий-сиясий ве медений омюри толусынен тюшкюнликке огърады. Белли алим ве этнограф

[1] Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи / Р. Фазылов, С. Нагаев. – Акъм.: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – С. 81–82.

[2] Гулистан – сад роз.

[3] Грёзы любви: поэзия крымских ханов и поэтов их круга / ред. Г. Темненко; худ.ред. А. Иванченко; пер. С. Дружинина; сост., коммент. и послесл. Н.Абдульваапа. – Симф.: Доля, 2003. – 72 с. – С. 10.

[4] Грёзы любви: поэзия крымских ханов и поэтов их круга / ред. Г. Темненко; худ.ред. А. Иванченко; пер. С. Дружинина; сост., коммент. и послесл. Н.Абдульваапа. – Симф.: Доля, 2003. – 72 с.

Усеин Боданинский о девирни «халкъ иджадынынъ феледж олгъан деври» деп адландыргъан эди. Эбет бу ал миллий эдебиятта да озь аксини булды.

XIX асырнынъ сонъундан XX асырнынъ башынаджа олгъан аралыкъ къырымтатар эдебиятшынаслыгъында «уянув деври» деп адландырыла. Къырымтатар эдебиятынынъ уянувы 1883 сенеси улу мутефеккир ве маарифчи Исмаил Гаспринский эки тили «Терджиман» – «Переводчик» газетасыны чыкъарып башлагъан девирде башланды. Бу бир чокъ тюрк тилли мемлекетлерде де медениетнинъ инкишафына сильтем берди. Исмаил Гаспринский къырымтатар эдебиятында роман жанрынынъ эсасчысы сайыла. Бу маарифпервер инсаннынъ фаалиети ве гъаелери нетиджесинде XX асырнынъ биринджи ярысында Усеин Шамиль Тохтаргъазы, Асан Чергеев, Асан Сабри Айвазов, Абляким Ильмий, Мемет Нузет, Номан Челеби-Джихан, Якъуб Шакир-Али киби къырымтатар языджыларынынъ буюк бир плеядасы пейда олды.

Совет девринде къырымтатар эдебияты даа да юксекке котерилип башлады. Улу Ватан дженки бизим эдебиятымызгъа пек буюк зарар кетирди. Он эки къырымтатар эдиби дженкте эляк олды. Уфакъ бир халкъ ичюн (XVIII асырнынъ сонъундан башлап кочювнинъ бир къач далгъасы девиринде къырымтатарларнынъ учьтен эки пайындан зиядеси ярымаданы терк этти) бубуюк гъайып эди. Лякин огде бизни даа мудхиш фаджиа беклей эди: 1944 сенеси майыс 18-де къырымтатар халкъы эсассыз къараланып, толусынен Къырымдан чыкъарылды ве Урал, Орта Асия эм де Къазахыстангъа сюргюн этильди.

13 йыл девамында (1944 сенесинден 1957 сенесине къадар) къырымтатар тилинде бир сатыр биле язылмады: газеталар, меджмуалар, китаплар чыкъарылмады (олгъанлары биле бир къалмай якъып ёкъ этильди). Анна тилинде окъумакънынъ чареси ёкъ эди: мектеплер, институтлар чалышмады. «Къырым», «къырымтатар», «къырымтатар тили», «къырымтатар эдебияты» деген сёзлерни айтмакъ жда, язмакъ да ясакъ этильди. Ресмий джеэттен бизим миллетимиз ёкъ эди.

1957 сенеси Ташкенте къырымтатар тилинде «Ленин байрагъы» («Ленинское знамя») деген джумхуриет газетасы чыкъып башлады, сонъра китаплар чыкъты, 1976 сенеси «Йылдыз» альманахы, сонъра о меджмуа оларакъ чыкъарылды. Халкъ кене озь анна тилини, эдебиятыны тиклемеге киришти. Деерли ярым асырлыкъ сюргюнликтен сонъ халкъ озь ана юртуна – тувгъан Къырымына къайтмагъа, кенди медениети, санаты, эдебиятыны тиклемеге бельсенди.

Шимди Акъмесджитте 30-гъа якъын эдипни бирлештирген къырымтатар языджылары бирлиги фаалиет косьтере. Айны вакъытта рус тили къырымтатар языджылары да мевджут.

Аз да олса эдебиятымызнынъ инкишафыны акс эттириджи джыйынтыкълар, антологиялар чыкъып тура. Меселя 2003–2005 сенелери эки антология: XIII–XX асырларны озь ичине алгъан «Кунештен бир парча» («Окрушина сонця») назмиет антологиясы ве XIII–XX асырларны озь ичине алгъан эки китаптан ибарет «Къарылгъачлар дуасы» («Молитчва ластівок») несир антологиясы (тертип эткенлер мерхум эдиплер Микола Мирошниченко ве Юнус Къандымов) дюнья юзю корьди.

Мен 1944 сенеси, беш яшымда экенде Къырымдан сюргюн этильдим. Ана тилинде бир кунь биле окъумадым. Озьбек мектебине къатнамагъа меджбур эдим. Биз эвде ана тилинде лакъырда эте эдик. Эдебий къырымтатар тилини мен мустакъиль оларакъ 17 яшымдан газета ве китапларны окъуп огрендим.

Ташкент девлет университетинде озьбек журналистикасы факультетини битирдим. 48 йыл газетада чалыштым. Къырымтатар языджысы олдым. Бу йыллар девамында 68 китап чыкъардым. Шиирлер, несир эсерлер язам, терджименен огърашам, 300-ге якъын йырнынъ муэллифим. Меним сёзлериме къырымтатар бестекярларындан гъайры украин, рус, гурджи бестекярлары да (Людмила Ульянова, Лариса Иващенко, Валерий Слуцкий, Тамара Гверцители ве дигерлери) музыка яздылар. Мен Къырым эдебият академиясынынъ академиги, Къырым Мухтар Джумхуриетинде нам къазангъан санат эрбабы, Бекир Чобан-заде адына халкъара мукяфатнынъ лауреатым.

Шуны айрыджа къайд этмек истейим ки, бедиий терджиме окъуйыджылар аудиториясыны кенишлетмеге, адамларны чешит халкъларнынъ эдебиятларынен таныш этмеге имкян бере. Бу эснада мен чокъ йыллардан берли истидатлы шаир ве терджиманларнен сыкъы багъ тутып чалыштым ве чалышам. Булар Борис Пак (Ташкент), Рафаэль Устаев ве Владимир Пальчиков (Москва), Эльчин Искандарзаде, Тарана Мусева (Баку), Микола Мирошниченко (Киев), Ольга Тимохина (Тула) эм де Данило Кононенко. Нузет Умеров, Виктор Гуменюк, Ольга Голубева, Юлдуз (Акъмесджит) ве дигерлеридир.

Къырымтатармуэллифлерининъ эсерлери дердж олунгъан энъ сонъки джыйынтыкъ, бу йыл Москвада чыкъкъан «Русие халкъларынынъ земане шиириети анталогиясы китабыдыр. Онъа къырымтатар шаирлери Шерьян Алиев, Дилявер Османов, Сейран Сулейманов ве меним шиирлерим кирди.

Манъа, озь девринде бир сыра мешур къырымтатар ве совет классиклеринен шахсен танышмакъ къысмет олды. Мен языджы Шамиль Алядин, драматург Юсуф Болат ве дигерлеринен берабер чалыштым, олардан тиль ве эдебият сырларыны огрендим. 1984 сенеси Ташкенте Асия ве Африка языджыларынынъ халкъара конференциясы олгъанда Давид Кугультинов, Чингиз Айтматов, Къайсын Кулиев, Мустай Карим, Гариф Ахунов киби эдебият корифейлеринен таныш олдым ве оларны озюм месюль кятип олып чалышкъан «Ленин байрагъы» редакциясына къырымтатар языджылары ве журналистлеринен иджадий корюшювге давет этим. Бу корюшюв бизде унутылмаз хатыра къалдырды.

Былтыр кузьде манъа Давид Кугультиновнынъ юртунда мусафир олмакъ къысмет этти. Къадимий къалмыкъ топрагъында шойле бир шиир догъды:

Къалмыкъ къызы

Элистагъа ильк кере келювим,
Мени мефтюн этти о бирден.
Мында ич тюшмеген эди ёлум,
Троицктен сонъ кечтим бир къырдан.

Элиста къаршылап алды бизлерни,
Озюнинъ шенъ йыр-оюнынен.
Козьлери яна йигит-къызларнынъ,
Балачыкълар йырлай гонъюльден.

Четте тура дюльбер бир къызчыкъ,
Аристократ корюниши бар.
Башында шляпа, къолунда ал гуль,
Озю де меляике киби дюльбер.

Манъа ойле маналы бакъты,
Юрегим «джызз» этип туташты.
Богъазыма бир шей тыкъылды,
Бильмем о не, сюекми, ташмы?

Къызгъа бакътым, джойдым озюмни,
Бир кереден севдим мен оны.
Яваштан сорадым: «джаным, яшынъ къач?»
– Даа дёрттем, – деди, – олгъаны!

Энди бу шиирни шаире Ольга Голубеванынъ терджимесинде рус тилинде динъленъиз:

Калмычка

Впервые оказался в Элисте,
Но полюбил её всем сердцем сразу.
Бескрайняя пленительная степь,
Мне душу растревожила и разум.

Как дорогих гостей встречая нас,
Вся Элиста и пела, и плясала.
И молодёжь, не отрывая глаз,
Восторженно всем нам рукоплескала.

Чуть в стороне красавица одна,
Аристократка, сразу я заметил.
Причёска, шляпка, сумочка видна,
И розы лепестки колышет ветер.

Волнительный румянец на щеках,
Ну, точно ангел с дивной розой алой.
И огоньки лучистые в глазах
Сияют так, что сердце просто сжалось.

И замер я, дыханье затая,
И вдруг влюбился в этой круговерти:
«А сколько лет Вам, милая моя?»
«Уже четыре, дяденька, поверьте!»

Сизинъ изининъизнен озюмнинъ кене бир лирик шииримни анна тилимде эм де шаире Ольга Голубеванынъ терджимесинде рус тилинде окъумакъ истейим:

Оксюз тал

Сув башында осе янъгъыз оксюз тал,
Кельгенге, кечкенге эге башыны.
Ама кимсе иле субетлешмей о,
Гъальба беклемекте озь сырдашыны.

Саллана япракълар, фысылдашалар,
Бир-бирине айтып гизли сырларын.
Сабырсызлыкъ иле беклей кимнидир,
Онъа йырламакъчюн гонъюль йырларын.

Нечюн бойнынъ эгик, сёйле, оксюз тал,
Сёйле, сёйле, джаным, бельки анъларым.
Чюнки менде де шай куньлер чокъ олды,
Дефаларджа олды бойле аньлерим.

Яшайышмы я да севги себеби,
Айт джаным, бойнынъны ким бойле эгди?
Илле санъа ярдым эллин узаткъан
Иляхий бир къувет тапылыр бельки.

Плакучая ива

Склонилась над речной водою ива,
Одна грустит, скучает без подружек.
Прохожим шлёт поклоны морлчаливо,
Но никому не отикрывает душу.

Друг другу листья шепчут торопливо
О чём-то тайном, только им известном.
Они, как будто, ждут нетерпеливо
Того, кому свою подарят песню.

Скажи мне, ива, от чего, тоскуя,
Склонилась низко, плачешь над водою?
Открой мне душу, и тебя пойму я,
Не раз пришлось встречаться мне с бедою.

Причине слёз своих ты мне поведай,
Свои печали расскажи, как другу.
Поверь, родная, отступают беды,
Когда тебе протянет кто-то руку.

Мына энди 70 йылдан берли сюргюнлик, гъайып этильген Ватан мевзусы къырымтатар эдебиятында эсас мевзу олып къалмакъта. Бу агъры эр бир къырымтатарда яшай ве несильден несильге, бабадан балагъа кече. Мен – тоталитар режимнинъ бутюн вахшийликлерини озь башымдан кечирген инсаным ве бу фаджиа пакъкъында язмайып оламайым. Ве шимди сизинъ дикъкъатынъызгъа озюмнинъ бу мевзуда язылгъан шиирлеримден бирини авале этмек истейим:

Умумхалкъ фаджиасы

Сувда батмаз, отта янмаз къырымтатар,
Элли йылда нелер корип кечирдинъ сен?
Акъаретлев, бастырыкълар, ифтиралар
Элли йылда тек сен ичюн догъгъан экен.

Къыркъ дёрт сене, он секиз май, танъ маали
Кирди совет аскерлери эр бир эвге.
Автоматлар кокюсимизге окъталды,
Эмир олды догъгън эвни терк этмеге.

Бала-чагъа, къарт ве къартий, къыз, апайлар
Мал ташыгъан вагонларгъа юклендилер.
Эшелонлар шаркъкъа таба ёл алдылар,
Къаарь-гъамдан беллеримиз букюльдилер.

Урал дагъы, Орта Асия чёллюклери
Дуракъ олды къувгъын къырымтатар ичюн.
Шакалларгъа, къашкъырларгъа къысмет олды
Гъурбетликте бизим халкънынъ олюлери.

Комендантлар къылындылар истегендже,
Саткъын деген тамгъа къойып устюмизге.
Къырымтатар, Къырым сёзю ясакъ олды,
Ондайын халкъ ёкъ дюньяда деп эр кеске.

Тиз чёкмеди, баш эгмеди къырымтатар,
Ватан дее чыкъты куреш ёлларына.
КГБлар, ГУЛАГ, Сибирь къоркъузмады,
Тек акъикъат силя олды къолларында.

Нидже йигит-къызларымыз шеит куетти,
Бастырыкъта отурдылар Къырым ичюн.
Бунынъ иле косьтердилер бар дюньягъа
Къырымтатар миллетининъ къавий кучюн.

Мына, бугунь тамам элли сене олды
Къырымтатар Ватанындан къувулгъаны.
Лякин халкънынъ фаджиасы биткени ёкъ,
Ким тиклейджек акъикъатны, айтынъ къаны?!

Лянет олсун, лянет олсун, лянет олсун
Бизим халкъны бойле куньге къойгъанларгъа.
Биз ольмемиз, биз татармыз, къырымтатар!
Несиль-несабымыз айтыр соргъанларгъа.

Моему народу

Ты в огне не сгорел,
И не сгинул в пучине.
На тебя все невзгоды обрушил
Тот горестный год…
Казалось, судьба догорает
Последнй лучиной,
Но выстоял крымскотатарский народ.

Май сорок четвёртого,
Радость освобожденья,
Но почему часовые стоят
У твоих очагов?
Почему из-под собственных крыш
Пряча стыд и смущенье,
Автоматчики
Гонят женщин, детей, стариков?!

Не спеша, на восток
Поползли эшелоны,
Изрыгая проклятья царям и векам.
На пути,
В темноте оставляя умерших -
На съеденье шакалам,
На съеденье волкам.

Лесные чашобы седого Урала,
Знатный простор азиатских степей –
Стали пристанищем,
Родиной неовой,
Для твоих непокорных и гордых детей.

Над тобой измывались
Коменданты досыта
Чтоб заставить, как нищих,
Копаться в золе…
Слово крымский татарин объявили запретным,
Объявили – крымских татар
Больше нет на земле!

Но ты жил и работал,
Назло всем наветам!
Не искал оправдания легких путей –
Ни Сибирь, ни ГУЛАГ,
Все известные тюрьмы отчизны,
Не сломили упорства твоих сыновей!

Сколько их –
Тех, кто жизнь свою отдал
За народ свой,
За чистое имя его.
Чтобы правда о крымскотатарском
Стала известна всем народе
Ло одного!

Отмечая сегодня
Полвека изгнанью,
Видим снова – конца испытаниям нет.
Кто, скажите, вернет
То, что отняли силой?
Кто вернёт нам уверенность
В завтрашнем дне?!

Будь же прокляты те,
Кто обрёк нас на муки.
«Мы возрадимся!» – клянутся
И молод, и стар.
Наши потомки расскажут
Горькую правду,
Тем, кто спросит об участи
Крымских татар!

Май, 1994 г.
Нузет Умеровнынъ терджимеси.

Велиев Аблязиз

Литература крымских татар: прошлое и настоящее

Аннотация. *В статье рассматриваются периоды развития крымскотатарской литературы древнего времени, среднее века и современный период. А также рассказывается о его видных деятелях в разные эпохи.*

Ключевые слова: *древние времена, средние века, период возрождения, видные литераторы разной эпохи.*

Veliyev Ablaziz

Literature of the Crimean Tatars: past and present

Abstract*: The article considers the periods of development Crimean Tatar literature of ancient times, the average century and modern period. And also tells about his eminent personalities in different epochs.*

Keywords: *ancient times, the Middle Ages, the period revival, prominent writers of different ages.*

Эдебият:

1. Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи / Р. Фазылов, С. Нагаев. – Акъм.: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – С. 31.
2. Фазылов Р. Крымскотатарская литература / Р. Фазылов; пер.: И. Сотниковой. – Симф.: Крымучпедгиз, 2005. – С.18.
3. Фазыл Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи / Р. Фазылов, С. Нагаев. – Акъм.: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – С. 81–82.
4. Волошин М. Коктебельские берега. Культура, искусство, памятники Крыма / М. Волошин. – Симф.: Таврия, 1990. – С. 215.
5. Грёзы любви: поэзия крымских ханов и поэтов их круга / ред. Г. Темненко; худ.ред. А. Иванченко; пер. С. Дружинина; сост., коммент. и послесл. Н. Абдульваапа. – Симф.: Доля, 2003. – С. 10

УДК: 821.512.145

Джелилова Ленияра Шакировна[1]
E_mail: trysto@mail.ru

Сеитумер Эмин шииристинъ хусусиетлери
(Олюминъ 14-джи йылында шаирни анъаркен)

Анълатма. *XX асырнынъ экинджи ярысында иджат эткен къырымтатар эдебиятчысы озь бедиятында пек махаретли бир шаир, языджы – С. Эмин. Эсерлеринде къолай ве самимий ифаделерни къулланып, джанлы тасвирнинъ билинген ёлларыны къуллана. С. Эмин шииристинде юксек бедий шекиль ве нефис мевзуларны дегиль де, лирик дуйгъунынъ, сёз назиклигининъ ве реализмнинъ ифадесини сергилей.*

Ватанперверлик поэтикамызнынъ башарылы бир темсильджиси сайылгъан С. Эминнинъ шиирини тедкъикъ этюв гъайретине джесаретлендик.

Анахтар сёзлер: *къырымтатар шииристи, Сеитумер Эмин, патриотика.*

ХХ асырнынъ эм башы, эм сонъу гурьделеген сиясий янъылыкъларгъа зенгин бир девирлердир. Анъылгъан асырнынъ башында иджат эткен шаирлеримиз керчектен де истидатлы экенлер, земановий шаирлер оларгъа такълит этип, оларнынъ усталыкъларыны огренгенлер.

Ватан Къырым мевзулы шиирлерни Уйкен несиль шаирлерде пек сыкъ раст кельмекте. Бойле шаирлерден бири де Сейтумер Эмин. Онынъ, шиирлерде ишлеген ватанперверлик, асретлик, Ватангъа авеслик мевзулары энъ парлакъ тарзда ифаде этильген. Сейтумер Эмин, Решид Мурад киби уйкен несиль шаирлери ве языджылары бу дуйгъуларны сонъраки несиль языджыларымызгъа эсерлери иле ашлайлар [4].

Реаль яшайышта юзь берген аллар озь аксини бедиий эдебиятта тапа биле. Бу табиий бир алдыр, чюнки иджат эткен языджы джемиетни раатсызлагъан меселелерни, актуаль мевзу ве гъаелерни эсерлери вастасынен алемге еткизмеге тырыша. Демек, бойле эсерлерден белли бир девирде керчектен де яшалгъан эмоциональ дуйгъулар акъкъында малюмат алмамыз мумкюн.

ХХ асырны козьге алсакъ, девир фаджиасыны кескин къалеминен косьтермеге тырышкъанлар арасында илькиде Бекир Чобан-задени косьтере билемиз [2].

Бир сонъраки несильнинъ фаджиасы – II Дюнья дженки ве сюргюнлюк фаджиалары. Иште бу экинджи несильнинъ белли темсильджилеринден бири, юксек сесли шаир Сеитумер Эминдир.

«Ватан, Ватангъа асретлик, тувгъан топракъ, гъурбетлик» мевзуларынынъ бизим эдебиятнынъ табий мевзусы оларакъ корюне. Тарихымызны козь огюмизге алсакъ, эльбет.

Сейитумер Эминнинъ аят ёлу

Сеитумер Эмин 1921 сенесининъ 15 майыс куню Багъчасарайнынъ Албат коюнде догъды. Генч Сеитумер 10 сыныф мектебини битирген сонъ район газети «Ударник»те месуль кятип олуп чалышты. Язылары Къырымнынъ чешит периодик неширлеринде басылды.

---

[1] ***Джелилова Ленияра Шакировна,*** к. филол.. н., доц. кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

Озю, 1941-де дженкке гонъюлли оларакъ кете. Акъяр шеэр мудафаасында булунып яралана. 1942-ден башлап, Сочиге эвакуация олунгъан «Къызыл Къырым» газетинде чалыша.

С. Эмин Къырым орманларында партизанлыкъ япып, ильки шиирлерини яза. Листовка ве «обращение»лерни язып дагъыта эди. Бу листовкаларда чокъ кере озь шиирлерини къуллана эди.

Сюргюнликтен сонъ «Фархад» ГЭСте культработник олуп чалышты. 1948-де сюргюн этильгенлерден бу ерде бир ансамбль топлай.

Айны йылларда Сеитумер Эмин Госкино секторында чалышты.

1965–1971 сенелери Ташкенттеки Гъ. Гъулам нешриятынынъ къырымтатар болюгининъ редакторы ола. Гъыябен САГУ алий окъув юртыны битире.

1968-де Ташкентте «Беяз чичеклер» адлы китабы чыкъа. 1969-да Ташкентте «Атешли куньлер» адлы китабы, 1971-де исе Ташкентте «Ираде дерьясы» адлы романы чыкъа.

С. Эмин 1972-де Новороссийск шеэрине коче. Бу ерде кене Госкино структурасында чалыша. Лякин Ватангъа къайтув умютинен яшай ве эдебий яратыджылыгъыны девам эттире. Ватангъа асретликни ифаде эткен шиирлерни язып, неширлерде бастыра.

1977-де Краснодарда русча оларакъ «Опаленные волны» адлы шиирлер китабы чыкъа. С. Эмин 1980-де айны шеэрде рус тилинде «Дорога» адлы шиирлер китабы чыкъа.

Сеитумер Эмин 1990-нджы сенелерде Къырымгъа кочип ерлеше. Украина культура эрбабы мукяфатыны къазангъан эдебиятчымыз 1994-де Акъмесджитте «Сенинъ йылдызынъ» адлы романны нешир эте [18].

Языджы Сеитумер Эмин 2004 сенеси Акъмесджитте вефат эте.

Сеитумер Эминнинъ ильк эсерлери

С. Эмин даа еди яшында олгъанда, бабасы чёльге захире алмагъа кеткенде, бир рус хырсыз оны пычакълап ольдюре. Анасы колхозда чалыша. Койде 4-нджи сыныфны битирген сонъ, кичик Сеитумер Диванкойде орта мектепте окъуй. Сонъра Буюк Озенбаш коюне авуша ве 1939 сенеси мектепни битире.

С. Эмин 1941 с. гонюлли оларакъ дженкте. 1942 с. Сочиге авушкъан «Къызыл Къырым» газетинде чалыша. 1944 сенеси партизанлыкъ япа. Иште бу неширлерде дженктен эвель генч языджынынъ ильк шиирлери басыла [18].

С. Эмин бедиий яратыджылыкънен та генчлик чагъындан огърашып башлады. Онынъ макъалелери, очерк ве шиирлери район ве джумхуриет газеталарында басыла эди. Аркъадашлары аскерликке кеткенде, олргъа багъышлап язгъан «Аркъадаш, ёлгъа!» серлевалы манзумеси онынъ ильки язгъан шири олды.

Сюргюнлюк вакъытында С. Эмин семерели иджат эте. О, эсерлерни эки тильде – къырымтатарджа ве русча сербест язгъан эдиплеримизден эди. Онынъ ильк шиирлер джыйынтыгъы 1968 сенеси Ташкенте дердж олунды. Бу «Беяз чичеклер» серлевалы китабындаки эсерлери чешитли мевзуларда язылгъан эди.

Шу девирде энди эдебиятта ильки эсерлерини та дженктен эвель бастырып башлагъан орта несиль эдебиятчылары: Риза Халид, Сеитумер Эмин, Энвер Селямет, Ремзи Бурнаш, Черкез-Али, Якъуб Зекки, Джевдет Аметов, Джеваире Меджитова, Юнус Темиркъая, Амет Мефаев, Зейнеп Аббасова, Мамбет Алиев, Ибраим Паши, Эшреф Ибраим ве дигерлер эдебиятта фааль чалышып башладылар. Олардан Риза Халид, Сеитумер Эмин, Энвер Селямет, Якъуб Зекки, Черкез-Али, Джевдет Аметов. Ремзи Бурнаш, Ибраим Паши сонъундан СССР языджылары бирлигининъ азалары олды.

Несир жанрынынъ энъ колемли шекили олгъан романлар язылгъаны эдебиятымызнынъ черчивеси бир дередже даа кенишлегенини косьтермекте. Шамиль Алядиннинъ «Эгер севсенъ» (1961 с.) ве «Рузгярда саллангъан фенерлер» (1969 с.), Юсуф Болатнынъ «Саф юреклер» (1962 с.) ве «Анифе» (1969 с.), Решид Мураднынъ «Дагълар сонатасы» (1968 с.), Сеитумер Эминнинъ «Ираде дерьясы» (1971 с.), Черкез-Алининъ «Сабалар къучагъында» (1973 с.) ве саир романлар бу фикиримизнинъ исбаты ола биле [18, с. 9].

Сейитумер Эминнинъ Ватан мевзулы эсерлери

Ватанперверлик Сеитумер Эминнинъ эм шахсий омюринде, эм меслекий яшайышта пек белли оларакъ огге чыкъмакътадыр. Огълу дюньягъа кельгенде онъа озь коюнинъ адыны бере де Албат деп къоя. Къызы исе дюньягъа кельген сонъ адыны Лейля деп берелер.

Ясакълар ве цензура вакътынде шаир эр бир шииринде Ватанны гизлиден олса да ифаде этмеге тырыша. Лякин ашкъ мевзулы шиирлеринде «ана топракъ», «ешиль ада», «денъиз», «чал далгъалар», «сельби» киби Къырым табиатынен алякъалы бир такъым сёз ве ибарелерни къуллана [1].

Топрагъым

Йылдызлар омузуна басып мен
***Кок**лерде юрьсем де,*
Эп санъа бакъарым,
***Топраг**ъым.*
***Денъиз**лер севсем де,*
*Къанатлы **далгъа**ны опьсем де,*
Асыл мен,
Кене де
Ялынъа ялдарым,
Топрагъым.

Бу сатырларда шаир даима табият элеменлерини къуллана, эм де Къырымгъа хас базы маналарны ишлете. Булар денъиз, далгъа, ялы.

Мен сенинъ коксюнъде
***Тамыр**лар аттым.*
Мен сенинъ коксюнъде
Къанатлар такътым,
Мен сенинъ коксюнъде
Къанларгъа баттым.
Севгимни,
Бахтымны мен сенде таптым,
*Деделер **Ватан**ы –*
*Азиз **топраг**ъым.*

Шаир тамырларны хатырлай. Ватаннынъ топрагъыны санки инсаннынъ багъры, кокси оларакъ коре. Ве эждатларны (деделерни) анъып, топракъны азиз бир мекян оларакъ косьтере.

Чокъ джефа корьген чыдамлы багърында
Бабамнынъ, дедемнинъ мезары къалды.
*Яшлыгъым кечти **топракъ-таш**, **дагъ**ында…*
Сенинъчюн тельмирдим, юрегим талды.
***Асрет**ли козьлерим **ёл**ларда къалды…*

Бутюн шиир боюнджа Къырымнынъ табияты, ташы-топрагъы, ёллары, атта эски къабирлер, мезарлар инсанда асретлик дуйгъусыны къозгъалткъан ве ватанны ис эттирген насылдыр нокъталар оларакъ ишлетиле.

Шаирнинъ озю эр бир шииринде – «къальб», «гонъюль» ве «джан» сымасы бардыр.

Ана-ватаннынъ гузеллигини эм бульбуль сайрай, эм денъизнинъ далгъалары, эм де озен сувлары шырныкълы сеснен шувулдайлар. Ватан сувы басит бир сув дегиль, мытлакъ –

шербеттир. Ватаннынъ коктеки йылдызлары да ич бир ерде парылдамагъандайын тек Къырым устюнде парылдайлар.

Меним юртум

*Меним **юрт**ум **къая**лы, **дагъ**лы…*
Анда йылдызлар йырлай бульбульдай.
***Сув**лары салкъын, шербеттен татлы…*
***Далгъа**лар устюнде ай ялдай.*

Санки о бир топ гуль ялыда –
*Далгъалы **денъиз**нинъ коксюнде.*
Дердинъе дерман тапарсын анда,
Серин танъ еллери эскенде.

Шаир Къырым сёзюне пек чокъ гузель синонимлер де къуллана: «ана-юрт», «ана-Ватан», «Ешиль Ада», «Азиз топракъ». Атта шаир ичюн ич бир вакъыт ватан оламагъан Озьбекистаннынъ Фергъанасыны айны шу шиирде зыт маналы бир элемент оларакъ къуллана.

Башынъны чалманен саргъанда думан
Кевдеси сачакълы ялыда, –
*Дерсинъ, келиндай бу **ешиль Ада***
Дюньяда,
Тенъешсиз догъгъан.

*Бугунь мен ойланам **юрт**умдан авлакъта.*
Бар аят джанлана
Козюм алдында.
Истер – сёг,
Истер – сев,
Мен сана мусафир кельдим гузель Фергъана.

Фергъана ичюн ялынъыз «гузель» сыфатыны къулланыр экенде, Ватан ичюн исе «назик келин» манасыны къуллана. Яни даима тазе, нарин, токъунылмаз, пак, кирленмез, тувгъан ве даима азиз Къырым.

*Къулан чёллеринъ бенъзер **денъз**име.*
*Памукълар обасын **Чатыр**гъа ошатам.*
Сен кулип бакъсанъ да бенъзиме,
Бу къара кедерли куньлерни унутмам.

Эмек бирлигинъ сес бере коклерге.
Толу дастархан – достларгъа софранъ.
Эгер де мен къайтыр экеним койге,
Яшынъны, къартынъны чагъырам мехман.

Лякин бу ширинде шаир озьбек халкъына ве топрагъына миннетдарлыкъ ве вефа дуйгъуларыны бильдире. Буны да самимийлик иле беджере. Къыяслав усулынен «къаве – чайхана», «къаве – чай», «дастархан – софра», «дост – мехман», «Къулан чёллер – денъиз», «кок чай – джезве» киби фаркълы маналы (къырымтатар – озьбек) сёзлерни къуллана.

*Къурармыз **ялы**да къаве-чайхана…*
***Далгъа**лар коксюнде къаве, чай ичермиз.*
Дост ве шадлыкънен къувана-къувана,
Земане ёлуны бирликте кечермиз.

Юреклер яныгъын сёндюрир кок чай.
Къайнасын джезвелер, къайнасын!
***Къырым**лы – докъсангъа кирген чал,*
***Къырым**да яшасын, яшасын!...* 1963 с. [7, с. 35].

Шаирнинъ асыл сёнмеген ве тынмагъан ярасы – асретликтир. Буны тек Ватангъа асретлик оларакъ къайд эте билемиз.

Инсан оларакъ эр шейге малик бир шахс (шаир), лякин буларнынъ ич бир бахты ве къадри ёкъ Ватан ёкълугъы бар экенде. Шаир озюни даима Ватан огъруна феда этмеге, къурбан олмагъа азыр олгъаныны ифаделей.

Эй, Ватан!

*Эй, **Ватан**, гузель **Ватан**.*
Бар Дюньяга нам бердинъ.
Сенинъ ичюн джан къурбан.
Аллы-гуллю чемберсинъ.

*Эй, **Ватан**, ана Ватан.*
*Санъа **асрет татар**лар.*
Козьяш тёкип ёлларда
***Сюргюнлюк**тен къайталар.*

*Эй, **Къырым**, азиз **Ватан**.*
Савулмагъан ярамсынъ.
*Эй, **Ватан**, гузель **Ватан***
***Татарлыг**ъым, анамсынъ.*

*Эй, **Ватан, Къара денъиз**.*
*Чал **далгъа**лар седасы.*
*Эй, **Ватан**, гонълюм темиз,*
Дерсинъ баарь сабасы.

Татарлыкъ ватансыз, ватан да татарсыз олалмай. Бир инсаннынъ аятында энъ муим, энъ ильки ихтияджлар: *ватан, топракъ, ана, тиль, иман* ве *азатлыкъ*. Булар эписи Сеитумер Эминнинъ шириетинде биринджи сыра алгъан къыйметлер.

*Эй, **Ватан**, гузель Ватан.*
Дестан олдынъ тиллерде.
Сенсинъ бабам, сенсинъ анам.
Сенчюн яндыкъ дженклерде.

*Эй, **Ватан**, дживан **Ватан**.*
Бульбуллеринъ охшайлар.
Серин елли сабаларынъ,
Гузеллерге ошайлар.

Дюньяда къыймети, фияты оламагъан яки билинмеген, сатыламагъан, денъишмеген ве гъайып этильмеген бир къач муим шей бар. Буларнынъ энъ къыйметлиси, энъ биринджиси Ватандыр. Шаиримиз Сеитумер Эмин бутюн эдебий иджадыны бу мевзугъа, бу къыйметке багъышлагъаныны коре билемиз. Бу шаир – Ватан эм дживан (яни севгили), эм мераметли ана, эм шевкъатлы баба, эм де сабий, къорчалавсыз бир бала оларакъ косьтере. Ватан бизге, биз де Ватанъа мытлакъ ве даим мухтаджмыз ве ялынъыз онъа багълымыз.

*Эй, **Ватан**, ана **Ватан**.*
Бар Дюньяда тек сенсинъ.
*Эй, **Ватан**, дживан **Ватан***
Сенинъ ичюн джан къурбан. [7, с. 61–62].

ХХ асырнынъ экинджи ярысында иджат эткен къырымтатар эдебиятчылары озь бедиятларында пек махаретли эдилер. Булар къолай ве самимий ифаделерни къулланып, джанлы тасвирнинъ билинген ёлларыны кечелер. Бойле шаирлерден бири Сеитумер Эминдир.

Онынъ шириетинде юксек бедиий шекиль ве нефис мевзуларны дегиль де, лирик дуйгъунынъ, сёз назиклигининъ ве реализмнинъ ифадесини коре билемиз. «Дженк сафларынынъ шаири» яки «дженгявер рухлы шаир» деп адландыра билемиз Сеитумер Эминни шаир оларакъ. О, тамам озь девирининъ парлакъ темсильджисидир.

Халкъ арекетинде иштирак эткени ичюн даима КГБ ве милиция хадимлерининъ такъиби астында булунгъан языджымыз бунынчюн Краснодаргъа коче. Анда да иджадыны девам эттире. Халкъ арекетининъ тамам меркезинде ер ала.

Сейтумер Эминнинъ ана-Ватаны Къырымда 2000 сенеси энъ салмаклы китабы («Сенъ олмасанъ…») чыкъа, бу шиирлер китабы Ватанда дюнья юзи коре. Шу китапкъа озю язгъан кириш макъалесинде акъсакъал шаиримиз «Мен, 35–40 къырымтатар языджылары кенъешининъ азасым. Украинада нам къазангъан медениет эрбабым. 40 йылдан берли Журналистлер бирлигининъ азасым», – деп гъурурнен къайд эте. Бу – онынъ ифтихар дуйгъусы иле язгъан сёзлери. Шаир озь миллетине, миллий давагъа садыкъ эвлят оларакъ къараманджа омюр кечирди ве эдебиятымызнынъ, миллий арекетимизнинъ тарихында айрыджа муим ер алды [6, с. 159].

Джелилова Ленияра Шакировна

Особенности поэзии Сеитумера Эмина

Аннотация. *С. Эмин поэт, писатель, переводчик и публицист крымскотатарской литературы середины и конца ХХ в. Он известен своим ярким литературным творчеством, необычным поэтическим слогом, особенно выразительным языком. С. Эмин знаком и любим читателями за простой и искренний стиль повествования. При этом поэт всегда и неизменно использует классические литературные приемы. Высокий художественный стиль, традиционные формы стиха С. Эмина, близкое нам содержание его литературных произведений, чувственный лиризм граничат с «прозой» жизни и реализмом.*

Патриотическая поэзия нашей литературы ярко отражена в стихах С. Эмина. Именно этот стиль и формы мы попытались анализировать в данной работе, приобщив к статье 14-ю годовщину смерти поэта.

Ключевые слова: *крымскотатарская поэзия Сеитумер Эмин, патриотика.*

Dzhelilova Leniyara Shakirovna

The main traits of Seitumer Emin's Poetry

Abstract. *The article deals with the style and form of Seitumer Emin's poetry. Seitumer Emin is the Crimean Tatar poet, writer, translator and publicist, used to publish his works in the middle and the end of the 20th century. He was known for his vivid literary work, an unusual poetic syllable, especially expressive language. Seitumer Emin became popular among the readers for his simple and sincere style of narration. Moreover, the poet invariably used classical literary devices. The high artistic style, content, traditional forms of Seitumer Emin's verse, sensual lyricism were close to the reader, bordering with the "prose" of life and realism.*

The patriotic poetry of Crimean Tatar literature is vividly reflected in Seitumer Emin's poems.

Keywords: *The Crimean Tatar Poetry, Seitumer Emin, Patriotics.*

Эдебият:

1. Азизов Дж. Алтын кузьнинъ пишкинлиги. (С. Эминнинъ яратыджылыгъы акъкъында) / Дж. Азизов // Йылдыз. – 1987. – № 4. – С. 100–102.

2. Ватарпервер дженкчи шаир. (Сеитумер Эминнинъ 70 йыллыгъы мунасебетинен) // Йылдыз. –1991. – №6. – С. 141.

3. Керимов И. Халкънынъ азатлыгъы огърунда буюк хызмет // Йылдыз, 1983, № 5. – С. 98–101

4. Кокиева А. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи (9-нджы сыныф ичюн) / А. Кокиева. Акъм.: Къырымдевокъувпеднешир, 2002.

5. Мирошниченко М. Кунештен бир парча. Къырымтатар шииријети антологиясы. XIII-XX асырлар / сост.: М. Мирошниченко, Ю. Къандым. – Киев, 2003. – 786 с.

6. Сеитумер Эмин (Некролог) // Йылдыз. – 2004. – № 2. – С. 158.

7. Сен олмасанъ… (Языджы Сеитумер Эминнинъ догъгъанына 80 йыл толды) // Йылдыз. – 2001. – № 3. – С. 146–148.

8. Фазыл Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи / Р. Фазыл, С. Нагаев. – Акъм.: Къырымдевокъувпеднешир. – 2001. – С. 29–38.

9. Эмин С. Эмен. Корьдинъми? Геджелер. Ёлджы. Сенинъ кулюшинъ. Беяз чичеклер. Излеринъ. Ягъмур. Тюшюндже. Турналар. Узьме гонджелерни: Шиирлер / С. Эмин // Йылдыз. – 1983. – № 5. – С. 107–109.

10. Эмин С. Несиллер эшкъына: Шиир / С. Эмин // Йылдыз. – 1985. – № 3. – С. 22.

11. Эмин С. Ана топракъ: Шиир / С. Эмин // Йылдыз. – 1990. – № 5. – С. 74–79.

12. Эмин С. Къозгъама эски дертлерни. Мен сени джойгъан сонъ. Тул къадын. Денъизге! Денъизге! Джами огюнде. Къырымлы татарнынъ анты. Не къалды манъа. Джанымны якъты: Шиирлер / С. Эмин // Йылдыз. – 1992. – № 4. – С. 171–177.

13. Эмин С. Джевиз тереги. Къузгъунлар. Сеферлер ёлунда: Шиирлер / С. Эмин // Йылдыз. – 1994. – № 2. – С. 100–105.

14. Эмин С. Гъонъюльде аля доланыр ойлар. Ольсем де, къалсам да. Къарылгъач. Корьмесин козюм. Байрамлар хайырлап: Шиирлер / С. Эмин // Йылдыз. – 1995. – № 2. – С. 40–45.

15. Эмин С. Ана тили: Шиир / С. Эмин // Йылдыз. – 1998. – № 7. – С. 82.

16. Эмин С. Сен олмасанъ – Если б не было тебя / С. Эмин. – Симф.: Доля, 2000. – 320 с.

17. Юнусов Ш. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века / Ш. Юнусов. – Симф.: Доля, 2004. – 168 с.

18. Юнусова Л. Крымскотатарская литература / Л. Юнусова Л. – Симферополь: Доля, 2002. – 343 с.

УДК: 821.512.19

Салядинов Къубедин Усеинович[1]
E_mail: nii_kipu@mail.ru

Терджимеджилик илиминиңъ пейда олувы

Анълатма*. Макъаледе къырымтатар тилинде терджимелик саасында япылгъан бириндже адымлар акъкъында лаф кете. Даа XV асырнынъ сонъунда къырымтатар ханлары ве рус боярлары арасында язышмалар ве ресмий мунасебетлер башлана. Эльбетте, бу алякъалар терджиманларсыз олып кечмек мумкюн дегиль эди. Ве шу девирде къырымтатарлар арасында бириндже терджимелер япкъан терджиман-бахшийлер пейда ола ве бу меселе тез вакъытта аль олуна.*

Анахтар сёзлер*: терджимеджилик, эльчилер, бахшилер, Тыш ишлер назирлиги, терджимеджилик теджрибеси, къырымтатар ярлыкълары, малюматлар, тафсилятлы.*

Терджимеджилик фаалиетининъ колеми ве эмиетининъ шиддетли осюви, алимлернинъ дикъкъатыны четте къалдырмады. Терджимеджиликнинъ чокъ асырлыкъ тарихы девамында, бу джерьяннынъ насылдыр фикир этмек ве мана чыкъармакътан етишмемезлик олмады. Онынъ, яни терджимеджиликнинъ эсас къыйынлыкъларынынъ себеплерини айдынлатып ве оларны озь ишлеринде омюрге кечирмек ичюн къулланма олды. Терджимеджилик акъкъындаки айтылгъан фикирлернинъ чокъусы мешур сёз усталарына аиттир, о муэллифлернинъ арасында Цицероннынъ, Лютернинъ, Гётенинъ, Пушкиннинъ, Белинскийнинъ ве дигерлернинъ адларыны тапмакъ мумкюн. Тек XX асырнынъ ортасында терджимеджилик джерьяны эр тарафлы ильмий теткъикъатнынъ объекти олды. Шу девирде терджимеджилик джерьяннынъ назарий моделини мейдангъа кетирмек ичюн ильк арекетлери япыла. Оны дигер нутукъ я да эдебий фаалиеттен айыргъан, онынъ озьгюнлигини бельгилеген, тамам шу тарафларыны тасвир этмек ичюн бириндже арекетлер япыла. Терджимеджилик меселелери, тильджилернинъ дикъкъатыны джельп этти, ве терджимеджиликни огренюв, лингвистиканынъ анъламалары ве ыстылаларынен файдалангъан махсус лингвистик илим сыфатында шекилленип башлады.

Терджимеджилик акъкъындаки илим тильшынаслыкънынъ хусусий саасы сыфатында шу девирде мейдангъа кельгенини тесадуфий ал дегиль эльбетте. Бу вакъиа бир сыра объектив себеплернен багълыдыр. Башта бир шу девирде терджимеджилик фаалиетининъ ильмий шекильде фикир этмек кереклиги ачыкъ айдын корюнип башлады.

Йигирминджи асырнынъ ортасында терджимеджилик фаалиетининъ тек мыкъяслары дегиль де, хусусиети де денъишти. Бириндже ерге (огге) малюматлы яни информатив терджиме теклиф этильди, чюнки онынъ нетиджесинде бири-бирини денъиштирип эки ве ондан чокъ тильде олгъан аутентик яни бир бирине якъын метинлер олмалыдыр. Терджименинъ догърулыгъына талаплар баягъы бир артты. Терджиме бу ерде асыл метиннинъ тиль нормаларыны бозмайып малюматны эр тарафлама акс этмек керек. Терджиманлыкъ фаалиетинде терджимени дигер тиллерден этильген: икяе этмек, изаатламакъ ве дигер жанрлары айырылып чыкъа [1, с. 5–8].

Энди биз къырымтатарларынынъ тарихында терджимеджилик илиминиңъ мейдангъа келюви тарихыны, бириндже адымларыны япкъан терджимеджилер акъкъында меракълы малюматларны сизге теклиф этеджекмиз.

---

[1] ***Салядинов Къубедин Усеинович,*** переводчик лаборатории учебной литературы на крымскотатарском языке и языках малочисленных этносов Крыма НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

Къырым ханлары ве Москва князларынынъ эльчилер иле багълары ве язышмалары ресмий оларакъ 1474 сенеси башланса да, бундан эвельки йылларда да (1465–1467) хаберлешмелери олгъаны да беллидир.

1474 с. рус бояры Никита Васильевич Беклемишев Москва улу князи Иван III Васильевичнинъ эльчиси сыфатында Къырымгъа келип Менъли Герайнынъ янында булунды. Эки девлетнинъ (Къырым ханлыгъы ве Москва княжествосы) достлугъы ве къардашлыгъы хусусында эльчилер анълашма кестилер, яни Иван III Васильевич хач опюп, Менъли Гирай исе Юдже Аллахнынъ ирадегеси иле емин эткендирлер.

Ишбу ве бундан сонъки антлашмалар весикъаларынынъ асыл нусхалары (оригиналлары) бугуньде Москва Тиш Ишлер Назирлигининъ архивинде сакълы турмакъта. Бизим мерагъымызны чеккен шейлерден бири – ишбу анълатма ве анълашма весикъаларынынъ къырымтатарджадан русчагъа ве русчадан къырымтатарджагъа язылы шекильде кимлер чевирди? Табий ки, заманына коре, бир сыра бахшилер (кятиплер), тильмачлар ве терджиманлар бар эди. Амма якъында таныш олунгъан весикъадан белли олгъанына коре, къырымтатарджадан русчагъа ве русчадан къырымтатаджагъа терджиманларнынъ энъ намлысы XV асырнынъ сонъларындан рус эльчилигинде ресмий хызметте булунгъан Къырым ханлыгъынынъ тебаасы Абляз-бахши эфендидир [2, с. 3].

Рус тарихчиси профессор М.Н. Бережковнынъ (1850–1932) ИТУАКта басылгъан «Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505 гг.)» макъалесинде Абляз-бахши иле багълы бойле хабер берильмекте: 1489 сенеси (Москвада) рус эльчилигинде Абляз-бахши исмиле хусусий бир къырымтатар терджимеджиси пейда ола. Бу адам улу князнынъ Къырымгъа адалгъан «Грамота»ларыны «къырымтатарджа» языларынен язып, Къырымдан кельген ярлыкъларыны исе русчагъа чевире. Буюк ихтималы бар ки – дей Бережков – рус эльчилиги Абляз-бахшининъ терджиманлыкъ истидаты ве теджрибесинен файдаланып, эльчиликнинъ язышмаларыны даа толу ве сыфатлы ямакъ истегендир [3]. Ве, акъикъатен, бу терджимеджи пейда олгъан сонъ, весикъа метинлерининъ даа да тафсилятлы олгъанлары корюнмекте.

М.Н. Брежковнынъ макъалесинде Абляз-бахшинен багълы даа бойле левха да булунмакъта: 1502 сенеси Къырым ханы Менли-Герайнынъ балалары Мехмет-Герай ве Ахмет-Герай ве онынъ агъасы Ягъмурджы бахшилер истеп Къырым эльчиси Арван иле Иван III Васильевичке ярлыкълар ёллагъанлар. Бу ярлыкълар къайд олунмайып эписи Абляз-бахшиге берильген. Буларнынъ къайд олунмагъанларынынъ себеби, ашагъыдаки тюшюнджелерни догъурмакъта. Биринджиси, Абляз-бахши буларны русчагъа терджиме этмекни етиштирмегендир ве, экинджиси, эльчиликте Къырым тарафындан арз этильген бахшишлерни бермекни истемейип, къайдгъа алмагъандырлар.

Абляз-бахшининъ шахсиети ве онынъ япкъан терджимелеринен профессор М.Н. Бережков айырыджа меракълана. Тапкъан малюматларыны ве озюнинъ къайдларыны бир арагъа кетирип топлай. Ве атта Абляз-бахши хусусында тафсилятлы бир язы язмакъ истегини бильдире. Амма бу язы язылдымы, ёкъмы – белли дегиль. Эр алда М.Н. Бережковнынъ чалышмалары джедвелинде бунъа бенъзер шей расткельмеди.

Сайгъылы достлар, келеджектеки макъалелеримиде биз терджиманлыкъ илимини инкишафы, бу илимге буюк иссе къошкъан эдиплер акъкъында даа да меракълы малюматлар тапып сизнинъ дикъкъатынъызгъа теклиф этеджекмиз.

Салядинов Кубедин Усеинович

Возникновение науки о переводе

Аннотация*. В статье говориться о первых шагах, сделанных крымскими татарами в переводческой области. Ещё в конце XV века между крымскими ханами и русскими боярами начинаются переписки и официальные отношения. Конечно, эти отношения*

без переводчиков проходить никак не могли. И в это время, среди крымских татар, появляются первые переводчики – бахшы, и эта проблема в скором времени находит своё решение.

***Ключевые слова**: переводческое дело, послы, бахшы, Министерство Иностранных дел, переводческий опыт, крымскотатарские ярлыки – грамоты, сведение, подробно.*

Salyadinov Kubedin Useinovich

The emergence of the science of translation

***Abstract**. This article refers to the first steps taken by Crimean Tatars in the translation field. As early as the end of the 15th century, correspondence and official relations began between Crimean khans and Russian boyars. Of course, these relations could not be established without translators and interpreters. Just at this time among the Crimean Tatars first translators – bakhshy appeared, and this problem quickly finds its solution.*

***Keywords**: translation studies, ambassadors, bakhshy, Ministry of Foreign Affairs, translation experience, letters of Crimean Tatar khans, information, in detail.*

Эдебият:

1. Комиссаров В. Слово о переводе / В. Комиссаров. – М.: Изд-во «Международные отношения». 1973. – 216 с.

2. Керимов И. Абляз-бахши эфенди (къырымтатарджадан русчагъа ресмий терджимелернинъ 550 йыллыгъы) / И. Керимов // Янъы дюнья. – 2017. – № 31. – Авг. 11.

3. Бережков М. Древнейшая книга крымских посольских дел / М. Бережков // Известия Таврической учёной Архивной Комиссии. – 1894. – № 21. – С. 27–55.

УДК: 82.09(=512.145)

Бекирова Ольга Валерьевна[1]
E_mail: lennur@list.ru

К вопросу изученности литературы крымскотатарской диаспоры Румынии

Аннотация: *Статья анализирует степень изученности литературы крымскотатарской диаспоры со стороны отечественных и зарубежных тюркологов. Кроме того, даётся общий анализ условий формирования и развития эмиграционной литературы в Румынии, обозначаются основные издания, как периодические, так и отдельно взятые литературно-художественные.*

Ключевые слова: *румынская диаспора, крымскотатарская литература, Добруджа, «Критерион», «Эмель».*

Литературе крымскотатарского зарубежья в целом, а её разделу, касающемуся румынской диаспоры, в частности, в крымскотатарском литературоведении, к сожалению, уделяется недостаточное внимание. Между тем, литература эта начала формироваться ещё на территории Османской империи и продолжает развиваться по сей день. И если турецкая литературная диаспора на Балканах находится под пристальным вниманием тюркологов, то крымскотатарские авторы изучаются в комплексе со всеми тюркоязычными и весьма поверхностно.

В целом же большинство зарубежных исследователей не обособляют крымскотатарскую литературную диаспору в Румынии [3, 11, 15, 16, 20]. Они основываются скорее на географическом факторе – Добруджа, как область, что является частью современных Болгарии и Румынии – и выделяют три основные тюркские народности, проживающие там: турки, “крымские турки” (крымские татары) и гагаузы [14, 16, 21, 22, 23]. «Крымских турок» при этом разделяют на татар и ногайцев [14, 23], признают, что в количественном составе на данной территории они не уступают туркам, а на территории юго-востока Балканского полуострова появились даже раньше: уже в 13 веке (как в качестве исповедующих христианство огузов и кыпчаков, так и татар-мусульман) [3, 18, 20]. Тюркоязычные гагаузы, проживавшие на территории Молдовы, часть которой (Бессарабия) с 1918 по 1944 года входила в состав Румынии, так же представляли собой значительную часть населения Добруджи [10, 15, 16, 22].

Исходя из этого подавляющее большинство исследователей подвергают анализу тюркоязычную литературу Балканского полуострова в целом, а если и останавливаются непосредственно на Румынии, не разграничивают творчество крымскотатарских, турецких и гагаузских поэтов и писателей, что в корне не верно.

В изданном в 2013 году сборнике тюркоязычных поэтов Балканского полуострова и Кипра «Kibris ve balkanlar’da türk şiiri» [17] представлено 113 поэта, однако исключительно произведения авторов из Румынии даются с отдельным переводом на турецкий язык. В предисловии к сборнику указывается, что «данные стихотворения написаны языком, отличающимся от языка иных стихотворений, авторы которых географически соотносятся с Балканским полуостровом, им свойственно использование татарского наречия, они обла-

[1] ***Бекирова Ольга Валерьевна,*** аспирант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь).

дают особенностями, присущими поэзии крымских турок… Крым и его восхваление – вот основные темы. Кроме того, любовь к родине, её природе и свободолюбие» [17, с. 15].

Говоря о зарубежных исследованиях в области тюркоязычной литературы Румынии, следует выделить статьи «Romanya'da türk halkları edebiyati» (1997) [15] и «Romanya'da türk edebiyati ve temsilcileri» (2010) [16] Яле Исмаиловой / Jale Ismailova (Азербайджан), работу доктора Мехмета Наджи Онала / Mehmet Naci Őnal (Румыния) «Romanya Türklerinin Günümüz Edebiyatı» (1997) [20], в которой представлена жанровая классификация произведений крымскотатарских авторов, статью тюрколога Назлы Айташ / Nazlı Aytaş (Турция) «Romanyada Türk Edebiyatı» (2017) [11], где перечисляются 24 представителя тюркоязычной литературы Румынии, писавших или пишущих на крымскотатарском языке.

Наиболее детальным исследованием деятельности исключительно крымскотарской литературной диаспоры в Румынии на настоящий момент является двухтомник «Romanya Türk-Tatar Edebiyatı» [18] доктора Недрет Али Махмут / Nedret Ali Mahmut. Первый том данного издания посвящён поэзии и прозе, второй же охватывает драматургию. В этой работе, однако, наряду с румынскими крымскотатарскими авторами даются литераторы, никакого отношения к Румынии не имеющие, как, например, Исмаил Гаспринский, Амди Гирайбай, Номан Челебиджихан, Бекир Чобанзаде, но совсем не упоминаются значимые представители диаспоры – Экрем Менлибай / Ekrem Menlibay, Пирае Кадри-заде / Piraye Kadrizade, Гунер Акмолла / Güner Akmolla.

Деятельность непосредственно крымскотатарских поэтов и писателей, творивших на территории юго-востока Балканского полуострова – Румынии и Болгарии – до сих пор не стала предметом конкретного и основательного исследования и со стороны отечественных тюркологов.

Обусловлено это рядом факторов, основным из которых, бесспорно, является депортация и потеря многовековых связей, политические преследования и запреты. Лишь в конце 90-х прошлого столетия увидели свет первые работы крымских авторов, статьи и учебники, обобщающие работы по истории крымскотатарской зарубежной литературы: Э.Э. Къуртумеров «Къырымтатар иджрет эдебияты» (2002) [6], «Иджреттеки эдебиятымыз тарихына къыскъа бир назар» (2005) [7], Ю. Алиев «Четэль къырым миллий эдебиятына бир назар» (2007) [1].

Однако и в данных работах деятели крымскотатарской зарубежной литературы представлены комплексно, румынская диаспора не рассматривается отдельной главой. Объясняется это, по всей видимости, тем фактом, что большинство авторов не имели постоянной географии пребывания, рождались, жили и уходили из жизни в абсолютно разных странах, что весьма затрудняет вопрос определения принадлежности их к той или иной литературной диаспоре.

В пример можно привести Саима Османа (Saim Osman Karahan), который родился в Констанце в 1939 году в семье крымских эмигрантов, рос в атмосфере глубокого уважения и любви к далёкой родине, ещё в молодости начал писать стихи на крымскотатарском и румынском, но в 1964 годы был вынужден эмигрировать в Турцию, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Личность его, бесспорно, сформировалась в Добрудже, которой он посвящал свои произведения («Dobruca Hikâyeleri» (2011), «Dobruca Kırım Tatar Ağzı Sözlüğü» (2012), однако большая часть жизни прошла за пределами Румынии.

Достаточно трудно определить принадлежности к литературной диаспоре поэтов и писателей, родившихся на румынской земле, воспитанных в лучших традициях крымскотатарской культуры, но вынужденных покинуть Румынию, либо же оказавшихся в другой стране, не покидая родных мест.

К примеру, поэт Ахмет Исмаил Даут / Ahmet İsmail Daut родился в Силистре в 1918 году, когда этот город и одноименная область входили в состав королевства Румыния, однако

в 40-х годах XX столетия данная территория в соответствии с положениями Крайовского мирного договора перешла к Болгарии [3, 6, 10].

Атилла Эмин /Atilla Emin родился в городе Пазарджик (Болгария) в 1933, но его семья позже переехала в г. Констанца уже в Румынии. В г. Пазарджик родился также и Эмель Эмин / Emel Emin (1938), который среднее (Sofia Türk Pedagoji Lisesi) и высшее образование (Sofia Devlet Üniversitesi) получил там же в Болгарии в г. София, хотя и на турецком языке [18, с. 340]. Мустафа Али Мемет / Mustafa Ali Mehmet (1924) также родился в деревне Gürgenli не далеко от г. Пазарджик. Однако зарубежные исследователи относят вышеперечисленных поэтов и писателей к румынской литературной диаспоре [11, 20, 22].

Основная часть художественных произведений представителей крымскотатарской литературы в Румынии рассеяна по различным газетным и журнальным периодическим изданиям Турции, Болгарии и Румынии: «Emel», «Renkler», «Karadeñiz», «Kadınlar Dünyası», «Kalgay», «Kırım Sedası». Отдельные поэтические и прозаические произведения публиковались крымской прессой: газетами «Литературный Крым», «Янъы дюнья», «Авдет», журналом «Йылдыз». Данный материал требует анализа и историко-литературной оценки.

Работа с авторскими текстами затруднена по множеству причин. Самый яркий и самобытный период в истории литературы румынского зарубежья выпадает на первую половину 20-го столетия. Мы говорим о творчестве Мемета Ниязи, Мемета Вани Юртсевера, Исмаила Зияэтдина, трёх представителях семьи Аджы Фазыл – поэтессы Салии (Салихи) Мемет, Неджипа Аджы Фазыл и юриста, публициста Мустеджипа Улькусала. Ареной для творчества вышеназванной литературной элиты выступал журнал «Эмель».

Данный журнал начал издаваться с 1930 года в г. Пазарчик (Pazarcik) благодаря усилиям группы культурных деятелей во главе с Мустеджипом Аджы Фазылом [4]. Начало Второй мировой и отъезд Аджы Фазыла в Стамбул в 1940 привело к прекращению существования издания. Только лишь с 1961 года одноимённый журнал начал выходить в уже Стамбуле [12].

В течение первых двух лет своего существования журнал «Эмель» выходил 2 раза в месяц, состоял из 8, иногда 12 страниц. В период с 1930 по 1940 гг. в нём было опубликовано 355 политических, научных, исторических статей, 120 стихотворений и 56 рассказов [12].

Журнал выступал также движущей силой, способствующей развитию крымскотатарской эмиграционной драматургии, из его типографии вышли пьесы Неджип Аджы Фазыла «Къырым», «Яш фиданлар», «Къудалыкъ» (1933), Мемет Вани Юртсевера «Къартман джаш арасында», «Байрам», «Оделек» (1934), Исмаила Зиядина «Чорабатыр» (1940) [6, с. 218].

Произведения в журнале «Эмель» публиковались на крымскотатарском языке с использованием арабской графики, что несколько усложняет работу с текстами. На сегодняшний день наиболее детальный анализ журнала «Эмель» можно найти в трудах проф. И.А. Керимова, в частности в «Библиографическом указателе печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг.». Профессор анализирует каждую публикацию, даёт краткий обзор статей, делает пометки с указанием литературного жанра опубликованного произведения («стихотворение», «рассказ», «драма», «письмо», «фольклор» и т.п.). По каждому автору и публикации даётся точное указание номера журнала, года издания и страницы.

Следует отметить, что периодическая пресса на турецком и крымскотатарском языке в Румынии появилась ещё в конце XIX века – начале XX века, и непосредственное отношение к ней имел Мемет Ниязи [4]. На страницах газет «Добруджа», «Харекет», «Садакъат», «Шаркъ», «Седа-и-миллет», «Добруджа седасы», «Тешвикъ», «Ышыкъ», «Танъ», «Мектеп ве аиле» так же представлен обширный исследовательский материал.

В 40-х–50-х годах XX столетия крымскотатарская диаспора в Румынии пребывала в тяжелейших условиях. Множество деятелей культуры, образованных и мыслящих, с активной гражданской позицией были уничтожены или замучены в лагерях. В пример можно привести судьбу Неджип Аджи Фазыла, чья трагическая смерть от рук румынских коммунистов в 1944 году глубоко потрясла соотечественников. Ему поэтесса Гунер Акмолла посвятила поэму “Necip Olmedi” и перевела её на румынский язык [19, с. 231–235].

Всё это нанесло серьёзный удар по литературе крымских татар, отодвинув на десятилетия появление на литературном небосклоне новых талантов. В послевоенные годы продолжительное молчание лишь изредка нарушалось изданиями немногочисленных учебников для школы: Джафар Наги Али-Амет «Татар тили. Грамматика, орфография ве тизим дерслиги. Сыныф 4» (1958), Зияэтдин Исмаил «Татар тили. Грамматика, орфография ве тизим дерслиги. Сыныф 3» (1958), Мемет Абляй «Окъума китабы. 4-нджи сыныф ичюн» (1958) и др. [4].

В 80-х годах, под влиянием мировой общественности, стала заметна либерализация румынских властей в отношении тюркского населения: крымских татар и турок. Вышли из печати тюркоязычные учебники, возродилась писательская деятельность.

Издательский дом «Критерион» (Kriterion kitap uyi) выпустил ряд ценнейших работ по тюркской истории, фольклору и, что не маловажно, на крымскотатарском и на румынском языках [20, с. 17]. Это дало возможность более широкому круги читателей приобщиться к богатому наследию крымскотатарской литературы: *«Boztorgay»* (1980) Ахмета Наджи Али, Мемета Аблая и Нури Вуапа, *«Bülbül Sesi»* (1981) Мехмета Али Экрема, «Tepegöz» (1985) М.А. Экрема и М. А. Хильмий, “Bozcigit” (1988), «Ayuw Kulak Batır» (1991) и “Güldeste” (1991) Недрет и Энвера Махмут, «Toy» (1992) Исмаила Зияэтдина; «Din istoria turcılor Dobrogenı» (1994) Мехмета Али Экрема, «Din Folklorul turcilor dobrogeni» (1997) и «Originea Tătarilor» (1997) доктора Мехмет Наджи Онала.

Сборник «Renkler», выходивший в 1987–1993 годах служил по словам А. Фолькера «в качестве резервуара и платформы для старшего поколения татарских интеллектуалов, которые ещё помнили всё, чему их научила татарская школа до 1959 года, и теперь стремились поделиться своими знаниями» [23, с. 84].

Благодаря журналу «Renkler» широкому кругу читательской аудитории не только в Румынии, но и Турции, Болгарии, Крыму открылось творчество таких поэтов и писателей, как Энвер Мамут (Enver Mahmut), Эмель Эмин (Emel Emin) Мемедемин Яшар (Memedemin Yaşar), Атилла Эмин (Atilla Emin), Исмаил Зияэтдин (Ismail H.A. Ziyaettin), Гунер Акмола (Güner Akmolla).

С 1990 года издаётся газета «Karadeniz» (Marea Neagră), которая по сей день является основным источником информации касательно новейшей истории литературы крымских татар, проживающих в Румынии. В конце 1990 «Karadeniz» была дополнена молодежным журналом «Caş» (Tănărul) и с 2002 года также приложением «Kadın», направленном преимущественно на женскую аудиторию [13, с. 85–86].

Таким образом, можно с уверенностью заявлять, что поэтическое и прозаическое творчество представителей литературной диаспоры крымских татар в Румынии значительно по своему объёму и нуждается в глубоком изучении. Серьёзных научных работ, посвященных непосредственно этому вопросу, на сегодняшний день практически не существует, не смотря на то, что литература это продолжает развиваться и вызывает интерес у широкой аудитории читателей и исследователей.

Bekirova Olga Valeryevna

Literature of the Crimean Tatar diaspora in Romania: reseaches and questions

Abstarct: *The present article analyzes the studies of the Crimean Tatar diaspora literature made by domestic and foreign turkologists. In addition, a general analysis of the conditions for the formation and development of emigration literature in Romania is given, the main publications, both periodical and fiction, are mentioned.*

Keywords: *Romanian diaspora, Crimean Tatar literature, Dobruja, Kriterion kitap uyi, "Emel".*

Литература:

1. Алиев Ю. Четэль къырым миллий эдебиятына бир назар / Ю. Алиев. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2007. – 54 с.
2. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Пособие для учеников старших классов средних школ и студентов вузов специальности «Крымскотатарский язык и литература». – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. – 324 с.
3. Джемил Т. Татары Добруджи и Буджака / Т. Джемил // Золотоордынское обозрение, 2013. – № 1. – С. 164–176.
4. Керим И. Бухарест университетинде къырымтатар тили болюгининъ къыскъа тарихи [Электронный ресурс] / Режим доступа: tatkonvolut.at.ua/publ/folklor/kerim_i_a_bukharest_universitetinde_kyrymtatar_tili_boljuginin_kyska_tarikhi/10-1-0-100 (дата обращения: 24.09.2017).
5. Къанчал Ф. Румыниядаки къырымтатарлар / Ф. Къанчалов // Йылдыз. – 1995. – № 4. – С. 120–125.
6. Къуртумеров Э. Къырымтатар иджрет эдебияты. Окъув къулланмасы / Э. Къуртумеров, Т.Б. Усеинов, А.М. Харахады. – Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 2002. – 256 с.
7. Къуртумеров Э. Иджреттеки эдебиятымыз тарихына къыскъа бир назар / Э. Къуртумеров // Йылдыз. – 2005. – № 6 – С. 129–136.
8. Куртумеров Э. Развитие жанра пьесы в крымскотатарской эмигрантской литературе / Э. Куртумеров // Ученые записки Таврического национального университета имени В.І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 218–224.
9. Сейдаметов Э. Репрессии крымских татар Румынии в коммунистический период / Э. Сейдаметов // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського: Збірник наукових праць. – Випуск 3.35: Історичні науки. – Миколаїв: МНУ, 2013. – С. 188–191.
10. Урсу Д., Сейдаметов Э. Тюрки в этнической истории Добруджи / Д. Урсу, Э. Сейдаметов // Таврийские студии, 2011. – № 1. – С. 42–45.
11. Aytaş N. Romanya'da Türk Edebiyatı [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.zihni.org/2017/04/03/romanya-turk-edebiyati/ (дата обращения: 24.09.2017).
12. Aksu A. Osmanlinin romanya'dan çekilişinden günümüze kadar romanya türklerince yayinlanan gazete ve dergiler ve mektep ve aile mecmuasi [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://eprints.ibu.edu.ba/2221/ (дата обращения: 24.09.2017).
13. Cupcea A. Asserting ethnicity: the tatars from dobruja (romania) / A. Cupcea // Working papers in romanian minority studies. – 2016. – № 63. – 40 p.
14. Giray S. Geçmişten Günümüze Romanya'da Türk Varlığı / S. Giray // Karadeniz Araştırmaları. – Cilt: 5. – Sayı: 17. – Bahar, 2008. – S. 1–31.
15. İsmayilova J. Romanya'da türk edebiyati ve temsilcileri / J. Ismayilova // TSA. – 2010. – Yil: 14. – S:1 – S. 173–185.

16. İsmayilova J. Romanya'da türk halklari edebiyati. Literature of the turkish people in romania / J. Ismayilova // Karadeniz, 1997. – № 5. – S. 173–185.

17. Kibris ve Balkanlar'da Türk Şiiri. – Eskişehir: Türk Dünyası Kültür Başkenti Ajansı, 2013. – 219 s.

18. Mahmut Nedret Ali, Romanya Türk-Tatar Edebiyatı: 2 к. / Nedret Ali Mahmut. – Köstence: Editura Europolis, 2000. – К. 1. – 467 s.; К. 2. – 283 s.

19. Necip Hagi Fazil / Akmolla Güner. – Ed. a 3-a. – Constanţa: Newline, 2009. – С. 231–235.

20. Önal Mehmet Naci, Romanya Türklerinin Günümüz Edebiyatı / Mehmet Naci Önal. – Ankara: Türk Dünyası Dil ve Edebiyatı Dergisi, TDK Yay., 1997. – S. 4, 15–39.

21. Tasin Gemil. Present-day identity issues in the tatar community from dobrudja / G. Tasin // Studia et documenta turcologica. – Cluj-Napoca, 2016. – № 3–4/2015–2016. – С. 87–97.

22. Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi: 32 ciltta [Genel redaktör Nevzat Kösoğlu]. – Ankara, 1999. – 12 с .: Romanya ve Gagavuz Türk Edebiyatı. – 600 s.

23. Volker A. Zwischen rumanischer Heimat und dem Traum von der Krim: das Nationalbewusstsein der Dohrudschatataren von den Anfangen bis in die Gegenwart / Adam Volker // Acta Orientalia. – 2009. – № 70. – P. 61–89.

УДК: 821.512.19(477.75-25)

Сеферова Есма Енверівна[1]
E-mail: seferova.esma@bk.ru

Жіноча проза в кримськотарському та українському постмодернізму

Аннотация. *Магія кримськотатрської та української жіночої прозі виявляється в різноманітних аспектах: композиції, характерах, образах, конфліктах, художніх засобах, природних, органічних зв'язках насамперед з фольклором, живою, усною народною мовою. Найменш дослідженою ділянкою літературознавстві є проблема постмодерністської літератури.*

Ключеві слова: *плюралізм, децентрованість, культурологічна проблематика, фігуративность,біографічний аспект.*

Жодне дослідження постмодерністської прози не обходиться без згадки про жіночу літературу. Постмодернізм в українській і крімськотарської літератури не виняток, але жіноча творчість має тут свої відмінності.

Так, за твердженням Н.П. Бедзіра «постмодерністське бачення світу базується на літературно-критичній практиці деконструктивізму, одним з напрямків якого є фемінізм. Сформувався на хвилі боротьби за емансипацію жінки в кінці XX століття, він проявляє себе як соціальна, філософська, правозахисна, естетична альтернатива логоцентризма в значенні «фаллологоцентризма» [1, с. 196]. В українській літературі обидві перехідні епохи (XIX–XX і XX–XXI ст.) висунули яскраву плеяду талановитих письменниць (Марко Вовчок, О. Кобилянська, Леся Українка, О. Кобринська – О. Забужко, Р. Пагутяк, О. Кононенко та ін.). Кримськотатарські письменники жіночої прози 80–90 рр. XXст. (С. Сеутова, С. Меджитова та ін.) намагалися «оживити коріння національного мистецтва» через запозичення естетичних принципів постмодернізму, що розкриваються у сприйнятті навколишнього світу, як знакової системи мови. Відтак «через літературу, основним компонентом якої є мова, пізнається світ, роман із певної художньої структури перетворюється на лінгвістичну знакову культуру, в якій процес розкриття коду (а точніше, кодів, оскільки знак, символ піддається різним тлумаченням) є визначальним» [3, с. 48].

Сучасна українська критика і літературознавство не перенасичені феміністичними працями в гуманітарній сфері, як це простежується у світовій практиці. У дослідженні Л. Таран «Жінка як текст» розглядається своєрідність жіночого письма письменниці О. Забужко, поетеси Е. Андієвської, дослідниці С. Павличко. Також простежується у кримськотатарській сучасній літературі дослідження, в яких відзначається характерні особливості постмодерніських творів: плюралізм, децентрованість, увага до культурологічної проблематики, інтерес до фігуративності. Біографічний аспект постмодерністських творів є суттєвим. Так, письменниця Сабріє Сеутова в повісті «Умют нагъмеси» («Мелодія надії») вочевидь використовує біографічний елемент. Автор звертається у творі до читача, залучаючи його до текстової гри: *«Урьметли окъуйыджы! О куньлерни хатырамызда джанландырмакъ ичюн Сурienинъ рухсети иле, сизнен берабер онынъ куньделик дефтерлеринин бутюн саифелерини олмаса да, бир къач ерини ачып бакъайыкъ. Лякин башта сизге шу къыскъа*

[1] ***Сеферова Эсма Энверовна,*** лаборант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

*малюматны бер мекни зарур деп таныйым» (*досл.*:Шановний читач! Щоб оживити ті дні в пам'яті ми з дозволу Суріе перегорнемо кілька сторінок з його щоденника, але спочатку ми вважаємо за необхідне познайомити вас з короткою інформацією*) [4, с. 65]. У повісті С. Сеутової особливе місце займають описи внутрішнього життя людини, з яких перед читачем постають вічні «філософські проблеми»: сенс людського буття, проблема вибору, раціонального та підсвідомого, інтуїтивного, співвідношення почуття та інтелекту, роль мистецтва.

Наприклад, українські модерністські письменниці показали нових освічених жінок європейського типу, створили «жіночі характери, позбавлені романтики, властивої жіночим образам у чоловічій народницької літератури» [5, с. 80]. Українській модерністській літературі властива опозиція жіночої сили й чоловічої слабкості. Це проявляється в емоційності жінок. Чоловіки проявляють безхарактерність, слабкість волі, патріархальний консерватизм. Жінки – сильні, як амазонки, покладають на себе чоловічі функції: справу боротьби, протесту, свободи соціального і етичного вибору. Такі, наприклад, героїні О. Кобринської (Н.Озаркевич) в оповіданнях «Ядзя і Катруся», «Перша вчителька», «Виборець», збірнику «Казки». Також, в оповіданнях «Він і Вона», «Царівна» «Некультурна», «Битва», у новелах «Impromptu phantasie», «Valse melancolique», в повістях «Ніоба», «Через кладку», «За ситуаціями», «У неділю рано зілля копала...».

Українську постмодерністську літературу в її другому, найбільш яскравому періоді, починає жінка Оксана Забужко, – філософ, учений, публіцист, письменник. Як визнають С. Павличко, В. Скуратівський, українська жінка традиційно починає нову парадигму національної самосвідомості. «Коли український пейзаж залишався без «героя», там неодмінно з'являлася «героїня» [5, с. 7]. Все, що пише О. Забужко, поезію, прозу, має яскраво виражений феміністичний пафос, який відображає національну проблематику, звернення до української культури та історії.

Українська постмодерна література заявлена, насамперед, прозою і поезією жінок: О. Забужко, О. Кононенко, В. Роздобудько, Р. Пагутяк, Н. Сняданко та ін О. Забужко долучається до течії українського феміністичного модернізму, але в постмодерністській інтерпретації. Вона бачить своє завдання в деконструкції модерністської патріархальності, зачіпає ключові питання української ментальності. Українська національна аморфність, не прояв національного архетипу в українських параметрах. Письменниця усвідомлює потребу патріотизму. Героїні О. Забужко відчувають виклик глобальності. Інтертекстуальність назви повісті служить поетичне образи Т. Шевченка до сестри, життя якої символізує українську національну долю (вірші Т. Шевченка «Якби ви знали, паничі», «Сестрі»). Ненароджена сестра героїні в повісті О. Забужко продовжує український мартиролог, перелік «пораненого українського речовини» [2, с. 8].

Протиставлення жіночої сили й чоловічої слабкості триває в прозі О. Забужко властиве українському модернізмові протиставлення жіночої сили і чоловічої слабкості. Жіноча сила, перевага відображається в «Казка про калинову сопілку», яку В.Скуратівський вважає «завершенням і діалектичним зняттям народницької традиції» [5, с. 86]. «Казка» О. Забужко показує найбільш сильний український національний комплекс – дочки / матері і дочки / батька, розкриває психологічну поневолення дочки сім'єю.

Зрозуміло, що для постмодерністики О. Забужко український модернізм не є завершенням. Самоцінність авторського голосу, автобіографизм, сповідувальні інтонації, психологізм героїв, потреба діалогу з національним модерністським феміністським літературною спадщиною – все це ознаки модерністської художньої практики. В стильовій манері О. Забужко вони узгоджуються з постмодерністськими прийомами письма: нетрадиційних синтаксисом, новою мовою, еклектикою стилів, елементами деконструкції і інтертекстуальності. Таким чином, об'єднуються модерністські й постмодерністські тендеції. До перших належать естетика внутрішнього голосу і мовчання, філософічність, авторська особистісна неповторність, символічна поетика. До других відносяться відмова від великої розповіді, плинність

знака і означає, відкритість і еклектика жанрових форм, прагнення до феміністського самоствердження.

Як відомо, постмодернізму притаманні психологізм, навіть психоаналітизм жіночого письма, виразна експресія, ритмічна насиченість, сповідальність. Цьому сприяють жанрові рамки щоденника, автобіографії, найбільш поширені в постмодернізмі жіночій прозі, звернення до читача від першої особи. У прозі С. Сеутовой і О. Забужко проявилася фрагментарність щоденника як діалогу з собою. «У багатьох випадках це – щоденник комп'ютерний, який пишеться для читача, перетворюючи жанр твору в «реаліті-шоу» для подальшої візуалізації або тиражування» [1, с. 204].

«Постмодерністське жіноче письмо абсолютно природно сприймає фрагментарність світу в пост-філософських вимірах сучасності» [6, с. 226]. Фрагментарність близька сутності жінки, тому уривчасте жіноче письмо характерно всім вищеназваним творів. Поєднується фрагментарність, стихійність і еклектика, при цьому стики пограниччя невеликих уривків, поєднання реальності і ірреальності мимоволі утворюють новий і несподіваний сенс.

Жіноча постмодерна проза це соціально-культурний конструкт до утвердження значущості тобто підкресленим риси природності і тілесності. Вимальовується постійний мотив жіночої прози останнього десятиліття – мотив творчості, листи, жіночої самопрезентації.

Висновок: Жіноча постмодерністська проза в кримськотарській і українській літературі продовжує залишатися національно орієнтованої прозою, при цьому значення жінки, зберігає і передає національні архетипи, не зменшується, а посилюється. Також актуальним залишаються загострена жіноча чутливість, співчуття, співпереживання, натхненність жіночих персонажів. Поєднання тілесності і фізичної височини створюють особливий художньо-стильовий колорит кримськотарської та української постмодерністської жіночої прози.

Seferova Esma Enverovna

Women's prose in Crimean and Ukrainian postmodernism

Abstarct. *The magic of Crimean Tatars and Ukrainian women's prose is manifested in various aspects: compositions, characters, images, conflicts, artistic means, natural and organic connections, first of all with folklore, lively, verbal folk language. The least investigated area of literary criticism is the problem of postmodern literature.*

Keywords: *pluralism, decentralization, culturological issues, figurative, biographical aspect.*

Література:

1. Бедзир Н. Русская постмодернистская проза в восточно- и западнославянском литературном контексте / Н. Бедзир. – Ужгород: Изд-во Олександри Гаркуші – 2007. – 471 с.

2. Павличко С. Теорія літератури / Павличко С.; передмова М. Зубрицької. – К.: Вид.-во Соломії Павличко «Основи», 2002. – 679 с.

3. Репенкова М. Некоторіе тенденции в турецкой романистике 80-начала 90-х годов / М. Репенкова // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковеденье. – 1997. – № 1. – С. 41–62.

4. Сеутова С. Умют нагъмеси. Повесть / С. Сеутова // Йылдыз. – 2011. – №1. – С. 59–77.

5. Скуратівський В. Нельотна погода. Замість передмови і замість монографії / В. Скуратівський; передмова: О. Забужко. – К.: Факт, 2005. – 214 с.

6. Эпштейн М. Постмодерн в русской литературе: Учеб.пособие для вузов / М. Эпштейн. – М.: Высш. шк., 2005. – 495 с.

УДК: 82(091)=512.19-92

Ali Şamil Hüseyinoğlu[1]
E_mail: ali.shamil94@gmail.com

Türk halklarının istiklal savaşçısı Halid Seid'in iki yönü

Özet: *1888. yılda Özbekistan'ın başkenti Taşkent'in Bostanlıg ilçesine bağlı Koşkorgon köyünde doğmuş Halit Sait Hocayev medreseni bitirdikten sonra İstanbul'a gitmiştir. Önce Darülfününun Tıp, sonra ise Tarih-Edebiyat fakültesinde okumuştur. 1918. yılda Nuri Paşa'nın emrinde kurulan Kafkas İslam Ordusuyla Azerbaycan'a gelmiştir. Şu ordu Azerbaycan'ı Rus işgalinden kurtarıp Cumhuriyet kurulmasını gerçekleştirse de, Sever, Mondros anlaşmaları Türkistan'ın azat edilmesini engellemiştir. Halit Sait iki yıl Azerbaycan'da çalışmalı olmuştur.*

1920. yılda Rus Sovyet Orduları Azerbaycan'ı işgal edende Halit Sait Özbekistan'a gitmek zorunda kalsa da, 1922. yılda geri dönümü, Bakû'de ve ilçelerde öğretmenlik etmiştir. 1926. yılda "Osmanlı, Özbek, Kazak Lehçelerinin Mukayeseli Sarfı-Nahvi", 1929. yılda "Yeni Elifba Yollarında Eski Hatıra ve Duygularım", 1933. yılda "Muhtasar üslubiyat" ve s. kitaplarını yayımlatmıştır.

Anahtar kelimeler: *Halit Sait Hocayev, Osmanlı, Özbek, Kazak Lehçelerinin Mukayeseli Sarfı, Divanı luğet i-it Türk.*

1929 yılda Bakü'de "Yeni elifba yollarında eski hatıra ve duygularım"(Kitabın üzerinde "Yeni elifba yollarında eski duygu ve hatıralarım" yazılıp. Bu maatba hatasıdır. Halid Said başka yazşlarşnda kıtabın adını "Yeni elifba yollarında eski hatıra ve duygularım" yazşyor. – A.Ş.H.) kitapı yayınlanıp. Orada yazılır ki, 1924 yıl Eylülin 7'de Bakü'den bir tren yola çıkar. Trende yolculuk yapanlar konusunda Halid Seid Hocayev şöyle bir bilgi veriyor: "Komisyon aşağıdakı kişilerden oluşuyordu.

1. Semedağa Ağamalı oğlu, Yeni Alfabe Komitesi başkanı.
2. Mirze Celil Memmedguluzade, "Molla Nasreddin" dergisi başkanı ve komisyon üyesi.
3. Veli Huluflu, araştırmacı, komisyon üyesi.
4. Halid Seid, İşçi Fakültesi ve Meliorasyon Lisesi yabancı dil ve edebiyat öğretmeni.

Bunlardan başka doktor, vekilharç, daktilograf da vardı. Bakü Darülfünun müderrislerinden Prof. Mizirlinski de bizimle idi. Heyet için bir vagon ayrılmıştı". (Hocayev, 2006:6).

Dağıstan ve Kuzey Kafkasiyadakı Türklerle görüşen ve yeni alfabeye geçmak konusunda mulakat yapan ekip Kırıma doğru yön alıyor. Eylülin 10'de Rostov üstünden Kırıma gidişlerini Halid Seit böyle anlatıyor: "Sabahleyin kalkdığımızda kendimizi Kırım Cumhuriyetinin sınırları içerisinde buğday tarlaları arasında gördük" (Hocayev, 2006:9). Akmescite gelişlerini ise böyle anlatıyor: " Şehir sevimli, binalar güzel, sokaklar düzenliydi. Kaldırımlar güzel ağaçların gölgesi altında uzanmıştı. Şeherde, Doğunun kendine has eserleri görünmüyordu" (Hocayev, 2006:10).

[1] ***Ali Şamil Hüseyinoğlu,*** Azerbaycan Millî Blimler Akademisi Folklor Enstitüsü (Bakü, Azerbaycan).

Tren iskelesinden faytonla Başbakanlığa giden heyet üyeleri oradan profesör Çobnzade ile geri dönüyorlar. profesör Çobnzade ile ilk konuşmalarını Halid Seid Hocayev böyle anlatıyor: “Çobanzade ciddileşti :

– Ha... İşte buna ait size kısa bilgi vereyim, diyerek söze başladı. Alfabe ve imla hususunda Kırım’da üç cereyan vardır: Birincisi, ıslahatçılardır. Bunlar Arap alfabesi üzerinde Kazanlılar tarafından yapılan ıslah tarzında bir ıslahat yapmak istiyorlar. İkinci grup, Latın harfleri savunucularıdır. Bunlar hanuz muayyen bir şekil göstermemişlerdir. Üçüncü grup, Rus harflerini kabul etmek isteyenlerdir. Bunlar da henuz muayyen bir şekil göstermemiçlerdir” (Hocayev, 2006:11).

◄ **Foto:** Soldan ünlü özbek alimi Hadi Zerifi, qucağındaki bala Halid Seidin kızı Behce, Halidin haimi Sitare, Halid Seid. Arkada Hadinin kız kardeşi Hatire, ikincini tanımadım, Hadının kız kardeşi Cemile.

Haman gün resmi bir toplantı olmuyor. İstasyona diderek hükumet tarafından tehsis edilen faytonla Bağçasaraya yola çıkırlar. Bahçesaray hakkında yazır: “ Aşağıda bir şeher göründü. Burası Bahçesaray’dı. Şeherin dış görnüşü, tam bir Doğu şeheri olduğunu gösteriyordu. Doğudan batıya doğru uzanan bir dere içinde kurulmuştu. Binaları çok büyük değildi. Çoğu iki katlıydı. Sokaklar dar ve eğri büğrüydü. Pek çok cami vardı. Her caminin yanında, göğe doğru yükselen bir ve ya iki minare görülüyordu. Bahçasaray bu görüntüsüyle Doğu şeherinden çok, bir Osmanlı şeherini hatırladırdı” (Hocayev, 2006:11).

Bahçasarayda Han sarayını, türbeleri gezen heyet köylere de gidir, Dervize adlı halk bayramlarına katılır, Sevestolda geceledikden sonra yeniden Bahçasarayda dönüyor, Zincirli medreseni, “Tercuman” gazetesinin yayınlandığı binanı ziyaret ediyor, İsmail bey Qaspıralının oğlu Pıfat beyle konuşuyorlar. Her yerde latın alfabesine keçmeyi teblig eden heyet iki defe resmi toplantı yapıyor. Birıncı toplantıda Kırım’ın resmi yetkilileriyle milli eğitim görevlilerinden bir kısmı bulunuyor. Bu toplantıda Yeni Alfabe Komitesi başkanı Semedağa Ağamalı oğlu diyor: “ Dil itibariyle birbirine yakın olan toplulukları birleştirmek daha kolaydır. Mademki sizinle bizim dilimiz arasında o kadar büyük bir fark yok, o halde dil ve edebiyatımızı bir esas üzerine kurmamız gerekir. Dilin iki yönü vardır: konuşma ve yazı. Yazının esası harftir. Yazımızı birleştirmek için yazının esas ve kötü olan harflerimizi birleştirmeliyiz…

Duyduğuma göre, sizde Rus alfabesini kabul etmek isteyenler varmış. Bu görüş, dayanıksız ve çürüktür. Çünkü Rusların kendileri de alfabelerini beğenmiyorlar. Rusların bile beğenmediği alfabeyi nasıl kabul edebiliriz. Bu düşünce beyhudedir” (Hocayev, 2006:15).

Toplantıda yeni alfabeye keçilmesi tekamülle olması fikri seslendikde Semedağa Ağamalıoğlu haykırır: “Yoldaşlar! Hayat sizin tekamülünüzü beklemiyor. Bunu yapamazsınız, siz tekamülünüzle birlikde yok olup gideceksiniz” (Hocayev, 2006:16).

Halid Seid Hocayev yazır ki, haman toplantıda Profesör Bekir Çobanzade, Kırım Eğitim Bakanlığının İçtimai Terbiye Müdürü Teymurcan Odabaşı, eğitimci Osman Aqçoqraklı, “Arap

harflerinin en nüfuzlu tarafdarlarından olan Hesen Sebri Ayvazof", eğitim bakanı (yazar onun ad ve soyadını yazmır – A.Ş.H.), Mirze Celil de konuşuyor. Halid Seid Hocayev ise söz alarak fikrini böyle toparlayır: "Biz, yeni tarihimizin başlangıcında en önemli mesele olarak alfabe meselesini görüyoruz. Bu konuda önümüzde çü yol var: 1. Arap alfabesini olduğu gibi devam etmek, 2. Arap alfabesini islah etmek, 3. Yeni bir alfabe kabul etmek" (Hocayev, 2006:19).

Halid Said Hocayev toplantıdakı konuşmasının tümüni dimek olar ki, kitapda verib. Toplantının sonucu hakkında yazır: "Mecliste adeta yeni bir hayat başlamıştı. Semedağa, nihayetsiz sevinçler içindeydi. İlk zaferini kazanan bir ordu komutanı gibi seviniyordu. Bundan böyle Kırım Türkleri, yeni alfabeçiler safına geçmiş kabul edilebilirdi" (Hocayev, 2006:24).

Ekimin 15' de düzenlenen ikinci toplantı hakkında Halid Seid Hocayev yazır: " Plana göre, saat sekizde, Kültür Evinde yeni alfabe konusunda genel bir toplantı yapılacakdı. Belirlenen saatte oradaydık. Öğretmenlerden ve diğer halkdan iki yüze yakın kişi toplanmıştı. Önce çeşitli havalar çalındı; Kırım halk oyunları oynandı. Sonra büyük bir salonda toplantıya geçildi. Toplantıyı Eğitim İşçileri Birliği bakanı yöneltiyordu" (Hocayev, 2006:30).

Toplantıda yine Semedağa Ağamalıoğlu, Halid Seid Hocayev, Bekir Çobanzade, Osman Nuri Aqçoqraqlı, ve "Yeni dünya" yazarlarından Cafer Gafarov, öğretmen Ehtem Feyzi, Komsomol teşkilatından İlyas Tarhan, Yeni Alfabe Komitesinin Kırım vekili Cemalettinov, Ömer İpçi, Veli Huluflu, Teymurcan Odabaşı konuşuyor.

Osman Aqçokraklı diyor: "Alfabe meselesile en çok ben ilgileniyorum. Çünki hem öğretmen, hem hattatım. Geçen sene yeni alfabenin aleyhine yazmıştım. Ben yerüzündeki alfabelerin hepsini biliyorum, bu sebeple de meseleye tekniki açıdan bakıyorum. Alfabenin iyi olması için çabuk okunabilmesi gerektir. Arap alfabeis daha iyi hatırda kalmakla birlikte, birçok zorluğu var. Yazı makinesinde, matbaada engeller çıkarıyor. Bugün Azerbaycanlıların kabul ettiği harfler, eski Latın hariflerinden daha mükemmeldir. Bu yeni alfabeyi kabul edelim. Ancak, bir müddet eski alfabeyle birlikde kullanalım. Daha sonra eski alfabe aşama aşama bırakılır" (Hocayev, 2006:36).

Toplantının sonunda "müteşebbüsler adıyla Osman Aqçoqraqlıdan(öğretmen), Kerim Cemaleddinden (öğretmen), Mahmud Nedimden (öğretmen), Çobanzadeden (profesör), İlyas Tarhan (Yeni dünya yayın kurulu üyelerinden), Cefer Gafarofdan (Yeni dünya yayın kurulu üyelerinden)" oluşan bir komisyon teşkil ediliyor (Hocayev, 2006:38).

Türk halklarının aydınlar büyük sevinç ve çabayla halklarına hayır vermek için yeni alfabe hazırlayırdılar. Ama onlar Sovetler Birliyi yetkililerinin perdearkasında Rusiyanın assimle(eritme) siyaseti yeritdiklerinden habersi idiler.

Bes Azerbaycandan Dağıstana, Kuzey Kafkasiyaya, Kırıma, Tatarıstana, Türküstana giderek yeni alifaya keçmeği tebliğ eden Haild Seid Hocayev kim idi?

1. Halit Seid Hocayev Kimdir?

Kendilerini vatana ve millete adayan kişiler yapmaya çalıştıklarını bazen kendilerine en yakın kimselere, akrabalarına, hatta ailelerine bile anlatmazlar. Bu davranış onurlu, gurur duyulacak bir tavır olsa da kurdukları teşkilatın yaşaması, aynı ideali paylaştıkları arkadaşlarının korunmasına hizmet eden gerekli bir tutumdur. Teşkilatın yaşaması olgusu, kendini güvenceye almak ve mücadeleyi devam ettirmek için önemlidir, ancak bu durum araştırmacılar tarafından gerçeklerin ortaya çıkarılmasında büyük zorluklar oluşturuyor.

Kendini vatanı ve milletine adayan kişilerden biri de Halid Seid Hocayev'dir. Araştırmacılar onu bir bilim adamı olarak tanıyor. Hatta İngilizce alanında uzman olan muhterem kızı Behice Hanım Memmedova bile böylesine sessiz, politikadan, sosyal ve siyasi konulardan uzak bir insan olarak tanıdığı babasının Türk halklarının istiklâl savaşçısı olduğuna inanamıyor.

Üniversitede öğrenci olduğum yıllardan (1968–73) beri, Halid Seid Hocayev imzasına büyük ilgi duymuş ve o zamandan başlayarak onunla ilgili bilgileri toplamaya çaba göstermiştim.

Okulda bazen hocalarımızla, bazen de arkadaşlarımızla kafamıza takılan şu soruları tartışıyorduk. Neden millî düşünceyi yayan gazeteler, dergiler, yazarlar, araştırmacılar yasaklanıyor da, milleti şiddetle tenkit ederek ona hakaret eden, aşağılayan mizahi karakterli yayımlara karşı çıkılmıyor

ve yasaklanmıyor? Neden 1937–38 yıllarında gözaltına alınan, kurşuna dizilen, cezaevlerine tıkılan, sürgünlere yollanan şahıslar için genel af ilan edildiği, itibarları iade edildiği hâlde onların kaleme aldıkları yazıların çoğu yayınlanmıyor ve hatta okunmasına da yasak konuyor?

Halid Seid Hocayev, kendisinin yazdığı son hayat hikâyesinin bitiminde 26 Nisan 1934 tarihini düşüyor. Sovyet Sosyalist Cumhuriyetleri Birliği Bilimler Akademisi Azerbaycan Şubesi'nde göreve getirildiğinde Rusça yazdığı bu özgeçmiş AMEA Azerbaycanda Elmi İrsin Toplanması ve Sistemleşdirilmesi Merkezinin Arşivindeki (bundan sonra qısa olarak AMEA AEİTVSMA yazacağıq – A.Ş.H.) 39 numaralı dosya ve 313 numaralı listede yer almaktadır.

"Ben 1888 yılında Taşkend şehrine 25 kilometre uzaklıktaki Köşkörğon köyünde doğdum. Köydeki okulu bitirdikten sonra Taşkend'teki medresede okudum. O zamanlar çevremizdekiler Rusça eğitim veren okulları "kâfirlerin okulu" olarak kabul ediyorlardı. Medresede 5–6 yıl okudum ve 1905 yılında ihtilal meydana geldi. İhtilaldan sonra oluşan ve bütün Doğuyu bürüyen harekâtın bana da etkisi oldu. Hayatıma yeniden düzen vermeliyim, diye düşünmeğe başladım, ancak çevrem çok muhafazakâr olduğundan dolayı, tahsilimi Rusça devam ettirmek neredeyse imkânsızdı. Ben de başka bir çıkış yolu aradım.

Etrafımdaki mollalardan ve hacılardan Konstantinopol (İstanbul) ile ilgili tatlı ve efsanevi sohbetler duymuştum. Bu şehri görmeyi çok istiyordum. Babam bana çok cüzî miktarda maddi yardım yapabiliyordu ve yol parası bulmam imkânsızdı. Karşılaştığım bu problemin çözümü tesadüfen bulundu. Yakın köylerin birinde köylüler arasında toprakların bölüşülmesinden kaynaklanan bir sorun meydana geldi. Köylülere, vergilerin miktarına göre toprak vermek gerekiyordu. Hükümet bu işin üstesinden gelecek bir komisyon kurmuştu. Ancak bu komisyonda uzman olanlar çok az idi.

Ben de medresede okurken Arapça kitaplardan toprağı ölçme tekniğini öğrenmiştim. Komisyon üyelerine müracaat edince hemen göreve alındım. 5–6 ay orada çalıştım ve Konstantinopol'a gitmek için gerekecek parayı kazandım.

Şimdi çözmek durumunda olduğum bir problemim daha vardı, gerekli pasaportu almak. O zamanlar genel valiliğin emriyle Türkistanlılara dış ülkelere gitmek için pasaport verilmesi yasaklanmıştı. Tanıdığım birinin tavsiyesi ile Çin konsolosluğundan takriben 4–5 rubleye bir pasaport temin ettim. Çin konsolosluğundan aldığım pasaportun üzerinde ne tarih vardı, ne de sahibinin adı doğru düzgün okunabiliyordu. Bundan yararlanarak pasaportu rahatlıkla kullanıp Konstantinopol'a gittim. Oradan da Mısır veya Suriye'ye gitme gibi bir düşüncem vardı.

Konstantinopol'a vardığımda tesadüfen İstanbul Üniversitesi'nde iki yıllık hazırlık kurslarının açılacağı ile ilgili bir ilanla karşılaştım. İlan düşüncemi tamamen değiştirdi. Burada kalıp kurslara devam etmeye kara verdim. Kurslara 430 kişi alınacaktı ve 1750 kişi müracaat etmişti. Onlar arasında ben de vardım. Yapılan eleme sınavını kazandım ve üniversiteye kayıt yaptırdım. 6–7 yıl Konstantinopol'da kalarak tahsilimi bitirdim.

1918 yılında Türkistan'a dönmek gayesiyle Azerbaycan'a geldim. İrtibat yolları kapalı olduğu için Azerbaycan'da kalmaya mecbur oldum. Gence Lisesi'nde öğretmenliğe atandım ve ancak 1920 yılında Türkistan'a gidebildim. Türkistan'ın elverişsiz iklimi, 1922 yılında tekrar Azerbaycan'a dönmeme sebep oldu. O zamandan beri de burada, orta ve yüksek okullarda öğretmenlik yapıyorum. (AMEA AEİTVSMA, dosya no. 39, liste 313, 16.)" diye yazıyor.

2. Halid Seid'in Özgeçmişi İle Ters Düşen Birkaç Nokta

Halit Seid, özgeçmişinde nerede ve ne zaman çalıştığını gösterdiği hâlde birkaç yerde nedense susuyor. Mesela, İstanbul Üniversitesini ne zaman bitirdiği, bitirdikten sonra nerede çalıştığı, Azerbaycan'a 1918 yılının hangi ayında ve gününde geldiği, Gence'de hangi lisede çalıştığı, Özbekistan'a 1920 yılının hangi ayında ve gününde gittiği, orada hangi lisede çalıştığı ve ne zaman geri döndüğü konusunda net bilgi vermiyor.

Tarihî belge, çeşitli kaynaklar ve hatıralardan, Sovyetler Birliği'nde insanların yalnızca 1920–30'lu yıllarda değil, 1970–80'li yıllarda bile korku atmosferi içinde olduklarından dolayı Sovyet KGB teşkilatının takibinden yakalarını kurtarmak için özgeçmişlerinde birçok şeyi bilerek yanlış

yazdıklarını biliyordum. Özellikle de vatansever ve milliyetçi aydınların bu yola başvurdukları bir gerçekti.

Halid Seidin kızı Behce hanımın hatireleri ise özkeçmişde karanlık kalanların bir kısmına aydınlık getirir. O, babasının İstanbulla ticari ilişkisi olan, ünlü Özbek araştırıcısı Hadi Zerifin dayısı ile getdigini söyleyir. O hem de Halid Seidin babası Seyid Ali Hocanın arkadaşıymış. (Turan Azer, 2009:5).

Halid Seid 1906 yılında Konstantinopola gitdigini, orada 6–7 yıla Üniversiteyi bitirdiğini yazır. O döneminde İstanbul Üniversite'de 6–7 yıllık eğltim veren fakülte yoktu. 1906 yılıldan 1918 yıldadek 6–7 yıl degil, 12 yıl edir. Özkeçmişde iki yıl hazırlak kursunda okuduğu yazılır. Behce hanım babasının hatırasına dayanarak Halid Seidin üç yıl tıp fakültesini okuduğunu, tıp fakultesini sevmediynden oradan uzaklaşdığını, sonra tarih-edebyat fakültesinde okuduğunu söyleyir (Turan Azer, 2009:6).

Halid Seid Hocayev'le ilgili araştırmalar apardığımı bilen, Taşkend'te yayınlanan "Johan adabiyatı" dergisinde makalemin yayınlanmasına yardımçı olan, araştırıcı-şair Tahir Kahhar bana "Sadayı Turküstan" gazetesinin bir kaç sayını skayn edib göndermişdi. Burada Halid Saidin bir kaç makalesi vardı.

1914–15 yılında Ubeydullah Xocayev ile Münevver Gare Abdureşidovun Taşkendte yayınlatdığı "Sadayı Turküstan" gazetesini 1914 yıl saylarında Halid Seidin "Kim otur, cuvanmerk? Getirme haramı" (6 Mayıs, sayı 8), "Fasad ahlak kay vakta başlandı" (11 Mayıs, sayı 9, 23 Mayıs, sayı 12), "Mende neme gerek" (Haziran, sayı 18), "Hayırlık ümid" (15 Haziran, sayı 27) adlı makaleleri vardı. Bağçasarayda İsmaylı bey Gaspıralının yayınlatdığı "Tercuman" gezetesinin 1914 yıl 23 Şubatda basılan 43.sayında Halid Saidin "Mektub Taşkendden" makalesi basılmışdır. ("Tercuman" gezetesi, 1914, 23 Şubat).

Özbek araştırıcısı Ziyo Said "Özbek vaqtli matbuoti tarixiqa materiallar" eserinde "Sadoi Turkiston" gazetesinden söz açarken deyir: "Bu gazeta kendi çevresine çok kişini celb etdi. Onin daimi yazıçıları Munavvarkori, Abdulla Avloniy (İndamas), Tölaqan Höcamyorov (Tavallo), Saidnosir Mircalilov, Hamza Hakimzoda, Halid Said, Abdulhamid Sulaymon (Çölpon), Mömincon Muhammadconov, Abdulla Erğoziev, Nöşiravon Yovuşev, Siddigiy, Lutfulla Olimiy, Saidahmad Vasliy, Fuzayl Conbev, Muhammadcon Mudarris, Badriddin Alam, Hoci Muin, Şukur Rahimiy ve boşqalar idi." (Said Ziyo, 2009:54).

Şu belgeler Halid Seidin 1913 yılın sonları ve 1914 yılın önlerinde vatana döndügünü, orada bir ara yaşadığını, eğitimle ilgili makaleler yazdöğını sonradan yene İstanbulda gitdigini tesdikleyir.

Halid Seid'in 1918 yılının Mart-Nisan aylarından sonra Azerbaycan'a geldiği anlaşılıyor. O zaman yeni kurulan Azerbaycan Halk Cumhuriyeti'nin ricasıyla Osmanlı Devleti'nin askerî birlikleri Gence'ye gelmiş ve Kafkas İslam Ordusu'nu kurmuştu. Bu ordunun kumandanı Nuri Paşa'nın siyasi işlerden sorumlu müşaviri, Kafkasya kökenli ve bölgeyi iyi bilen Ahmet Ağaoğlu (Ağayev) idi. Hazar ötesinde, Türkistan'da, Tataristan'da esarette olan Türk ve Müslümanlara yardıma gidecek bu orduya Ahmet Ağaoğlu gibi müşavirler gerekiyordu. Bu konuda bölgeyi iyi bilen ve Türkistan kökenli Halid Seid Hocayev'in de görevlendirildiğini düşünüyordum.

Böyle olmasa, Halid Seid, İran üzerinden veya Kafkas İslam Ordusu'nun 15 Eylül 1918 tarihinde Azerbaycan Halk Cumhuriyeti'nin başkenti Bakü'yü Rus-Ermeni askerî birliklerinden kurtarmasından sonra Türkistan'a dönebilirdi. 1937 yılında gözaltına alınan Halid Seid KGB tarafından yargılandığında hâkimin; "Türk Ordusunun Azerbaycan'dan çekilmesinden sonra, sizin Türkiye'nin istihbarat birimleriyle ilişkinizin olduğu konusunda yeteri kadar bilgimiz vardır" (AMTNA, dosya 12493, Bünyadov, 1993: 167) sözlerini söylemesi de bu savı onaylamış oluyor. Cevap ise ilgincdir. Onu Abdurreşid İbrahimovun teşebbüsü ile Nuru Paşanın askeri birliginde Genceye gönderdiklerini ve Osmanlı ordusunun istikbaratına rehberlik eden, geleceyin yazarı Rüşen Aşref ile bağlantısı olduğunu söyleyir.

Halid Seid, Eylül 1920 tarihinden itibaren Taşkend 'te Yüksek Pedagoji okulunda öğretim üyesi, sonra müdür olarak çalıştığını yazıyor. Bu da Azerbaycan'ın Bolşevik Rusya tarafından 28 Nisan 1920 tarihde işgalinden ve 28 Mayıs 1920 tarihte Genceden başlayan ve Azerbaycanın bir çok

bölgesini kaplayan isyandan sonraya tesadüf ediyor. Onun Bakü'ye tekrar dönüşü ise 1922 yılının Ekim ayına tesadüf ediyor. Bu da Enver Paşa'nın Türkistan'da saldırıya maruz kalarak şehit edilmesinden (04.08.1922) sonradır. O zaman Bakü'de çalışan Muhittin Birgen şunları yazıyor: "Bakü'de bulunduğum sırada bir müddet Enver Paşa'nın ordusunda bulunmuş olan bir Taşkend'li ile konuştum. Bu şahıs, Enver Paşa'nın son günlerinde yanında bulunanlar arasında olduğunu ve bir yolunu bularak kaçıp kurtulduğunu söylüyor" (Birgen, 2006:773). Mühittin Birgen'in Enver Paşa'nın şehit oluşunu yazarken birkaç defa "bir Taşkendli", "Taşkendli Türk", "bu Taşkendli" diye saygıyla hatırladığı şahsın Halid Seid olduğu kanaatindeyiz.

3. Bu kanaatimiz nereden kaynaklanmaktadır?

Enver ve Nuri paşaların kardeş olması, ayrıca Enver Paşa'nın, Azerbaycan'a Osmanlı askerî birliklerinin yollanmasına önem vermesine dikkat edilirse Halid Seid'le Enver Paşa'nın birbirlerini doğrudan tanıdıkları ihtimali de ortaya çıkıyor. Enver Paşa, Halid Seid'le İstanbul'dan tanışmasa bile Türkistan'a giderken kardeşi Nuri Paşa'nın inandığı, güvendiği kimselerin adresini ona vermesi doğaldı.

1926 yılda Baküye I Türkoloji Kurultaya gelmiş Mehmed Fuad Kökürlüzade ile görüşerken Mehmed Fuad beyin Halid Seidi Əli bey Hüseyinzadeye "eski dostlarımızdan Halid Seid" deye tanıtması ve Halid Seidin de " Fuad beyle birinci defe tanış olmuyordum" yazması ve b. nedenler onun İstanbulda olurken milletci kesimle sıx bağlı olduğunu isbatlayır. (Turan Azer, 2009:34)

4. Halid Seid'in Azerbaycan'a İkinci Gelişi

Halid Seid Bakü'ye dönüş sebebini, Taşkend'in havasının sağlığına dokunduğu şeklinde gösteriyor. Onun Sovyet makamlarına yazdığı bilgiler elimizdedir ve böyle bir sebebi ileri sürmesi bizce normal karşılanmalıdır. Halid Seid, kendini kurtarmak için bu şekilde yazmak zorunda idi, ancak araştırmacılar, onun Taşkend'ten Bakü'ye dönüşünün gerçek sebebini mutlaka bulmalıdır. Bu konu henüz yeterince araştırılamamış bir şekilde karşımızda durmaktadır. Özbekistan'daki KGB ve özel birimlere ait arşivlerin araştırmacıların kullanımına açılmaması, bu konuda yeterli bilginin alınamaması da doğal olarak gerçeklerin ortaya çıkarılamamasına sebep olmaktadır. Tahminimize göre Halid Seid, takipten kurtulmak için veya yeni bir Türklük merkezi oluşturmak için Bakü'ye dönmüştür (Şamil Ali, 2003).

Bakü'nün Balahanı kasabasında, işçiler için açılan İşçi Fakültesi'nde öğretim üyesi olarak görev yapman, Azerbaycan'ın en uç noktasında bulunan Kusar ilçesine giderek burada oluşturulan pedagoji kurslarında çalışman (16. 5. 1923) Halid Seidin Bakıya gelişi, Aliheydar Garayevin akrabalarından Şabanovlarla ile ahbablik itmesi oldukca karanlık bir konudur. Şabanovlar onu Azerbaycanın en ünlü ailelerinden olan, yeni, Rusya ordusunun generalı, 1918 yildan Azerbaycanın Savunma Bakanı olmuş Semedağa Mehmandarovun bacısı Meryem hanımla Mir Rza xan Talışınskinin izdivacından olan Sitare hanımla evlendirmelerinin arkasında da hansısa planların olduğu yok deyil. Sitare hanımın kardeşleri Ağa xan (Ebülfet), Abbas han, Rüstem han Üniversite bitirmiş, baçıları-kız kardeşlerinin eşleri ise aydınlar idi (Turan Azer, 2009:57). Böyle bir ailenin kimsesi olmayan, kimsenin tanımadığı birisine kız vermesinin arkasında bizim bu günedek meyyenleşdire bilmediyimiz nese olmamış deyil.

1920 yılda Azerbaycanı bolşeviklər işğal etdikden sonra onlara uşaklık eden, Azerbaycan Müvekketi İnkilap Komitesinin üyesi, Bakü İnkilap Komitesinin reisi, Halk Herbi Deniz Komissarı, Halk Emek Komissarı, Kafkaz Kızıl Ordusu Herbi İnkilap Şurasının üyesi, 1923 yıldan Azerbaycan Kömünist Partisi sekretarı, Bolşeviklerin ideoloji silahı olan "Kommunist" gazetesinin baş yazarı veb. görevlerde çalışmış, milletcilere divan tutan, fanatik Bolşevik gibi tanınan Aliheyder Garayevle (ASE, 1979:60, III cild.) Halid Seidin ilişkisi sıradan bir ilişki ola bilmezdi. Hatta Behce hanım küçükken Aliheyder Garayevin evine gitdiğini, onun kızı Zemfira ile oynadığını hatırlayır (Turan Azer, 2009:68).

Halid Seid 1924 yılının Ekim ayında yeniden Bakü'ye döner. Bütün baskılara rağmen Özbekistan Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti Eğitim Bakanlığı'nın emriyle Azerbaycan'a gönderilen

öğrencilerin velisi olur. Onun müdir olduğu öğrenci yurdu Özbek aydınlarının Azerbaycandakı nümayendeligine çevilir. Geleceğin ünlü araştırıcısı, folklorçu alim, Özbekistan Bilimler Akademisi Til ve Edebiyat Enstitu başkanş Hadı Zeripov (Hadı Zerip), Özbekistan Halk Artisti Helime Nesirova, Devlet Dram Teatrının artisti Nezire Aliyeva veb. bu gencler arasında vardır (Turan Azer, 2009:8). O, Azerbaycan Yüksek Pedagoji Enstitüsü'nde, Samet Ağamalıoğlu Toprak Bilimleri Teknik Lisesi'nde, Azerbaycan Devlet Üniversitesi'nde, Azerbaycan Hidromeliorasyon Teknik Lisesi'nde faaliyetlerini yürütmüş ve öğrencilere millî bilinci aşılamak gayesiyle Türkçülük propagandası yapmıştır (Hüseyinoğlu A.Ş., 2008:113).

5. Halid Seid'in Ortak Türk Dili ve Alfabesi Uğrundaki Gayretleri

Avrupa'nın hızla ilerlemesi ve buna Türklerin ayak uyduramaması aydınları kara kara düşündürmekteydi. Bu durumu, bazıları devlet sisteminde, bazıları ekonomide, bazıları dinde, bazıları da Arap alfabesini öğrenmenin zorluğunda görüyordu. 19. yüzyılın ikinci yarısından başlayarak Mirza Fethali Ahuntzade (1812–1878) Arap alfabesini ıslah etmek gayesiyle bir proje hazırladı. Arzusunu gerçekleştirmek için İran'a ve Osmanlı Devleti'ne yöneldi. Mehemmed Ağa Şahtahtlı (1846–1931) da, Mirze Fethali Ahuntzade'nin başlattığı bu işi devam ettirdi. Hatta Azerbaycan Cumhuriyetinin (28.05.1918 – 28.04.1920) parlamentosu da alfabe ıslahatı yapmak, yani Arap alfabesinin Latin alfabesiyle değiştirilmesi için çaba harcadı. Bolşevik işgali onların yapmak istediği işin yarıda kalmasına sebep olsa da, bu düşünce 1920'li yıllarda gerçekleşti.

1922 yılında Bakü'de Türk Halkları Aydınlarının Konferansı oldu. Konferansta yeni alfabe komitesi oluşturuldu. Komite Bakü'de oluşturulsa da, amaç eski Sovyetler Birliği'nde yaşayan, Arap alfabesini kullanan halkların hepsinin Latin alfabesi doğrultusunda hazırlanan tek bir alfabeye geçişini sağlamaktı.

Hald Seid Hocayevin 1929. yılda Bakü'de yayınlanan "Yeni elifba yollarında eski hatıra ve duygularım" kıtabında yeni alfabeni tebliğ etmeye giden kişilerin yol boyunca Kırımda, Tataristan'da, Orenburg'da ve diğer şehirlerde yaptığı çalışmalarını geniş bir şekilde tasvir ediyor. Özbekistan'da hükümet adamları Moskova'ya gittiklerinden dolayı onlarla görüşme imkânı bulamıyorlar. Taşkend'in eski semtindeki Desterhancı Medresesi'ne gidiyorlar. Şehirde ilk Usul-i Cedit (çağdaş eğitim veren okul) Mektebini açan, "1906 yılından inkılaba kadar ilerici gençlere yardım eden" Münevver Kari ile tanışırlar. Akşam Münevver Kari ile Yusuf Aliyev onların vagonuna gelir ve birlikte sohbet eder, aydınlarla öğretmenlerin görüşlerini fiiliyata dökeceklerine dair söz verirler. Sonradan Şahabeddin Efendi'nin konuğu olurlar (Seid Halid, 1929:67).

Halid Seid Hocayevin "Yeni Elifba Yollarında Eski Hatıra ve duyğularım" eserin başlığının hemen altında, "Bakü-Kırım-Türkistan, Bakü-Türkmenistan-Özbekistan. Birleşik yeni Türk elifbasi ile Azerbaycan lehçesinde birinci olarak bu eser tab edilir" kaydı vardır. Kitap 148 sayfadan ibarettir ve esere, Bakü Üniversitesi Şarkiyat Fakültesi öğretim üyesi olan Kazanlı Aziz Öveydullin (yazarın adı kaynaklarda Gaziz Salihoviç Gubaydullin şeklinde geçiyor) kısa ve anlamlı bir önsöz yazmıştır (Seid Halid, 1929).

Bu, bir Türk aydınının Kırım'a, Tataristan'a ve Türkistan'a yaptığı seferi anlatan bir seyahatnamedir. Kitabın alınıp okunması 1937 yılından itibaren yasaklanmıştır. 1960'lı yıllarda okunmasına tekrar izin verilmiştir.

6. Birinci Türkoloji Kurultayda

Latın alfabesine keçmek için böyük çabalar gösteren Halid Seid "Bakıda toplanacaq olan türkoloqlar kurultayı karşısında "Osmanlı, Özbek, Kazak Lehçelerinin Mukayeseli Sarfı" (Kocaoglu Timur, 1985, Kocaoglu Timur, 1986) adlı kitabını Arap alfabesiyle yayınlatıyor. İsim, sıfat, zamir, fiil ve edat bölümlerinden oluşan 110 sayfalık kitabın ilk sayfasında şu cümleler yer alıyor: "Türkçenin çeşitli şiveleri arasından seçerek Türk uluslarının hepsinin anlayabileceği ortak bir dil oluşturabilir miyiz?" (Seid Halid, 1926:1).

Araştırıcı Esger Guliyev bu eseri "Türkolojide Mirze Kazım beyin eserinden sonra en deyerli muqaiseli gramer" adlandırır (Guliyev Esger, 1988: 23 Temmuz).

İlmî ve pedagojik(eğitimçilik) çalışmalar yanında sosyal yönü de güçlü olan Halid Seid, Azerbaycan'ın başkenti Bakü'de 1926 yılında toplanan Birinci Türkoloji Kurultayı'nın düzenlenmesinde faal olarak çalışmıştır. Kurultaya özel olarak davet edilen araştırmacı, kurultayın gündeminde olan konularla ilgili tartışmalara katılıyor, 28 Şubat tarihinde yapılan dördüncü toplantıda "Altay Dillerinin Akrabalık Meselesinin Tarihî ve Çağdaş Durumu" adlı bir bildiri sunuyor. Toplantılar esnasında aktif çalışan ve tartışmalara katılan Halid Seid'in bildirisini ne yazık ki, stenografçı kayda almamıştır. Konuyla ilgili belgede bir tek cümle, "Halid Seid Özbek Dilinde" konuştu şeklinde yazılmıştır (Nerimanoğlu K.V. ve Ağakişiyev E. 2006:129). Stenograftaki görevliler Rus dilindeki konuşmaları kaydettikleri halde, yalnızca Halid Seid'in değil, genel olarak Türkçe sunulan bildirileri kayda almamıştır.

Halid Seid tanıyanlar ise hatırlayırlar ki, o neinki toplantılarda, evde bele Özbek lehcesinde konuşmazdı (Turan Azer, 2009:66). O, İsmaıl bey Qaspıralı, Hüseyin Cavid, Ali bey Hüseyinzad, Mehemmed Hadi, Abdulla Şaik, Ahmed Cavad veb. aydınlar gibi konuşurmuş. Bu türlü konuşma ise ister Osmanlıda, ister Azerbaycanda, ister Kırımda yaşayan aydınlar için anlaşlklı idi.

Günümüze kadar da Halid Seid'in bu kurultayda sunduğu bildiri bulunamasa da onun "Osmanlı, Özbek, Qazax dillerinin mükaiseli serfi" ve "Yeni alfabe yollarında eski hatire ve duyğularım" kitaplarından hankı konuda çıxış etdiyi anlaşılır.

Ali bey Hüseyinzade Birinci Türkoloji Kurultaydan notlarşnda yazır: "Özbek Halid Seid fasih Türkce nitkini verdi. Ona göre konuşma ferklerinin hüdudunu teyin itmek çetindir, lehcelerin coğrafiya bakımından bir-birine karışmaları, Türklerin bir-birini anlamaları için ümumi bir edebi dil zeruridir" (Turan Azer, 2009:21).

Halid Seide göre günün en önemli konulardan biri Türk uruğları arasında standart dil yaratmakdır. Bes bu dil nasıl olmalıdır sorusunu cevaplayan Halid Seid mümkün ola bilecek bütün variantları karşılaşdırarak yazıyor ki, meydana çıkarılacak standart dil ayrı-ayrı Türk uruğları-soyları tarafinden anlaşılmayacaksa, o zaman böyle bir şeye girişmek faydasızdır ve menasızdır. Çünki böyle olduğu tekdirde hazırda mövcur olan dillerden birin oxur, öyreniriz (Turan Azer, 2009:22).

Kurultaya katılanları Halid Seid'in kendi evinde misafir etmesini akrabası olan Kamer Salamzade şöyle anlatıyor: "Türkoloji kurultayına Türkiye'den de temsilci heyeti gelmişti. Bu heyette Türkiyeli Köprülüzade Muhammed Fuat ile birlikte, aslen Azerbaycanlı olan meşhur yazar ve gazeteci Hüseyinzade Ali Bey de vardı. Yeni alfabe komitesinin üyelerinden Halid Hocayev bey Özbek idi… Halid efendi Türkiye'den gelen misafirleri evine davet etmişti… Misafirler arasında Hüseyinzade Ali Bey, Fuat Köprülüzade, Mirze Celil Memmedkuluzade, Rızakulu Necefzade, Hüseyin Cavid, Halid efendinin komşusu, Türkiye'de Üniversiteyi bitiren doktor Orhanbeyli de vardı" (Salamzade Gemer, 1990:15).

Sitare hanımın kız kardeşinin eşi olan Rzakulu Necefzade o dönem Gürcüstanda Yeni Türk Alfabesi Komitesinin sediri işleyirdi.

7. Halid Seid'in İlmî, Pedagoji Faaliyetleri

Türkoloji'nin bugünkü durumuna baktığımızda Halid Seid'in yaptığı hizmetler pek fazla büyük görünmeyebilir; ancak 1920'li yıllardaki durum göz önüne alındığında ne kadar büyük ve önemli bir iş yaptığı daha iyi anlaşılır. Ülkenin asıl ideolojisinin proleter enternasyonalizm olduğu, Türkçülükle uğraşanlara pantürkist damgası vurularak baskı yapıldığı ve zindanlara tıkıldığı bir zamanda Halid Seid, "Türk Dillerinin Tarihî Grameri", "Türkistan Tarihinin Kısa Özeti", "Türk Edebiyatı Nazariyesi", "Çağatay Edebiyatından Tetkikler", "Karşılaştırmalı Gramer" vb. eserleri yazar. Bu çalışmalar son derece büyük önem taşımaktadır. Diğer taraftan Orhun yazıtlarını çağdaş dilimize çevirerek ona çeşitli açıklamalar getirmesi de dikkat çekicidir (Şamil Ali, 2003).

Halid Seid'in Abdulla Tağızade ile birlikte yazdığı "Muhtasar Üslubiyat" adlı eserin birkaç baskısı yapılmıştır. 1933 yılında Latin alfabesiyle basılmış kitap ortaokul ve liselerde cümle bilgisi (sentaks, sözdizimi) ve üslup konusunda ders vermek için hazırlanmıştır. Dört bölümden ibaret olan kitapta üslup konusu şöyle anlatılıyor: "Üslup, konuşmalarımızda ve yazılarımızda ifadeyi

çeşitli gayelerle ve noktası noktasına uygun olarak anlatan, usul ve kuralları öğreten ilimdir". Bu kitabın editörlüğünü de ünlü Türkolog Bekir Çobanzade yapmıştı (Hocayev Halid Seid, 1934:5).

Halid Seid'in şahsi dosyasının 16. sayfasında Profesör Bekir Çobanzade'nin bir notu göze çarpmaktadır. Çobanzade, 2.12.1935 tarihinde düştüğü notunda şunları dile getirmektedir: "Seid Hocayev'in 14 ilmî eseri vardır. Bunların içinde Türk dilinin sentaksı ile ilgili sonuncu esere özellikle dikkat etmek gerekir. Hocayev bu eserde, Doğu ve Rus dilciliğinin sentaks teorisi sahasındaki düşüncelerin tamamından faydalanmış ve Türkçe'nin sentaksı ile ilgili zengin belgeler toplamıştır".

Bekir Çobanzade, herhangi bir tez yazıp savunmadan Halid Seid'e dilcilik alanında doktor unvanı ile doçentlik ilmî derecesinin verilmesini teklif ediyor (AMEA AEİTVSM, fond 39, siyahı 313, sah. 16).

Azerbaycan yazarı Gılman İlkin "Maşum 37. yılın acı hatıraları"nda yazır: "Bizim Enstitutuda (Azerbaycan Devlet Egitim Enstitusunda – H.A.Ş) Halid Seid Hocayev adlı bir müellimimiz vardı. Kendisi özbekdi, ancak İstanbulda eğitim almşıdı. Bize üslubiyatdan ders dese de Fizuliyi onun gibi bilen ikinci bir kişi yokdu. Hatda Fizuliye aid soruyla Çobanzadeye müraciet etdikde, o, bizi Hocayevin yanına gönderirdi. O, Füzulininbazan en sade görünün misralarında elə derin manalar açardı, ağzımız açıla qalardı.

8. Halid Seidin Edebî Faaliyetleri

Edebiyyata şiirle gelen, Azerbaycanda ilk şiirini "Dördlük" adıyla "Maarif ve medeniyyet" dergisinin 1923 yıl 3 sayında (Seid Halid, 1923:39, sayı 3) yayınladan Halid Seid, ilmî çalışmalarla birlikte kesintisiz olarak çeviriler de yapmıştır. Rusçadan tercümelerle birlikte eski Türkçeden ve çağdaş Özbek Türkçesinden, Türkiye Türkcesinden Azerbaycan Türkçesine aktarmalar da yapmıştır (Şamil Ali, 2003).

Onun Özbekı yazarı Abdulla Kadiri Çolkanbay'ın "Öten Günler"(Özbek hayatından tarihi bir roman) romanına yazdığı ön söz günümüzün editorlarına örnek ola bilir. Halid Seid yazır: "müellif keçmiş günler dedikde, her şeyden önce tarihi adamlarla hadiseleri bazen vagenevisler gibi tesvir itmek isteyir. Bununla da daha çok hırdabazlığa kapılır. Bazen de mükemmel tesvir etdiği sehneleri yeniden başkasının dili ile hülase üzre tikrar etmekden gurtula bilmir. Bununla da okucunu yormuş ve incitmiş olur. Azerbaycan Türkcesinde böyle parçalar mümkün oldukca kısaldılmış, eserinn mahir kelemden yazılmış bir roman şekline salınmağa çalışılmışdır" (Turan Azer, 2009:40) Halid Seid Reşat Nuri Güntekinin "Çalı kuşu" (kısaldılmış) romanını da aktarmışdır. Romanına o dönemin genc ve ünlü bilim adamı Henefi Zeynallı "Çalı kuşu hakkında bir kaç söz" adlı önsöz də yazmıştır (Tahmazov Raşid, 2012:546). Büyük ilgi ile karşılanan her iki roman sonralar da Azerbaycanda yayınlanmışdır. Ne yazık ki, sonrakı neşirlerde romanları ilk aktaran Halid Seidin adı hatırlanmamışdır.

Behce xanım deyir: "1935-ci ildə Ağa xan (Abülfet) Talışınskinin travmatoloji cerrahiyeye hakkında bir kitabı basıldı. Bilyormusunuz ...bu kitab haman dalda Azerbaycan Türkcesinde ilk kitab idi. Mesele burasındaydı ki, dayım(annemin kardeşi) kitabını Rus dilinde yazmışdı. Tercümesini ise babam etmişdi. Amma bu barede kitabda heç bir kayt yok idi" (Turan Azer, 2009:58).

9. Halid Seid'in "Divanı Lügatit-Türk'ün Tercümesindeki Hizmetleri

AMEA AEİTVSA Halid Seid'in şahsi dosyanın ilk sayfası, Kabartay-Balkar Vilayet Komitesi'ne-Kumukov'a – 1937 yılının 1 Haziran günü yazdığı mektupla başlıyor: "Sizin 4.3.1937 tarihli mektubunuzu aldım ve büyük bir merakla okudum. Sorularınıza geç cevap verdiğim için özür dilerim.

1. Kaşgarlı Mahmud'un eserinin tek nüshası İstanbul'dadır ve eser orada çoğaltılmıştır.

2. Ben eserin tercümesine 1 Eylül 1935 tarihinde başladım ve içinde bulunduğumuz yılın Nisan ayında bitirdim. Eseri yayıma hazırlıyorum ve düzenlenmesi için Temmuz ayının 1'ine kadar editörlere, Akademik İgnati Kraçovski (16.03.1883 – 24.01.1954) ve Profesör Sergey Malov'a (16.01.1880 – 06.09.1957) takdim etmek üzere Leningrad'da götüreceğim" (AMEA AEİTVSA, fon 39, liste 313, s. 1).

Mektubun üzerine (9 Haziran 1937 tarihinde) şöyle bir not düşülmüş: “Hocayev gözaltına alındığı (hapsedildiği) için mektup yollanmasın ve şahsi dosyasına ilave edilsin”. Halid Seid Hocayev’in dosyasının 2–7. sayfalarında devlet hizmetinde çalıştığı yılların fotokopisi ve işe girebilmesi ile ilgili olarak kaleme aldığı 26 Nisan 1934 tarihli dilekçesi ve anket sonuçları yer almaktadır. 10–15 sayfalarda Halid Seid tarafından yazılan eserlerin adları ve her eserin konusu hakkında iki üç cümlelik bilgi notu vardır. Buradan da Halid Seid’in 13 eserinin tahminen 125 forma tuttuğu, tercüme ederek yayıma hazırladığı Divanı Lügat it-Türk’ün de 70–80 forma olduğu anlaşılıyor.

Halid Seid, Rus dilinde yayımlanmış, «Divani lugat i tyurk» (Mahmuda Kaşkarskogo) makalesinde (Trudu Azerbaydjanskogo, 1936:105–112) tercümenin özelliği, uygulanacak yeni kurallar vb. hakkında etraflı bilgi vererek şunları yazıyor: “Divan’da Türk sözleri Arapça açıklandığı ve sözlerin dizilişi gerekli olan kelimeyi kolay bulmaya imkan vermediği için günümüz insanı ondan yararlanmakta zorluk çekmektedir. Bunun için de çeviri yeni kurallarla basıma hazırlanacaktır. Uygulanacak yeni kurallar şunlardır:

1. “Divan’ın üç cildine yayılmış gramer bilgileri bir yerde toplanacak ve Kaşgarlı Mahmud’un kitaba yazdığı ön sözden sonra verilecektir.
2. Meçhul (belirsiz) fiil şekli ve geniş zaman (belirsiz gelecek zaman) şekli açıklanmıyor, yeni kuralla açıklanacaktır.
3. “Divan”’daki sözlerin hepsi çağdaş alfabe sırasına göre verilecektir.
4. “Divan’daki sözlerin hepsi Arap alfabesi ve Azerbaycan Türkçesi için hazırlanan Latin karakterli alfabe ile verilecektir.

Halid Seid’in metodik makalesi 4 bölümden ibarettir. Birinci bölümde “Divan” hakkında genel bilgi veriliyor, ikinci bölümde yeni kurallar açıklanıyor, üçüncü bölümde tercüme esnasında karşılaşılan zorluluklardan söz açılıyor, dördüncü bölümde ise “Divan”dan örnekler veriliyor (Hocayev H.S. 1936).

Besim Atalay şöyle yazıyor: “Divan-ü Lügâti’t-Türk” Türkiye dışındaki Türklerin de ilgisini çekmiştir. Sovyet (Bilimler – A.Ş.H.) Akademisinin Azerbaycan Şubesi 6 yıl önce bir komisyon kurarak başkanlığına Halit Sait adında birisini getirerek işe başlamıştır. Bu komisyon bir program yapmış, bir de rapor hazırlayarak bastırmıştır.

Komisyon, hazırladığı raporda Divan’dan bir takım örnekler de sunmuştur. Latin harfleriyle yazılan bu örneklerde birtakım hatalar yapılmıştı. Kelimelerin Hakaniye Türkçesiyle, yani eski Kaşgar üslubuyla yazılması gerekirken, bugün Türkistan’daki şehirlerde yaşayan halkın söyleyiş tarzına göre yazılmıştır.

Dile getirilen ve Azerbaycan’da da basılan rapordan sonra bu çalışmanın nasıl bir şey olduğu ve neler yapıldığı konusunda herhangi bir bilgi öğrenemedik. Bu rapor, “SSBC Bilimler Akademisi’nin Azerbaycan’daki Şubesi Çalışmaları” adlı derginin 31. sayısında çıkmıştır” (Atalay Besim, 1943: XXXI, I cilt).

Besim Atalay’ın düştüğü kayıttan da, onun “Divan”ın Azerbaycan’da basıma hazırlanması ve Halid Seid’in makalesi konusunda herhangi net bir bilgiye sahip olmadığı anlaşılıyor. Aslında bu makale, Türk dünyasında “Divanı Lügat-it Türk”ün çevrilmesi ile ilgili ilk çalışmalardandır.

10. KGB Arşivlerinde Halid Seid’le İlgili Yazılanlar

Azerbaycan Devlet Tehlikesizlik (KGB) Bakanı Novruz Rızayev, Azerbaycan Komünist Partisi Merkezi Komitesi sekreterliğine 15 Mayıs 1929 tarihinde yazdığı gizli mektubunda milliyetçi öğretim üyelerini ve öğretmenleri okullardan temizlemek, yani işten atmak için bir komisyon kurulmasını ve bu komisyona gizli olarak KGB elemanlarının tayin edilmesini tavsiye ediyor. Tavsiyede şunlar yer almıştır: “Özellikle Türk edebiyatı, coğrafya ve sosyoloji konularında ders veren öğretim üyelerine ve öğretmenlere karşı yapılan bu temizleme faaliyetinin toplu memnuniyetsizlik oluşturmaması için çeşitli zamanlarda ve ayrı ayrı okullarda hayata geçirilsin” (Genç Azer, 1993:39).

Belgeden şu anlaşılıyor; milliyetçilik daha çok eğitim birimlerinde, aydınlar, ortaokul ve yüksek okul öğrencileri arasında yayğındır. Milliyetçiliğin yayılmasında aktif rol alanlar ise, Sovyet aleyhtarı düşünceye sahip aydınladır (Genç Azer, 1993:39).

Halid Seid'in faaliyeti, Sovyetler Birliği'nin istihbarat elemanlarının gözünden kaçmamıştır. 3 Haziran 1937 tarihinde gözaltına alınırken kendisiyle birlikte 35 yaşındaki eşi Sara, da tutuklanmıştır. 12 yaşındaki kızı Behice, 30 yaşındaki kardeşi Sultan ve 28 yaşındaki kız kardeşi Ruhsara baskı altına alınmıştır.

Devlet Tehlikesizlik Komitesi (KGB) elemanları evden 27 adet çeşitli kitap, Türkiye'de yayımlanan «Cumhuriyet» gazetesinin 1933 yılına ait nüshası, 1927 yılında yayımlanan beş dergi, «Alfabe» kitabı vb. belgeler de almışlardır (AMTNA, iş 12493/72).

Gözaltına alındığında sorgu hâkimi ile arasında geçen diyalog belgelerde şu şekilde yer almıştır:

Sorgu hâkimi: Antibolşevik, pantürkist teşkilata ne zaman girdiniz?

Halid Seid: 1925 yılında tanınmış pantürkist Aziz Salihoviç Gubaydillin'in Bakü'ye gelmesinden sonra.

Sorgu hâkimi: Pantürkist teşkilattaki faaliyetleriniz hangi doğrultuda idi?

Halid Seid: Ben öğrenciler arasında pantürkist propagandası yaparak Sovyet hâkimiyetine karşı olan milliyetçi kadrolar yetiştiriyordum" (AMTNA, dosye 12493/72, Bünyadov, 1993:166).

Uzun yıllar Azerbaycan Millî Güvenlik Bakanlığı'nın arşivlerinde çalışarak elde ettiği belgeler doğrultusunda ondan fazla eser meydana getiren Prof. Dr. Celal Kasımov "Repressiyadan Deportasiyaya Doğru" adlı eserinde şunlara işaret etmektedir; "Sovyet döneminde baskı ve zulme maruz kalan bazı ilim adamları ve aydınlarla ilgili olarak herhangi bir şahıs hakkında makale veya inceleme yazısı yazarken sık sık "güya antisovyet propagandası yapmış", "güya Sovyet hükümetini sevmemiş", "güya pantürkist olmuş", "güya milliyetçi olmuş", "güya…" gibi ifadeler kullanır ve bununla da "suçsuz hükümlü" portresi oluşturmaya çalışıyorlar. Aslında bu suçsuz hükümlülerin büyük çoğunluğu Sovyet rejiminin kanunlarına göre suç işlemiştir. Bu suçlar, bugünkü nesle örnek oluşturabilecek, iftihar kaynağı olacak, gurur duyulacak suçlardır. Onların suçsuz olduklarını ileri sürmek tarihi tahrif etmekten başka hiçbir şeye hizmet etmez. Bu tür ifadelerin kullanılması Sovyet döneminde olumlu kabul edilse de bugün çok şaşırtıcı gelmektedir. Bizler baskı ve zulüm siyasetine maruz kalanların tamamını fark gözetmeden bağımsız Azerbaycan uğrunda mücadele eden şahıslar olarak takdim etmek istemeyiz.

Bolşevikler tarafından "Karşı ihtilalci milliyetçi teşkilat"ın üyeleri olarak suçlananlar, onların yürüttüğü siyasete karşı çıkanlardı. "Karşı ihtilalci milliyetçi teşkilat" derken Sovyet hükümeti, Müsavatçıları, İttihatçıları, Turancıları, kısaca millî kurtuluş yolunda yürütülen mücadeleye katılanları göz önünde bulunduruyordu. Arşiv materyalleri, adlarını bugün de "güya…" ibaresiyle kullandığımız teşkilatların gerçek mevcudiyetlerini ortaya koymaktadır. Aynı zamanda muhacerette yaşayan Azerbaycanlı fikir ve siyaset adamları da Bolşeviklere karşı yürüttükleri gizli teşkilatların çalışmalarını inkâr etmiyorlar" (Gasımov, Celal, 1998:71–72).

KGB'nin sorgu hâkiminin Halid Seid'in yüzüne karşı söylediği: "Azerbaycan'dan Türk Ordusunun çekilmesinden sonra sizin Türkiye istihbarat birimleri ile ilişkinizin olduğu konusunda yeteri kadar bilgimiz vardır". (Bünyadov, 1993:167) sözleri de, onun neden 1918 yılında Özbekistan'a gitmeyip Azerbaycan'da kaldığına ve özgeçmişinde bu yıllar hakkında neden net bilgi vermediği konusuna da ışık tutuyor.

1956 yılında Sovyetler Birliği Komünist Partisinin 20. Kurultayı'nda Stalin suçlu ilan edildi. Bundan sonra 1930'lu yıllarda gözaltına alınan, sürgün edilen ve kurşuna dizilenlere itibarlarını iade etmek için komisyonlar kurduruldu. KGB'de oluşturulan bu komisyonun isteğine binaen, Halid Seid'le ilgili olarak başvurulan bilim adamları kendi düşüncelerini çekinmeden kaydetmişlerdir.

Prof. Ali Sultanlı:

"O, şimdi bile önemini kaybetmeyen, Türk dillerinin mukayeseli grameri eserini yazmıştır. Bu kitap akraba dillerin mukayeseli grameri alanında çok kıymetli bir eserdir. Onun üsluba dair eseri, ortaokul öğretmenleri ve üniversite öğrencilerinin uzun zaman yegâne ders kitabı olmuştur. Son

yıllarda Azerbaycan Türkçesinin tarihi konusunu işlemek gayesiyle Arap kaynaklarını dilimize çeviriyordu. Onun kendi gücünü ve enerjisini Azerbaycan dilciliğinin gelişimi konusuna harcadığını yazdığı eserleri açıkça gösteriyor.

Halid Seid, alçakgönüllü, az konuşan, kendi işini büyük bir sorumluluk duygusuyla yapan bir şahsiyetti".

Akademik Feyzulla Kasımzade onunla ilgili olarak şunları yazmıştır: "Halid Seid'in öğretmen ve öğrenciler arasında büyük nüfuzu vardı. Öğrenciler onu çok seviyordu. Ahlaklı, vicdanlı bir Sovyet öğretmeni idi".

Akademisyen Memmedağa Şireliyev'in yazdıkları: "Ben Halid Seid'i 1933 yılından tanıyorum. Gözaltına alınana dek eski metinlerin okunması üzerinde çalışıyorduk. Derslerde olduğu gibi teneffüslerde de antisovyet propagandaların yapılmasına hep karşı çıkmıştı… Ben Halid Seid'i vicdanlı, namuslu bir Sovyet vatandaşı olarak tanıyorum".

Prof. Mikayıl Refili ise şu notları düşmüştür: "Abdülrıza Salamzade, Seyid Hüseyin Sadıkzade, Halid Seid Hocayev, Veli Huluflu, Hanefi Zeynallı, Ali Kerimov gibi şahıslar konusunda her zaman olumlu fikirler taşımışım" (AMTNA, dosye 12493/72).

1956 yılı Mayıs ayında Halid Seid'le ilgili bilgiler toplayan KGB elemanına böylesine olumlu sözler yazan ve onun üzerindeki mahkûmiyet kararının kaldırılmasına çalışan şahısların nedense gündelik basında çıkan bir tek satırlık yazılarına bile rast gelmedim.

11. Halid Seid'in Kızının Söyledikleri

1973 yılında üniversiteyi bitirdiğimde beni Nahçıvandaki "Şark Kapısı" gazetesinde çalışmak için yolladılar. Bu şekilde merkezden uzaklaşmam, arşivlerde ve zengin kitaplara sahip kütüphanelerde çalışmama engel oldu. Mezuniyet döneminde belirli aralıklarla Bakü'ye gelerek, 1920–1930'lu yıllarda Sovyet temizlik hareketinin kurbanı olmuş aydınlar hakkında elde edebildiğim bilgileri topluyordum. 1979 yılında AMEA Azerbaycanda Elmi İrsin Toplanması ve Sistemleşdirilmesi Merkezi Arşivinde çalışan bir hanım, Halid Seid'le ilgili dosyayı bana verdiği zaman şunları söyledi: "25 yıldır arşivde çalışıyorum, bu zaman zarfında Halid Seid'le ilgilenen ikinci şahıs sizsiniz".

Benden önce bu dosya ile ilgilenen kişinin dilci, dil tarihi uzmanı veya Azerbaycan-Özbekistan edebî ilişkileri üzerinde çalışan araştırmacılardan biri olduğunu düşünüyordum. Basını dikkatle izliyordum, ancak Halid Seid hakkında hiç bir yazıya rast gelmiyordum. "Halid Seid'in hayatı ve faaliyetleri konusunda bilgi sahibi olan bir araştırmacı asla susamaz! Bu belgeleri okuyup inceleyen şahıs niçin susuyor?" diye düşünüp duruyordum. Bir sonraki yıl arşivde çalışırken Halid Seid'in dosyası ile ilgilenen kişinin kimliğini öğrenmek istedim. Arşivde çalışan şahıs günün sonuna dek beklememi ve ancak o zaman sorumu cevaplandırabileceğini söyledi. Günün sonunda bana verdiği küçücük notta şu satırlar yazılmıştı: "Memedova Behce Halid Seidovna. Yabancı Diller bölümünde öğretmen. Adresi: Bakı Hosrov Ruzbeh küçesi (sokak) 44/46, blok 2, menzil (ev no) 31".

Verilen notu okur okumaz Halid Seid'le ilgili dosyayı okuyan şahsın bir araştırmacı değil, Halid Seid'in kızı olduğunu anladım. Tanrım, onu ne kadar aramıştım! Halid Seid'in dosyasında bulunan, Kasım İsmailov caddesindeki 12 numaralı eve defalarca gitmiş, ancak bir sonuç elde edememiştim! Orada değerli bir belge bulamayacağımı iyi biliyordum. Sovyetler Birliği'nin baskı ve yok etme siyasetinin kurbanı olanların aile üyelerinin ekseriyeti gibi, beni de gözyaşlarına, kedere boğacaklardı. Doğrusunu söylemek gerekirse bu acıların buruk da olsa güzel bir yanı vardı. Gerçeklerin yıllar yılı tozlu raflarda beklemesi ve birilerinin onlara yaklaşarak hakikati ortaya çıkarmasına engel olunması ne kadar sürebilirdi ki!? Güneş balçıkla sıvanamadığı gibi, bu tür baskılar bir gün gelip ortadan kalkacak ve gerçekler daha fazla karanlıkta kalamayacaktı, bu da beni mutlu edecekti. Keşke aile üyelerinden, onu tanıyanlardan birini bulabilseydim diye yanıp tutuşuyordum, ama ne yazık ki, hiç kimseyi bulamıyordum. Hatta onların komşuları bile değişmişti. Tam ümidimi yitirmek üzere iken, birdenbire bu millî şehidimizin kızının adresini avuçlarımın içinde bulmuştum.

Bir demet çiçek almayı ve kendime çeki düzen vermeyi de unutarak, taksiye bindiğim gibi elimdeki adrese doğru yöneldim ve on dakika sonra gösterilen adreste kapının zilini çaldım. Düşündüğüm gibi de oldu. Kendimi tanıtıp içeri kabul edildiğimde ve neyi aradığımı söyler söylemez Behice hanım gözyaşlarına boğuldu. Ağlaması konuşmasına engel oluyordu. Babasının hapsedilmesinin üzerinden 40 yıl geçse de, olay dün olmuş gibi idi, hem anlatıyor, hem de hıçkıra hıçkıra ağlıyordu. Ağlaması konuşmasına engel oluyordu. Sakinleştiği anlarda fırsattan istifade ederek konuyu istediğim tarafa yönlendiriyor, belgelerde rastladığım şeylerin doğruluğunu teyit etmek gayesiyle peş peşe sorular soruyordum. Behice hanım ise sorularıma cevap vermiyor, o vakitler başlarından geçenleri birer birer hatırlıyor. "Küçük değildim, hayır, hayır! 12 yaşındaydım. O dehşetli geceyi unutmak mümkün mü? Şimdi de rüyama girdiğinde dehşete kapılarak uyanıyorum. 1937 yılının 3 Haziran günü babamı götürdüler. Kendisiyle birlikte üç bavula da yazdıklarını doldurdular. Babam yazdıklarının yalnızca bir tanesini onlara çaktırmadan anama verdi. Bunu saklayabilirseniz bir gün gelir geçiminizi sağlar, dedi.

– Anama verdiği kitabı son günlerde tamamlamıştı. Anamın gözaltına alınmasıyla onu da kaybettik. Anamı gözaltına almaya geldiklerinde kulağıma şunları fısıldadı: "Koş teyzenlere". O yıllarda babaları, anneleri gözaltına alınanları zorla çocuk ıslah evlerine, yatılı okullara yolluyorlardı. Babasını ve annesini kurşuna dizdikleri, Sibirya'nın buzlu cehennemine yolladıkları kimselerin çocuklarını, beyinlerini yıkayarak Sovyet vatanseverliği duygusu ile yetiştirmek gayesini güdüyorlardı. Akrabalarının himayesinde yetişen çocukların Sovyet Hükümetine nefret duygusuyla dopdolu büyümesinden korkuyorlardı.

– Hiç Taşkend'e gidip babanızın doğum yerini, amcanızı, halanızı, ninenizi ziyaret ettiniz mi?

– Neslimizle ilgili birçok bilgiyi hafızama kaydetmiştim. Dedemler o bölgenin tanınmış Hocalar soyundandır. Adı Seid Ali'dir. Soyadımız "Hocayev" de oradan gelmedir. Babamgiller beş kardeş imiş. Büyüğünün adını hatırlayamıyorum. İkinci kardeşinin adı Sal Hoca, üçüncüsü Hal Hoca, dördüncüsü Ahmet Hoca, beşincisi Sultan Hoca'dır. Hal Hoca, babamın adıdır. Sonradan hocalara hem de seid dediklerinden dolayı bu ifade sonralar Seid Halid'e dönmüştür. Dedemgilin köyü Köşkörğon, Bostanlık ilçesindedir, Çirçik'in yanındadır. Benim adım dokümanlarda Bayca yazılsa da, babam ve evdekiler Behice diye çağırıyorlardı. Babam sonuncu kez Koşkurğana 1936 yılında gitmişdi.

1957 yıllarda eşim Ziya Memmedov işiyle ilgili olarak Taşkend'e giderken beni de götürdü. Birlikte babamın köyünü ziyaret ettik.Orada babamın kardeşi oğlu, matemetik öğretmeni olan Feyzulla yaşıyordu. Müsafiri olduk.

Behice hanım konuştukça, "genetik hafızamız" ifadesi gelip kafamda canlanıyor. Babasının vatanından binlerce kilometre uzaklarda dünyaya gelen, teyzesinin himayesinde büyüyen, Azerbaycan'da üniversiteyi bitiren ve yıllarca burada çalışan Behice hanım öylesine duyarak, içten konuşuyordu ki, sanki Köşkörğon köyünden üç beş gün önce gelmişti (Şamil Ali, 2003:38).

Behice hanım 10 yıldan fazladır kızı Efruzla birge Kanadada torunu Toğrulun yanında yaşayır.

12. Halid Seid Hakkında Yazılanlar

Halid Seid'in kurşuna dizilmesinden 80 yıl, itibarının iade edilmesinden 60 yıl, Azerbaycan ve Özbekistan'ın bağımsızlığından 26 yıl geçmiş olsa da, onun, bağımsızlığımızın ideolojik temelini oluşturan eserleri henüz yayımlanmamış ve bu konuya kendini adayanların hizmetleri gerektiği şekilde anlaşılamamıştır.

Ölümünden 35 yıl sonra "Sovetskaya Turkologiya" dergisi "Divanı Lügatit Türk"ten söz açarken Halid Seid'in de adını anmıştır.

Arif Rehimov, 1985 yılında hazırladığı doktora tezinde şunları yazmıştır: "1930'lu yılların ikinci yarısında Sovyet Sosyalist Cumhuriyetleri Birliği Blimler Akademisi'nin Azerbaycan Şubesi'nin filoloji bölümünün emriyle Kaşgarlı Mahmud'un "Divan"ını Azerbaycan Türkçesine aktarmak için Halid Seid Hocayev'in başkanlığında Prof. P. K. Juze, E. Elesgerzade, F. İsmihanov ve E. Demirçizade'den oluşan bir grup oluşturuldu" (Rehimov Arif, 1985:12).

Sovyetler Birliğinde Gorbaçov döneminden sonra Halid Seid Hocayev'le ilgili olarak Asker Guliyev (Guliyev Asker, 1988 sayı 11, Guliyev Asker 1991), Adalet Tahirzade (Tahirzade

Adalet,1988:76–97), Ziya Bünyadov (Bünyadov Ziya, 1993), Adil Babayev (Babayev Adil, 2003), Azer Turan(Azer Turan, 2009), Ali Şamil Hüseyinoğlu (Hüseyinoğlu Ali Şamil, 2002, Hüseyinoğlu Ali Şamil, 2008) veb. araştırmaları yayınlandı.

Dr. Asker Guliyev araştırmasında şu notları düşmüştür: "Bu eserler (H.S.Hocayev'in "Sentaks" ve "Üslup Nazariyesi" adlı eserleri kastediliyor – A.Ş.H.) Halid Seid'in ortaya çıkarılmayan araştırmaları değildir. Onun bunlardan başka 12 forma hacminde "Türk Dillerinin Tarihi Grameri" adlı eseri de vardır. Sovyetler Birliyi Blimler Akademisi'nin Azerbaycan Şubesi'nin siparişi ile yazdığı tarihî genel Türk grameri konusunu işleyen bu eser, Kaşgarlı Mahmud'un "Divan'ının kaynakları esas alınarak kaleme alınmıştır. Halid Seid gözaltına alındığında bu eseri de kaybolmuştur.

"Verilen bir bilgiye göre "Divan"ın tam tercümesi 1939 yılında tamamlanmış ve aynı yıl S. Malov ve A. Kononov tarafından düzenlenmiş, yayınlanması için takdim edilmiştir… Lakin 1960'lı yıllarda tercüme tekrar ele alınmış ve üzerinde yeniden (E. Demirçizade, E. Ceferov, C. Efendiyev) çalışılmıştır (Tahirzade Adalet, 1973: 4, sayı 1.).

O zamandan beri "Divan"ın tercümesi saygın komisyonlar tarafından incelenmiş, bazı düzenlemeler yapılmış, tercümecilerin listesine yeni-yeni soyadlar ilave olunmaya devam etmiştir… Halid Seidin adı bu listede hala durmaktadır (Guliyev Asger, 1988:23 Temmuz)".

Asger Guliyev'in, Halıd Seid'le ilgili olarak kaleme aldığı "*İki Halkın Oğlu*" adlı makalesi, Osman Goşgar tarafından Özbekistan Türkçesine aktarılmış ve "*Gülistan*" dergisinde yayınlamıştır (Ceferov,1988: 17 Aralık).

Besim Atalay, "Divanı Lügat-it Türk"ün tercümesinin birinci cildinde (1985) H. S. Hocayev'le ilgili bilgi veriyor. Timur Kocaoğlu, "Türkistanlı Dilci Halid Seid'in Türk Lehçelerinin Karşılaştırmalı Grameri" adlı makalesini "Türk Kültürü" dergisinde (1985), "Azeri Bilgini Halid Seid'in Türk Lehçelerinin Karşılaştırmalı Grameri" makalesini ise "Tarih İncelemeleri" dergisinde (1986) yayınlatmıştır. Bunların her ikisinden de Sovyetler Birliği'nin demir perdeleri darmadağın edildikten sonra haberim oldu.

F. Aşnin de 1980 yıllardan Halid Seid Hocayevle ilgili araştırmalara başlamış, Behce hanıma mektuplar yazmış, ne yazık ki, çok degerli ve kaynaklara dayanan makalesini 2002 yılda yayınlada bilmişdir (Aşinin F., Alpatov V., Nasilov D., 2002:110)

1996 yılında Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı'nda "Halid Seid'in "Osmanlı, Özbek, Kazak Dillerinin Mukayeseli Sarfı" adlı eseri ve bugünkü Türkiye, Özbek, Kazak Türkçelerinin karşılaştırmalı grameri konusunda, Yrd. Doç. Dr. Mustafa Çıpan'ın danışmanlığında yüksek lisans tezi hazırlayan Mustafa Toker, Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisinin 2. sayısında "Halid Said Hocayev ve Yeni Elifba Yollarında Eski Hatıra ve Duygularım Adlı Eseri" makalesini de yayınlatmıştır. On yıl sonra ise Mustafa Toker, Ufuk Deniz Aşçı ile birlikte Hocayev Halid Seid'in "Yeni Elifba Yollarında Eski Duygu ve Hatıralarım" kitabını Ankara'da Türk Dil Kurumu Yayınları arasında yayınlatıyor (Toker Mustafa, Aşçı Ufuk Deniz, 2007). Selçuk Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü Araştırma Görevlisi Fatih Erbay, bu konuda Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları Volume 2/3 Summer 2007 sayısında geniş bilgi veriyor.

Özbekistan'da ise Halid Seid Hocayev hakkında 4 makale yayınlanmıştır. Onlardan ikisi, Asker Guliyev'in makalesi ("Gülüstan" dergisinin 1988 yıl 11. sayı) ve benim ("Jahan edebiyotı" dergisinin 2008 yıl 1. sayı) Azerbaycan'da yayınlanan makalelerimizin çevirisidir.

Abdusolik Kulboev'in "Kommunizm uçun" gazetesinin 1989 yılının 22 Nisan sayında yayınlanmış "Kuşkurğonlik olim" (Kulboev Abdusolik, 1989) ve Anvar Jabborov'un "Kommunizm uçun" gazetesinin 1990 yılı 5 Temmuz sayısında yayınlanan "Holid Said Hujaev" (Jabborov Anvar, 1990) makaleleri, merhum araştırmacımızı tanıtmak bakımından dikkati çekse de onlar Asker Guliyev'in "Golustan" dergisinin 1988-ci il, 11. sayında yayınlanmış "İkki halk farzandı" yazdıklarının tikrarından ibarettir.

Halid Seid Hocayev ile ilgili olarak edinebildiğimiz belgeler, 49 yıl ömür sürmüş, ömrünün 30 yılını Türk halklarının istiklali ideali uğruna adayan bu büyük insanın, gençliğinde askerî birlikler ve örgütlerde yer aldığını gösteriyor. O, 1922 yılından sonra Türk halklarının birliği için ortak dil, ortak kültür ve ortak alfabe oluşturma yolunda büyük çaba göstermiştir.

1925 yılından itibaren ise Birleşik Türk-Tatar Devleti kurmak gayesiyle bir teşkilat oluşturmuştur. Bu teşkilata Rusya'da esaret altında olan Türklerin aydınları, bilim adamları, devlet kademesinde yüksek makamları işgal edenler, ordu mensupları vb. alınmıştır. Onların istekleri o zamanlar gerçekleşme imkânı bulamadı ve Sovyet ceza makinesi bu kıymetli şahsiyetleri 1937 yılında sudan bahanelerle ve uyduruk mahkemelerin sahte kararlarıyla, birçoğunu da yargısız infazla şehit etti. Anca onların istek ve ülküleri yaşayarak geç de olsa hayata geçti. Aslında bir ideolojinin gerçekleşmesi için 50 veya 100 yıl pek o kadar da fazla uzun bir zaman dilimi değildir.

Ali Shamil Huseyn oglu

Halit Sait who dedicated his life to joint Turkish culture

Abstract: *Halit Sait Hojayev was born in 1888 in Koshkuran-nearby village Tashkent, capital of Ozbekistan. After leaving school Halit Sait Hojayev left for Istanbul where he studied in the faculty of history-literature in Darulfun. In 1918 he came to Azerbaijan together with Caucasus Islam Army formed under Nuri Pasha's leadership. Though the army was able to free Azerbaijan from Russian occupation by conducting the realization of Republic, the treatments Sever and Mondros prevented the liberation of Turkistan. Halit Sait had to work in Azerbaijan for two years.*

The occupation of Azerbaijan by Russian Soviet Army in 1920 urged Halit Sait to leave for Ozbekistan. In 1922 he came back to Azerbaijan and worked as a teacher in Baku and in other regions. He published his books such as "Osmanlı, Özbek, Kazak Lehçelerinin Mukayeseli Sarfı-Nahvi" (Comparative Grammar of Ottoman, Ozbek, Kazak Accents-1926), "Yeni elifba yollarında eski hatıra ve duygularım"(My old memories and feelings on the way to new alphabet-1929), "Muhtasar üslubiyat" (Concise Style-1934) and others.

Halit Sait Hojayev's activities are remarkable for their role in helping Ozbek students to get the chance of studying in the universities and gymnaziums in Baku and translating Mahmoud Kashgarli's "Divanı luğet i-it Türk" (The Dictionary of Turkish Language) from Arabian into Turkish and preparing it to be published in 1930.

He was accused of forming secret organization together with bureaucrats and intellectuals for the freedom of the nations who suffered from Russian oppression and for the establishment of Joint Turk-Tatar state and was executed by shooting together with his companions in September 12, 1937

Keywords: *Halit Sait Hojayev, Comparative Grammar of Ottoman, Ozbek, Kazak Accents, The Dictionary of Turkish Language.*

Kaynaklar:

1. Azerbaycan Milli Bilimler Akedimisi Azerbaycanda Elmi İrsin Toplanması ve Sistemleşdirilmesi Merkezi Arşivi (AMEA AEİTVSMA), fon 39, liste 313, Hocayev Halid Seid'in dosyası.
2. Aşinin F., Alpatov V., Nasilov D. (2002). Repressirovannaya tyurkologiya, Moskva.
3. Atalay Besim. (1943). "Divan-ü Lugati-it Türk" tercümesi, I cilt. s. XXXI
4. Azerbaycan Millî Tehlikesizlik Nazirliği'nin (İstihbarat Bakanlığı) Arşivi (AMTNA), Hocayev Halid Seid'in dosyası 12493/72
5. Azerbaycan Sovyet Anskilopedisi (ASE). (1979) 3. cild, Bakü.
6. Babayev Adil. (2003) Elimizin ve İlmimizin Soykırımı, 1. kitap, Bakı Üniversitesi neşriyatı, Bakı.
7. Birgen Muhittin. (2006). İttihat ve Terakki'de On Sene (İttihat və Tərakki'nin sonu). Hazırlayan və Notlayan Zeki Arıkan, ikinci cilt, Kitapyayınevi, İstanbul.
8. Bünyadov Ziya.(1993), Kırmızı Terör. "Azerbaycan Dövlet Neşriyatı". Bakı. (Kitaba alınan makalelerin ekseriyeti Z. Bünyadov tarafından 1988 yılından başlayarak «Elm» gazetesinin çeşitli sayılarında ve başka gazetelerde yayımlatılmıştır.

9. Butan Ahmed. (2011). Kurşunlanan türkoloji, Gözden keçirilmiş 3. Baskı, “Akçağ” nəşriyyatı, Ankara.
10. Ceferov E. (1988) Halid Seid Ana Yurdunda. “Elm” gazetesi, 17 Dekabr (Aralık), sayı, 48 (174).
11. Genç Azer. (1993). (İstintak Materialları Üzre) Senetleri çapa hazırlayan (Belgeleri yayıma hazırlayan): B. C. Refiyev. «Azerneşr», Bakı.
12. Gasımov Celal. (1998). Repressiyadan deportasiyaya doğru, “Mütercim” neşriyyatı, Bakü.
13. Guliyev Asker. (1988), İki Halkın Oğlu. “Elm” gazetesi, 23 iyul (Temmuz), sayı, 29 (127).
14. Guliyev Asker. (1988). İkki halk farzandı, “ Golustan” dergisi, sayı 11.
15. Guliyev Esger. (1991). Halid Seid, “Ana sözü” gazetesi, Bakı.
16. Hocayev, Halid Said (2006); *Yeni Elifba Yollarında Eski Duygu ve Hatıralarım*, (Haz. Mustafa TOKER-Ufuk Deniz Asçı), Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
17. Hodjayev H.S. (1936) Divani luğati tyurk (Mahmuda Kaşkarskoqo), Trudı Azerbaydjanskoqo Filiala. Linqvistiçeskaya serya. XXXI, Baku
18. Hüseyinoglu, Ali Şamil. (2002). Türk Edebiyatı Araştırmacısı Emin Abid. “Türk Dünyası” (Dil ve Edebiyat dergisi)(Ankara), Güz, sayı 14.
19. Hüseyinoglu Ali Şamil. (2008) Katağon Kurboni. “Jahon Adabiyoti” dergisi (Taşkend), sayı, 1(128) Ocak.
20. Jabborov Anvar. (1990). Holid Said Hujaev, “Kommunizm uçun” gazetesi 5 Temmuz.
21. Kocaoglu Timur. (1985), “Türkolojide Eserler II: Türkistanlı Dilci Halid Said’in Türk Lehçelerinin Karsılastırmalı Grameri”, *Türk Kültürü*, 266: 28–38.
22. Kocaoglu Timur. (1986), “Azeri Bilgini Halid Said’in Türk Lehçelerinin Karşılaştırmalı Grameri”, *Tarih incelemeleri Dergisi*, 2: 349–359.
23. Kulboev Abdusolik. (1989). Kuşkurğonlik olim, “Kommunizm uçun” gazetesi, 22 Nisan.
24. Nerimanoğlu Kamil Veli, Atakişiyev Aliheyder. (2006). 1926-cı il I Bakı Türkoloji kurultayı (Stenokram materialları, biblografiya ve foto-senetler. Rusça’dan tercüme, ön söz ve şerhlerin müellifi: Prof. Kamil Veli Narimanoğlu, elmi işçi Alihaydar Ağakişiyev), “Çinar-Çap” neşriyatı, Bakı.
25. Rehimov Arif. (1985). Mahmud Kaşkarinin “Divani Lüğet-it Türk” Eseri ve Azerbaycan Dilçiliğinin Leksikası, (Filologiya Elmleri namizedi alimlik derecesi almak için takdim edilmiş dissertasiya), Azerbaycan Elmler Akademiyası Esas Kütüphanesi, Bakı.
26. Sadayı Turküstan gazetesi, 1914, 6, 11, 23 Mayıs, 15 Haziran.
27. Salamzade Gemer. (1990). “Küçük Pencereden Görünen Dünya”, Azerbaycan Devlet Neşriyatı, Bakı.
28. Seid Halid. (1914). Mektub Taşkendden, “Tercuman” gezetesi, 23 Şubat, sayı 43.
29. Seid Halid. (1923). Dördlük, “Maarif ve medeniyyet” dergisi, sayı 3
30. Seid Halid. (1926). Osmanlı, Özbek, Kazak Dillerinin Mukayeseli Sarfi. Azerbaycan Tetkik ve Tetebbö Cemiyetinin Neşriyatı, Bakı.
31. Seid Halid. (1929). Yeni Alfabe Yollarında Eski Hatıra ve Duygularım, “Yeni alfabe Komitesi” neşriyyatı, Bakı.
32. Said Ziyo. (2009). Özbek vaqtli matbuoti tarixiqa materiallar, Taşkend.
33. Şamil Ali. (2003). Halid Seid. «Filologiya Araşdırmalar» Toplusu, sayı 19.
34. Tağızade A., Hocayev H.S. (1934). Muhtasar Üslubıyat, «Azerneşr», Bakı.
35. Тагирзаде Adalet. (1988). Наследие. Халид Саид Ходжаев. Советская Тюркология, номер 3, ст. 76–97.
36. Tahmazov Raşid.(2012). “Çalı kuşu”nda janr husisiyyetleri, Şark filologiyası meseleleri (Makaleler toplusu), altıncı baskı, “Çan evi” neşriyyatı, seh. 544–553.
37. Tercuman gezetesi, 1914, 23 Şubat.
38. Toker, Mustafa. (1996), «Halid Said Hocayev ve Yeni Elifba Yollarında Eski Hatıra ve Duygularım Adlı Eseri», *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi*, 2: 409–418.
39. Turan Azer. (2009). Haild Seid Hocayev, Bakü.
40. Ziyo Said. (2009).Özbek vaqtli matbuoti tarixiqa materiallar, Toşkent.

УДК: 821.512.161:82-3:821(4)

Абдурахманова Мераль Вадимовна[1]
E_mail: meral02@mail.ru

Влияние жанров западноевропейской литературы на турецкую литературу XX века

Аннотация: *Статья посвящена выявлению основных влияний прозаических жанров западноевропейской литературы на турецкую литературу XX века, а также анализу прозаических жанровых структур турецкой и западноевропейской литературы. В статье рассмотрены такие прозаические жанры западноевропейской литературы, как короткий рассказ, роман, притча, басня, сказка, и театральная пьеса, а также их влияние на развитие турецкой литературы.*

Ключевые слова: *Западноевропейская литература, влияние жанров, турецкая литература, проза, рассказ, роман, театральная пьеса, XX век.*

Турецкая литература – неотъемлемая часть мировой литературы, которая прошла долгий путь от огузской литературы до современного рассказа, пережила конфликты западной и восточной культуры, ислама и христианства. Рассматривая литературные труды тюркских писателей и народов, их письменные памятники и литературные произведения западноевропейской литературы, можно увидеть путь развития турецкой литературы и влияние на него извне на протяжении двадцати столетий.

Данная тема была исследована такими учеными, как Şükran Kurdakul в работе «Современная турецкая литература Конституционного периода», «Современная турецкая литература Республиканского периода», Mahmut Alptekin в работе «Sait Faik, писатель рассказов», Sait Faik «История прозаических жанров», Çetişli İsmail «Турецкие прозаические жанры Республиканского периода», Nutku Özdemir «В эпическом театре», Айзенштейн *Н.А.* «*Из истории турецкой литературы* », Фиш *Р.Г.* «*Писатели Турции – книги и судьбы*», Charles Wells *"*Турецкая литература*"* [2].

В отличие от западноевропейской литературы, на формирование турецкой литературы оказали влияние как сказки и народные придания, так и жанр короткого рассказа. Уже в XIX веке была осуществлена попытка внедрения новых западноевропейских жанров, таких как роман, пьеса, и рассказ в турецкую литературу. Открытие западных школ для турецкой интеллигенции и последующая отправка студентов за границу, публикации газет, европейские театральные представления в Стамбуле, открыли Турцию для влияния Западной цивилизации. Интеллектуалы, выросшие на западных произведениях, и получившие образование за границей, начали распространение западной культуры у себя на родине с 1840 годов. Первыми авторами рассказов в западном смысле были Ahmet Mithat Efendi и Emin Nihat, семь историй которого составили книгу «Müsameretname». Первым популярным литературным сборником являлся сборник рассказов Samipaşazade Sezai «Маленькие вещи». Первые переводы западных произведений появились в газете "Tercüman-ı Ahval" в 1860 году. Писатель Şinasi, получая образование во Франции, начинает свою литературную деятельность с переводов французских произведений на турецкий язык, которые он публи-

[1] ***Абдурахманова Мераль Вадимовна,*** студент группы АТ-14, факультет истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

кует в сборнике “Terceme-i Manzume” в 1858 году, государственный деятель Yusuf Kâmil Paşa переводит знаменитый французский роман Франсуа Фенелона «Телемак» на турецкий язык. Затем следуют переводы таких произведений как: «Отверженные» Виктора Гюго, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма [4].

С 1875 года просматривается влияние французских романов на турецкую литературу. Появляются экспериментальные прозаические произведения с элементами сатиры, развивается литературная критика. Fikret публикует литературную работу «toplum için sanat», написанную под влиянием французских идей реализма, парнасизма и символизма, идей «Искусства ради искусства». Одними из первых писателей романистов в мировой литературе были Мигель де Сервантес, Франсуа Рабле, Данте Алигьери [5].

После принятия конституции в 1921 году политические изменения оказали влияние на литературные движения. Романы реалистично описывали жизнь турецкой провинции. Начало новой эры в турецкой литературе положил Ömer Seyfettin. За ним последовали Halide Edip Adıvar, Reşat Nuri Güntekin, Refik Halit Karay, Selahattin Enis, Sadri Ertem, Cemal Kaygılı, Sabahattin Ali, Kenan Hulusi Koray, Nahit Sırrı Örik, Bekir Sıtkı Kunt, Mahmut Şevket Esendal. Первый период литературы Танзимата характеризуется тем, что писатели, воспитанные на литературных трудах Вальтера Скотта и Жан Жака Руссо, привносят в свои произведения новые идеи, не характерные для турецкой литературы того периода. Писатели выступают против политических преследований, несправедливости, неравенства, коррупции и невежества. Они пытаются донести до людей концепцию свободы, равноправия, родины, нации, самосознания и борьбы за свои права [6].

Литературные изменения коснулись также театрального искусства. В 1960х годах концепция театра кардинально меняет свою парадигму благодаря Haldun Taner, который внес в свой театр более выразительное повествование, а также принял концепцию эпического театра Бертольда Брехта. Театр Gülriz Sururi-Engin Cezzar, создававший эпические мюзиклы, объединил концепции эпического театра с его общественно-политическими идеями с традиционными турецкими постановками [1].

Параллельно жанру эпической театральной пьесы в Турции XX века развивается жанр новеллы. Наиболее популярными новеллами того периода считаются новеллы Ги де Мопассана, отличающиеся своей жанровой самобытностью. В Турции в этом жанре пишут новеллы Ömer Seyfettin, Refik Halit Karay, Hüseyin Rahmi Gürpınar и Reşat Nuri Güntekin [3].

Существенное влияние на Турецкую литературу также оказал жанр «Чеховского рассказа», показывающего не определенное событие, а целую часть человеческой жизни. Акцент в рассказах Чехова делается не на идею, а на чувства и эмоции людей в повседневной жизни. Работы данного жанра встречаются у Sait Faik Abasıyanık, Memduh Şevket Esendal и Tarık Buğra.

Также, на турецкую литературу двадцатого века в жанре «современного рассказа» повлиял Франц Кафка. Современный рассказ – это жанр, в котором поиск истины и мечты героя сочетаются с глубокими идеями, над которыми человек не задумывается в своей повседневной жизни. Представителем данного жанра в турецкой литературе является Haldun Taner, показавший социальные проблемы современного общества, с долей философии и иронии.

Таким образом, можно сказать, что целью изучения турецкой литературы является выявление исторических и литературных процессов, одним из которых является влияние одной культуры на другую. В результате изучения таких прозаических жанров, как короткий рассказ, новелла, роман, современный рассказ и театральная пьеса, можно сделать вывод, что западноевропейская литература в двадцатом веке внесла значительный вклад в развитие турецкой литературы. Благодаря произведениям Ги Де Мопассана, Ф. Кафки, В. Гюго, А. Чехова, М. Сервантеса, Ф. Рабле, и Д. Алигьери турецкие литературные произведения отошли от традиционных норм и эволюционировали в эстетическом, философском, жанровом и других аспектах [5].

Abdurahmanova Meral Vadimovna

Influence of genres of the European literature on the Turkish literature of the XX century

Abstract: *Article is devoted to identification of the main influences of prosaic genres of the European literature on the Turkish literature of the XX century and also the analysis of prosaic genre structures of the Turkish and European literature. Article is devoted to consideration of the prosaic genres of the European literature as the short story, the novel, a parable, the fable, the fairy tale, the play and also their influence on development of the Turkish literature.*

Keywords: *European literature, influence of genres, Turkish literature, prose, story, novel, theatrical play, the XX century.*

Литература:

1. Aktürel T. Tiyatro İçin Küçük Araç. Bertolt Breht / T. Aktürel. – İstanbul: Can Yayınları, 1962. – 90 s.
2. Alptekin M. Bir Öykü Ustası: Sait Faik. / M. Alptekin – İstanbul: Dilek yayınevi, 1984. – 34 s.
3. And M. Türk Tiyatro Tarihi. / M. And. – İstanbul: İletişim Yayınları, 1992. – 45 s.
4. Çetişli İ. Cumhuriyet Türk Nesri. / İ. Çetişli. – Anadolu: Akçağ Yayınları, 2012. – 13 s.
5. Enginün İ. Cumhuriyet Dönemi Türk Edebiyatı. / İ. Enginün. – İstanbul: Dergah Yayınları, 2010. – 110 s.
6. Güzel A. Türk Halk Edebiyatı. Dini Tasavvufi Türk Edebiyatı. / A. Güzel. – Anadolu: Akçağ Yayınları, 2004. – 279 s.
7. İpsıroğlu Z. Tiyatroda Yeni Arayışlar. / Z. İpsıroğlu. – İstanbul: Düzlem Yayınları, 1992. – 98 s.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО – ТАСВИРИЙ АМЕЛИЙ САНАТ

УДК: 070:82-92.792.2

Керимова Севиль Асановна[1]
E_mail: alimes@mail.ru

XIX асырнынъ сонундаки къырымтатар миллий театримизнинъ ильк адымлары акъкъында малюматлар

Анълатма. *Макъаледе къырымтатар сахна санатынынъ XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында шекилленмеси ве инкишаф этмеси акъкъында малюмат берильмекте. О заманнынъ куньделик матбуаты талиль этилип, джериделерде булунгъан материалларгъа эсасланаракъ, Багъчасарай, Гёзлеве, Карасувбазар ве Кефедеки генч къырымтатар артислери ве оларнынъ сахна чалышмалары ачыкълана, иджатларына къыймет кесиле. Артистлерден Джелял Меинов, Исмаил Леманов, Сеит-Джелиль Хаттатов ве Мансурскийнинъ исимлери кечмекте. С.А. Озенбашлы ве А.С. Айвазовнынъ язгъан ильк драмалары къыскъадан талиль этиле.*

Анахтар сёзлер. *Къырымтатар театри, драматургия, артистлик усталыгъы, сахна санаты.*

Белли ки, Къырымда театрнинъ инкишафы къадимий девирлер иле багълыдыр. Бутюн СНГ территориясында биле энъ эски театр Къырымда, Херсонесте, милядийден эввель учюнджи асырнынъ орталарында къурулгъан театр сайылыр. Онынъ фрагментлери бу куньгедже сакълангъандырлар. Ишбу театр къурулгъанда, 3200 (учь бинъ эки юз!) сейирджи ичюн де ер япылды [1].

Ханлыкъ заманларына аит театримиз акъкъында да баягъы меракълы малюматлар булунмакъта. Шунынъ ичюн театримизнинъ тарихи иле багълы библиография баягъы кенъ бир черчиве къапламакъта.

Къырым тарихининъ чокъ меракълы ве къыйметли левхаларындан бири – бу чешит сеяхатчыларнынъ асырлар девамында Къырым акъкъында къалдыргъан язылардыр. Кенди козьлеринен корюлип язылгъан шейлердир. Меселя, фламанд сеяхатчысы Виллем Рубрук Къырымгъа 1253 сенеси келип, корьгенлерини язылы шекильде къалдырды. Араб сеяхатчысы Ибн Батутта Къырымгъа 1334 сенеси, немсе сеяхатчысы И. Шильтбергер X асырнынъ башында, испан сеяхатчысы П. Тафур XV асырнынъ башында, католик Иоанн Галлифонтен XIV асырнынъ сонъу ве XV асырнынъ башында, лех сеяхатчысы Мартин Броневский

[1] ***Керимова Севиль Асановна,*** к. искусствоведения, доц., старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь)

XVI асырда Къырымда булунып, корьгенлерини тафсилятлы сюретте язып къалдырдылар. Франсыз алими ве сеяхатчысы Жак де Люкнинъ 1625 сенеси Парижде нешир этильген китабында Къырымнынъ турмушы ве медениети баягъы кениш косьтериле. Дортелли д`Асколли, Гийом де Боплан киби сеяхатчыларнынъ 1634 ве 1650 сенелери нешир этильген Къырым акъкъында китаплары айрыджа дикъкъаткъа ляйыкътырлар. Мешхур тюрк сеяхатчысы Эвлия Челебининъ (XVII асыр) 10 томлукъ «Сеяхат китабы»нынъ айры бир джылты Къырымгъа багъышланып сонъ дередже меракълы ве мундериджели олгъанындан, дефаларджа дигер тиллерге, шу джумледе бир къач кере рус тилине чевирильди [2].

Эбет, онлар ве юзьлердже бу ве бойле китапларда Къырымнынъ башкъа саалары иле берабер медениети де акс эттирилип, эски театримиз иле багълы парчалар да расткельмектедир. Меселя, маджаристанлы Барон де Тотт Франса консулы сыфатында 1767–1769 сенелери Къырымда булунгъаны акъкъында языларны Амстердамда 1784 сенеси нешир этти. Бир къач йыл эввель бу китап тюркчеге де чевирильди [3].

Театримизнинъ тарихинде мешхур франсыз комедиографы Мольер иле багълы даа бир меракълы факт белли. Немсе тарихчиси Теодор Мундтнынъ хаберине коре, 1760 сенеси Багъчасарайдан Парижге ёлланылгъан бир мектюпте Людовик XV-нинъ шахсий кятиби Руфинге Мольернинъ «Тартюф» эсери къырымтатарджагъа чевирильмеси буюрыла! [4].

Ханлыкъ девриндеки театримиз хусусында библиография тизилиркен, мутлакъ «Къаракозь» яхут «Къаракозь ве Аджыват» киби халкъ кольге оюнларына дикъкъат этмели. Бу оюнлар юзйылларджа халкъымызнынъ арасында юрип, миллий театримизнинъ ильк адымлары сайылыр. Къаракозь ве Аджыват киби персонажлар чешит типлерге уйып, эм ханларнынъ тарихий сеферлерини, эм халкъ агъзында юрьген масалларны, эм де чешит лятифелерни сюжет ве сценарий оларакъ къулландылар. Къаракозь ве Аджыват персонажларынынъ ойнагъан классик сюжетлери тюрк алими Джевдет Къудрет тарафындан «Къаракозь» серлевасы алтында 1968, 1969 ве 1970 сенелери Истанбулда нешир эттирильгендир [5].

Къырымда «Къаракозь» оюнлары акъкъында В.В. Угриновичнинъ «Старые традиции крымских татар» макъалесинде де меракълы шейлер расткетиремиз [6].

Бу сой халкъ оюнлары акъкъында профессор Севинч Сокуллынынъ «Тюрк театросында комедиянынъ эврими» (Анкара.-«Кюльтюр Баканлыгъы Яйынлары». – 1997. – 369 с.) монографиясында тафсилятлыджа малюмат алмакъ мумкюн. Ве кене о девирлер иле багълы араштырмалардан А.З. Сойсалнынъ «Ханлыкъ девринде Къырым-тюрк кюльтюрю» (Истанбул, 1941. – 27 с.) китабыны бакъмалы [7].

1783 сенеси Къырым Русие империясы тарафындан басылып алынгъан сонъ, бинълердже адамларымызнынъ далгъа-далгъа хиджретлери Къырымны эртарафлама терен дургъунлыкъкъа алып кельди. Аман-аман 100 йыл девамында Ватанымызда медениетнинъ нефес алмасы хусусында биле малюмат ёкъ дереджесинде. 1832 сенеси Къазанда басылгъан Сеид Мухаммед Ризанынъ «Ас-себ-ус сейяр фи ахбар мулюки татар» («Еди сейяре яхут татар ханлары акъкъында хаберлер»), 1870 сенеси Истанбулда басылгъан Халим Гирайнынъ «Гюльбюни ханан» («Ханларнынъ гуль багъчасы») ве Къырымнынъ озюнде рус рухунынъ яйылмасына хызмет эткен базы уфакъ-тюфек китапчелеринден башкъа ич бир шей корюнмей…

Бу дургъунлыкъ ве къара бошлукъ ялынъыз И. Гаспринскийнинъ 1883 сенеси мейдангъа кельген «Терджиман» газетасы иле артыкъ чекильмеге башлай.

1888 сенеси «Бахтияр» намлы пьеса айры китапчыкъ шеклинде нешир этильген эди, ве сонра сахнагъа къоюлгъан. Китапнынъ джылтында бойле языларны коремиз: «Бахтияр». Эсер Мустафа Хильмийнинъ. «Терджиман» джеридеси (газетасы – С.К.) мухаррири тарафындан нешир олунмыштыр. Шехр-и-Багъчасарай. Басмая рухсеттир: Петербург 20 март 1888 с.».

XIX асырнынъ сонъунда къырымтатар театро дестеси тарафындан ойналгъан спектаклерден даа бириси – тюрк языджысы Намикъ Кемалнынъ «Заваллы чоджукъ» пьесасы-

дыр. Бу учь пердели пьеса биринджи кере 1873 сенеси Истанбулда «Шаркъ матбаасы»нда нешир этильди.

Театримиз акъкъында къуру хаберлерден энъ устюн турып, сахна санатымызнынъ «ичтен» косьтерген, оны козь огюнде баягъы айдын джанландыргъан, эбет, Джелял Меиновнынъ 1925 сенеси «Енъи дюнья» газетасында (ноябрь 17, ве девамы «Илери» журналы 1926. – № 1. – С. 40–45) басылгъан «Къырымда татар театросы» серлевалы макъалесидир. 1881 сенеси догъгъан Джелял Меинов генч чагъында театрге айрыджа авеслик косьтерип Багъчасарайда XIX асырнынъ сонъунда тешкиль этильген театр дестесине (труппасына) къошула. Чешит роллер ойнап озь артислик истидадыны вира арттыра. Шу вакъытларда ойналгъан пьесаларнынъ аман-аман эписинде иштирак эте. Бильгенимиз киби, сонъундан (1920-нджи сенелери) Джелял Меинов кендисини Къырымнынъ энъ мешхур артист ве режиссёры оларакъ таныты.

«Терджиман»да басылгъан театр акъкъында парчаларгъа келиндже, биринджи информация 1886 сенеси февраль 4 ве 7-де чыкъкъан нусхаларында Михайли эфендининъ эвинде татарджа къоюлгъан оюн, ве сейирджилер арасында татарларнен берабер къараим ве урум яшлары булунгъаны акъкъындадыр.

Сонъундан къырымтатар халкъынынъ белли эрбаплары оладжакъ И.Леманов, С.Хаттатов ве Мансурский киби генчлер тарафындан насылдыр татарджа «нумайышлар» косьтергенлери хусусында «Терджиман»нынъ 1897 сенеси март 3-те чыкъкъан нусхасында хабер бериле. Бу генчлер сонъундан да чешит спектакллерде иштирак эткен эдилер. И.Лемановнынъ исе «Зынджырлы медресе»де арапча дерс бергенини козь огюне алсакъ, дин хадимлерининъ арасында да о заманда бир чокъ прогрессив шахсларнынъ (шу джумледе «Зынджырлы»нынъ мешхур мудерриси Аджы Абибулла Эфенди) булунгъаныны коремиз.

О девирде сахна санатына сыджакълыкъ ве севги Акъмесджиттеки талебелер де беслей эдилер. 1898 сенеси январь 6-даки нусхада мезкюр талебелернинъ музыкаль тедбирлеринде (кендилерининъ мектеп оркестри де бар экен) декламация ве сахна санаты косьтерильгени ве давет этильген мусафирлернинъ гонъюллери гъает хош олгъаны хабер этиле.

Бир къач айдан айны мектепнинъ талебелери демиръёл иле Багъчасарайгъа келип, шеэрнинъ меркезий джаддесинден юзьлернен Багъчасарай талебелерининъ оздурылмасы ве музыка чалып кечмелери, ве акъшам Хансарай азбарында концерт иле чешит нумайышлар, иллюминациялар ве данс тешкиль эткенлери ерли джемааткъа бир байрам багъышлагъан киби олдулар. Музыка ве сахна оюнларына авесли яшларнынъ авторитети о къадар кучьлю эди ки, Кок-Козь коюнден мырза Сеидбек Булгаков шу мектеплилерни Кок-Козьге ве Яйлагъа кельмелери ичюн керекли микъдарда файтонлар йибергендир («Терджиман». – 1898. – Майыс 10).

XIX асырнынъ сонъундаки девир исе, театримизнинъ ве умумен миллий медениетимизнинъ янъыдан джанланма ве «уянма» деври эсап этилир.

Къырымнынъ медениети ве илими джанланыркен, миллий джемиетимизнинъ дюнья бакъышлары ве атта кийиниши, юрюши, отурышы-турушы да тюрлене. Асан Чергеевнинъ «Эшит, мевта не сёйлюёр» (1905 с.) поэмасындаки баш къараман, башта о дюньягъа кетип, бир къач вакъытлардан сонъ исе кене бу дюньягъа «дёнип», къырымлыларнынъ артыкъ «узун къыркътырма сачлары, сыкътырма урбалары, эвлери ичиндеки маса ве скемлелери ве тарткъыларындаки чанакъ-тепсилерине» шашып къала. Артыкъ миллий чизгилер гъайып олгъанына яныкълай. Ама амансыз вакъыт кечтикче, табий ки, омюрнинъ денъишмелер иле ёнелишини, динамикасыны, эврмини токътатмакъ кимсенинъ къолундан кельмей… Иште, къырымтатар театрининъ джанланмасы бойле вазиет ве шараитлерде кечти, даа догърусы, бу шараитлернинъ махсулы эди.

XIX асырнынъ сонъунда Къырымда татарджа театр акъкъында ильк хабер 1886 сенеси пейда ола (Театр // Терджиман. – 1886. – Февр. 4). Газеттеки хаберден даа да анълашыла ки, мезкюр театр оюны Багъчасарайда яшагъан Михайли адында бир зенгиннинъ залында олып, бир чокъ къырымтатар, къараим ве урум яшларыны джельп эткен.

Эбет, о заманда бир чокъ ерлерде, илля ки мусульман уммети яшагъан ерлерде, театр оюнлары, айры театр биналарынынъ ёкълугъы себебинден, буюкче заллары олгъан адамларнынъ эвлеринде кечириле эди. XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында Къырымда ойналгъан спектакллернинъ белли режиссёры ве артисти Джелял Меинов бу хусуста бойле хатырлай эди: «О заманда, Багъчасарайда, азыр къурулмыш бир сахна да ёкъ иди. Эр театро ичюн айрыджа олмалы ве ясалмалы бир сахна япылмакъ керек ола иди. Бу исе чокъ зорлукълар догъура иди. Чюнки сахнайы ялынъыз Управа заласында япмакъ икътиза (люзюмиет. – С.К.) истедигинден ве бурада мемурлар (чиновниклер. – С.К.) чалыштыкъларындан, эр сене галавадан (шеэр буюгинден. – С.К.) изин алмакъ керек ола иди. Керчек, шеэр галавасы олан Мустафа-мырза Давидович бизи бир дефа ред итмедисе де, лякин мемурларын бунъа пек ачувы ките иди. Чюнки бутюн Управанынъ мобильяларыны (мебеллерини. – С.К.) ве ишлерини башкъа одалара авуштырмакъ керек ола иди. Сонъра лесной-лардан тахта ве агъач кетирилип сахна къурула. Акъшам ойнала, сабах сахна бозула. Мобильялар ве ишлер йине ерли-ерине кетириле иди… Багъчасарайда даимий бир меджлис ве театро ханелере земин олгъаныны ве бу хусуста Исмаил-беке (Исмаил Гаспринскийге. – С.К.) мураджаат идильдигини сёйлеген идик. Иште, бу мураджаат нетиджеси оларакъ 1901 сенеси октябрь 14-те Багъчасарай театро ханеси ачылды… (Меинов Дж. Къырымда татар театросы // Илери. – 1926. – № 1. – С. 42).

Эм базы театр хаберлеринден анълашылгъанына коре, эдебий-медений ве театр акъшамлары кечирильгенде, къадын-къызлар ве эркеклер айры-айры отургъанлар… Эбет, бу X1X асырнынъ сонъунда янъыдан джанланмагъа башлагъан театримизнинъ ильк адымлары эди. Меселе шунда ки, 1888 сенеси «Бахтияр» намлы пьеса айры китапчыкъ шеклинде нешир этильген эди. Китапнынъ джылтында бойле языларны коремиз: «Бахтияр». Эсер Мустафа Хильмийнинъ. «Терджиман» джеридеси (газетасы. – С.К.) мухаррири тарафындан нешир олунмыштыр. Шехр-и-Багъчасарай. Басмая рухсеттир: Петербург 20 март 1888 с.». Багъчасарайда нешир этильген ве бир меджлистен (актган) ибарет олгъан бу шиирий пьеса шаркъ усулында, эфсане услюбинде язылгъан.

Ишбу китапчедеки И. Гаспринскийнинъ кенди тарафындан язылгъан кириш сёзюнде бойле дениле: «Хош дилине рагъбет идуп, ишбу китапчеи Мустафа Хильми эфендининъ Истанбулда нешир иттиги «Бахтияр» нам манзум театро рисалесинден истихрадж иттик. Эр алда, эминликнен айтмакъ мумкюн ки, «Бахтияр» пьесасы къырымтатарджа нешир этильген пьесаларнынъ энъ эскилеринден биридир».

О заманнынъ матбуатында театр иле багълы яхут театрге якъын чешит нумайышлар акъкъында уфакъ-тюфек хаберлер чокътур

1897 сенеси февраль 22-де Багъчасарай оджаларындан Исмаил Леманов, Сеит-Джелиль Хаттатов ве Мансурский къырымтатарджа махсус бир нумайыш акъшамы тертип этип бир чокъ генчлерни топлагъанлар. Леманов, Хаттатов ве Мансурскийнинъ акъшамда нумайыш эткен туманлы картиналары бир тарафтан сахна оюнларына теджрибе къошкъан олсалар, экинджи тарафтан сейирджилерни стандарт «камадия»лардан башкъа, джиддий сахна оюнларына алышкъанлыкъларыны арттыралар.

«Терджиман»нынъ хаберине коре, айны сенеси, яни 1897 сенесининъ сонъ куньлеринде, Акъмесджиттеки татар мектеби тарафындан махусус акъшам тертип этилип, музыка концерти иле берабер сахна санатына ашыкълыкъ нумайыш этильди [8]. Эбет, бу ве бойле тедбирлернинъ башында белли зиялы ве эдиплеримиз турмакъта эди. Меселя, бу сонъкисини белли ичтимаий ве сиясий хадимимиз Исмаил мырза Муфтизаде тешкиль эткендир. XIX асырнынъ сонъунда къырымтатар турмушы сюжетине ойналгъан спектакллерден даа бири «Татар хорантасында мусафирни къабул этме мерасими»дир. Бу оюн Акъмесджитте 1899 сенеси февраль 18-де олып кечкендир. Энъ меракълысы шу ки, спектакльде къырымтатар ханымлары да иштирак эткендирлер.

1906 сенелери Багъчасарайлы Салпудай Ахмедин къызы Мерзие намында бир къадын къоджасындан айырыларакъ, бу арада Истанбулдан келен бир тюрк артисти иле эвленип,

Акъмесджитте ве Кавказда театроджылыкъ япып кезмишти. Сонърадан къыз къардашы Айше иле берабер Багъчасарайда дахи ойнамыш идилер. Бу заваллыларгъа къаршы не киби чиркин лакъырдылар сёйлендиги аля хатырымдадыр. Нихает, бу ики къадын Къырымдан бир тамам гъайып олып киттилер!»

Джелял Меиновнынъ хаберине коре, XIX асырнынъ сонъунда, яни 1899–1900 сенелери Багъчасарай генчлери тарафындан даа эки спектакль ойналды. Биринджиси, А.С. Пушкиннинъ «Саран пехливан» («Скупой рыцарь») ве экинджиси, тюрк языджысы Намикъ Кемалнынъ «Заваллы чоджукъ» эсерлеридир.

Иште, XIX асырнынъ сонъунда Къырымдаки миллий театрнинъ аяты къыскъадан бойле левхадан ибарет эди. Эм бу умумий левха, эвельден айтып кечкенимиз киби, там толулыкъ-тан махрум олса да, о заманнынъ къаршылыкълы, къаранлыкъ вазиети ве шиддетли цензуранынъ бузлу мейданында янъыдан джанлангъан ве ешерип филиз атмагъа башлагъан медений бир нокъта эди.

Керимова Севиль Асановна

Первые сведения из опыта становления и развития крымскотатарского национального театра в конце XIX века

Аннотация. *В статье дается краткая историческая справка, связанная с становлением и развитием сценического искусства в Крыму. Анализируется крымскотатарская периодическая печать конца XIX и начала XX веков в которой отражается работа молодых театральных трупп Бахчисарая, Гёзлеве, Карасувбазара и Кефе. Характеризуется игра начинающих актеров таких, как Джелял Меинов, Исмаил Леманов, Сеит-Джелиль Хаттатов и Мансурский. Делается попытка оценки ранней драматургии С.А. Озенбашлы и А.С. Айвазова.*

Ключевые слова: *театр, драматургия, печать, крымские татары.*

Kerimova Sevil Asanovna

The information on the first steps of the Crimean Tatar National Theatre in the late XIX-th century

Abstract. *The article gives a brief historical background related to the formation and development of the Crimean Tatar stage art in the Crimea. An attempt is made to analyze the Crimean national periodical press of the late XIX-th and the early XX-th centuries, which reflects the work of the young theatrical companies of Bakhchisaray, Gözleve, Karasuvbazar and Kefe. The play of the novice actors, such as Dzhelyal Meinov, Ismail Lemanov, Seit-Dzhelil Khattatov and Mansurskiy, is characterized. The early drama (play-writing) of S.A. Ozenbashly and A.S. Ayvazov is considered.*

Keywords*. Crimean Tatar Theater, drama, actor's skill, stage art.*

Эдебият:

1. Прусаков А. Крым: книга рекордов / А. Прусаков, Е. Козлов. – Симф.: Сонат. – 1999. – 288 с. – С. 195.

2. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму / Эвлия Челеби; пер. с польск.: М.Б. Кизилова. – Симф.: Таврия. – 1996. – 241 с.

3. Барон де Тотт. Тюрклер 18 юзйылда / Барон де Тотт. – Истанбул: Керван китапчылыкъ ширкети офсет тесислери. – 327 с.

4. ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. – 1909. – № 43.
5. Сокуллынынъ «Тюрк театросында комедиянынъ эврими». – Анкара: Кюльтюр Бакан-лыгъы Яйынлары, 1997. – 369 с
6. Арекет. – 1994. – Март 19.
7. А.З. Сойсалнынъ «Ханлыкъ девринде Къырым-тюрк кюльтюрю». – Истанбул, 1941. – 27 с.
8. Илян // Терджиман. – 1898. – Майыс 10.

МИЛЛИЙ ГАЗЕТАДЖЫЛЫКЪ – ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕССА

УДК: 070. 37.01/.09

Kamelya Mehmetkızı Tekne[1]
E_mail: kamelyakeskin@hotmail.com

Kırım Tatar basınında bir pedagoji dergisi: Okuv işleri

Özet: *Kırım Tatar Türk kültürünün incelenmesinde basın ayrıcalıklı bir yere sahiptir. Çünkü Kırım Türklerinin yaşamında basın sadece haber veren tek yönlü bir kaynak olmamıştır. Bilindiği gibi bu alandaki ilk girişimler İsmail Gaspıralı tarafından hayata geçirilen Tercüman Gazetesidir. Kırım Tatar Türkleri Tercüman döneminden sonra da bu sahadaki faaliyetlerine devam etmiş hatta bazı yayınların daha özel amaçlara hizmet eden bir nitelik kazandığı görülmüştür. Bu anlamda maksadımız XX. yüzyılın başlarında bir pedagoji dergisi olarak yayınlanan Okuv İşleri Mecmuâsı'nı tanıtmaktır.*

Anahtar Kelimeler: *Kırım Tatar, Okuv İşleri, Basın.*

Kırım Tatar Türklerinin yaşamında basın, Tercüman döneminden itibaren sadece haber veren tek yönlü bir kaynak olmamıştır. Tercüman millî eğitime tesir etmek suretiyle Usûl-ü Cedit Okullarının açılmasına sebep olurken diğer taraftan da okunduğu coğrafyalardaki tüm Türk boylarının tek bir dil ve amaç etrafında birleşmesini sağlayarak dilde ve eğitimde ortak bir anlayışın yerleşmesini sağlamıştır. Tercümana ek olarak çıkan Âlem-i Nisvân sosyal hayatta kadınların aydınlanmasına katkıda bulunurken Ha Ha Ha eğlencenin, yaşamın içerisindeki yerine vurgu yapmıştır. Millî matbuatın temellerinin atıldığı Tercüman döneminden sonra da aynı doğrultuda çalışmalar görülmektedir. Kırım'da yayınlanan gazete ve dergiler okurlarına millî kültürü temsil eden tüm sahalarda bilgi sunmuştur demek mümkündür.

Tercüman Gazetesi'nin açtığı yol, XX. yüzyılın ilk yarısında Kırım'da yayıncılık faaliyetlerinin oldukça canlı bir seyir izlemesi sonucunu da beraberinde getirmiştir. Bu dönemde Vatan Hadimi (1906–1908), Qırım Ocağı (1917), Millet (1917–1920), Yañı Çolpan (1923–1924), İleri (1926–1930) adlı gazete ve dergilerin varlığı söz konusudur. Adı geçen yayınlara ilâve olarak, üzerinde duracağımız XX. yüzyıldaki bir süreli yayın faaliyeti de Okuv İşleri Mecmuâsı'dır.[2]

Mecmuânın ilk sayısı, Mayıs 1925'de "*Kırım Maarif Komiserliği Neşri*" olarak çıkmıştır. Erken Sovyet döneminde gün yüzü gören mecmuânın ilk sayısının başında "*Bütün Dünya İşçileri Birleşiniz!*" yazmaktadır. Arap harfleri ile Kırım Tatar dilinde çıkan mecmuânın, *Okuv İşleri* başlığının arka fonunda bir Kırım Haritası yer alırken başlığın altında "*içtimaî-siyasî ve terbiyevî aylık jurnal*"

---

[1] ***Kamelya Mehmetkızı Tekne,*** Yrd. Doç. Dr., Kırklareli Üniversitesi, Fen-Edebiyat Fakültesi, Tarih Bölümü (Türkiye).

[2] İ.A. Kerimov, "Oquv İşleri Dergisi (1925–1929) Mundericat İtibarıle", (Çevirimiçi) http://tatkonvolut.at.ua/publ/kerimov_i_a_okuv_ishleri_dergisi_1925_1929_munderidzhat_itibaryle/1-1-0-54, 01.06.2015.

ifadesi yer almaktadır. Bahçesaray'da "*hüner ve sanayi-i nefise mektebi basmahanesi*"nde basıldığı bilgisi verilmektedir. Münderice kısmında dergideki yazılar (makaleler) "*İçtimaî Siyasî Bölük*", "*Okuv İşlerinde Ameliyat ve Nazariyat*", "*Siyasî Yarıklandıruv Bölüğü*", "*Edebiyat Bölüğü*", "*Kitabiyat Bölüğü*", "*Haberleşüv Bölüğü*" *ve* "*Resmî Bölük*" ana başlıkları altında, gruplandırılarak verilmiştir[1]. Mecmuânın, bir "*Tatar Pedagoji Jurnalî*" olarak çıkarılmasına, ilmî şuranın gerekli görüp izin vermesi sonucu, adının da "*Okuv İşleri*" olmasına karar verilmesiyle yayın hayatına başlamıştır. Mes'ul müdürü dönemin Maarif Halk Komiseri (Eğitim Bakanı) Hüseyin Baliç'tir[2].

Mecmuânın baş yazarı olan H. Baliç (1884–1939) Akmescit'teki Rus-Tatar Darülmuallim'ini bitirmiştir[3]. Mükemmel Rusça bilgisi sayesinde Rus Edebiyatını incelemiştir. Döneminde Bahçesaray'da millî tiyatronun kurulmasına çalışmıştır[4]. 1908–1909 yılları arasında "*Uçkun*" (Kıvılcım) adlı bir dizi yayın yapan, aydın gençler arasında faal bir rol oynadığı bilinmektedir[5]. Hatta Baliç'in girişimleriyle 1909–1910 yılları arasında "*Uçkun Çocuklar Kütüphanesi*" adlı bir dizi çocuk eserleri yayınlanmıştır. Bunlar arasında "*Dağcının Kızı*", "*İlyas*", "*Şehzade Halver*", "*Hırsız Oğlu*", "*Fikirsiz Sansar*", "*Padişahın Yeni Elbisesi*", "*Çin Padişahın Kızı*", "*Deli Qaşkır*", "*Tırnak*", "*Kök Böyün*", "*Tavşan*" ve diğerleri bulunmaktadır. Bu eserler tercüme, düzenleme veya yeni neşredilenler olmak üzere sınıflandırılabilir[6].

Bolşeviklerle ılımlı ilişkiler kurmak suretiyle millî ve kültürel hayatı kuvvetlendirmeyi görev kabul eden Hamdi Giraybay, dergi hakkında şu sözleri söylemiştir:

"*…Bugün Qırım'da çıqqan «İleri» ve «Oquv İşleri» kibi mecmuâlar yalıñız Qırım tarihinde degil, bütün Türk âleminde ne zaman körüldi?...*"[7]

Mecmuâdaki yazılar çeşitli bölümlere ayrılarak sınıflandırılmış bir düzende yayınlanmış olup mecmuânın yayın hayatına başladığı tarihten itibaren üç yıl boyunca *İçtimaî-Siyasî Bölüğü*, H. Baliç bizzat kendisi hazırlamıştır. Genel anlamda mecmuâda yayınlanacak olan materyalleri hazırlama konusunda sağ kolu diyebileceğimiz birinci derecedeki yardımcısı Habibullah Odabaş olmuştur. Mecmuâ, dönemindeki Kırım Tatar aydınlarının yazılarını bir araya getiren güçlü bir yazar kadrosuna sahiptir. H. Baliç ve H. Odabaş'ın dışında, Yahya N. Bayburtlı, O. Kürkçi, Osman Akçokraklı, Ahmet Özenbaşlı, Hasan Sabri Ayvazov, Bekir Sıdkı Çobanzade, Hüseyin Bodaninskiy, Yakup Şakir Ali, Ş. Vehbi, Ömer İpçi, Hamdi Giraybay, Ömer Bayraşevskiy, Ya. Bayraşevskiy, A. Kadrizade, M. Nüzet, M. Nedim, Abdullah Lâtifzade, İsmail Lemanov gibi şahsiyetlerin yazılarını da görmek mümkündür. 1928 yılından itibaren yayınlanan sayılarda, dönemin siyasî atmosferi neticesinde H. Baliç'in tutuklanarak hapse girmesi sebebiyle artık yazılarına rastlamamaktayız. Bir süre sonrada onun yerine derginin mes'ul müdürü olarak Yakup Muannif'in, Kırım Maarif Halk Komiserliği görevine de Mahmut Nedim'in geldiğini görmekteyiz[8].

Mecmuânın genel anlayışı hakkında bir fikir edinebilmek üzere birinci sayısının içindekiler kısmını aşağıda aktarıyoruz:

---

[1] Bu bilgiler Okuv İşleri Mecmuâsı'nın Mayıs 1925 tarihinde çıkan 1. sayısında, kapak ve başlangıç bölümünde yer alan bilgilerden alınmıştır.

[2] "Haberler – Kırım Maarif Komiserliği Kolleğiyasında", Okuv İşleri, S. 1, Mayıs 1920, s. 48–49.

[3] Edibe Mustafayeva, "Razvitie Gumanistiçeskoy Pedagogiçeskoy Mısli Krımskotatarskimi Prosvetitelami v Epohu Repressirovannogo Vozrojdeniya", (Çevirimiçi) http://ilmiyqirim.blogspot.com.tr /2013/01/blog-post_3393.html, 15.05.2015.

[4] Kerimov,a.g.m.,(Çevirimiçi)http://tatkonvolut.at.ua/publ/kerimov_i_a_okuv_ishleri_dergisi_1925_1929_munderidzhat_itibaryle/1-1-0-54, 01.06.2015.

[5] L. Selimova, "Rus Çarlığı Zamanında Kırım Tatar Matbuatı", Kardeş Kalemler, S. 40, Nisan 2010, s. 80–81.

[6] Kerimov, a.g.m., (Çevirimiçi) http://tatkonvolut.at.ua/publ/kerimov_i_a_okuv_ishleri_dergisi_ 1925_ 1929_munderidzhat_itibaryle/1-1-0-54, 01.06.2015.

[7] C. S. Kırımer, "Kırım Tatar Edebiyatından Portreler: Hamdi GİRAYBAY", (Çevirimiçi) http://www.fikirdebirlik.org/yazdir.asp?yazi=200610006, 15.05.2015.

[8] Kerimov, a.g.m., (Çevirimiçi) http://tatkonvolut.at.ua/publ/kerimov_i_a_okuv_ishleri_dergisi_ 1925_ 1929_ munderidzhat_itibaryle/1-1-0-54, 01.06.2015.

"***Jurnalin Mündericesi***
İdareden (1)
İçtimaî Siyasî Bölük
1 Mayıs – H. Baliç (2)
Sosyalist Şuralar İdaresi ve Maarif Hâdimleri – H. Baliç (3)

Okuv İşlerinde Âmeliyât ve Nazariyât
İş Mektebi – H. Odabaş, Y. Bayraşevskiy (4)
Şuralar Cumhuriyetinde Okuv Sisteması – Y. Bayraşevskiy (5)
İş Mektebi ve Köy Hazayistvası (günlük yaşamı) – O. Kürkçi (6)
Mekteplerimizde Til Mes'elesi – H. Odabaş (7)

Siyasî Yarıklandıruv (Aydınlatma) Bölüğü
Nemune Köy Okuv Evlerinin Yapacak İşleri (8)

Edebiyat Bölüğü
Birinci May Cırı (Şiiri) – Z. Cavtöbeli (9)
Çalet Kelsin Baş Bahar (Şiir) – H. Odabaş (10)
Öşekçi Kadın (Şiir) – C. Kence (11)

Kitabiyat
Türk Tatar Tiline Ait Eserler – H. Odabaş (12)
Elifbe Tedrisine Ait Kitaplar (13)

Haberleşüv Bölüğü
Kırım Maarif Komiserliği Kolleğiyasında (14)

Resmî Bölük
Yaz Tatili ve Maarif Hâdimlerinin Maaşları Hakkında (15)
Hocalar Hakkında Tâlimatnâmeler (16)
En Yahşı Okuv Evi Doğrusunda Müsabaka (17)"[1]

İçtimaî-Siyasî Bölük kısmında yayınlanan yazılar içerisinde 1925 yılındaki "*Bir Mayıs*" ve Nisan-Mayıs 1926 tarihli, mecmuânın ikinci yılında yer alan aynı adlı makale dönemin siyasî anlayışını açık bir şekilde ortaya koymaktadır. Bu noktada ilk sayısının Mayıs ayında çıkması da bir tesadüf olmamalıdır. Her iki yazıda da 1 Mayıs tarihinin işçi sınıfının birlik, mücadele ve dayanışma gücünün anlamına vurgu yapılarak sermayedarlara köle olmaktan kurtulmaları yolunda önemli bir adım atıldığı ve bugünün tarihi anlatılmaktadır:

"*…Avrupa işçilerinin kapitalistler kolunda inlediği, en müthiş ve en korkunç zamanlarında bay ve zenginlerin Fransa büyük inkılâbını yatıştırıp büyük muvaffakiyetlerle özlerinin galibiyetlerini kutladıkları bir zamanda idi ki Parijde (Paris'te) 14 Temmuz 1889 tarihinde bütün dünya işçileri teşkilatı olan İkinci Enternasyonalin birinci konferansı tarafından böyle bir karar kabul olunmuştu.*

Bu kararın kabul olunmasıyla bugün artık 36 yıl kadar bir zaman geçmiş bulunuyor. Bu karar kendisinin galibiyet bayramını yapmakta olan beynelmilel kapitalizm tahtının temeli altına konulmuş olan dehşetli bir bomba idi. Proleter sınıfı bu kararıyla kendi daimi kavgasının kızıl bayrağını ebedi olarak bir daha indirilmemek üzere çekmiş bulunuyordu…[2]"

Esasen Okuv İşleri Mecmuâsı'nın halk edebiyatı ürünleri üzerinden Kırım Türk kültürüne verdiği önem ve bu alanda yapılmasını arzu ettiği çalışmalar ise bu konudaki ilk adımlardan birini oluşturmuştur. Mecmuânın Nisan-Mayıs 1926 tarihli, 4-5 numaralı sayısındaki çağrı niteliğindeki duyuru kültürel değerleri koruma yolunda daha o dönemdeki farkındalığı gözler önüne sermektedir:

[1] Okuv İşleri Mecmuâsı'nın Mayıs 1925 tarihinde çıkan birinci sayısının münderice kısmından aktarılmıştır.

[2] H. Baliç, "1 Mayıs", Okuv İşleri, S. 1, Mayıs 1925, s. 7–8.

"*…Halbuki Kırım Tatarlarının gerek ağız edebiyatı ve gerekse etnografyaları cihetinden arz ettikleri ehemmiyet çok büyüktür. Kırım'ın zengin tarihi hayatından başka Kırım'da Türk dilinin çeşitli şivelerine ait birçok tiplerine rast gelinmesi Kırım'da olacak bu hususta tedkikâtı daha ziyade ehemmiyetlendirmektedir. Kırım Tatarları arasında bu hususta soñ zamanlarda bayağı teşebbüsler yapılmaktadır. 1911 inci yılda çıkan "Kırım Ocağı" Gazetesi ile ondan soñ çıkan "Yeşil Ada, Bilgi" Mecmuâları "Yañı Dünya" Gazetesi vasıtasıyla yapılan teşvikât neticesinde bizim halk edebiyatından bayağı örnekler toplanmıştır. Bundan başka gerek muallim kurslarında ve ikinci basamak Tatar mekteplerinde ve gerekse yurt bilgicilik tögereklerinde daima yapılan izahlar ve teşvikler dolayısıyla bütün Kırım okumuş gençliği de bu hususta meraklandırılmıştır. Bugün Kırım'ın birçok genç muallim ve talebelerinin elinde yığın-yığın toplanmış ham materyaller vardır. Bütün bu materyallerin toplanması, ğâib olmaması ve matbuata çıkması ileride olacak ilmî çalışuvlar için pek büyük ehemmiyet teşkil etmektedir. Bugün bu materyal toplama işleri başlıca şu noktalarda gitmelidir:*

– Çıñlar, mâneler.
– Masallar, ertegeler[1]*, şaka için söylenen meseller, masal başları, tekerlemeler.*
– Köy adları, mahal, hayvan ve ot adları hususunda söylenen rivâyetler (legendalar).
– Çorabatır, Edige, Esebay Batır ve ilh.(ilâhre) gibi tarihi cırlar (yırlar).
– Herhangi bir vaka hakkında söylenen çıbırtmalar.
– Türküler, destanlar.
– Tapmacalar, comaklar.
– Kart sözleri, tecrübeli sözler ve oşatmalar.
– Denemeler (denevler)
– Etene, irim, ayneler.
– Çeşit hastalıklardan kurtulmak için yapılan devâlar ve ilaçlar.
– Balalar ve büyükler için olan oyunlar ve eğlenceler.

Halk düşüncesine ait olan bu hususta örnekleri yazıp toplamakla beraber diğer taraftan da halkın maddi medeniyetine ait eşyalar da toplanmalıdır…."[2]

Okuv İşleri Mecmuâsı'nın elimizde mevcut bulunan nüshaları arasında dikkat çeken haberler de söz konusudur. Meselâ İleri Mecmuâsı'nın yayın hayatına başlaması ile ilgili bilgilerimizi de Nisan-Mayıs 1926 tarihli 4–5. sayısında verilen bilgilerden öğrenmekteyiz. Böylece Kırım'da, Tatarca yayınlanan iki mecmuânın ilk kez aynı zamanda çıktığı görülmektedir. Bu durum Okuv İşlerinin sayfalarında yer alan bir ifadeye göre "*küçük Kırım için büyük bir başarı*" olarak nitelendirilmektedir.[3]

Mektep kütüphanelerine ücretsiz olarak gönderilen mecmuânın esas ebadı 17x25 cm. olup her sayısının hacmi 60, 80 veya 100 sayfa civarındadır. Bazı dönemlerde çıkan ikili sayılar ise 205 sayfayı bulmaktadır. Kırım millî dergileri içerisinde sayfa hacmi bakımından "*kalın jurnal*" (kalın dergi) kategorisine girmektedir. Kesin olmamakla birlikte 1000–1500 nüsha tirajla yayınlandığı bilinmektedir. Bazı sayıları önemli konferanslara ya da yıl dönümlerine armağan olarak çıkmış ve bu sayılarda sadece bu özel günlere dair materyaller yayınlanmıştır. Derginin hacimce en zayıf nüshası 1928 yılının 8 numaralı nüshası olup 18 sayfadan oluşmaktadır. 1925–1929 yılları arasında yayın hayatına devam eden derginin toplam 38 sayısı bulunmaktadır.

Bazen mecmuâda yayınlanan parçalar sonradan kitap haline getirilmiştir. Mesela H. Baliç'in "*Kırımtatar Milliy Medeniyetinin Tarihi Mukadderatı*" başlıklı makaleleri ayrı bir monografik çalışma olarak basılmıştır.[4]

---

[1] Ertegeler, Kırım Tatar Halk Edebiyatına ait, geçmişin ağır günlerini aks ettiren hem yır hem de nesir şeklinde olan kahramanlık konulu türlerdendir. Ertegeler büyük destanlar şeklinde olabileceği gibi bazen de şiir şeklinde olabilmektedirler. Âdet üzere belli bir makam ile icra edilirler. Bkz. (Çevirimiçi) http://ilmiyqirim.blogspot.com.tr/2011/08/e-semi-zadenin-kozyas-divar-poemasnda.html, 23.01.2013.

[2] H. Odabaş, "Umumi Bölük-Halk Edebiyatı, Etnografyası ve Ananeleri", Okuv İşleri, S. 4–5, Nisan – Mayıs 1926, s. 52–53.

[3] "Yeni Arkadaşımız İleri", Okuv İşleri, S. 3–4, Nisan-Mayıs 1926, s. 1.

[4] Kerimov, a.g.m., (Çevirimiçi) http://tatkonvolut.at.ua/publ/kerimov_i_a_okuv_ishleri_dergisi_ 1925_1929_munderidzhat_itibaryle/1-1-0-54, 01.06.2015.

Esas amacı eğitime dair meseleleri açıklayarak kullanılabilecek yöntem ve tecrübeleri paylaşmak olan mecmuâ sosyal konular, genç kız ve çocuk terbiyesi, hastalık ve ilaçlar, kitap tanıtımları, şiir ve hikâyeler, diğer ülkelerden haberler ve resmî bildirilere de yer vermiştir. Dergi resmî bir yayın olması sebebiyle yönetime ters düşmemiş ancak Türk-Tatar şeklindeki ifadeler ile milletinin geleceğinin önemli olduğu mesajını vermeye çalışmıştır.[1]

Kırım Tatar basın hayatının başlangıcı Tercüman Gazetesidir. Tercüman dönemini takip eden yıllarda da yayıncılık faaliyetlerinin canlı bir şekilde devam ettiğini görüyoruz. Bunlar arasında bir pedagoji dergisi olarak daha özel bir amaca hizmet eden Okuv İşleri Mecmuâsı'nın önem taşıdığını söylemek mümkündür. Sadece eğitime dair meselelerin ele alınmadığı mecmuâda Kırım Tatar Türk kültürüne ait pek çok malûmat bulmak mümkündür.

Kamelya Mehmetkızı Tekne

A pedagogy journal of Crimean Tatars press: Education Works

Abstract. *The press has an exclusive place in the examination of Crimean Tatar Turks' culture since it has been not only a news source but also informative about their lives. The first initiative in this realm was Tercuman, a newspaper, which was established by Ismail Gaspirali. Along with Tercuman, there were some other periodicals established by Crimean Tatar Turks. A number of these periodicals concentrated on specific fields. In this sence, the paper focus on one of these periodicals, the journal of Education Works which was published at the beginning of 20th century as a pedagogy journal.*

Key Words: *Crimean Tatar, Education* Works, The Press.

Kaynakça:

1. Baliç, Hüseyin, "1 Mayıs", Okuv İşleri, S. 1, Mayıs 1925, s. 7–9. Osm. (Osmanlı Türkçesi)
2. Çapraz, Kemal, Kırım Tatar Türklerinde Basın (1881–1990), İ.Ü. SBE Gazetecilik ve Halkla İlişkiler Bölümü Yüksek Lisans Tezi, İstanbul, 1990.
3. "Haberler – Kırım Maarif Komiserliği Kolleğiyasında", Okuv İşleri, S. 1, Mayıs 1925, s. 48–49. Osm. (Osmanlı Türkçesi)
4. Kerimov, İsmail Asanoğlu, "Oquv İşleri Dergisi (1925-1929) Mundericat İtibarıle", (Çevirimiçi) http://tatkonvolut.at.ua/publ/kerimov_i_a_okuv_ishleri_dergisi_1925_1929_munderidzhat_itibaryle/1-1-0-54, 01.06.2015.
5. Kırımer, Cafer Seydahmet, "Kırım Tatar Edebiyatından Portreler: Hamdi GİRAYBAY", (Çevirimiçi) http://www.fikirdebirlik.org/yazdir.asp?yazi=200610006, 15.05.2015.
6. Mustafayeva, Edibe, "Razvitie Gumanistiçeskoy Pedagogiçeskoy Mısli Krımskotatarskimi Prosvetitelami v Epohu Repressirovannogo Vozrojdeniya", (Çevirimiçi) http://ilmiyqirim.blogspot.com.tr/2013/01/blog-post_3393.html, 15.05.2015. (Edibe Mustafayeva, "Canlanmanın Bastırıldığı Çağda Kırım Tatar Eğitimcilerinin İnsancıl Pedagojik Düşünce Gelişmeleri")
7. Odabaş, Habibullah, "Umumi Bölük- Halk Edebiyatı, Etnografyası ve Ananeleri", Okuv İşleri, S. 4–5, Nisan-Mayıs 1926, s. 52–53. Osm. (Osmanlı Türkçesi)
8. Selimova, Leniyara, "Rus Çarlığı Zamanında Kırım Tatar Matbuatı", Kardeş Kalemler, S. 40, Nisan 2010, s. 74–82.
9. "Yeni Arkadaşımız İleri", Okuv İşleri, S. 3–4, Nisan-Mayıs 1926, s. 1. Osm. (Osmanlı Türkçesi)
10. (Çevirimiçi) http://ilmiyqirim.blogspot.com.tr/2011/08/e-semi-zadenin-kozyas-divar-poemasnda.html, 23.01.2013.

[1] K. Çapraz, Kırım Tatar Türklerinde Basın (188–1990), İ.Ü. SBE Gazetecilik ve Halkla İlişkiler Bölümü Yüksek Lisans Tezi, İstanbul, 1990, s. 26–27.

УДК 82-92(=930.9)

Шукурджиева Зельфира Шевкетовна[1]
E-mail: zelfiram@rambler.ru

Проблематика газетных выступлений Гаспринского

Аннотация. *В статье рассматривается проблематика газетных выступлений Гаспринского. На конкретных выдержках из его статей, опубликованных в различные годы в газете «Терджиман» («Переводчик»), издававшейся в Крыму в г. Бахчисарае, показывается основная направленность публицистики Гаспринского. Раскрываются основные проблемы, которых касался в своих публицистических произведениях Гаспринский на протяжении своей журналистской деятельности, в них подробно излагается позиция автора по многим актуальным вопросам своей эпохи, что представляет особый интерес не только для современных исследователей жизни и деятельности Гаспринского, но и для широкой читательской аудитории.*

Ключевые слова: *Гаспринский, публицистика, проблематика, «Терджиман».*

Анализировать состояние общества невозможно без огромного пласта публицистического материала, без опыта и знаний предыдущих поколений в этой области человеческой деятельности, а также без учета богатейшего материала, дошедшего до нас во многом именно благодаря труду и перу публицистов. Без использования опыта лучших мастеров прошлого в сфере публицистики невозможно развивать традиции национальной печати. Выдающийся просветитель Востока конца XIX – начала XX вв., один из самых ярких мыслителей всего тюркского мира, педагог-реформатор, гуманист, публицист Исмаил Гаспринский оставил огромный след в истории развития интеллектуальной мысли не только регионального, но мирового масштаба.

Считаем, что изучение журналистской деятельности и публицистического мастерства Гаспринского представляет большой интерес на современном этапе развития крымскотатарского общества в контексте формирования политической культуры социума и реализации гуманистических идей в обществе. Поскольку в современных условиях исключительно важными становятся генерирование новых идей, трудно переоценить творческие возможности и практические действия публицистов как выразителей интересов общества, и в данном ключе наследие Гаспринского можно рассматривать как потенциально востребованное, тем более учитывая авторитет этой личности как на Востоке, так и в европейских государствах.

При исследовании наследия Гаспринского нельзя не учитывать тот факт, что на протяжении многих лет в период советского застоя во многом был утрачен национальный элемент и тем самым подорваны национальные традиции многих народов. Не обошло это стороной и крымских татар, в эпоху советского государства сознательно стремились замалчивать сам факт существования целого народа, который на многие годы был предан забвению.

В этих условиях не могло быть и речи о развитии его языка, литературы, культуры также, как не могло быть речи об исследовании истории, культуры, духовной жизни народа.

---

[1] ***Шукурджиева Зельфира Шевкетовна,*** преподаватель кафедры крымскотатарской литературы и журналистики кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

Именно по этой причине наследие Гаспринского было недоступно широкой читательской аудитории. Поэтому изучение и обобщение опыта публицистической деятельности Гаспринского представляет огромный интерес прежде всего с точки зрения идейно-художественной направленности его публицистики, стремления автора исследовать злободневные вопросы, волновавшие общество того периода.

Будучи одним из вдохновителей, основателей, продолжателей развития общетюркской интеллектуальной мысли, он оставил после себя богатейшее наследие, в том числе публицистическое. В трудах Гаспринского можно найти ключ к решению множества социально-гуманитарных проблем современности. Обращаясь к ним в поисках ответов на многие вопросы современности, следует внимательно и вдумчиво читать его публицистику. Она многогранна и широка по охвату тем, глубока по степени воздействия, богата набором фактов, отражающих явления социальной действительности. Глубокий авторский анализ, присущий журналистским текстам Гаспринского, опирается на систему знаний общественных, гуманитарных наук, а также отвечает таким журналистским критериям, как актуальность, оперативность, злободневность.

Имеющий от природы высокие интеллектуальные способности и бесконечную тягу к знаниям, стремившийся к постоянному обновлению и расширению своих знаний, а также колоссальную работоспособность и огромный внутренний потенциал, Гаспринский реализовал себя в сфере журналистики как талантливый публицист и оставил заметный след в истории крымскотатарской национальной печати.

Пытаясь осмыслить проблемы современности, он в своих публицистических произведениях передает различные аспекты общественной жизни своей эпохи в самых разнообразных ее проявлениях, таким образом выполняя функцию своего рода передатчика информации будущим поколениям. Следовательно, опыт и знания, которые легли в основу многих его журналистских текстов, представляют собой богатейший исторический материал о жизни той эпохи, содержащие интереснейшие сведения для последующей генерации исследователей творческого наследия Гаспринского.

Учитывая масштабность фигуры Гаспринского не только в границах тюркского мира, но и в мировом, учитывая авторитет этой личности, его богатейшее литературно-публицистичекое наследие, можно смело утверждать, что его труды будут актуальными и востребованными для исследовательской работы еще долгие годы. В этой связи следует особо подчеркнуть, что публицистика Гаспринского не ограничивается лишь узконациональными рамками. Она является достоянием общетюркской публицистической классики, ее важной и неотъемлемой частью. Многие ученые, исследователи жизни и деятельности Гаспринского в своих работах отмечают этот факт. В частности, академик Самойлович Н. А. отмечал, что имя Исмаила Гаспринского будет стоять на самом месте в истории цивилизации не только тюрко-татарской нации России, но и всего мусульманского мира. А известный татарский мыслитель, литературовед, общественный деятель конца XIX–XX начала в. Дж. Валиди, оценивая личность Гаспринского, неоднократно подчеркивал, что газета, которую он издавал 1–2 раза в неделю в небольшом формате и в небольшом количестве экземпляров, по значимости и влиянию в тысячу раз превосходила российское «Новое время» и даже такой гигант, как английская газета «The Times».

Высокая гражданская позиция Гаспринского, поднимаемые им актуальные вопросы жизни современного ему общества оказывали заметное влияние на читательскую аудиторию. Его статьи можно рассматривать как способ воздействия на обыденное сознание общества с целью побуждения к целенаправленному действию – получению и постоянному обновлению знаний, а следовательно, просвещению общества. Как известно, знания были мерилом всего, наивысшей ценностью для Гаспринского. Причем под знаниями он подразумевал не только и столько науку, сколько все сведения, необходимые для духовной и материальной жизни человека.

Эта тема неоднократно была центральной в его газетных выступлениях. Так, уже во втором номере «Терджимана», вышедшем 17 апреля 1883 г. в статье «Знание» он пишет: «Знания – лучшие украшения человека. Знания – это нечто столь сильное, что благодаря им, слабое существо человека делается повелителем и султаном света, соединяет друг с другом моря, в пустыни проводит воду, на водах создает суши. До какой поры мы будем погружены во мрак невежества? Откроем же наконец наши глаза; взглянем на самих себя и сравним своё состояние с таковым других народов» [3].

Невольно хочется провести параллели с современностью. Сегодня, когда знания, информация стали едва ли самой большой потребностью общества, когда без ежедневного, ежечасного обновления информации, а значит и знаний, немыслима жизнь современного человека, с каждым днем все больше возрастает спрос на качественные знания и их обладателей. Знающий человек всегда востребован и конкурентоспособен в цивилизованном обществе. Более ста лет назад Гаспринский также обозначал наличие этой проблемы и в своей статье «К друзьям», опубликованной в «Терджимане» в апреле 1884 года, выступил со следующим призывом: «Друзья мои, для нас самым благородным делом должно быть дело науки и просвещения. Самым священным стремлением – стремление к знанию и просвещение. Знания – средства к цивилизации, а цивилизация – и цель, и способ для человеческой жизни. Наше время – время знаний. Мир – это поле борьбы знаний: без знаний не существовать на нем! Я знаю, что вас мало, кругом тьма невежества, но не падайте духом: будущее принадлежит нам. Наконец, превосходство знания, коим вы обладаете, такая сила, которая измеряется не количеством, а качеством. Знания такого рода – сила, которая создает идеи, подчиняющие себе миллионы людей» [5].

Острота мысли, смелость суждений, высокий познавательный потенциал Гаспринского, способность ярко иллюстрировать события и в то же время доходчиво излагать свои мысли, взвешенный взгляд на события вызывали постоянный читательский интерес далеко за пределами Крыма, где он жил и творил. Пожалуй, этими факторами можно объяснить многолетнюю популярность «Терджимана» и авторитет Гаспринского-публициста.

Гаспринский не ограничивается лишь постановкой проблем, он дает конструктивные советы, рекомендации по решению насущных вопросов, касающихся различных сфер жизни общества. Гражданский долг, ответственность за судьбу своего народа, безграничная любовь к Родине, высокий уровень национального самосознания – личные качества, присущие Гаспринскому, именно эти черты находят отражения в его статьях. Он был надеждой для тысяч и тысяч тюрков и мусульман в разных уголках Земли.

Публицистика Гаспринского самобытна, своеобразна, многогранна. В ее основе – проблемность, сочетающаяся с глубоким знанием истории развития человеческой цивилизации, прошлого своего народа, тематическая разноплановость, высокая гражданская позиция автора с проникновением в духовный мир народа, глубокий психологизм, неиссякаемый патриотизм, а также использование богатой гаммы лингво-стилистических средств.

Здесь следует отметить, что Гаспринский одинаково хорошо владел родным крымскотатарским и русским языками и равноценно хорошо писал на обоих языках. Эта еще одна особенность публицистики Гаспринского – ее билингвизм. Пожалуй, Гаспринского можно назвать первым крымскотатарским публицистом, одинаково совершенно владеющим двумя языками. Он умел в равной степени использовать их и с их помощью выражать свои мысли, осуществляя успешную коммуникацию.

Рассматривая идейно-тематические характеристики публицистики Гаспринского, следует прежде всего отметить то, что на протяжении всей своей творческой деятельности, около тридцати лет работы в газете «Терджиман», он выносил на суд читателей самый широкий круг вопросов, от общественно-политических до бытовых. Словом, практически не было таких тем, которых бы он не затрагивал в своих публицистических произведениях.

Среди главных – вопросы развития образования во всем тюркском пространстве, культивация идей просвещения и единения тюркских народов, постановка и обсуждение стра-

тегических задач всего тюркского мира и др. Здесь важно отметить, что Гаспринский уделял большое внимание вопросам общеполитического характера, как регионального, так и мирового масштаба, мироустройства в целом, экономическим проблемам, международным отношениям, вопросам социального устройства общества в целом, положению и проблемам своего народа. Наряду с этим, автор придает большое значение проблемам функционирования и развития родного языка, вопросам культуры и религии, экологии, окружающей среды и многим другим.

Рассмотрим вкратце основную тематику газетных выступлений Гаспринского.

Центральное место в его публицистике занимает тема любви к Родине, своему народу. Раздумывая о судьбе русского мусульманства в целом, он подразумевал всех тюрко-татар, проживающих на территории России. Этому посвящена одна из самых крупных статей Гаспринского «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина», вышедшая отдельной брошюрой в Крыму в 1881 г. В ней автор, апеллируя фактами из истории, анализирует весь исторический путь развития тюрко-татар и излагает свое видение современного положения российского мусульманства, а также перспектив его дальнейшего развития. В предисловии к статье Гаспринский пишет: «Цель настоящих заметок – вызвать обсуждение и исследование вопроса о будущности русских мусульман в интересах нашего отечества и цивилизации» [2, с. 16].

Формулировать конкретные цели и стремиться реализовывать их, действовать, а не оставаться безучастными к своей судьбе – вот к чему призывал Гаспринский своих соплеменников. В своей деятельности он сам старался придерживаться этого принципа, поэтому его нельзя назвать голословным. В статье «Идеи и действия», опубликованной в «Терджимане» в мае 1895 г., автор размышляет: «Жизнь и счастье человека и целого народа обеспечивается разумно поставленными задачами и стремлениями. Без разумной цели нельзя творить и разумных дел. Всякому творчеству и делу предшествует идея. Все великие события в жизни народов вызывались теми или другими идеями. Отсутствие идей и стремлений деморализует, усыпляет и расслабляет народы [6]. И далее автор задается вопросами: «Имеют ли современные мусульманские народы какие-либо идеи и в чём они заключаются? Какие идеи и стремления питают мусульманское население России? Но, увы, русско-мусульманская община не имеет определённой идеи и идеала. Она живёт изо дня в день интересом минуты. У нас есть книжки разъясняющие сны, с песнями соловья и розы, есть сказания о богатыре в девять аршин ростом, но нет ни одной книжки, которая рассеяла бы туман наших мозгов» [6].

Гаспринский призывал интеллигенцию стать той путеводной звездой, которая указывала бы народу правильный путь его развития, прививала интерес и любовь к знаниям, информировала, объясняла, неустанно работая с народом в этом направлении. Этому посвящены его многие газетные выступления в «Терджимане», об этом он пишет также в своей статье «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина». Нельзя просвещать, не обучая, не воспитывая, не взращивая человека, считает Гаспринский, и призывает интеллигенцию отдавать все силы для того, чтобы открывать глаза людям, возвышая разум и интеллект.

Таков основной посыл, звучащий в статьях Гаспринского на эту тему. «Братья, примитесь серьезно за дело народного образования! Выучиться самому – достоинство, не передать незнающему свое знание еще большее достоинство и благое, святое дело. Если вы выучились, приобрели знания и добрые правила, не храните их лишь при себе, постарайтесь передавать ваши знания ближним, соплеменникам. Переводите на татарский язык зорошие книги, пишите для бедных, темных татар, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять искусства и ремесла. Это, братья, будет честно и благородно, и если не теперь, то в будущем народ благословит ваше имя, памятуя священное из речение великого Алия, что «чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика» [2, с. 58].

Родившегося и выросшего в Крыму, на стыке двух цивилизаций, двух во многом разных миров – Востока и Запада, Европы и Азии с разным национальным и конфессиональным составом населения, Гаспринского не могла не волновать тема межнационального и межконфессионального взаимодействия. Он публично озвучил вопрос о необходимости равенства между людьми на основе взаимного доверия и взаимной помощи, вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности, открыто поставил вопрос о необходимости разработки такой формулы взаимоотношений между людьми, которая устраивала бы обе стороны взаимодействия.

В этом плане его мысли, на первый взгляд кажущиеся несколько идеалистическими и оторванными от реальной действительности, подчеркивают тот факт, что данную проблему, чрезвычайно важную и острую, замалчивать нельзя. На стыке XIX–XX вв. Гаспринский отчетливо понял всю важность проблемы того, как уберечь мир от конфронтации на межнациональной и межконфессиональной почве. В статье «Русско-восточные соглашения. Мысли, заметки и пожелания», вышедшей отдельным сборником в Крыму в 1896 году, эта тема также нашла свое отражение. «Следовало бы, чтобы русские и мусульмане лучше и непосредственно изучали друг друга без предвзятых или заказных предубеждений. Тогда они увидели бы, что кроме верования, все остальное сближает и скрепляет их. В частной жизни и деятельности мы сплошь и рядом видим прекрасные отношения между мусульманами и христианами. Это и нужно развивать и укреплять, отнюдь не касаясь дорогих каждому религиозных чувств» [2, с. 64–65].

Гаспринский много путешествовал в своей жизни. Неоднократно бывая в странах Европы и Азии, он пишет путевые заметки и очерки, в которых размышляет о путях и перспективах развития человеческой цивилизации, анализирует прошлое, настоящее и будущее Востока и Запада, преимущества и недостатки их развития, а также положение народов Европы и Азии. Здесь следует отметить, что такие литературно-публицистические жанры, как «путевой очерк», «путевые заметки» занимают особое место в публицистике Гаспринского, в них отражаются впечатления и наблюдения автора от посещения той или иной страны, региона. Подробный их анализ дан в одном из последующих параграфов данного исследования.

Взаимоотношениям на межгосударственном уровне, вопросам взаимодействия государства и личности, власти и общества Гаспринский уделял большое значение. Будучи сторонником концепции ненасильственного мира, Гаспринский призывал решать проблемы человеческого рода путем мирного их урегулирования. Проповедуя философию единства мира, равенства и добрососедства, всячески стремился к объединению людей разных национальностей, вероисповедания.

Символично, что Гаспринский родился, жил и творил в таком уникальном месте земного шара, в такой стратегической точке мира, как Крым – на небольшой в масштабах планеты территории, где стыкуются два во многом разных конфессиональных мира – мусульманский и восточно-христианский. Как правило, именно в таких исторических местах чаще всего наблюдаются процессы общественных деформаций. И в данном контексте особенно остро проявляется необходимость в объединяющей эти оба мира личности, каковым явился Гаспринский.

В целостной системе общечеловеческих ценностей он особое, едва ли не первостепенное, значение уделял гуманистическим принципам, идеалам добра, милосердия, созидания, выступая за цивилизованный образ жизни, провозглашая культ знания. В общем контексте мировоззренческих принципов большое место отводил вопросам гармоничного взаимодействия как на государственном, так и на межличностном уровне. Призывы к построению диалога по вопросам таких взаимоотношений звучат во многих статьях Гаспринского, посвященных осмыслению геостратегических проблем современного ему мира.

Так, в статье «Запад и Восток», опубликованной в «Терджимане» в марте 1902 г., Гаспринский детально анализирует успехи и падения Востока и Запада, рассуждает о положительных и отрицательных проявлениях жизни народов, их населяющих. Автор акцентирует

внимание на том, что человеческая цивилизация зародилась на Востоке, однако на современном этапе своего развития Восток утратил свое величие и мощь, что именно восточные народы положили начало человеческому общежитию и знаниям, развили их и передали народам Запада, в настоящее время гигантскими шагами идущим вперед. Пытаясь разобраться в причинах столь разительных перемен, успех Запада Гаспринский объясняет более правильной постановкой жизни и стремлений, иначе говоря, стратегически верным определением целей и идей.

Используя систему аргументации в форме противопоставлений, автор стремится убедить читателя в том, что необходимо избегать процессов застоя в обществе, а это возможно только при огромном желании учиться и совершенствоваться, постоянно работать головой, обсуждать новые мысли и предложения, в умении применять новые знания на практике. Вот как звучат рассуждения Гаспринского об этом: «Единый и Всеблагий Творец всех и вся дает одинаково всем без различия рас и религий, ибо все народы одинаково Его твари. Однако благодаря развитию цивилизации и знаний западные народы являются ныне учителями и хозяевами всего мира. На Западе обо всем говорят, пишут, судят, на Востоке молчание считается лучшим украшением человека. На Западе ежегодно появляется несколько десятков тысяч новых книг, мыслей, предложений, а на Востоке если появится новая книга, то она не находит читателей. Каждый западный житель имеет под рукой массу книг и газет для получения нужных и полезных сведений, житель же Востока далее неверных и преувеличенных или искаженных слухов чайной или базара иных источников не имеет» [8]. Таким образом, Гаспринский призывает народы Востока, где было положено начало многим наукам, где зародилось государство, торговля, община, стараться усовершенствовать, улучшать свою жизнь, а для этого необходимо стремиться учиться и развиваться, заключает он.

Будучи носителем прогрессивных идей, широко распространяя их в обществе на протяжении всей своей жизни, Гаспринский встречал непонимание, и даже неприязнь со стороны консервативно настроенного мусульманского духовенства. За идеи просвещения широких масс муллы обвиняли его в вероотступничестве, и особенно критиковали Гаспринского за то, что он призывал народ изучать светские науки, усматривая в этом угрозу для изучения основ ислама. Гаспринский в свою очередь посредством своих статей в «Терджимане» публично отвечал на выпады своих оппонентов.

В предельно корректной форме объясняя свою позицию, растолковывая преимущества образованной личности, соответственно, светского образа жизни, он тем не менее не отвергал религиозного начала в духовном развитии личности. Таким образом, одной из ключевых тем в публицистике Гаспринского является тема духовного развития мусульман с акцентом на просвещенный ислам. В общем контексте рассуждений Гаспринского относительно религиозных вопросов, на наш взгляд, интересными представляются умозаключения автора о судьбе мусульманства в целом. Так, свою точку зрения об отношении ислама к культуре и цивилизации Гаспринский высказывает, в частности, в статье «Судьбы магометанства», которая была опубликована в «Терджимане» на первом году его издания: «На вопрос: могут ли воспринять цивилизацию мусульмане, ответим: воспринимают и воспримут. При однородности и совокупности условий – их же очень много – мусульмане могут достигнуть той же степени культуры и цивилизации, как и европейцы. Главнее всего и прежде всего потому, что мусульмане такие же люди, как и европейцы. Говоря иначе, восточное человечество, постепенно озаряемое светом точных и положительных знаний, в силу человеческой природы пойдет вперед» [4].

Среди проблем, рассматриваемых Гаспринским на страницах «Терджимана», значительное место отведено вопросу женского образования, являющегося, как известно, одним из основных показателей социального положение женщины в обществе. Отметим, что вопрос просвещения женщин занимает одно из важнейших мест в дидактической системе Гаспринского. Свои основные идеи по этому вопросу он изложил в следующих статьях: «По

женскому вопросу» (1903 г.), «Исламизм и права женщин» (1909 г.), «О правах женщин» (1913 г.) и др. Кроме того, вопросу гендерного воспитания посвящены такие произведения Гаспринского, как «Къадынлар улькеси» («Страна Амазонок», 1890 г.), «Арслан къыз» («Девушка-львица», 1893 г.), «Къадынлар» («Женщины», 1903 г.) [1, с. 138–139].

Таким образом, проблематика газетных выступлений Гаспринского свидетельствует о том, что автор не оставался равнодушным к происходящему вокруг, а напротив, стремился донести до читателей свое видение многих проблем своей эпохи и рассказать о событиях, происходящих как в своем регионе, так и далеко за его пределами. Считаем, что по широте охвата тем, глубокому содержанию публицистических произведений, таланту и мастерству их изложения Гаспринского можно смело отнести к числу лучших публицистов своего времени. Общественно-политическая, социально-экономическая, духовная сфера человеческой жизни и деятельности, актуальные проблемы современной автору действительности – вот далеко не полный перечень вопросов, которые нашли отражение в публицистике Гаспринского. Сегодня эти материалы, составляющие основу публицистического наследия Гаспринского, представляют огромную ценность как для исследователей, так и для широкой читательской аудитории, поскольку вдумчивый читатель может найти в них ответы на многие злободневные вопросы современности.

Shukurdjiyeva Zelfira Shevketovna

The problems of Gazprinsky's newspaper speeches

Abstract*. The article deals with the issues of Gazprinsky's newspaper speeches. On specific excerpts from his articles published in various years in the newspaper Terzhiman ("Translator"), published in the Crimea in the city of Bakhchisaray, shows the main thrust of Gasprinsky's publicism. The main problems that Gasprinsky described in his journalistic works during his journalistic activities are revealed, they detail the author's position on many topical issues of his epoch. This is of particular interest not only for modern researchers of life and activities of Gasprinsky, but also for a wide readership.*

Keywords: *Gasprinsky, journalism, problems, "Terjiman".*

Литература:

1. Абибуллаева Э. Дидактическая система Исмаила Гаспринского / Э. Абибуллаева; науч. ред.: Н.Д. Ярмаченко. – Симф.: Тезис, 2011. – 152 с.
2. Исмаил-бей Гаспринский. Россия и Восток / Исмаил-бей Гаспринский; ред.: Р. Валиев, А. Каримулин, А. Сиразиев. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 131 с.
3. Терджиман. – 1883. – № 2. – Апр. 17.
4. Терджиман. – 1883. – № 8. – Май 29.
5. Терджиман. – 1884. – № 14 – Апр. 16.
6. Терджиман. – 1895. – № 18 – Май. 7.
7. Терджиман. – 1895. – № 18. – Май. 7.
8. Терджиман. – 1902. – № 12. – Март 29.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА – ТАРИХ ВЕ МЕДЕНИЕТ

УДК 94(100)1939/1945(=512.19):323.1

Куртсеитов Рефик Джаферович[1]

Крымские татары – герои советского союза: хронология представлений, награждений и замены высшей награды орденами СССР

Аннотация. *В статье рассматривается хронология представлений и награждений воинов крымских татар званием «Герой Советского Союза», а также замены высшей награды различными орденами СССР. Данные приведенные в работе, основываются исключительно на содержании наградных документов, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (бывшего ЦАМО СССР) за весь период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автором статьи проанализировано содержание наградных документов военнослужащих призванных в различные военные формирования СССР военкоматами Крымской АССР, а также за ее пределами. Впервые составлен наиболее полный список воинов крымских татар представленных к высшей воинской награде по годам войны. Проанализированы причины замены звания «Героя Советского Союза» на другие награды.*

Ключевые слова: *крымские татары, Великая Отечественная война, наградная система, Герой Советского Союза.*

После окончания Великой Отечественной войны прошло более семидесяти лет. Исследования различных аспектов войны не теряют своей актуальности и в настоящее время. Особый научный интерес представляют военные заслуги представителей репрессированных народов и в том числе крымскотатарского. Различные домыслы, откровенные фальсификации, накопившиеся за послевоенные десятилетия, и по сей день существенно искажают реальную картину его участия и проявленного героизма.

В настоящее время появились новые возможности в освещении ранее неисследованных проблем самой кровопролитной войны и в том числе военного подвига. Круг и количество первичных источников значительно увеличился в связи с Обобщенного электронного банка данных (ОБД) «Мемориал» и сайта «Подвиг народа», вобравшие в себя документы Центрального архива министерства обороны Российской Федерации (СССР) и других военных архивов. Благодаря выполненной колоссальной по объему и сложности работы, стала доступна информация о погибших и пропавших без вести (к настоящему времени все еще

[1] ***Куртсеитов Рефик Джаферович,*** к.соц.н., доц., зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, ст. научный сотрудник отдела истории НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

значатся более 5 миллионов человек), о картотеках немецких концлагерей на военнопленных красноармейцев и командиров Красной Армии (солдат и офицеров Советской Армии с 1943 г.). Помимо этого, уникальный электронный банк данных «Подвиг народа» содержит информацию о 12 670 837 награждениях орденами и медалями СССР, а также о 3,5 миллионах награждениях медалями за оборону городов и территорий СССР, за освобождение и взятие городов, за победу над Германией и Японией [1].

За время войны более 11 тысяч военнослужащих были удостоены звания Героя Советского Союза, более 2500 стали полными кавалерами ордена «Славы», фамилии их зафиксированы в указах, приказах и других документах, миллионы награждены орденами и медалями.

Благодаря информации сайта «Подвиг народа», стало возможным определение военных заслуг воинов призванных военными комиссариатами Крымской АССР, включая г. Севастополь, входивший в то время в состав республики. Основной нашей целью было – составить объективную картину военного подвига рядового и командного состава РККА, РККФ и Советской Армии (1943 г.) – представителей различных народов и этнических групп, проживавших на территории республики. Определить численность военнослужащих крымских татар и представителей других национальностей, представленных и награжденных высшей наградой СССР – званием Героя Советского Союза. Основной задачей нашего исследования стало выявление наградных листов и наградных списков, в которых значатся военнослужащие, призванные из Крымской АССР, количественно-качественный анализ их содержания.

В ходе нашего исследования мы проработали 35 299 награждений (Наградных листов, Наградных списков) по 114 званиям призванных из Крымской АССР, а также наградные документы воинов крымских татар призванных из других республик, краев и областей. Были получены уникальные сведения и в том числе по представленным и награжденным званием «Герой Советского Союза» из числа воинов крымских татар.

Решающий вклад в войне с германским нацизмом принадлежит всем народам СССР, не зависимо от их численности. Необходимо отметить, что в СССР существовали ограничения на военную мобилизацию с началом войны представителям этнических групп-диаспор, чьи государства-метрополии или материнские государства, находились в союзнических отношениях с Германией, а в предвоенные годы представители этих диаспор подверглись жестоким репрессиям и необоснованным тотальным выселениям, в по стандартным обвинениям «иностранные шпионы» и.т.д. Вне всякого сомнения, если представителей этих диаспор подлежали бы мобилизации, они также проявляли бы свой героизм.

Военные действия начального периода войны характеризовались жестокими поражениями, тяжелейшими людскими потерями и оккупацией значительной территории СССР. С первых же дней войны воины РККА и РККФ начали проявлять образцы стойкости и героизма и в этом отношении крымские татары не составляли исключение. Шел третий день войны. Командира орудия 141 гаубичного артиллерийского полка Усейнова Саид Халиля призванного Ялтинским РВК Крымской АССР за отражение танковой атаки на западной границе, 24 июня 1941 года представили, а 22 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР наградили орденом «Красного Знамени» Из наградного листа: «…Командир орудия Усейнов остался у орудия один, остальной расчет не мог работать у орудия, не давала истребительная авиация противника. Но не испугался свинцовых пуль командир орудия Усейнов, он продолжал прямой наводкой расстреливать танки противника. Многие танки были охвачены пламенем огня, а враг продолжал свое движение на огневую позицию. Передний танк противника был на расстоянии 150 метр. от огневой позиции, командир орудия метко навел 152 мм. гаубицу на танк и вражеский танк запылал. Радость т. Усейнова описать нельзя т. Усейнов вскочил на лафет гаубицы и начал танцевать, эта была победная радость комсомольца Усейнова. В этом бою Усейнов прямой наводкой вывел из строя 3 танка, управляя один орудием» [1].

Шел тот же 1941-ый год. В самый тяжелый период обороны Москвы в ноябре – декабре 1941 года крымские татары, воевавшие в истребительной, штурмовой авиации защищали столицу. Один их них младший лейтенант Аджи-Халиль Абдарман (Абдраман) Ахтем до начала войны проживал на улице В.Ленина д. Ай-Василь, которая располагается Ялтой, служивший в бомбардировочной авиации, 46 авиаполку, 10 декабря 1941 года был награжден орденом «Красного Знамени» [1]. К этому времени у него на счету было более 40 боевых вылетов на бомбардировку противника и разведку, а через два дня экипаж не вернулся с боевого задания. Его экипаж, как и другие члены погибших экипажей, являются настоящими Героями.

По приказу НКО СССР (Народного комиссара обороны) командирам частей предписывалось награждать военнослужащих, принимавших активное участие в боевых действиях и получивших три ранения. Таких случаев достаточно много. Солдат, воюет с первого дня войны, изрешечен, как сито, но никаких наград не имеет, он просто исполняет свой долг. Один из них, командир отделения сержант Хан-Оглы Мамед Асанович, призванный на фронт в июне 1941 года из Бахчисарайского района, в 1945 году награждается первой наградой – орденом Отечественной войны 2-й степени. В наградном листе читаем «за активное участие в боевых действиях» на пяти фронтах, «как имеющий 8 ранений, из них 4 тяжелых и 2 тяжелые контузии» [1]. Это человека можно считать святым, его оберегала сверхъестественная сила, командир отделения первым поднимается в атаку, по статистике он меньше всех живет на передовой.

Общеизвестно, что за военные подвиги в годы войны звания «Герой Советского Союза» удостоились из числа крымских татар к-н Абдуль Тейфук (декабрь 1943 г.), старшина Абдураманов Узеир (январь 1944 г.), сержант Сеитнафе Сеитвелиев (сентябрь 1944 г.) гв. м-р Абдураим Решидов (июнь 1945 г.) [1]. Звания «Дважды Герой Советского Союза» удостоился м-р Амет-Хан Султан (август 1943 г., июнь 1945 г.) [1], и в тоже время информация о представленных к званию «Герой Советского Союза», но награжденных различными орденами была недостаточной.

Первым из всех воинов призванных военкоматами Крымской АССР совершившим героический подвиг стал командир батальона 586-го стрелкового полка 107-й стрелковой дивизии ст. л-т Эмир Люманов, в боях под г. Ельней, где родилась советская гвардия. В июле - сентябре 1941г. батальон Э. Люманова вел тяжелые бои, громил немецкие части, брал высоты. Газета «Известия» публикует материал о боевых заслугах Э.Люманова и публикуют его ответ на вопрос корреспондента газеты.

За день до освобождения г. Ельни 5 сентября 1941г. Э. Люманов героически погиб в бою. Наградной лист на присвоение звания Герой Советского Союза (посмертно) был подписан командиром полка майором Н. Галатом 3 марта 1942 года. Звание Героя Советского Союза заменили, на орден «Ленина» [1].

Вторым по времени совершения героического подвига (если так можно выразиться, за плечами у него была уже финская компания, в войну вступил с первого дня) и первым представленным по времени к званию Героя Советского Союза, стал командир эскадрилии 5 ближне-бомбардировочного авиаполка ст. л-т Абдураим Решидов. Командир полка майор Соловьев в начале ноября 1941 года подписывает Наградной лист на звание Героя. По которому Решидов в первый раз по времени, представлялся к званию «Герой Советского Союза». Об этом факте нигде ранее не писалось. В строке «Чем ранее награжден», указано «пред. к Правительственной награде орд. «Красное Знамя» и орд. «Ленина». В наградном листе подробно описаны заслуги Решидова, к началу ноября 1941 года он уже имел 71 боевой вылет на бомбардировку войск противника, на разведку и другие задания. Последний абзац перечисления боевых заслуг гласит: «За проявленное мужество, смелость, железную решительность, отвагу и героизм, согласно приказа НКО №0299-41 г. представляется к третьей высшей Правительственной награде «Герой Советского Союза» [1].

Заключения вышестоящих начальников. Командир авиадивизии полковник Губанов: «За боевые отличия в боях за Родину достоин третьей высшей Правительственной награды «Герой Советского Союза» 5 ноября 1941 г.

Заключение ВВС ЮЖФРОНТА. «Достоин Присвоения звания «Герой Советского Союза» – командующий ВВС ЮЖФРОНТА генерал-майор авиации Вершинин 6.01.42 г.

Заключение Военного Совета ЮЖФРОНТА. «Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза» – Командующий войсками ЮЖФРОНТА генерал-лейтенант Малиновский 7 января 1942 г.

Отметка о награждении. Приказом по войскам Южного фронта №0140/н от 23 февраля 1942 г. награжден орденом «Ленина».

Все инстанции были за присвоение звания «Герой Советского Союза» и в том числе командующий фронтом, оставался лишь Президиум Верховного Совета СССР который присваивал высшую награду страны, наградили орденом.

Орден «Ленина», которым наградили А.Решидова, по счету должен был быть вторым, а третьим полученный со звездой Героя в июне 1945 года. На всех фотографиях и в перечне наград мы видим только два ордена «Ленина». Получается, что Решидова не наградили по второму представлению орденом «Ленина», а по представлению к третьей награде к званию Героя в 1941 году, ограничились награждением орденом «Ленина». А.Решидов был удостоен – звания «Герой Советского Союза» только 30 июня 1945 г. за 222 боевых вылета[1].

Абдураим Измайлович Решидов не только Герой войны, но и выдающаяся личность, чего стоит его послевоенная эпопея с возвращением на Родину в Крым. Будучи «Героем Советского Союза» он мужественно перенес все глумления и издевательства крымских партийных и советских властей, крымскотатарская общественность хорошо знает содержание его открытого письма к Главному маршалу авиации К.А.Вершинину, командовашему 5-ой воздушной армией в составе которого он воевал, с требованием решения вопроса о его прописки в Крыму. Абдураим Решидов принимал активное участие в национальном движении крымскотатарского народа. Его боевой и жизненный путь настоящая эпопея мужества и порядочности.

Еще один пример и еще одна военная судьба представителя славного корпуса крымскотатарских офицеров. Гвардии полковник, командир 835-го стрелкового полка Идрис Хайбулаев уроженец Судакского района награжденный за боевые подвиги тремя орденами «Красного Знамени», орденом «Отечественной войны» первой степени, медалями. Прошедший путь от командира взвода до командира полка. 16 марта 1942 года, будучи еще командиром взвода, лейтенант Идрис Хайбулаев был представлен к званию «Герой Советского Союза» [1].

Командира взвода автоматчиков 1-го отдельного стрелкового батальона 39 отдельной стрелковой бригады Хайбулаева Идриса представили к званию Героя командир батальона подполковник Полевик, военный комиссар батальона старший батальонный комиссар Багаев: «В бою под деревней Починки 29 января 1942 г. тов. ХАЙБУЛАЕВ проявил исключительной геройство в борьбе против фашистских извергов.

На рассвете 29 января 1942 г. батальон на большаке между КРЕСТАМИ и ВЕЛИЖЕМ, встретив большой обоз противника с пехотным прикрытием, атаковал его. Фашисты, укрывшись за сани, орудия и убитых лошадей, вели по батальону ураганный огонь, не давая возможности батальону броситься в атаку. Лейтенанту ХАЙБУЛАЕВУ со взводом было приказано переползти через большак и атаковать противника с тыла. Тов. Хайбулаев это приказание выполнил с честью; под сильным автоматным и пулеметным огнем фашистов в непосредственной близости от них, пересек большак и, зайдя в тыл фашистам, открыл дружный огонь из автоматов. Фашисты не выдержали и бросились бежать; тов. ХАЙБУЛАЕВ с криком «за СТАЛИНА», «за РОДИНУ» повел автоматчиков за собою. Фашисты в панике бежали, бросая оружие и боеприпасы. Тов. ХАЙБУЛАЕВ подбежал к брошенному

фашистами орудию, зарядил его и стал расстреливать артиллерийским огнем убегающих фашистов. Нов это время тов. Хайбулаев был ранен в обе ноги и после ранения, несмотря на то, что не мог стоять на ногах, он расстреливал фашистов из своего автомата.

Действия тов. ХАЙБУЛАЕВА обеспечили полностью выполнение задания батальону».

Военный Совет 4 Ударной Армии выносит заключение о награждении орденом «Красное Знамя». Приказом по войскам Калининского фронта №0263 от 22 июля 1942 года Хайбулаева Идриса наградили орденом «Красное Знамя» [1].

Халиев Асан Салиджанович (Салижанович) Старшина 2-ой статьи, призванный в армию в июне 1941 года Евпаторийским городским военкоматом Крымской АССР, снайпер 305 отдельного стрелкового батальона 83 Краснознаменной отдельной морской стрелковой бригады. Принимал участие в обороне Севастополя в 1941–1942 гг., защищал Северный Кавказ, имел ранения, до представления к званию «Герой Советского Союза» был награжден орденом «Красная Звезда».

В наградном листе пишется: «Тов. Халиев в частях действующей армии с первых дней Отечественной войны. В борьбе с немецкими захватчиками проявляет мужество и героизм. Участник обороны гор. Севастополя, где открыл свой снайперский счет по уничтожению немцев. В боях под Ериванской, Шапсугской, выс.614,4 с.Садовое – здесь Халиев свой счет увеличил и довел его до 210 убитых немцев.

В период десантной операции в районе гор. Новороссийска – с. Мысхако действовал смело и решительно, презирая смерть и всякую опасность, из снайперской винтовки уничтожил еще 32 фрица и довел свой счет до 242 убитых немецких солдат и офицеров …

В боях с 17 по 24 апреля, когда враг пытался сбросить героев «Малой земли» в море, несмотря на массированные налеты и бомбежки авиации пр-ка артиллерийско-минометный и пулеметный огонь, противник не мог сломить мужества и упорства моряков нашей бригады. Просочившаяся группа автоматчиков пыталась зайти в тыл нашему подразделению. Тов. Халиев, когда вышел из строя командир взвода, возглавил взвод и повел его в атаку. Просочившаяся группа была уничтожена. В этом бою тов. Халиев был ранен.

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками достоин присвоения звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» [1].

Представление – Наградной лист 26 июня 1943 года подписал командир 83 Краснознаменной отдельной морской стрелковой бригады полковник Абрамов. Заключение вышестоящих начальников. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза с вручением ордена ЛЕНИНА и медали «Золотая Звезда». Командующий группой десантных войск 18 армии генерал – армии /ШВАРЕВ/ подпись 26 июня 1943 г. Заключение Военного Совета Армии – Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза» Командующий 18 армией генерал – лейтенант Леселидзе (подпись).Член военного Совета генерал – майор Колоник (подпись) 28 июня 1943года.

Командующий войсками Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенант Ив. Петров не подписал представление на звание Героя.

В пункте «Отметка о награждении» написано, что приказом по войскам Северо-Кавказского фронта Халиев Асан награжден орденом «Красного Знамени».

В деле хранится приказ подписанный командующим фронтом Ив. Петровым, членом Военного Совета фронта Фоминых о награждении четырех снайперов орденом «Красное Знамя»: Зайнутдинова Калимуллу Вазыховича, Зубова Григория Федоровича, Уварова Ивана Алексеевича, Халиева Асана Салижаровича. В деле имеются Наградные листы на всех четырех награжденных. Халиев А.С за 242, Зайнутдинов К.В. за 226, уничтоженных гитлеровцев были представлены к званию «Герой Советского Союза». Уваров И.А. за 153 и Зубов Г.Ф. за 118 уничтоженных гитлеровцев представлялись к ордену «Красное Знамя» [1]. В итоге всех четверых наградили орденом «Красного Знамени». Судя по награждению А.Халиева в 1985 году орденом «Отечественной войны» 1-ой степени он выжил в войне, каков его окончательный счет по уничтожению нацистов пока нам не известен. Другой крым-

ский снайпер ст. сержант Османов Ка(й)була к первому февраля 1944 года уничтожил 234 солдат и офицеров противника, погиб в начале 1945 г. [1]. Снайпер, краснофлотец Белялов Фетта призванный Карасубазарским военкоматом, к 5 июля 1943 года имел на своем счету 105 уничтоженных гитлеровцев. Наградные листы дают информацию о том, что старшина А.Б. Абдураманов к середине июня 1943 года имел на своем счету 57 уничтоженных гитлеровцев, а младший сержант Эмир Трубчу уничтожил 51 противника. Командир отделения снайперов, младший сержант Абельмеджитов Абдураман во время прохождения боевой практики уничтожил 46 солдат и офицеров противника [1]. Этот список можно продолжить.

Пятым по счету, по имеющимся у нас данным, представленным к высокому званию «Герой Советского Союза» из числа крымских татар и первым награжденным стал командиру эскадрилии капитану Амет-Хан Султан. 24 августа 1943 года ему было присвоено звание «Герой Советского Союза». К этому времени он был уже признанным воздушным ассом, героем Сталинградской битвы, на счету которого был воздушный таран и более 30 сбитых лично и в группе вражеских самолетов.

Шел 1943 год. Советские войска освобождали оккупированные немецкими войсками территории, одним из величайших сражений Великой Отечественной войны стала битва за Днепр или форсирование реки на огромной ее протяженности. В ней отличились многие воины крымские татары, но особо следует отметить тех, кто был представлен к званию Героя, их четверо по имеющимся Наградным листам.

Командир батальона 175 гвардейского стрелкового полка 58 гвардейской стрелковой дивизии к-н Абдуль Тейфук, командир 112 отдельного истребительного батальона 12 Армии капитан Джевдет Дерменджи, командир роты 589 стрелкового полка, 108 стрелковой дивизии ст. лейтенант Хаиров Сулейман Абдулович, командир зенитной батареи 670 зенитного артелерийского полка 5-ой Зенитной дивизии РГК ст. лейтенант Месутов Веис.

Из четверых представленных к званию «Герой Советского Союза» удостоился высокого звания только один Абдуль Тейфук (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1943 года) [1]. Джевдет Дерменджи дважды форсировавший Днепр был награжден орденом «Ленина» [1]. Хаиров Сулеймана наградили орденом «Красного Знамени» [1]. Веисова Месута (посмертно) также орденом «Красного Знамени» [1].

К Героям форсирования р. Днепр, вне всякого сомнения, можно отнести командира 1144 стрелкового полка майора (к концу войны полковник) Мердемшаева Мамуда призванного Карасубазарским РВК награжденного двумя орденами «Красного Знамени», «Суворова Ш ст.», «А. Невского» и другими наградами. Под его командованием 1144 стрелковый полк форсировал Днепр и совместно с другими частями захватил и удерживал Лютежский плацдарм [1].

Абдуль Тейфук стал вторым «Героем Советского Союза» из числа крымских татар, а третьим был награжден командир отделения 321 армейского инженерного батальона старшина Узеир Абдураманов, за строительство мостов через реки Десна и Сож, обеспечившему форсирование этих рек. Звание «Героя Советского Союза» ему присвоили Указом ПВС СССР от 15 января 1944 года [1].

Среди, представленных к званию «Герой Советского Союза», но не награжденных значится капитан Джевдет Дерменджи. Дерменджи был призван в армию Симферопольским РВК, командир 112 отдельного истребительного батальона был представлен к званию «Герой Советского Союза» 31октября командующим артиллерией 12 Армии генерал- майором Семиным. К этому времени Дж. Дерменджи, призванный в армию в августе 1941года, имел большой боевой опыт, был награжден орденами «Красного Знамени», «Александра Невского». Из Наградного листа на представление к званию «26 сентября 1943 года батальон капитана ДЕРМЕНДЖИ, входя в состав десантной группы по сильным артелерийско – минометным и пулеметным огнем противника первым форсировал реку Днепр. Переправившись на правый берег ДНЕПРА капитан ДЕРМЕНДЖИ с ходу повел подразделение к траншеям врага. С криками «Ура»….увлекая за собой, бросился в траншеи, забрасывая

врага гранатами и уничтожая в рукопашной схватке. Батальон штурмом овладел сильно укрепленной полосой обороны противника, заставив его откатиться назад. Задача по овладению плацдармом на правом берегу ДНЕПРА была выполнена. В течении четырех суток батальон мужественно дрался с превосходящими силами врага, неоднократно отражая контратаки танков и пехоты противника, тем самым дал возможность переправиться остальным частям и основательно закрепить завоеванный плацдарм. Капитан ДЕРМЕНДЖИ был ранен, но продолжал командовать батальоном».

Согласно данным журналиста и писателя Аблязиза Велиева, который лично встречался с героем, Джевдет Дерменджи был в списке из 29 человек представленных к званию «Героя Советского Союза», 28 были удостоены этого звания, кроме Дерменджи, его наградили орденом «Ленина» Указом Президиума ВС СССР от 22 февраля 1944 года [1]. Всего за форсирование Днепра более тысячи солдат и офицеров удостоились звания Героя.

Наступил 1944 год, год величайшей трагедии крымскотатарского народа, одного из двенадцати народов, репрессированных по национальному признаку, тотально выселенному из родного края. Значительную часть выселенных, составляли женщины, старики и дети. Выселения по национальному признаку начались еще до начала войны, выселяли с приграничных районов Дальнего Востока, Закавказья затем Северного Кавказа, причем даже с территорий, которые не были подвергнуты немецкой оккупации. Уже в феврале 1942 года по национальному признаку были выселены крымские татары и греки проживавшие в Краснодарском крае, Крымский полуостров еще не полностью был оккупирован, продолжалась оборона г. Севастополя.

Весна 1944 года советские войска готовятся к освобождению Крыма, к прорыву Перекопских укреплений противника. Командир взвода средних танков второго танкового батальона 32 Краснознаменной гвардейской отдельной танковой бригады ст. лейтенант Фазыл Азизов получает последние указания командира полка, который говорит своему подчиненному о большой ответственности, о том, что он будет освобождать родную крымскую землю. При прорыве Перекопских укреплений Ф.Азизов проявил высочайшее мужество и героизм, несмотря на тяжелое ранение, за что был представлен к званию «Герой Советского Союза», высшую награду заменили на орден «Красного Знамени» [1]. Фазыл Азизов погиб в 1945 г. при освобождении югославского города Вршац, там и похоронен.

В дни выселения крымскотатрского народа еще один его славный сын заместитель командира 2-го стрелкового батальона по политической части 910 Стрелкового полка 243 Стрелковой Никопольской Краснознаменной дивизии ст. лейтенант Закирья Усеин Захарович (Закирьяевич) уроженец г. Бахчисарая, проявил героизм, отраженный в Наградном листе на звание «Герой Советского Союза» (посмертно), который подписан командиром 910 стрелкового полка майором Костенко 23 мая 1944 года. Из наградного листа явствует: «14-15 мая 1944 года в боях по ликвидации плацдарма противника на левом берегу реки Днестр тов. ЗАКИРЬЯ будучи в боевых порядках батальона действовал смело и решительно.В этих же боях при наступлении батальона на деревню Кошница, он находясь в 5-й стрелковой роте личным примером воодушевлял бойцов на стремительное движение вперед и беспощадное уничтожение фашистов. Тов. ЗАКИРЬЯ лично убил 2 немцев.

20.5.44 года, когда батальон, где находился тов. ЗАКИРЬЯ стрелковым ротам угрожало окружение, он не струсил, а заняв круговую оборону и отражал яростные контратаки противника…

Но не смотря на то, что тов. ЗАКИРЬЯ был уже тяжело ранен не ушел с поля боя, а продолжал командовать батальоном.

Превозмогая боль от тяжелого ранения тов. ЗАКИРЬЯ продолжал командовать батальоном до тех пор пока не отразил 3 яростных контратаки противника. В этом бою было уничтожено до 50 гитлеровцев. Тов. ЗАКИРЬЯ, как подлинный герой дрался с ненавистным врагом до последней капли крови.

За проявленные боевые подвиги перед Родиной, смелость, мужество и отвагу тов. ЗАКИРЬЯ достоин высшей Правительственной награды звания «Герой Советского Союза» ПОСМЕРТНО» [1].

С представлением командира полка на присвоение звания «Героя Советского Союза» Закирья Усеину, согласен командир дивизии, но вышестоящее начальство наградило Героя только орденом «Отечественной войны» первой степени.

Истории награждений Джафера Османа Топчи и Закирья Усеина во многом совпадают. Чудеса героизма на полях сражений проявил командир батальона 610 стрелкового майор Джафер Осман Топчи дважды, второй раз посмертно представленный к званию «Герой Советского Союза». Он был призван в Красную Армию в марте 1940 года Бахчисарайским ГВК. На фронте с 22 июня 1941 года. Из первого наградного листа на присвоение звания «Героя Советского Союза» явствует, что он к этому времени был награжден двумя медалями «За отвагу» и орденом «Отечественная война» второй степени. Краткое изложение боевого подвига «В полку с момента его формирования – марта 1942 года. За время боевых действий полка прошел большой путь от Дона до Днестра, командуя сначала взводом автоматчиков, а затем командиром батальона. В наступательных действиях батальона, проявил умение и исключительную храбрость при выполнении боевых задач. Имеет шесть ранений и по инвалидности освобожден от военной службы, но как патриот полка, после излечения всегда возвращался в свою часть…».

В ночь с 13 на 14.05.44 года, при наступлении батальона, в районе Дороцкое, умелым маневром и решительными действиями прорвал оборону противника и в короткий срок захватил две линии траншей, открыв путь для наступления полку и в дальнейшем ликвидации плацдарма немцев в излучине Днестра.

В тяжелых, напряженных боях, в излучине Днестра с 14 по 21.05.44 года, батальон под командованием капитана ДЖАФЕР, попав в окружение и отрезанный от баз снабжения, стойко сдерживал натиск врага, отбивая ежедневно по 4–5 контратак противника, но не отступил ни на шаг.

По приказу командования, батальон в ночь с 20 на 21.05.44 года, прорвал вражеское кольцо окружения, где капитан ДЖАФЕР и личный состав батальона проявил исключительную организованность и выдержку. Лично капитан ДЖАФЕР возглавил ударную группу при выходе батальона из окружения и на приданном танке раздавил четыре противотанковые пушки, два бронетранспортера, шесть автомашин и до 60 гитлеровцев. Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза» [1].

Командир 610 СП подполковник Гурский 24 мая 1944 г.».

Высшую награду страны Джаферу Осману Топчи 29 июля 1944 г. заменяют орденом «Красное Знамя».

29 сентября 1944 года командир полка п. п-к Губский представляет уже майора Джафера Османа Топчи, заместителя командира 610 стрелкового полка по строевой части за новые его подвиги к ордену «Александра Невского». Приказом по войскам 53 Армии от 4.11.44 г. его награждают орденом «Александра Невского», который он уже не получит. Джафер Осман Топчи геройский погибнет в бою 10.10.44 года.

15 ноября 1944 года командир полка Гурский представит во второй раз Джафера Османа Топчи к званию «Герой Советского Союза» (посмертно).

На этот раз командир 203 стрелковой Запорожской Краснознаменной дивизии вынесет решение «Достоин высшей Правительственной награды – ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» [1]. 18 ноября 1944 года. Военный Совет Армии выносит вердикт – «Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза». Военный Совет Фронта делает заключение – «Достоин ордена Отечественной войны первой степени».

Шесть раз раненный офицер, освобожденный от военной службы, Джафер Осман Топчи после каждого ранения возвращается в свою часть и продолжает воевать. Дважды пред-

ставленный в 1944 году к званию «Герой Советского Союза» и он дважды не удостаивается им даже ценой своей жизни.

Первое представление было сделано 24 мая, второе 15 ноября 1944 года, уже после объявления крымских татар «народом – предателем».

По хронологии представления к высшей награде СССР следующим идет гв. подполковник Абилов Анатолий (Фетислам) Абилович, который занимает особое место. Призванный в армию Джанкойским РВК Крымской АССР, командовавший в разное время 130 гвардейским стрелковым полком, а на заключительном этапе войны 444 стрелковым полком. Абилов А. дважды (1944 и 1945 гг.) представлялся к званию Героя. История его двух представлений является настоящей эпопеей. В первом Наградном листе на командира 130 гвардейского стрелкового Краснознаменного полка 44 гвардейской стрелковой Краснознаменной, Барановичской дивизии представленного к званию Героя командиром дивизии Гвардии генерал – майором Борисовым 9 сентября 1944 года содержащееся краткое описание боевых заслуг поражает воображение, но вышестоящие начальники решают по своему [1]. Командир 105 стрелкового корпуса генерал – майор Алексеев 13 сентября 1944 года пишет «Достоин правительственной награды орден «Ленина». Командующий 65 армии генерал – полковник Батов и член Военного Совета армии генерал – майор Радецкий заключают «Наградить орденом «Красное Знамя».

Исключением, после выселения крымских татар в мае 1944 г., в череде замен высшей правительственной награды на ордена, является награждение 25 сентября 1944 г. артиллериста 350 стрелкового полка 96 стрелковой дивизии, артиллериста от бога, ст. сержанта Сейтнафе Сеитвелиева званием «Герой Советского Союза». После представления командира полка, все вышестоящие инстанции и начальники заключили – достоин звания «Герой Советского Союза» [1].

Следующим по времени представления следует сержант Чайлак Исмаил Умерович, призван Судакским РВК Крымской АССР, в РККА с 28 июня 1941 года, сержант. В базе данных имеется три наградных дела на Исмаила Умеровича. Опечаток и ошибок в этих делах много. По двум делам в базе данных значится Чаплаков Исмаил Умирович у которого, год призыва в РККА значится 1942 и 1944, тем же Судакским РВК. В Наградном листе прописью записаны биографические данные, в фамилии Чайлаков букву «й» написали похожей на «п». По этому в приказе от 26 января 1945 года по 172 стрелковой, Павлоградской, ордена Суворова дивизии награждают орденом «Славы» 3-ей степени командира стрелкового отделения 388 стрелкового Сандомирского полка сержанта Чаплакова Исмаила Умировича [1]. Из-за почерка писаря Чайлаков превратился в Чаплакова. За что награждают – «В наступательном бою при прорыве долговременной обороны немцев в районе западнее населенного пункта Ракув, Опатувского повята, Келецкого воеводства 12.01.1945 года тов. Чайлаков (в Наградном листе в печатном тексте, где кратко описывается подвиг, фамилия записана правильно) со своим отделением преодолев минное поле и проволочное заграждение первым ворвался в траншеи противника и уничтожил станковый пулемет и трех немцев».

Во втором Наградном листе те же ошибки, прописью пишут Чайлаков Исмаил Умирович, где Чайлаков похоже больше на Чаплаков. Часть Наградного листа содержащая данные о награждаемом заполнена одним и тем же почерком, также как и первый Наградной лист. В той части Наградного листа, где описывается подвиг награждаемого напечатано Чайлаков. В тоже время в приказе о награждении написано Чаплаков Исмаил Умирович. Год призыва указан не 1941, а 1944. В графе, «чем до этого награжден», записано «наград не имеет», видимо орден «Славы» 3-ей степени он еще не успел получить или тот же писарь не внес эту награду в Наградной лист. В графе об имеющихся ранениях, не указано что Чайлаков был один раз легко ранен. Почему подробно описываю все это. Наградной лист заполняется на присвоение звания «Герой Советского Союза», в данном случае информация о ранениях и награждениях весьма существенна и значима. Из Наградного листа явствует –

«Товарищ ЧАЙЛАКОВ в составе своего стрелкового отделения участвовал в штурмовом батальоне при прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе местечка Ракув. Из своего ручного пулемета подавил две огневые точки противника и уничтожил до 25 солдат противника. Пройдя путь до трех сот километров от Ракува до реки Одер тов. ЧАЙЛАКОВ уничтожил при этом до 100 немецких солдат. При форсировании реки Одер крупного оборонительного пункта противника тов. ЧАЙЛАКОВ со своим отделением переправились через реку под сильным пулеметно – минометным огнем первым вскочил в населенный пункт Кебен где мешали огневые точки противника форсированию нашей пехоте через реку. Тов. ЧАЙЛАКОВ двумя гранатами уничтожил прислугу пулемета противника и сам лично лег за пулемет противника и повел огонь по уничтожению немцев. В этом бою уничтожил до 90 солдат противника и поджег два бронетранспортера и четыре автомашины. В этом жестоком бою тов. ЧАЙЛАКОВ взял в плен 32 солдата противника».

«За мужество, упорство и решительность в проведении боевых операций обеспечивших нанесение врагу поражения сержант ЧАЙЛАКОВ достоин звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» Командир 388 стрелкового Сандомирского полка подполковник Иванов 29.01.1945 года [1]. Заключение вышестоящих начальников.

Командир дивизии Герой Советского Союза Гвардии генерал - майор Краснов – достоин присвоения звания «Герой Советского Союза». 30 января 1945 года.

Командир 102 стрелкового корпуса генерал-майор Пузиков – достоин присвоения звания «Герой Советского Союза». 31 января 1945 года.

Командующий войсками 13 армии генерал – полковник Пухов – достоин награждения орденом «Красного Знамени». 6 февраля 1945 года.

Подвиг бесстрашного сержанта Чайлакова Исмаила, был перечеркнут росчерком пера одного человека, его наградили орденом «Красного Знамени». На этом эпопея Исмаила, которому шел 45-ый год, не закончилась. 15 мая 1945 года командир 338 полка подполковник Иванов подписывает еще один Наградной лист, в котором представляет Чайлак (именно так) Исмаила Умеровича к ордену «Славы» 2-ой степени [1]. Наконец-то Чаплаков, Чайлаков стал Чайлак Исмаил Умеровичем. В наградном листе указаны предыдущие награды орден «Славы» 3-ей степени, орден «Красное Знамя». К этому времени у сержанта Чайлака И.У. поменялась должность, его назначили разведчиком во вторую минометную роту полка, учитывая конечно его личные боевые качества.

Исмаил Чайлак, представленный к званию «Герой Советского Союза», но не получивший заслуженной награды, награжденный орденами «Красного Знамени», «Славы» 2 и 3 степени наверняка знал, что его семья, родные и весь его народ высланы из Крыма. Какую силу воли нужно было иметь, чтобы до конца выполнить свой воинский долг, а затем пополнить контингент спецпереселенцев, ходить на унизительные ежемесячные процедуры – отмечаться у коменданта и подтверждать, что не покинул место спецпоселения.

Судьбу награждения званием «Герой Советского Союза» Исмаила Чайлака в определенной степени повторил командир стрелкового взвода 747 стрелкового полка, 172 стрелковой Павлоградской, ордена Суворова дивизии Умеров Тимофей Абрамович представленный к званию «Герой Советского Союза» днем позже 30.01.45 года. И.Чайлак и Т. Умеров воевали в одной 172 дивизии 102 стрелкового корпуса. Кроме того, после решения командиров полков, затем командира дивизии Героя Советского Союза Гвардии генерала - майора Краснова 30 января 1945 года, командир корпуса генерал – майор Пузиков в один и тот же день 31 января выносит обоим решение «Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза» [1]. Командующий войсками 13 армии генерал – полковник Пухов разницей в четыре дня, 2 и 6 февраля 1945 года, ставит точку в их наградных делах, «достоин награждения орденом «Красного Знамени» [1].

Умеров Тимофей Абрамович, 1914 г.р., татарин, был призван в армию Приморским Райвоенкоматом Архангельской области. Из Архангельской области Вельским РВК был призван и другой боец, Умеров Усеин, 1911 г.р., татарин, награжденный медалями «За отвагу»

и «За боевые заслуги». В Архангельскую область из Крыма ссылали многих, раскулаченных, интеллигенцию, священников и другие категории населения.

Часто неблагозвучные, на взгляд окружающих крымскотатарские имена, как и имена «нерусских народов», переиначивали на русский лад, это было достаточно распространенным явлением. К примеру, участница партизанского движения Лейля Тейфуковна Эмирова, племянница моего деда, по документам проходит как Лидия Тимофеевна Эмирова. Приведенный выше пример с награждением Абилова Анатолия из этого ряда, при рождении он официально был наречен Фетислямом и т.д.

Следующим по хронологии представленным к высшей награде следует Керимов Абляз Хаирович. В базе данных на него имеются три наградных дела. Хаиров А.К. 1919 года рождения, татарин (крымский татарин), гвардии старший лейтенант, командир 3 эскадрона 56 Гвардейского кавалерийского полка, 14 кавалерийской Мозырьской, Краснознаменной дивизии, 7 кавалерийского корпуса, в РККА (рабоче-крестьянской Красной армии) с сентября 1941 года. Первым награждением Керимова стало представление его к званию «Герой Советского Союза» 1 февраля 1945 года. В базе данных он значится как Керимов Абляз Хоирович, призванный Федоровским РВК Саратовской области. В Наградном листе, заполненном вручную, записано, что призвался Федосеевским РВК, без указания области или города, что является исключением из правил награждения. Подробнее о месте призыва будет сказано немного ниже. Наградной лист подписан командиром полка подполковником Кобяковым. Командир дивизии наложил резолюцию: Достоин высокой правительственной награды звания «Герой Советского Союза». Командир 7 Гвардейского кавалерийского корпуса Гвардии генерал-лейтенант Константинов расписывается под пропечатанной резолюцией «Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза», но данная резолюция зачеркнута пером, поверх которой написано «награждения Красное Знамя» [1]. Последняя инстанция инспектор кавалерии 1 Белорусского фронта генерал-майор Ильин 2 марта 1945 года расписывается под распечатанной резолюцией «Достоин награждения орденом «Красное Знамя».

В итоге Керимов Абляз: «за форсирование реки Одер в составе главных сил полка, не допустивший прорыва противника к переправе, при создавшейся угрозе окружения 1- го эскадрона, расчистил путь от противника, присоединился со свои эскадроном к 1-му эскадрону, подвергся окружению, отбил атаки противника и вывел эскадрон без потерь с поля боя» был награжден орденом «Красное Знамя». Видимо проявилась генетическая связь с нашим прошлым, конница была ударной военной силой Крымского ханства, героизм крымскотатарских конных полков времен войны с Наполеоном, Крымского конного полка первой мировой войны. Во время второй мировой многие крымские татары служили в казачьих кавалерийских полках, состав которых был интернациональным.

Возвращаемся к подполковнику Абилову Анатолию (Фетисламу), первый раз он был представлен к званию «Герой Советского Союза» в 1944 году. Второй Наградной лист на представление к званию «Герой Советского Союза» подписан командиром 108 стрелковой Бобруйской, ордена Ленина дивизии генералом – майором Теремовым 25 апреля 1945 года [1]. К этому времени гвардии подполковник Абилов воевавший с июня 1941 года уже был награжден тремя орденами «Красное Знамя» и орденом «Суворова» третьей степени. Из краткого изложения личного боевого подвига следует: «444 стрелковый Краснознаменный полк, выполняя боевой приказ – овладеть западным берегом ост. Одер /8 км. южнее г. ШТЕТТИН/, в ночь на 17.04.45 года подразделения полка, форсировав ост. Одер, ночной атакой овладели западным берегом ост. Одер и к утру очистили дамбу и вышли на восточный берег вест. Одер. Особо упорное сопротивление противник оказывал с береговых устоев моста, имея железобетонные каземады, которые не поддавались разрушению артиллерии. Только благодаря умелому руководству боем, личным бесстрашным действиям командира полка, задача была выполнена…» далее «В ночь 20.04.45 года 444 стрелковый Краснознаменный полк совместно с другими частями перешел в атаку с форсированием вест.

Одер и первым ворвался в траншею противника, и к утру расширил плацдарм на 2 км. оседлав автостраду ЗАРАНЦИХ – БЕРЛИН, 22.04.45 года, расширяя плацдарм, перерезал шоссе ШТЕТТИН-БАРТЦ. Своими активными действиями полк обеспечил форсирование реки других частей…., в результате чего все части 46 стрелкового корпуса и приданные средства усиления – артиллерия и танки имели возможность выйти на западный берег вест. Одер. Противнику нанесен большой урон в живой силе и технике. За героические действия полка и лично командира полка Гвардии подполковника тов. АБИЛОВА за форсирование ост. Одер, вест. Одер и проявленное при этом мужество и отвагу гв. подполковник Абилов заслуживает присвоения звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» с вручением ордена ЛЕНИНА и медали «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА» Вышестоящие начальники оценивают подвиг Абилова по разному. Командир 46 стрелкового корпуса Гвардии генерал – лейтенант Эрастов 28 апреля 1945 года налагает резолюцию «Достоин присвоения звания ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА». Командующий 65 армией генерал-полковник Батов собственноручно пишет «Достоин награждения орденом Ленина».

В итоге Абилову второй раз не присваивают звание «Герой Советского Союза», он не удостаивается ордена «Ленина», его в очередной раз награждают орденом «Красное Знамя». Генерал – полковник П.Батов в своих послевоенных книгах – воспоминаниях высоко оценивал боевые и командные качества Абилова. Что не позволило ему по достоинству оценить ратный подвиг одного из своих командиров полков?

Следующим славным представителем крымскотатарского народа представленным к высшей награде СССР стал гв. капитан Нури Джелилов, был призван в армию в июне 1941 года Феодосийским ГВК Крымской АССР. Джелилов к первой награде ордену «Красная Звезда» был представлен 10 января 1943 года, когда служил в отдельном Дивизионе разведки 3-ей Краснознаменной Кавалерийской дивизии, за активное участие в боях, будучи секретарем парторганизации Дивизиона разведки. Приказом по войскам 51 Армии от 16 марта 1943 года его награждают орденом «Красное Знамя». Это был первый и последний случай когда его наградили наградой выше, чем он представлялся изначально. Из второго Наградного листа, заполненного на него 2 февраля 1945 года узнаем, что гвардии капитан Джелилов Нури командует танковой ротой 90 Гвардейского тяжелого танкового полка 11 отдельной тяжелой танковой Корсуньской, Краснознаменной, ордена Суворова бригады. За бои на территории Польши, за овладение западной окраиной г. Познань за уничтожение живой силы и техники Джелилов представляется к ордену «Ленина». Приказом по войскам 61 армии от 22 марта 1945 года награждается орденом «Красное Знамя». Из третьего Наградного листа подписанного командиром полка Героем Советского Союза, Гвардии майором Калашниковым явствует, что командир роты тяжелых танков 90 Гвардейского тяжелого танкового полка, награжденный до этого двумя орденами «Красное Знамя» 2 мая 1945 года представляется к званию «Герой Советского Союза». За что представлялся, «За время ведения полком боевых действий по прорыву сильно укрепленной, глубоко эшелонированной обороны противника на левом берегу р. Одер с 14 апреля, и бои за овладение гор. Берлин с 03.04 по 2 мая 45 г. танковая рота под командованием капитана Джелилова, прошла тяжелый, с ожесточенными боями путь. Успех роты зависел только от инициативы и находчивости лично тов. Джелилова.

В боях за овладение Рингенвальде, Райхенберг рота отличилась дерзкими действиями и маневром, использованием местности и огня танков. Что давало возможность пехоте с малыми потерями очищать населенные пункты от противника.

С выходом подразделений полка на окраины города Берлин, тов. Джелилов создал штурмгруппы, которые действовали непосредственно под его руководством. И прокладывая путь нашей пехоте, благодаря маневрированию обеспечил ей овладение кварталами Берлина с незначительными потерями.

Ведя бой за ул. Миллен штрассе, когда танки оказались окруженными фаустнниками, тов. Джелилов принял решение вести бой вне танка, и экипажи разбили группу фаустников

гранатами и автоматным огнем. Принятым решением тов. Джелилов предотвратил танки от неминуемой гибели». Далее приводится статистика уничтоженной ротой живой силы и техники противника.

Вышестоящие начальники вынесли свой вердикт «Достоин ордена «Красное Знамя» [1].

Приказом по 5 ударной Армии от 8 июня 1945 года Джелилов Нури в третий раз был награжден орденом «Красное Знамя».

27 июня 1945 года Указом ПВС СССР гв. подполковник Абдраим Решидов по второму представлению (первое было в ноябре 1941 г.) за 222 боевых вылета в штурмовой авиации был удостоен звания «Герой Советского Союза» [1], его боевые заслуги соответствовали званию «Дважды Герой Советского Союза».

29 июня 1945 года Указом ПВС СССР гвардии майор Амет-Хан Султан был награжден званием «Дважды Герой Советского Союза» и второй медалью «Золотая Звезда» за 603 боевых вылета, за 150 воздушных боев за 30 сбитых лично и 19 сбитых в группе вражеских самолетов [1].

Крымскотатарский народ выдвинул из свое среды за время войны 8 командиров полков: 38-го кавалерийского п.п-к Мустафаев Абибулла, 10-го гвардейского стрелкового п. п-к Мустафаев Куртсеит, 65-го стрелкового гв. п-к Селимов Вехби, 604 стрелкового полка п. п-к Керимов Шериф, 835 – го стрелкового полка п-к Хайбуллаев Идрис, 1242-го стрелкового гв. п-к Сулейманов Усеин, 1144-го стрелкового п-к Мердемшаев Мамуд, 130-го гвардейского стрелкового и 444-го стрелкового п. п-к Абилов Анатолий (Фетислям), 4 начальника штаба дивизии, 4 начальника политотдела дивизии, члена Военного Совета 5-ой Ударной армии генерал-майора Булатова Исмаила [1]. Офицерский состав из числа крымских татар составляет более 2 тысяч человек.

Особую гордость крымскотатарского народа составляют командиры батальонов – легендарные комбаты, военные подвиги части из них были приведены выше, это отдельная тема исследования.

Помимо «Героев Советского Союза» двое крымских татар – ст. сержант, разведчик Абдура(х)манов Сеит Неби (Бахчисарайский район), ст.сержант, разведчик Велиляев Насибулла (Леонид) (Джанкойский район) стали полными кавалерами ордена «Славы» [1], 13 человек были награждены орденом «Славы» 2 и 3 степени. В основном это фронтовые разведчики.

Резидентами разведгрупп Разведотдела Отдельной Приморской Армии были гв. ст. л-т Аметов Кадыр и рядовая Алиме Абденнанова, внесшие большой вклад в освобождение Крыма. Абденнанова Алиме была награждена орденом «Красного Знамени», Аметов Кадыр орденом «Красной звезды» [1]. А. Абденнанова приняла мученическую смерть в застенках нацистского гестапо. Указом Президента РФ 1 сентября 2014 года ей посмертно было присвоено звание «Герой Российской Федерации».

Солдаты на фронте особо ценили медаль «За отвагу». Ст.сержант Эбулисов Абдул Каимович призванный из г. Керчи был награжден 4 медалями, гв.сержант Абдувелиев Сеттар, гв.сержант Аблаев Эйип, сержант Гафаров Сеит Эмин награждены 3 медалями «За отвагу» и др. [1].

Более 300 крымских татар воевали в составе воздушных армий, среди них летчики, штурманы, командиры звеньев и эскадрилий, истребительной штурмовой, бомбардировочной авиации, специалисты наземных служб. Дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан и Герой Советского Союза Абдураим Решидов, это верхушка своеобразной пирамиды авиаторов крымских татар.

Следует выделить вопиющий факт, связанный с гвардии старшиной ***Рефатом Османовым*** воевавшем с начала войны на разных фронтах, а в 1943–1945 гг. в составе 60 гвардейского стрелкового полка 20 гвардейской стрелковой дивизии 57 армии [2], участником парада Победы, награжденного двумя орденами «Красного Знамени», «Отечественной войны» 1 ст., медалями. Р. Османова в соответствии с приказом командира части № 06724 Старых от 27 февраля 1946 года 28 февраля командировали в Москву в Народный Комис-

сариат Обороны СССР для награждения, с предоставлением отпуска с 1 марта по 15 апреля сроком 45 суток. В командировочном предписании (в настоящее время хранится в семье) основанием для командировки указан «приказ командира части от 27 февраля на основании Указа президиума Верховного Совета Союза ССР для получения высшей правительственной награды звания Герой Советского Союза»». Прибыв в НКО СССР, Османов Р. выразил свое возмущение, тем, что его семью выслали из Крыма. После возникшего инцидента награду ему не вручили, а самого выслали из Москвы, указ о его награждении, видимо, аннулировали.

Долгие годы Рефат Османов добивался справедливости, но не добился. После смерти, в дали от Родины, на надмогильном памятнике выбили надпись «Герой Рефат Османов».

Высшее проявление воинского подвига наглядно отражено в ниже приведенной таблице, составленной по хронологии представлений.

Воины крымские татары, представленные к званию «Герой Советского Союза» во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

№ п/п	Воинское звание Ф.И.О.	Год войны	Время представ. к зван. Герой Сов. Союза	Время награжд.	Полученная награда
1.	ст. л-т Эмир Люманов	1941 г. погиб 5 сент.	3 марта 1942 г. по-смертно	18 апр. 1942 г.	Орден Ленина (посмертно)
2.	ст. л-т Абдураим Решидов	1941 г.	ноября 1941 г.	23 февр. 1942 г.	Орден Ленина
3.	л-т Идрис Хайбулаев	1942 г.	12 марта 1942 г.	15 мая 1942 г.	Орден Красного Знамени
4.	к-н Амет-Хан Султан	1943 г.	28 апреля 1943 г.	27 авг. 1943 г.	Герой Советского Союза
5.	ст-на 2-ой ст. Асан Халиев	1943 г.	26 июня 1943 г.	10 июля 1943 г.	Орден Красного Знамени
6.	ст-на Узеир Абдура-манов	1943 г.	сентябрь 1943 г.	15 янв. 1944 г.	Герой Советского Союза
7.	ст. л-т Веис Месутов	1943 г.	12 октября 1943 г.	22 нояб. 1943 г.	Орден Красного Знамени
8.	м-р Абдуль Тейфук	1943 г.	27 октября 1943 г.	20декабря 1943 г.	Герой Советского Союза
9.	к-н Джевдет Дерменджи	1943 г.	31октября 1943 г.	22 февр. 1944 г.	Орден Ленина
10.	ст. л-т Сулейман Хаиров	1944 г.	9 марта 1945 г.	10 апр. 1944 г.	Орден Красного Знамени
12.	л-т Фазыл Азизов	1944 г.	10 апреля 1944 г.	3 мая 1944 г.	Орден Красного Знамени

13.	ст. л-т Усеин Закирья	1944 г.	23 мая 1944 г.	14 июля 1944 г.	Орден Отечественной войны 1 ст. (посмертно)
14.	к-н Джафер Осман Топчи	1944 г.	24 мая 1944 г.	24 июня 1944 г.	Орден Красного Знамени
15.	ст. с-т Сеитнафе Сеитвелиев	1944 г.	23 июля 1944 г.	25 сент. 1944 г.	Герой Советского Союза
16.	п.п-к Анатолий (Фетислям) Абилов	1944 г.	9 сент. 1944 г.	20 сент. 1944 г.	Орден Красного Знамени
17.	м-р Джафер Осман Топчи	1944 г.	15 нояб. 1944 г.	16 дек. 1944 г.	Орден Отечественной войны 1 ст. (посмертно)
18.	с-т Исмаил Чайлак	1945 г.	29 янв. 1945 г.	10 февр. 1945 г.	Орден Красного Знамени
19.	л-т Тимофей Умеров	1945 г.	30 янв. 1945 г.	2 февр. 1945 г.	Орден Красного Знамени
20.	гв.ст. л-т Абляз Керимов	1945 г.	1 февр. 1945 г.	2 марта 1945 г.	Орден Красного Знамени
21.	гв. м-р Абдураим Решидов	1945 г.	2 февр. 1945 г.	27 июня 1945 г.	Герой Советского Союза
22.	п.п-к Анатолий (Фетислям) Абилов	1945 г.	25 апр. 1945 г.	6 июня 1945 г.	Орден Красного Знамени
23.	гв. к-н Нури Джелилов	1945 г.	2 мая 1945 г.	8 июля 1945 г.	Орден Красного Знамени
24.	м-р Амет-Хан Султан	1945 г.	20 апр. 1945 г.	29 июня 1945 г.	Дважды Герой Советского Союза
25.	гв.ст-на Рефат Османов	1946 г.	Февр. 1946 г.	28 февр. 1946 г. команд. в НКО для награжд. званием «Герой Сов. Союза» с предостав. отпуска (45 суток)	Награду не вручили, из-за возникшего инцидента по поводу выселения семьи из Крыма.

Анализ содержания наградных листов показал, что с 1941 по 1945 гг. 21 военнослужащий из числа крымских татар были 25 раз представлены к званию «Герой Советского Союза». Из них 4 человека были представлены по два раза. К званию «Дважды Героя Советского Союза» был представлен и удостоен один – м-р Амет-Хан Султан. Среди небольших по численности народов СССР это уникальный случай. Среди жителей Крыма других наци-

ональностей два раза представленных к званию «Герой Советского Союза» не имеется, как и представленных и удостоенных звания «Дважды Герой Советского Союза». Подполковник Абилов А. и майор Джафер Осман Топчи по два раза представлявшиеся к званию «Герой Советского Союза» ни разу не удостоились этого звания. Справедливость в отношении Абилова А. была восстановлена в 1990 г., он был удостоен звания «Герой Советского Союза».

Хронология награждений воинов крымских татар показывает, что за 1941–1942 гг. из 3 представлений, ни одно не завершилось присвоением звания «Герой Советского Союза». За 1943 г. из 6 представлений 3 завершились награждением званием Героя. За 1944 г. из 7 представлений только 1 удостоился этого высокого звания. За четыре с небольшим месяца 1945 года, из 7 представленных воинов только 1 удостоился звания «Герой Советского Союза» и еще 1 звания «Дважды Герой Советского Союза». После окончания войны, за военные заслуги в годы войны в 1946 г. был представлен 1, издан соответствующий указ о награждении, но награду не вручили.

За годы войны и после ее окончания за военные заслуги в годы войны было награждено званием «Герой Советского Союза» 11 572 человек. В 1941 г. было награждено 127 человек (1,09%), в 1942 г. было награждено 393 (3,39%), в1943 г. 2 499 (21,%9%), в 1944 г. 3 517 (30,39%), 1945 г. 4 586 (39,63%), после окончания войны за 1946–1948 гг. 450 человек (3,88%). Общее количество награжденных званием «Герой Советского Союза» по разным источником несколько варьируется, но не значительно, с разницей чуть более 100 человек.

В 1990 г., два раза представленный в годы войны, Абилов Анатолий (Фетислям) к 45-летию Победы удостоился звания «Герой Советского Союза».

На заключительном этапе войны, когда происходило самое большое по числу награждений и в том числе званием «Герой Советского Союза», крымские татары, как правило, высшими наградами отмечались в исключительных случаях. И этому были свои причины и среди них главная, создание и тиражирования мифа о «народе предателе, как впрочем и других репрессированных народах. Присвоение летчикам Аметхану Султану звания «Дважды Герой Советского Союза» и Абдураиму Решидову «Герой Советского Союза» объясняется во многом тем, что в авиации существовали нормативы по сбитым и уничтоженным самолетам противника, уничтоженной живой силе и технике, по количеству боевых вылетов на штурмовку, разведку и т.д. Абдураим Решидов первым из уроженцев и призванных из Крымской АССР представлялся к этому званию еще в ноябре 1941 года за 71 боевой вылет в сложнейших условиях начального периода войны. Второй раз в 1945 г. уже 222 боевых вылета в штурмовой авиации.

Кроме выше перечисленных воинов крымских татар, представленных во время Великой Отечественной войны к высшей награде СССР, есть и другие воины, представления которых к награде необходимо документально подтвердить.

Следует также учесть, что из общего числа призванные на фронт из Крымской АССР, крымские татары составляли 15%. Из 25 документально подтвержденных представлений крымских татар к званию Героя в 18 случаях (75%) высшую награду заменили орденом. За годы войны только в 6 случаях представлений крымских татар закончилось награждением званием «Герой Советского Союза», в 3-х орденом «Ленина», в 13-ти орденом «Красного Знамени» и в 2-х орденом «Отечественной войны» 1 степени.

Из 36 уроженцев Крыма (статистика в СССР велась по месту рождения Героев) удостоенных звания «Герой Советского Союза», «Герой Российской Федерации», полных кавалеров ордена «Славы», награжденных четырьмя медалями «За отвагу», за подвиги, проявленные в годы Великой Отечественной войны – 11 являются по национальности крымскими татарами [3].

Война потребовала величайшего напряжения сил, воли, разума, самопожертвования. Воины крымские татары воевали плечом к плечу с представителями народов СССР. Победа, добытая очень дорогой ценой, для них омрачилась тотальным выселением крымскотатар-

ского народа с родной земли. Тяжелейшими людскими потерями, уничтожением всех национально-государственных институтов, в том числе ликвидацией национально-территориальной автономии крымских татар – Крымской АССР [4,5].

Из более чем 25 тысяч воинов крымских татар, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, живым вернулась только половина. Из них только 300–350 воинов смогли дожить и вернуться на Родину после полувекового изгнания.

P.S. Стилистика, орфография и содержание документов соответствует оригиналам.

Kurtseitov Refik Dzhaferovich

Crimean Tatars – heroes of the Soviet Union: the chronology of nominations, awards and replacement of the highest awards by USSR orders

Abstract. *The article considers the chronology of nominations and awards of Crimean Tatar soldiers with the title of the "Hero of the Soviet Union", as well as the substitution of the highest award by various orders of the USSR. The data given in the article are based solely on the content of the award documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (formerly the Central Archive of the Ministry of Defense of the USSR) for the entire period of the Great Patriotic War (1941-1945). The author of the article analyzes the content of award documents of servicemen called up to military service to various military units of the USSR by military enlistment offices of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic and also beyond its borders. For the first time the most complete list of Crimean Tatar soldiers nominated for the highest military award arranged by the war years was compiled. The reasons for replacing the title of the "Hero of the Soviet Union" with other awards are analyzed.*

Key words: *Crimean Tatars, Great Patriotic War, award system, Hero of the Soviet Union.*

Литература:

1. Обобщенный банк данных «Мемориал», «Подвиг народа» ЦАМО РФ: [Электронный ресурс] Режим доступа: http // www.obd – memorial.ru. www.podvignaroda.ru

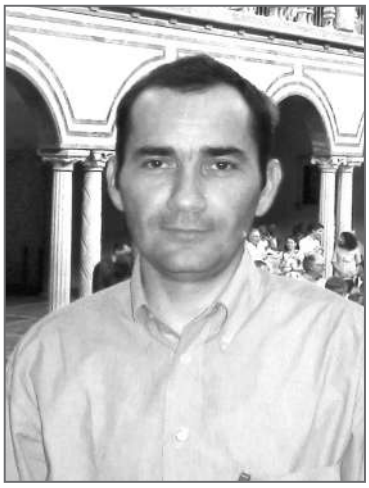
2. Велиев А. Къараманлар ольмейлер. Герои не умирают / А. Велиев. – Симф.: Крымучпедгиз, 2005.– 348 с.

3. Билык Р. Герои Крым*ской* земли / Р. Билык [и др.]. – Симф., 2016. – 44 с.

4. Калинин М. Евреи в СССР / М. Калинин. – М.: Изд. ЦС ОЗЕТ, 1932. – 16 с.

5. Сталин И. Доклад председателя конституционной комиссии на VIII Чрезвычайном съезде Советов «О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года» / И. Сталин // Вопросы ленинизма. XI изд. – М.: Госполитиздат, 1953. – С. 545–573.

УДК: 930.22



Kurshutov Timur Niyaverovich[1]
E_mail: kurshutov@mail.com

Polish-Crimean Tatar relations in the inter-war period (1918–1939)

Abstract. *The article highlights the Polish-Crimean Tatar relations in the interwar period, 1918–1939, which were the continuation of the many-sided contacts of the Crimean Khanate with the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 15th-18th centuries. These bilateral relations are revealed through the prism of the activities of the famous Crimean Tatar public figure, the Minister of the Armed Forces and Foreign Affairs in the first National Government of Crimea. Jafer Seidamet, to strengthen the all-round contacts of the Crimean Tatar national movement with the Polish state, based on the principles of friendship, mutual understanding and mutual assistance.*

Keywords: *Poland, Crimea, J. Seidamet, J. Pilsudski, memories.*

Let me throw light on the Crimean Tatar-Polish communications in the inter-war period (1918–1939) through the lens of the activities of the famous Crimean Tatar politician, the Minister of the Armed Forces and Foreign Affairs in the first National Crimean government, Jafer Seidamet on strengthening of the various relationships of the Crimean Tatar national movement with Poland, which were the continuation of close contacts of the Crimean Khanate with the Polish-Lithuanian Commonwealth in the XV–XVIII centuries. In his memoirs “Bazy khatyralar” (“Some memories”) [4]. Jafer Seidamet dedicated a separate chapter “My memories and conversations with marshal Pilsudski”. In them J. Seidamet stressed that he had viewed the meeting with marshal Pilsudski in conjunction with his previous political contacts with Poland. Here is how he writes about this in his memoirs: “In 1919, as an authorized representative of the Crimean Tatar parliament, I came to Istanbul. From there, on May 20, 1919, I sent a telegram of greetings to the government and the Sejm of Poland, in which I noted that: “Our people took the creation of an independent Poland with overwhelming happiness and wish Poland every success as a symbol of our common history and expression of mutual vital interests.” In conclusion, it was said: “We fought for the liberation of our homeland and we want to be together with Poland in future» [2, с. 71; 5, с. 75].

In October 1920, J. Seidamet arrived in Warsaw, where he met repeatedly with high-ranking officials of the Ministry of Foreign Affairs, coordinating the program of meetings with the leaders of the Government and the Sejm of Poland. All of them have been implemented. So, on October 31, J. Seidamet met with the Minister of Foreign Affairs, Prince Sapieha. Here is how Seidamet recalled that: “Prince, with his modesty, equability of mind and sincerity left the most pleasant impression. I told him about some issues that I wanted to discuss with marshal. The minister’s attitude towards our nation, the Turkic-Muslim world, and especially Turkey, gave me great pleasure. He assured me that he would try to influence Wrangel with the help of the French, and also jointly consider our question with the Romanian Minister of Foreign Affairs Taco-Ionescu, who was arriving to Warsaw one of those days, about admitting our students to Polish universities. And he would also inform marshal on the increase of percentage of Muslims in the Polish army, in particular from prisoners of war» [2, с. 73–74; 5, с. 77].

---

[1] ***Куршутов Тимур Нияверович,*** к.филол.н., ст. научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК КИПУ (Симферополь).

The next meeting took place on November 2 with the Prime Minister of Poland Witos Wincenty, who "...more than a statesman left the impression of a revolutionary and a striver. For him, the most important and decisive force in the state were the peasants. During our meeting, he advanced the idea that they constituted the main binding force in the struggle against Bolshevism. In every nation villagers are the most reliable custodians of the people's tradition. He emphasized that it was necessary to give priority to the question of the influence of Bolshevism on peasants and small-numbered nations» [2, c. 76–77; 5, c. 79].

On November 4 he met with Deputy Prime Minister Dachinski, which lasted about an hour. Later, Seidamet recalled: "Among all my meetings with the statesmen of Poland, he seemed to me to be the most positive personality. Kneading realism and idealism in my head, I took him as a very strong person, thinking about the present situation and the future of Poland, constantly bearing in mind their interrelations. Then Dachinski told me the following about marshal Pilsudski: "He not only saved Poland from the invasion of the red imperialists, but also ensured the hope and conviction of the whole generation, who believed in the invincibility of his ideals, always showing emotionality and selflessness» [2, c. 77–74; 5, c. 78].

The key event of J. Seidamet's trip to Poland became his meeting with marshal J. Pilsudski in Warsaw in the Belvedere Palace. This meeting left him an indelible impression. Seidamet describes his feelings and thoughts about Pilsudski, about the love and respect for him of the Polish people with great sympathy and sincere admiration.

This is how Seidamet describes this meeting in his memoirs: "In my appeal to marshal J. Pilsudski on behalf of our people and all the Turks, I congratulated the free Poland on a great victory, expressed deep gratitude for the amiable opportunity to be received there. In this behalf he replied: "I am very glad that you are striving for the liberation of our friendly people and came from Switzerland showing cordial, sincere feelings for Poland. I would like to have a serious talk with you; Poland still does not have complete freedom. A lot has been done, but it is necessary to open the way to preserving its freedom. Unless all peoples enslaved by Russia gain independence, we cannot look forward with certainty". He spoke French quietly, sometimes looking for the right words.

From these words of the marshal, who saved Poland, I realized who I was talking face to face to. I assured myself that the marshal, being a unique revolutionary, a skilful military commander, a strong statesman, as great people of art was able to control his agitation. Dissatisfaction with his accomplishments, the search for new opportunities for even greater affairs - here is the main feature of his essence ... "The future of Poland" - this thought constantly lives in his head. His heart was beating with this thought. This imagination of mine from the first meeting with him received full confirmation and complement during subsequent meetings.

Among my requests, I paid special attention to the establishment in Romania of a good attitude towards our community and permission from the authorities to work among our emigrant brothers in Dobruja. The Marshal considered this request to be justified and promised to give instructions to Prince Sapieha, and also assured that he himself would consider these issues with the Romanians. Our conversation lasted an hour and a half. I expressed great gratitude for the kindly provided opportunity to hold discourse with him, despite the fact that he was busy. Concluding the meeting Pilsudski assured J. Seidamet that "... we will always strive to solve our bilateral problems on the basis of friendship and will work as the most reliable friends. I'm sure you, as well as we do, understand this well» [2, c. 80–81; 5, c. 80].

This meeting of J. Seidamet and marshal J. Pilsudski and other political figures of Poland served to strengthen close bilateral social and political contacts in subsequent years. They manifested themselves in different spheres of activity. So, for example, in the 1920–1930 s. J. Seidamet in Poland makes several trips to the cities where he conducts a vigorous political activity, appears at conferences with reports and statements before the students and the public.

Based on the information given in the books of his students and friends Edige Kyrymal, Myustejip Ulkusal, Abdullah Zikhni Soysal and others, it can be confidently asserted that Jafer

Seidamet had his works actively published in European periodicals in 1920–1930. For example, in the period stated above, a number of articles by Jafer Seidamet were published in the magazine «Şimali Kafkasya» (“The North Caucasus”), (a monthly magazine was published in Warsaw in the Turkic and Russian languages and was the central press organ of the People’s Party of mountain dwellers of the Caucasus).

Among the political emigrants and national emigrant organizations, one of the most authoritative and popular magazines was undoubtedly “Kurtuluş” (“Salvation”) and “Promethee” (“Prometheus”). The magazine “Kurtuluş” was published monthly and came out in Berlin in the Azerbaijani language. The publication was the organ of the Committee of National Salvation of Azerbaijan, its editor was a well-known political figure Mammad Emin Rasulzadeh. In this journal there are articles by Jafer Seidamet, as well as short notes about Crimea by other authors.

Another magazine, in which Jafer Seidamet had his works published, was «Promethee». This periodical was the press organ of the «League of Prometheus», an anti-Soviet organization called upon to provide moral and financial support to anti-communist forces and political emigrants from the USSR. The magazine was published monthly in French in Paris in 1926. The organization “The league of the peoples oppressed by Russia: Azerbaijan, Don, Karelia, Georgia, Idel-Ural, Crimea, Komi, Kuban, the North Caucasus, Turkestan and Ukraine” was in the capacity of the publisher. In 1935 Jafer Seidamet’s articles were published in it: “Interesting Historical Documents”, “Murskiy”, and the article “About Crimea”, which tells about Jafer Seidamet’s statement at the club of «Prometheus» organization in Warsaw and participation in the same place in “The Linguistic Congress” against Moscow’s Russifying policy.

One cannot ignore the yearly magazine “Rocznik Tatarski” (“The Tatar yearbook”), which was published by Polish-Lithuanian Tatars in 1932–38 in the city of Vilno (Vilnius). The content and figure captions were also given in the Crimean Tatar language (in Latin alphabet). The topics of the articles in the magazine were very diverse, they were articles devoted to the history, local studies, literature and language, culture and traditions of the Polish-Lithuanian Tatars, the Crimean Tatars of Crimea, Dobruja, and other Turkic peoples. Most of the authors who had their works published on the pages of the magazine were Polish-Lithuanian Tatars, but there were articles by Jafer Seidamet, Abdula Zikhni Soysal, Myustejip Ulkusal, and others.

Other periodicals also appeared, for example, the magazine “Mlody Prometeusz” (“The Young Promethean” was published in Warsaw) and the magazine “Zycie Tatarskie” (“The Tatar Life” was published in Vilno), in which the articles of J. Seidamet, Edige Kyrymal, A. Zikhni Soysal, which introduced situation in Crimea to the Polish public, were published.

During these years, versatile cultural ties had also been handled. So, in 1937 in Warsaw, the 20th anniversary of the convocation in Crimea of the First Kurultai of the Crimean Tatars was celebrated. These days a delegation of Crimean Tatars from Romania, Turkey and other countries arrived in Warsaw. On November 28, the opening day of the Kurultai in Crimea, a solemn meeting dedicated to this event was held in Warsaw. The meeting was attended by representatives of the Polish authorities and the public, as well as representatives of the peoples of «Prometheus». The next day, a central radio station in Warsaw organized a special program where a report on Crimea was read, and then songs and melodies of national musical instruments were performed by the Crimean Tatar artistic ensemble from Romania. **Fig. 1.** A few days later a similar program was also organized by radio station in Vilno. Also, the Polish Telegraphic Agency (PAT) filmed folk dances performed by the artistic ensemble of the Crimean Tatars, which were later shown in the cinemas of Poland. The anniversary of the convocation of the First Kurultai was headlined on pages of the Polish press, which confirms the significant interest to the Crimean Tatars in Poland, both on the part of both the authorities and ordinary people.

The youth were another area of Polish-Crimean Tatar cooperation. So, in the 1930s, the Society of Young Tatars was created in Warsaw and Vilno, which included students of Polish-Lithuanian Crimean Tatars, the peoples of Idel-Ural and the Caucasus. The main goal of the creation of the youth organization was to unite youth into a tight-knit, purposeful organization, as well as to hold

conferences on various topics and approaches and vigorous publication activities. This is how the direct participant of those events, Abdullah Zikhni Soysal wrote about the establishment of the Society of Young Tatars in Vilno on the pages of the magazine “Kurtulush”: “The opening of the Society of Young Tatars” was held on February 22, 1937, with the full house, the national flags of representatives of the peoples of the organization were hanging all over the hall. The opening began with a dua (prayer), which was delivered by the imam of the city of Vilno Ibrahim Smaikevich, followed by a welcome speech by the representatives of the Muftiate, a representative of the cultural society of Vilno Prof. Bazarevskiy, as well as J. Seidamet, who awarded the members of the youth organization with commemorative diplomas. A library was established at the society, which was staffed with periodicals for getting acquainted with the artistic endeavor of the Turkic peoples”.

Vigorous activity was led by the Society of Young Tatars in Warsaw, the backbone of which constituted the students of the Eastern Institute. So, in the 30s various conferences took place in the Institute, where well-known public and political figures of both Poland and representatives of Turkic peoples, including Ayaz Iskhaki, Jafer Seidamet, Mammed Emin Rasul-zadeh and others were invited.

Summarizing the above, one could argue that the Crimean Tatar-Polish ties in the inter-war years, as well as in other periods of history, were stable and multifaceted, based on the principles of friendship, mutual understanding and assistance. Our outstanding compatriot Jafer Seidamet Kyrymer was instrumental in that.

◄ **Fig. 1.** Artists of the Crimean Tatar (from Romania) artistic ensemble performing at the celebrations of the 20th anniversary of the convocation of the First Kurultai in Crimea. Warsaw, 1937 [1, p. 30].

Куршутов Тимур Нияверович

Польско-крымскотатарские связи в межвоенный период (1918–1939 гг.)

Аннотация. *В статье освещены польско-крымскотатарские связи в межвоенный период, 1918–1939 годы, явившихся продолжением разносторонних контактов Крымского ханства с Речью Посполитой в XV–XVIII веках. Эти двухсторонние связи раскрываются через призму деятельности известного крымскотатарского общественного деятеля, министра вооруженных сил и иностранных дел в первом Национальном правительстве Крыма Джафера Сейдамета по укреплению разносторонних контактов крымскотатарского национального движения с Польским государством, основанных на принципах дружбы, взаимопонимания и взаиопомощи.*

Ключевые слова: *Польша, Крым, Дж. Сейдамет, Ю. Пилсудский, воспоминания.*

Literature:

1. Б.Ч. 20-ая годовщина созыва «Курултая» Крыма / Б.Ч. // Şimali Kafkasya. – Warshawa: 1937. – № 44. – S. 30.

2. Джафер Сейдамет. Публицистика : малоизвестные статьи / Джафер Сейдамет; сост., пер. и прим.: Т. Куршутов. – Симф.: «Издательство Крымучпедгиз», 2012. – 128 с.

3. Червонная С. Когда эшелоны с депортированными народами шли на восток / С. Червонная. – Симф.: Оджакъ, 2003. – С. 9.

4. Seydahmet C. Bazı hatıralar / C. Seydahmet. – İstanbul: Emel Türk Kültürünü Araştırma ve Tanıtma vakfı, 1993. – 328 s.

5. Seydamet C. Mareşal Pilsudski ile mülakatlarım ve hatıralarım C. Seydahmet // Dergi. – München: 1958. – 4. Yıl. – № 13. – S. 75–83.

6. Seydamet D. Documents historiques interessants / D. Seydahmet // Promethee. – Paris: 1935. – № 104. – juillet. – S. 12–15.

7. Seydamet D. Mourski / D. Seydahmet // Promethee. – Paris: 1935. – № 105. – August. – S. 19–20.

8. Seydamet D. En Crimee / D. Seydahmet // Promethee. – Paris: 1930. – № 41. – Avril. – S. 27–29.

9. Sousal Z. Vilnoda Genc Tatarlar Cemiety / Z. Sousal // Kurtuluş. – Berlin: 1937. – № 29–30. – Nisan. – S. 38.

УДК: 94(477.75) «19»

Чубукчиева Ленара Закировна[1]
E_mail: lchubukchieva@mail.ru

Благотворительная и культурная жизнь мусульманок Крыма в конце XIX – в 20-е гг. XX вв.

Аннотация: *В статье проанализирован вопрос становления, развития и участия мусульманок Крыма в благотворительной и культурной жизни полуострова в конце XIX – в 20-е гг. XX вв. Освещена деятельность филантропических организаций, имена участниц. Показано участие женщин-мусульманок в театральной жизни полуострова. Крымские татарки проявляли талант в актерской, писательской, режиссерской деятельности. Посредством театрального искусства они говорили о положении мусульманки, высмеивали архаичные устои, старались нести в крымскотатарское общество свет знаний, духовность, культуру.*

Ключевые слова: *благотворительность, культура, эмансипация, театральная деятельность, Крым.*

Женский вопрос в тюрко-мусульманском обществе России во второй половине XIX в. был обусловлен рядом как объективных, так и субъективных причин. В этот период стал активно подниматься вопрос просвещения, эмансипации, прав женщины-мусульманки. Особое внимание уделялось образованию, стали открываться женские школы, курсы. Появилось первое специализированное периодическое издание для мусульманок журнал «Алеми-нисван» («Женский мир»). Следующим шагом было участие женщин-мусульманок в общественной, благотворительной и культурной жизни полуострова. Стали учреждаться женские комитеты с уставами, программами, целями и задачами. Основательницами и активистками крымскотатарского женского движения принято считать Ш. Гаспринскую, Д. Булгакову, А. Исхакову.

Круг женщин-общественниц не ограничивался упомянутыми именами. Была целая плеяда женщин, которые проявили себя в таких сферах, как благотворительность и театральное искусство. Известно, что к концу XIX в. в России были созданы Общество попечения о молодых работницах (1897 г.), Общество улучшения участи женщин (1899 г.), Русское женское взаимноблаготворительное общество (1899 г.) и др. [2, с. 176]. Благотворительность позволяла женщинам беспрепятственно действовать в сфере общественной жизни, так как она всегда поддерживалась государством и церковью. Сначала в ней принимали участие женщины из царской семьи, затем благотворительность получила более широкое развитие [11, с. 264]. Это были первые женские организации, в которых, кроме благотворительных целей, поднимался и вопрос равноправия женщин. Благотворительная деятельность была достаточно развита и популярна в мусульманской среде Крыма. Первая филантропическая акция в Таврической губернии была зафиксирована в Симферополе в 1812 г., а в 30-е гг. XIX в. практика сбора средств в пользу бедных стала регулярной [12, с. 80]. Среди крымских татар губернии была также распространена благотворительность, которая предписывалась исламом и выражалась в традиционных для мусульман формах – закат (налог в пользу нуждающихся), саадака (милостыня, форма, закрепленная Кораном) и др. [6, с. 74,

[1] ***Чубукчиева Ленара Закировна,*** ст. науч. сотрудник Музея истории и культуры крымских татар ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (Бахчисарай).

202]. В 1853 г. в Бахчисарае крымские татары основали первое в губернии мусульманское благотворительное заведение для опеки 30 мужчин и 40 женщин, при котором планировалось открыть сиротское отделение, где дети могли бы учиться ремеслам. Это заведение не было открыто из-за начала Крымской войны [12, с. 83–84]. В 1898 г. было создано Крымское благотворительное общество в Симферополе для помощи нуждающимся крымским татарам [12, с. 145]. Подобные благотворительные общества были популярными среди всего мусульманского населения Российской империи. Благотворительные организации под руководством как мужчин, так и женщин стали открываться во всех регионах России. Известно, что мусульмане оказывали помощь пострадавшим от Семиреченского землетрясения, Стамбульского пожара, голодающим соотечественникам, а также взаимную поддержку в деле культурного развития, в общественной деятельности [13, с. 264]. В 1898 г. мусульманское благотворительное общество было создано в Санкт-Петербурге. Целью его являлось вспомоществование и презрение беднейших из мусульман, содействие бедным ученикам-мусульманам к поступлению или завершению образования в средних и высших учебных заведениях [3, с. 3]. В отчете данного общества за 1901–1902 гг. в списке действительных членов значилось две женщины – А. Тальковская, жена полковника, и М. Халитова, жена инженера путей сообщения [10, с. 16]. В 1908 г. в Санкт-Петербурге было создано Общество распространения просвещения среди мусульман, учредителями которого являлись две мусульманки – У. Сеид-Гиреевна, жена генерал-майора, и М. Ибрагимова-Шамиль, вдова генерал-майора [15, с. 16]. С. Фаизов отмечал, что в начале XX в. в России повсеместно учреждались руководимые женщинами из состоятельных семей благотворительные и просветительские общества. Так, в 1907 г. была создана первая татарская женская организация «Уфимское мусульманское женское общество». Позже, в 1912 г., подобное общество было открыто в Оренбурге [16, с. 17]. В Крыму в 1914 г. на собрании, посвященном сбору пожертвований в пользу русской армии, У. Боданинский выдвинул предложение создать отдельный мусульманский женский кружок для изготовления одежды и перевязочных материалов раненым и больным воинам. Эта идея была принята и поддержана всеми участниками собрания [12, с. 147]. В Таврической губернии действовал еще один Дамский кружок для вспомоществования пострадавшим воинам. Несмотря на то, что Дамский кружок был открыт не мусульманками, в отчете о его деятельности значились крымскотатарские имена, которые также вносили свою лепту в благородное дело [4, с. 13 – 15]. В основном, деятельность всех перечисленных выше благотворительных организаций была направлена на развитие и поддержку образования, а общества, получившие широкое распространение в годы I мировой войны, выполняли свою основную задачу – помогали раненым. Участие женщин в благотворительной деятельности способствовало их самоорганизации, а также социальной активности.

В начале XX в., кроме политических и социальных проблем, женщины были озадачены духовным и нравственным развитием общества. В этой связи театр приобрел большую популярность и силу влияния на широкие массы населения. Театр носил не просто развлекательный или культурно-просветительский характер. Здесь наблюдалась тенденция влияния театрального искусства и на общественно-политическое движение [9, с. 200]. Зрительный зал был ареной для выражения протестов, передовых мыслей и идей. В конце XIX – начале XX вв. Бахчисарай был наполнен насыщенной культурной жизнью. Этому способствовала активная культурно-просветительская деятельность со стороны действовавшего в данный период времени (1879–1883 гг.) городского головы И. Гаспринского. Тогда же в крымскотатарской среде стало динамично развиваться театральное дело. Со временем в театральных постановках стали принимать участие и женщины-мусульманки. В 1901 г. в Бахчисарае устраивались любительские спектакли на родном языке [5, с. 7]. Известно, что в самом начале зарождения театрального дела в Крыму женщины не имели возможности посещать театральные представления. В статье О. Акчокраклы говорилось о том, что с открытием любительского театра в Бахчисарае женские роли исполняли юноши, так как

крымскотатарским девушкам было запрещено посещать театр [1, с. 109]. О первом участии крымскотатарских девушек в театральной постановке стало известно 18 февраля 1899 г. В Симферополе был поставлен спектакль «Прием гостей в крымскотатарской семье», где были задействованы и девушки [8, с. 56]. В силу того, что на сцене были показаны фрагменты из быта крымских татар, участие девушек зрители восприняли как показ обычаев и традиций, а не как игру актрис. О другом участии мусульманки в спектакле писал известный крымскотатарский режиссер Д. Меинов. Он вспоминал о дочери бахчисарайца А. Салпудая Мерзие, которая, выйдя замуж за турецкого актера, вместе с ним принимала участие в постановках в Симферополе. Позже она играла и на Кавказе, а в 1906 г. Мерзие вместе с сестрой Айше выступала в Бахчисарае. Бахчисарайские спектакли были для сестер последними. Они покинули Крым, не выдержав оскорблений и клеветы [8, с. 58]. В мусульманском обществе рассматриваемого периода с осуждением и презрением относились к актрисам. Выступление женщины на сцене перед публикой считалось недопустимым. Девушки, осмелившиеся на такой шаг, как правило, были изгоями в обществе, терпели оскорбления. Известная татарская актриса С. Байкина также была вынуждена уйти из отчего дома, чтобы заниматься любимым делом. В очерке «Артистка», посвященном С. Байкиной, описаны ее первые шаги в театральном искусстве. Кто-то из присутствующих в зрительном зале организовал скандал при появлении артистки, кроме того, на сцену полетели стулья, раздался свист, крик и вопли: «Уберите ее!» [17, с. 297]. Подобное отношение к женщине-артистке было распространено в тюрко-мусульманском обществе России повсеместно. Это привело к тому, что вплоть до 1914 г. в бахчисарайской труппе не было ни одной девушки [8, с. 56]. Среди мусульман Казани ситуация была аналогичной. Посещение театра женщинами и девушками стало революцией. Известно, что на первом театральном представлении в 1908 г. в Петропавловске женщинам были отведены первые ряды, на втором представлении мужчины сидели в правых рядах, женщины – в левых, и только в третий вечер зрители сидели вместе, не разделяясь по гендерному признаку [16, с. 14]. В 1917 г. популярность театра росла, среди крымских татар стали знамениты имена актрис А. Тайганской и Ф. Ширинской [18, с. 356–363]. О заслугах А. Тайганской в становлении и развитии крымскотатарского театра писали на страницах местной прессы. В газете «Ени дюнья» («Новый мир») говорилось о том, что А. Тайганская была первой актрисой среди крымскотатарских женщин, которая, несмотря на запреты, ступила на сцену [7, с. 43]. Кроме вышеперечисленных были известны имена артисток З. Грабовой, М. Сеитхалил; певиц – З. Реджебовой, Рехан ханым, М. Баккал и танцовщицы Зехры ханым [21, с. 14]. Позже крымскотатарские актрисы устраивали театральные вечера, ставили спектакли. Собранные средства, как правило, шли на благотворительные нужды, в помощь учащимся, различным общественным организациям, нуждающимся и больным [21, с. 14].

Известно, что А. Тайганская, Э. Челеби, Э. Болат и другие актрисы вошли в состав творческого коллектива «Звезда». Ими был подготовлен спектакль «May meselesi» («Майская проблема»), с этой пьесой они побывали в Симферополе, Севастополе, Алупке, Евпатории, Ялте [19, с. 14]. В последующем женщины стали главными участницами театральной жизни, а бесправное положение мусульманки было основной темой литературных произведений. Из ярких женских образов можно выделить героиню Эсму ханым в поэме А. Чергеева «Такъдир» («Судьба», 1913 г.), образ Эмине ханым в рассказе Д. Сейдамета «Унутылмаз козяшлар» («Незабываемые слезы», 1915 г.), образ Айше ханым в пьесе У. Болатукова «Айше-ханым» (1917 г.) [8, с. 127–128]. Известны имена крымскотатарских писательниц-драматургов. Так, например авторству А. Тайганской принадлежали пьесы «Ешиль башмакълар» («Зеленые башмаки»), «Дюгюнден бир сахна» («Сцена из свадьбы»), «Чингине чалашы» («Цыганский шалаш») [8, с. 130]. Летом 1917 г. в Симферополе была поставлена комедия по пьесе А. Болатуковой. Женские роли в ней исполняли Э. Челебиева, З. Ширинская, Э. Болат [20, с. 258, 352].

В 1923 г. по решению III Съезда Советов Крымской Автономной Республики был открыт Крымский государственный татарский театр (официальное название на момент открытия). В театре играли А. Тайганская, А. Клычева, Э. Челебиева, А. Пармаксызова, А. Теминдар, И. Грабов, братья Париковы и многие другие [14]. Необходимо отметить, что участие женщины-мусульманки в театральной жизни полуострова было еще одним достижением и победой в вопросах эмансипации, по сути, они были сродни женскому движению, начатому Ш. Гаспринской. Женщины проявляли талант в актерской, писательской, режиссерской деятельности. Посредством театрального искусства они говорили о положении мусульманки, высмеивали архаичные устои, старались нести в крымскотатарское общество свет знаний, духовность, культуру. Подъем в решении женского вопроса наблюдался после революционных событий 1917 г. Общекультурные тенденции в крымскотатарском социуме в данный период времени можно охарактеризовать как передовые и прогрессивные. Модернизация мусульманского общества охватывала все сферы жизни и деятельности. Мусульманки скинули оковы невежества, постепенно утвердили за собой статус достойного члена общества.

Проанализировав вопрос становления, развития и участия мусульманок Крыма в благотворительной и культурной жизни полуострова на рубеже в конце XIX – в 20-е гг. XX вв., автор пришел к следующим выводам:

Благотворительная деятельность была начальной ступенью в деле раскрепощения мусульманки. Следует отметить, что каноны ислама призывали к благотворительности всех без исключения. Таким образом, участие мусульманок в благотворительности в конце XIX в. не вызывало у клерикалов недовольства.

Постепенно, кроме филантропической деятельности женщины были озадачены культурным развитием общества. В этой связи театр приобрел большую популярность и силу влияния на широкие массы населения. Участие женщины-мусульманки в театральной жизни полуострова было еще одним достижением и победой в вопросах эмансипации, по сути, они были сродни женскому движению, начатому Ш. Гаспринской. Женщины проявляли талант в актерской, писательской, режиссерской деятельности. Посредством театрального искусства они говорили о положении мусульманки, высмеивали архаичные устои, старались нести в крымскотатарское общество свет знаний, духовность, культуру. Общекультурные тенденции в крымскотатарском социуме в данный период времени можно охарактеризовать как передовые и прогрессивные.

Chubukchieva Lenara

The charitable and cultural life of Muslim women in the Crimea in the late XIX-in the 20-ies. XX centuries

Abstract: *The article analyzes the question of the formation, development and participation of Muslim women in Crimea in the charitable and cultural life of the peninsula in the end of the XIX - in the 20-ies. XX centuries. The activities of philanthropic organizations, names of participants are highlighted. The participation of Muslim women in the theatrical life of the peninsula is shown. The Crimean Tatar women showed talent in acting, writing, directing. Through theatrical art they talked about the position of a Muslim, made fun of archaic foundations, tried to bring to the Crimean Tatar society the light of knowledge, spirituality, culture.*

Keywords: *charity, culture, emancipation, theatrical activity, Crimea.*

Литература и источники:

1. Акъчокъракълы О. Эсерлер топламы / О. Акъчокъракълы; терт.: И. Керимов. – Акъм.: Таврия, 2006. – 320 с.

2. Большая Советская Энциклопедия. – 3 е изд. / гл. ред.: А. Прохоров. – Т. 9. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 622 с.

3. Госархив РК. Ф. 64. Бахчисарайская городская управа, г. Бахчисарай Таврической губернии (1878–1920 гг.), оп.1. Д. 1213 Дело Бахчисарайской Городской Управы об открытии в городе Бахчисарае русско-татарского женского училища с преподаванием рукоделия, 18 л.

4. Госархив РК. Ф. 376. Симферопольский окружной суд, г. Симферополь Таврической губернии (1869–1920 гг.), оп. 5. Д. 150 Прошение в Симферопольский окружной суд.

5. Госархив РК. Ф. Р. 998. Крымская татарская национальная Директория (1917–1919 гг.), оп. 1. Д. 186 Крымскотатарская народная Директория списки учебных заведений находящихся в ведомстве КТНД, 14 л.

6. Ислам: энциклопед. словарь / Г. Милославский [и др.]. – М.: Наука, 1991. – 315 с.

7. Керимов И. Медений эснас: 1920–1938 / И. Керимов. – Симф.: Таврия, 1997. – 495 с.

8. Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии: монография / С. Керимова. – Симф.: Доля, 2002. – 192 с.

9. Лейкина-Свирская В. Русская интеллигенция в 1900 – 917 годах / В. Лейкина-Свирская. – М. : Мысль, 1981. – 285 с.

10. Отчет мусульманского благотворительного общества в С.-Петербурге за 4-й год, считая с 1-го марта 1901 года по 1-ое марта 1902 года. – С.-Петербург: Типо-лит. И. Бораганского и К, 1902. – 16 с.

11. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России : развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Б. Пиетров-Эннкер; пер. с нем.: Ю. Шаттона. – М. : Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2005. – 445 с.

12. Савочка А. Благотворительность в Таврической губернии (1802–1920): монография / А. Савочка; под ред. А. Непомнящего. – Симф.: Доля, 2012. – 318 с.

13. Самойлович А. Мусульманская периодическая печать / А. Самойлович // Мир Ислама. – 1912. – Т. 1. – № 3. – С. 257–287.

14. Урсу Д. Культурное возрождение крымских татар в 1920-е годы / Д. Урсу // Голос Крыма. – 1998. – № 45 – Нояб. 6

15. Устав С.-Петербургского общества распространения просвещения среди мусульман. – СПб : Тип. Бораганского, 1908. – 16 с.

16. Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г. : страницы истории / С. Фаизов; отв. за вып. Д. Мухетдинов. – Н. Новгрод: Махинур, 2005. – 106 с.

17. Фейгин Э. Артистка: Советскому Крыму двадцать лет / Э. Фейгин; отв. по вып. М. Муцит. – Симф.: Госиздат Крым. АССР, 1940. – С. 297–299.

18. Millet cevheleri: Noman Celebicihan, Cafer Seydahmet, Hasan-Sabri Ayvazov, Habibullah Odabas, Osman Murasov, Cemil Kermencikli, Abdurahman Qadrizade: 1917-1920 ss. «Millet» gazetasinda basilgan edebiy-publitsistik eserler. Hrestomatiya / tert. T. Kirimov. – Simf.: QCI «Qirimdevoquvpednesir» nesriyati», 2012. – 704 s.

19. Hablemitoğlu N. Kırımda türk soykırımı / H. Hablemitoğlu. – İstanbul, 2002. – 432 s.

20. Hablemitoğlu Ş., Hablemitoğlu N. Şefika Gaspıralı ve Rusyada türk kadın hareketi (1893–1920) / Ş. Hablemitoğlu. – Ankara, 1998. – 672 s.

21. Temircili. Kirim turk tiyatrosu / Temircili // Emel. – 1963. – № 16. – S. 12–16.

22. Temircili. Kirim turk tiyatrosu / Temircili // Emel. – 1963. – № 17. – s. 14–19.

УДК: 8.2.-.4.3.

Абдураманова Сафие Наримановна[1]
E_mail: sofiaplus@mail.ru

«Женский вопрос» в очерках «Кадынлар» и «Проблески культурного движения татар» И. Гаспринского

Аннотация. *В статье проанализированы малоизвестные очерки Исмаила Гаспринского «Кадынлар» (1903) и «Проблески культурного движения» (1901), темой которых является образование в целом и женское в частности. Автор излагал прогрессивные взгляды, доказывая, что женское образование не противоречит законам ислама, а лишь облагораживает женщину и общество в целом.*

Ключевые слова. *Женское движение, реформы, образование, мектеб.*

Значение трудов Исмаила Гаспринского невозможно переоценить: его произведения – это классика крымскотатарской литературы и публицистики. Проблемы, поднимаемые автором, являлись насущными и будоражили мысли не только всех российских мусульман, но и многих других далеко за пределами Крыма. Очень важной для автора, на наш взгляд, являлась тема раскрепощения крымскотатарской женщины. Множество статей было посвящено джадидистским реформам в женском образовании, социальному положению, роли в семье и обществе, чем обусловлена актуальность темы данного исследования.

Печать газеты «Терджиман-Переводчик», с момента которой принято отсчитывать начало «периода пробуждения», характеризуется не только изменениями в образе жизни и самосознании крымских татар, но и активной публицистической и литературной деятельностью.

Именно в этот период, наряду с «газетным» форматом публикаций (заметки, статьи и пр.), начал стремительно развиваться жанр романа. Газета стала простым и доступным средством публикации лучших произведений Исмаила Гаспринского – романов, очерков, статей. Автор работ, умело используя различные литературные жанры, представлял женщину то в роли сказочной героини («Французские письма», «Африканские письма», «Арслан-къыз» («Девушка-львица»)), то напрямую говорил о ее проблемах и достижениях на конкретных, хотя и единичных примерах не только крымских мусульманок, но и европейских женщин («Просвещение русских мусульман» [1], «Женский труд в Англии…» [2]).

В связи с этим весьма интересными являются два малоизвестных очерка И. Гаспринского «Кадынлар» и «Проблески культурного движения татар», изданные в типографии газеты «Терджиман» в 1903 и 1901 гг. Работа «Проблески культурного движения» вышла отдельной брошюрой в виде приложения к № 40 газеты [3, с. 13]. Очерк «Кадынлар» («Женщины») в виде отдельной брошюры был написан арабским шрифтом на крымскотатарском языке. Впервые транслитерирован на латинский шрифт турецким исследователем Я. Акпынаром в 2014 г. [4] и переведен на русский язык и опубликован в 2016 г. Э.Э. Абибуллаевой (издание было приурочено к 95-летию со дня основания Мемориального музея

[1] ***Абдураманова Сафие Наримановна,*** научный сотрудник Музея истории и культуры крымских татар ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (Бахчисарай); аспирант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь).

Исмаила Гаспринского) [3]. По структуре это пять отдельных частей, связанных по смыслу («Половина мира», «Основные обязанности женщин», «Великие женщины», «Восточные и западные женщины», «Права и обязанности женщины в исламе»), и рассказ «Наблюдательный хаджи».

Исмаил Гаспринский, будучи глубоко верующим человеком, называет женщин «половиной мира», вкладывая в это словосочетание глубокий философский смысл: «Все человечество вырастает на руках у женщины, с молоком матери человек впитывает честь и благовоспитанность, и это известно всем!» [3, с. 30]. Автор рассуждает о том, что влияние женщины в обществе очень большое, а здоровье, воспитанность и ум женщины – это показатель здоровой нации. Поскольку дети получают воспитание и взрослеют в материнской заботе, именно мать прививает ребенку нравственные ценности, понятия о чести, уважении к старшим, любовь к труду. Исмаил Гаспринский отождествляет женщину с фундаментом общества и его главной частью.

В разделе «Основные обязанности женщин» автор отмечает, что у настоящей мусульманской женщины три основных долга – материнство, супружество и ее женская сущность. Здесь же автор напоминает и мужские обязанности – быть отцом и мужчиной. В данном разделе, на наш взгляд, автор максимально выразил свои жизненные принципы по отношению к женщине и мужчине. Позиция женщины в браке – это любовь и взаимопонимание, послушание и внимание, поддержка мужа всегда и во всем. Но главной добродетелью для автора, несомненно, является материнство, которое «дает женщине особенную красоту и ощущения» [3, с. 32]. Эти строки говорят об Исмаиле Гаспринском как о внимательной, тонкой и чувственной натуре, с великим уважением относившемся к женщине-матери.

Автор заставляет рассуждать вместе с ним, мягко и ненавязчиво вкладывает свои мысли в голову читателя. В конце данного раздела автор подводит читателя к мысли о необходимости хорошего образования и воспитания для женщины, поскольку именно это и будет залогом достойного воспитания детей.

В разделе «Великие женщины» Исмаил Гаспринский уводит читателя во всемирную историю и приводит живые примеры успешных женщин, начиная со времен Вавилонского царства. В качестве примера автор называет женщин, которые развивали, защищали и прославляли свои державы: Семирамида, Клеопатра, жены османских султанов, мусульманские поэтессы и писательницы [3, с. 33].

Далее И. Гаспринский приводит в пример европейских женщин, успешно занимавшихся миссионерством, правлением, меценатством, науками и медициной и даже торговой и ремесленной деятельностью, не в ущерб семье, а на ее благо.

В разделе «Восточные и западные женщины» идет повествование о стереотипах, что ислам угнетает женщину. Автор доказывает на простых исторических примерах, что европейская женщина в древние времена была не менее свободна, чем азиатская. Неправильно думать, что ислам делает женщину бесправной. Европейские женщины были весьма ограничены в правах. Лишь Англия и Америка могут похвалиться более прогрессивным отношением к женщине: там женщины работают во многих отраслях.

В последнем разделе «Права и обязанности женщины в исламе» И. Гаспринский излагает права женщины, узаконенные нормами ислама. Он пишет: «Учиться и получать образование – это обязательно для мусульманки и мусульманина. Знания необходимы, чтобы быть полноценным человеком». [3, с. 36]. Святое правило для мусульманки – прикрываться, соблюдать правила в одежде, как предписывает Коран, но это никак не препятствует учебе, работе, всестороннему развитию. Автор отмечает, что традиции, ограничивающие свободу женщин, появляются от невежества и неправильного толкования Корана и Шариата, ведь шариат не противоречит Священной книге. Так же речь идет и о привилегиях женщин перед мужчинами, обязанности мужчин обеспечивать семью, не обижать ее, а также недопустимости ранних браков (до 16 лет) [3, с. 37].

В заключении автор приводит рассказ «Наблюдательный мулла», начинающийся такими строками: «Хорошее воспитание одной девочки принесет больше пользы, чем воспитание двух мальчиков». Рассказ-выдумка, построен в качестве назидания, итога всему вышесказанному автором. Речь идет о трех братьях, один из которых совершил паломничество и вернулся домой, когда у двух братьев уже росли сыновья. В первых минут знакомства брат похвалил невесток, чем очень удивил братьев. На их вопрос он ответил, что увидел, как ухожены, одеты и причесаны дети, как хорошо они воспитаны, что говорит о чистоплотности, аккуратности и воспитанности их матерей.

Очерк «Проблески культурного движения» – рассуждение автора на тему отсталости, необразованности, инертности и первых зачатков прогресса в сознании мусульман России.

Действительно, социальное положение крымской татарки вплоть до начала 20 века было полностью подчинено законам Корана и шариата, а также адету («правила предков»), который в некоторой степени смягчал жесткие нормы законов ислама. Хотя из истории Крымского ханства имеется достаточно примеров образованности знатных женщин, представительниц правящей верхушки и богатого сословия. Мать хана, носящая титул «ана беим» (аналог османского титула «валиде»), управляла ханским гаремом, влияла на решения в диване (высший государственный совет и суд в Крымском ханстве). Жены крымских ханов вели переписку с правителями соседних государств [5, с. 265; 6, с. 10], прекрасно разбирались в предметах роскоши, литературе, музыке. Представительницы ханского дома занимались благотворительностью, жертвуя огромные средства на строительство мечетей и учебных заведений (Ешиль джами в Бахчисарае была построена на средства Диляры Бикеч; медресе Инджи-бек хатун в Старом Крыму) [7, с. 29]. Однако простая крымская татарка, обладая определенными привилегиями по исламу, была лишена участия в общественно-политической жизни общества. Ее жизнь ограничивалась замужеством, воспитанием детей, домашним бытом. По отношению к женщине-мусульманке строго действовали запреты, связанные с нормами поведения и морали, свободой выбора и пр. Консервативные взгляды культивировали женское затворничество. Такая же ситуация наблюдалась по всей Российский империи, о чем пишет автор. Он отмечает, что «по умственному состоянию и мировоззрению мусульмане наши находились, а масса находится и поныне, в 14-м столетии, застыв на Птолемеевской системе, не признавая Кеплера, не зная Ньютона, при невозможных понятиях об отношении народов и государств» [3, с. 41]. Но к концу века автор наблюдал еле заметные прогрессивные движения в среде мусульман, что подтверждало увеличение количества изданных книг литературно-научного содержания (если в первые годы печати газеты «Терджиман-Переводчик» из было 3, то в статье автор указывает до 300) [3, с. 42]. В основном, это были учебники, научная литература, иностранные переводы.

Исмаил Гаспринский размышляет на тему мусульманских мектебов, которые могли бы принести огромную пользу, если бы были модернизированы в соответствии с современными требованиями, а обучение строилось не только на изучении мусульманских законов, но светских наук.

Преподаватель Симферопольской мужской гимназии Жирнов В. А. писал, что в 9-10-летнем возрасте дети поступают в мектеб, обучаются элементарному курсу чтения, письма, основам ислама. Успешно закончившие обучение могли поступать в высшее училище медресе, в которых и девочки могли обучаться, но лишь до 12-летнего возраста. Далее они получали знания дома, под руководством женщин либо мулл, а девочек не учат письму [8, с. 207]. Дмитриевский М. писал, что просвещение среди крымских татар на очень низком уровне, хотя во всех городах Крыма есть училища, где дети обучаются чтению и турецкому письму, толкованию Корана [5, с. 151].

По словам Кондараки В. Х., до 6-летнего возраста дети не утруждаются учением. В 6 лет мальчика отводят к местному мулле для обучения грамоте и вере, в 15 лет при желании – в медресе. К девочкам в семьях особое отношение: в 6 лет ее отправляют к мулле выучиться

читать Коран, а о дальнейшем обучении не бывает и речи: «Писать ей совершенно воспрещается, потому что она не достойна обладать этой мудростью, предназначенной Аллахом для мужчины – и горе ей, если она сама достигнет этой тайны» [9, с. 263-264]. Необходимо отметить, что по всей России проблема безграмотности женщин имела место не только в мусульманской среде. В 1860-е гг. в городах России появились открытые учебные заведения для женщин всех сословий, а также частные пансионы и институты благородных девиц, где образование в основном получали девушки из богатых семей.

Исмаил Гаспринский, прекрасно осознавая, что эту проблему не решить быстро, видел два пути решения: иметь в русско-татарских школах, кроме прочих, учителя богословия, а также усовершенствовать и облегчить преподавание в медресе, чтобы дети быстрее могли закончить его и уйти в русские школы [3, с. 44].

В 1883 г. Исмаилом Гаспринским в Бахчисарае был открыт первый мектеб с новой методикой, в котором училось 9 учеников. Идея была воспринята местными консервативно настроенными жителями настороженно, однако уже в начале второго года обучения на экзамене убедились в достоинствах новой методики, и число учеников стремительно выросло до 50, а классы стали тесными для такого количества учеников. В программу обучения, которую дети осваивали в течение 2 лет, входили чтение по-арабски и по-турецки, турецкое письмо, мусульманский закон, чистописание, скоропись, начальная арифметика. Обучение стоило 1 рубль в месяц. Следуя примеру Бахчисарая, на средства мецената Джевата Османова был открыт новометодный мектеб [10]. Методика преподавания велась по учебнику И. Гаспринского «Ховадже-и-Субъян» («Детский учитель»), включала приемы педагогики, методику, последовательность у роков и пр., была составлена для людей, не имеющих преподавательского опыта.

И. Гаспринский отмечает, что выпускники новометодных мектебов были очень хорошо подготовлены при прохождении вступительных испытаний в русско-татарские министерские и земские школы [3, с. 45].

Несмотря на видимые изменения, Исмаил Гаспринский все же пишет, что наиболее отсталые – это восточные женщины, и в особенности мусульманки. Они ограничены скудными религиозными знаниями и даже зачастую лишены гарантированных Кораном и шариатом прав. Автор пишет, что в 1880-е годы была известна лишь одна образованная женщина (из казанских татар), то в 1900-е это уже два десятки женщин, среди которых учителя, медики, писательницы [3, с. 47].

Также в очерке автор касается вопроса театра и благотворительности, отмечая увеличение численности благотворительных обществ по всей Российской империи. В конце дает перечень типографий в Казани, Оренбурге, С.-Петербурге, Баку и Бахчисарае.

Анализируя два очерка, отметим, что Исмаил Гаспринский был глубоковерующим человеком, о чем говорят использованные в рассматриваемых очерках многочисленные толкования мусульманских законов, строки из Корана. Он изобличал клерикальное духовенство, его консервативные взгляды на женское образование, простыми примерами из истории и современного общества доказывал необходимость женского образования и развития. Ярким примером женской образованности стала дочь просветителя Шефика Гаспринская (1886 – 1975), получившая домашнее и начальное образование в Бахчисарайской женской новометодной школе. Реформы, продвигаемые И. Гаспринским и его сподвижниками, были достаточно либеральными, в конце 19 в. в Крыму начали открываться первые новометодные школы для девочек, где практиковался разработанный И. Гаспринским звуковой метод обучения. Развитие женского начального образования в Крыму стало толчком и для всей Российской империи: в крупных городах стали открываться школы для девочек, о чем с большим воодушевлением писал И. Гаспринский на страницах газеты «Терджиман».

Abduramanova Safiye Narimanovna

«The Women's Issue» in the essays "Kadynlar" and "Glimpses of the Cultural Movement of the Tatars" by I. Gasprinsky

Abstract. *The article analyzes the little-known essays of Ismail Gasprinsky "Kadynlar" (1903) and "Glimpses of the Cultural Movement" (1901), the theme of which is education in general and education of women in particular. The author presented progressive views, proving that women's education does not contradict the laws of Islam, but only ennobles women and society on the whole.*

Keywords. *Women's movement, reforms, education, mekteb.*

Литература:

1. Просвещение русских мусульман // Терджиман. – 1883. – № 23.
2. Женский труд в Англии… // Терджиман. – 1883. – № 44.
3. Гаспринский И. Кадынлар. Проблески культурного движения татар. Очерки / И. Гаспринский. – Симф.: ООО «Форма», 2016. – 64 с., 8 илл.
4. Akpınar Y. İsmail Gaspıralı seçilmiş eserleri. H. 2 : Fikri eserleri / Y. Akpınar. – İstanbul: Ötüken neşriyat, 2004. – 422 s.
5. Дмитриевский М. картина Крыма или краткое описание татар и других народов в Таврии живущих: Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / М. Дмитриевский; авт.-сост. М. Араджиони, А. Герцен. – Симф.: Доля, 2005. – С. 140–152.
6. Указ от 4 сентября 1785 г. «О построении школ и о заведении караван сараев при мечетях Татарских»: Хронологический сборник правительственных распоряжений касающихся Крыма. Без исходных данных. – 200 с.
7. Абдуллаева Г. Правительницы ханского дома Гираев / Г. Абдуллаева // Къасевет, 2008. – № 33. – С. 29–31.
8. Жирнов В. О татарских училищах: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма / В. Жиронов; ред.-сост. М. Араджиони, А. Герцен. – Симферополь, 2004. – Ч. 1. – С. 204–210.
9. Кондараки В. Религиозные правила, догматы и обычаи крымских татар: Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / В. Кондараки; авт.-сост. М. Араджиони, А. Герцен. – Симф.: Доля, 2005. – С. 270–279.
10. Отзыв // Терджиман. – 1883. – № 6.

УДК: 94(47)031+171

Чернышева Елена Валериевна[1]
E_mail: lenara-z@mail.ru

Золотая Орда: социальное новаторство и медиативное восприятие

Аннотация: *В статье проанализирована специфика решения проблемы объединения и конструктивного взаимодействия различных этноконфессиональных групп в Золотоордынском государстве. Доказывается: тюрко-монгольское общество в своем развитии относительно быстро проходит путь от инверсионного, т н «черно-белого» восприятия мира к более глубокому, медиативному. Сформировавшейся медиативной культуре в большей степени были присущи толерантность, восприимчивость к инновациям.*

Ключевые слова*: Золотая Орда; Великая Яса; Билик; инверсия; медиативное развитие; срединная культура*

Социальная динамика Монгольской империи, охватившей в 13 столетии Европу и Азию, явление сложное и многогранное. Историки-медиевисты, востоковеды, культурологи, тщательно анализируя указанный феномен, постоянно обнаруживают его новые аспекты. Еще в 12 веке происходит существенная трансформация европейского феодализма. В коммерческую деятельность вовлекается все больше субъектов экономических отношений, проявляющих немалую креативность. Однако изменение социальной структуры европейского общества может показаться исследователям относительно малозначимым по сравнению с поистине тектоническими сдвигами, имевшими место в Центральной Азии, а затем и на всем Евразийском пространстве. Изменившее карту последнего монгольское нашествие приводит к созданию нового типа средневекового государства.

Монгольский период привлекал внимание русских, а затем и советских ученых прежде всего в аспекте воздействия, которое оказали завоеватели на русскую историю и культуру, причем в контексте соответствующих идеологий, связанных с исторической или политической обстановкой, даваемые историками оценки существенным образом отличались. Н. Карамзин полагал, что влияние было значительным [13]. В то же время С.М. Соловьев [25] и В.О. Ключевский [15] не поддерживали это суждение. Позиция этих историков дала основание современному автору Р. Хакимову отметить, что у С.М. Соловьева и В.О. Ключевского трехсотлетний период татарских государств, :повлиявших на мировые процессы, из цепи событий становления российской государственности выпадает [31]. Религиозная толерантность также рассматривалась прежде всего в контексте отношения завоевателей к Русской церкви Если евразийцы – Н.С. Трубецкой [28], П.Н. Савицкий [23], Г.В. Вернадский [7], Э.Д. Хара-Даван [32] писали о колоссальном влиянии тюркских народов на Русь и об отношениях культурного симбиоза, то советские историки В.А. Рязановский [22], Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский [10] – о разрушительных последствиях монгольского владычества. В соответствии с единственно возможной в СССР с 30-х годов концепцией, Золотая Орда – это враг и поработитель. Советские историки были вынуждены допускать огромный разрыв между накопленным фактическим материалом и официально требуемыми от них

[1] ***Чернышева Елена Валериевна,*** кандидат культурологии, научный сотрудник НИИ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма ГБОУ ВО РК КИПУ (Симферополь).

выводами. Негативное наследие идеологического диктата преодолевается в конце 80-х – начале 90-х гг. Исследователи начинают уделять внимание в том числе и вопросам межконфессиональных отношений [20; 18]. Из работ последнего времени следует отметить труды А.А. Горского [9], Ю.В. Кривошеева [16], Т.Д. Скрынниковой [24], В.В. Трепавлова [27], Д.Г. Хрусталева [34], а также диссертационную работу И.В. Белозерова [5]. О толерантном отношении Чингизидов к подданным-христианам писали зарубежные ученые Б. Шпулер [35], Ч. Гальперин [8], Л. Хартог [33]. К настоящему времени государственная религиозная политика Чингизидов исследована относительно мало. Не получил окончательного ответа вопрос: что обусловило возможность устойчивого и продолжительного соединения в одном государстве столь разнородных элементов, каковыми являлись разнообразные конфессиональные и этнические группы? Что способствовало созданию масштабной и монолитной государственной конструкции? Недостаточно исследовано взаимодействие государственной идеологии и системы управления Золотой Орды. Следует проанализировать идеологическую основу Золотордынского государства; в контексте его социальной и культурной динамики показать взаимозависимость инверсионного развития и медиативного восприятия.

Империя Чингисхана, начиная с момента создания и заканчивая ее наследниками, представляла собой инновационный проект, что нашло отражение в придании нового импульса развитию военного дела, торговли, в активизации различных видов коммуникации, ускорении информационного обмена. В 50-е годы 13 века империя была разделена между его сыновьями Чагатаем, Джучи, Хубилаем. Одним из новых государств был улус Джучи – Золотая Орда, охватившая территорию Поволжья, Хорезма, Северного Кавказа, Западной Сибири, половецких степей и Крыма. Золотоордынские города – крупнейшие центры международной торговли – были узлами торговых путей, входивших в систему северных маршрутов Великого шелкового пути, связывающего Восток с Западом. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, именно в золотоордынскую эпоху движение людей и товаров по этим маршрутам достигло своего зенита. Торговля велась с Китаем, с Ираном, со Средней Азией через Хорезм, а также с Кавказом, Индией, Средиземноморьем и Русью. В военном, организационном, в интеллектуальном отношении завоевания Чингизидов позволили значительно преодолеть те рамки, в которых обычно возникали, развивались и в конечном итоге погибали известные кочевые империи, – Гуннский, затем Тюркский каганат, Великая Хазария. Тем более это касалось кочевых союзов печенегов, торков и половцев. Чингисхан, без сомнения, являлся одаренным политическим лидером. Однако в преодолении старого и начале новой эпохи сыграл свою роль не только субъективный фактор. Речь шла о радикальных изменениях в характере социально-экономических отношений, новых аспектах развития торговли, в частности, изменившейся роли феодальной элиты в этом процессе, а также о постепенном отказе от натурального хозяйства наиболее развитых частей света. Государственный разум новых правителей диктовал необходимость избегать деструктивных процессов в организации управления на захваченной территории.

Любопытно, что структура общества, сложившаяся после завоевания, была, как отмечает Г.А. Федоров-Давыдов, соотнесена с племенными границами, существовавшими еще в половецкой и гузской степях. Таким образом, при некотором смешении населения выделялись устойчивые образования, в основе которых были сложившиеся еще в домонгольское время этнические общности [30, с. 62]. В оседлых землях, доход с которых был доходом всего рода Чингисхана, власть была опосредована местной феодальной верхушкой. У Эломари говорится: «Местные цари есть у черкесов, алан, так же как и у русских» [26, с. 231]. Т о., новые правители сохраняли исторически сложившиеся социальные отношения. Они стремились не разрушать, а созидать, опираясь, по словам А.С. Ахиезера, на собственную модальность, способность создавать новое, воспроизводя уже существующий в проекте и значимый культурный текст. [2, с. 55–56].

Тем не менее, оставив на прежнем месте большинство кочевников, татары уничтожили половецкую аристократию, отобрав лучшие земли, используя их теперь в качестве пастбищ для своего скота [30, с. 28]. Несмотря на то, что кочевники имели с завоевателями гораздо больше общего, чем земледельцы, единство экологической ниши делало подчинение монголам особенно невыгодным именно для них. Новая форма феодальной эксплуатации – т.н. унаган-богол – заставляла побежденных перекочевывать на каменистые пустоши. Однако несколько десятилетий господства привели к фактическому растворению немногочисленных монголов в тюркской среде. Земли Дешт-и-Кыпчак становятся главными землями Золотой Орды, на них распространяется улусная система.

Подчинив себе значительную часть Евразии, монгольские правители были вынуждены решать множество вопросов, связанных с военной организацией, административным управлением, транспортом, коммуникациями. Но наиболее сложной была задача объединить в гигантском государстве невероятное количество народов, культур, языков и религий. Даже объединение только лишь тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы под управлением монгольской элиты являлось серьезной проблемой. Тем не менее, подданными Великого хана должны были стать иранцы, славяне, семиты, угро-финские народы. От каждого из них следовало добиваться признания вассальной зависимости, строгого подчинения элиты и простых общинников. Следует учитывать, что разнообразные народы находились на разных этапах социальной организации, а религиозная проблема эпохи не была окончательно решена ни у самих монголов, ни у всех тюрков. Известно, что в 6 веке в Гектюрк племенная элита приняла буддизм, но при этом сопротивление простых общинников было достаточно сильным. По сообщению Ибн ал-Факиха, в Тюргешском каганате каган поинтересовался у арабского посланника, чем занимаются мусульмане, а узнав, что последние живут в городах и работают банщиками и сапожниками, построил сотню тысяч своих воинов, сказал, что у них нет банщиков и сапожников, и выразил сомнение в способности народа прокормить себя вследствие соблюдения всех правил новой религии - ислама. Огузы и карлуки, жившие в государствах Саманидов и Карханидов, были мусульманами, Уйгуры приняли манихейство, найманы и кераиты – христианство несторианского толка. Буддизм исповедовала часть монголов и тюрков, пришедших из пограничных с Китаем земель [3, с. 13]. В Восточной же Европе у близких по образу жизни кочевников монголы и среднеазиатские тюрки обнаружили приверженцев тенгрианства [17, с. 214]. Было множество приверженцев иудаизма, особенно в хазарском регионе. Т.о, к началу 13 века единое мировоззрение отсутствовало у самих завоевателей, сплотивших затем множество народов в мощное централизованное государство с абсолютной властью правителя.

В эпоху феодализма единственной и оптимальной формой организации субэтноса являлась империя. Ее продолжительное существование в качестве хаотичного скопления множества субъектов, подчиненных с помощью военной силы и принадлежащих разнообразным культурам, было невозможным, с одной стороны, без социального новаторства, а с другой - без универсальных ценностей, идеологии, которая была бы в состоянии либо объединить победителей и побежденных, либо создать основу их позитивного сосуществования. Сплоченному Чингисханом народу необходимость терпеть лишения, проявлять мужество и героизм на полях сражений объяснялась возможностью сделать богатыми своих потомков. «После нас род наш будет носить златом шитые одежды, есть жирные и сладкие яства, ездить на добронравных лошадях, обнимать благообразных женщин» (Билик) [6].

Но могли ли завоеватели принести нечто позитивное покоренным государствам?

Политические режимы, которые монголы собирались уничтожить, превзойти было не слишком сложно. Следует отметить, что на пути новых вершителей судеб Восточной Европы зачастую оказывались княжества, погрязшие в междоусобных распрях, неустойчивые племенные союзы, а также государства, в которых, по словам Джувейни, «правительство занимало народ угрозами и обещаниями»

Однако без нового смысла, идеологии, неожиданно возвращающей потерявшему государственность народу самоценность, субъектность, даже некую свободу духа, империя, в которой, по замыслу создателя, будут править его далекие потомки, никогда не стала бы реальностью.

Еще в 1206 г. на Великом курултае одновременно с провозглашением Темуджина Чингисханом был принят свод законов «Великой Ясы». К настоящему времени полной копии этого документа не сохранилась, в подлиннике он известен благодаря сокращенному изложению либо цитированию в трудах Джувейни, Рашид Ад-Дина, Ибн-Баттуты, Вассафа, Назира Ад-Дина Тузи, Макризи, Г. Абул-Фараджа. По мнению Г.А. Вернадского, из цитируемых Рашид Ад-Дином ордонансов и высказываний Чингисхана, некоторые, возможно, были фрагментами Ясы, а другие – так называемыми «максимами» – «Билик» [6].

Как полагают ученые, окончательная редакция законодательного документа сложилась только к 1225–26 гг. Однако с первого момента достаточно ясно были определены основные черты политики нового государства по отношению к иноплеменникам. Чингисхан, по словам Джувейни, « направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои» [11]. Во вновь сформированном войске большую часть составили недавно побежденные кераиты и найманы; на одного монгольского ветерана приходился десяток бывших военнопленных. Вместо 13 тысяч добровольцев появилась 110 тысячная регулярная армия, причем, как отмечает Ф.Ф. Мухаметов, новобранцы, до этого привыкшие бунтовать даже против своих племенных ханов, ни разу не проявили нелояльности своему новому правителю, став по-настоящему преданными новой власти [19]. «Великая Яса», считавшаяся священным документом, созданным боговдохновенным Чингисханом, оказала колоссальное воздействие на нравы как монгольского общества, так и покоренных монголами тюркских народов. Новый закон объявлял :

«Следует возвеличивать и уважать чистых, непорочных, справедливых, ученых и мудрых, к каким бы людям они не принадлежали; и осуждать злых и несправедливых людей» [1].

«Первым является следующее: любите друг друга; во-вторых, не совершайте прелюбодеяние; не крадите; не лжесвидетельствуйте; не предавайте кого-либо. Уважайте стариков и бедных» [6, разд.1].

Истории известно немало примеров навязывания покоренным народам религии завоевателей; знакомы и примеры презрительного равнодушия к духовной жизни побежденных. Но законодательство, предписывающее карать смертью за оскорбление чужих богов, для 13 столетия являлось подлинным новаторством. Следует отметить, что на Западе в это время активизировалась деятельность инквизиции, завершился Четвертый крестовый поход – война европейских христиан против мусульманского мира. В ходе этой войны крестоносцы уничтожили Византию на основании якобы того, что греки исповедовали христианство в его греко-православном варианте. Завоеватели же Востока сознательно разрушали этнические, религиозные, иногда даже социальные преграды между людьми.

«Он (Чингисхан) постановил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному. Все это он предписал как средство быть угодным Богу», – говорится у Джувейни. «Поскольку Чингисхан не принадлежал какой-либо религии и не следовал какой-либо вере, он избегал фанатизма и не предпочитал одну веру другой или не превозносил одних над другими. Напротив, он поддерживал престиж любимых и уважаемых мудрецов и отшельников любого племени» [11, разд. 2].

Яса, которой приписывали полумагическую власть и роль талисмана на полях сражений, связывалась не только с самим Великим ханом, которого, по словам Джувейни, «…Всемогущий Бог выделил из числа его современников по разуму и интеллекту», но и с прямым вмешательством высшей силы. Согласно Григору из Алканца, когда монголы «осознали свое положение, весьма подавленные своей несчастной и бедной жизнью, они обратились к помощи Бога, Создателя неба и земли, и заключили с ним великое соглашение, повинуясь его повелениям. По приказанию Бога им явился ангел в виде орла с золотыми перьями

и заговорил их собственной речью и языком с вождем, которого звали Чанкез (Чингиз)… Затем ангел сообщил им все повеления Бога, которые сами они называют ясак» [6].

У Джувейни говорится, что Чингисхан, составляя «Ясу», опирался лишь на глубины свой души, без утомительного изучения анналов и законодательных традиций древних времен. Однако в монгольских источниках указывается на использование традиций китайской правовой системы. Как сообщает Ф.Ф. Мухаметов, в летописи «Чиндаманин Эрихэ» говорится, что Чингисхан по изгнании Алтман-хана китайского и подчинении своей власти большей части китайцев, тибетцев и монголов подумал: законы китайцев тверды, тонки и непеременчивы, и при этой мысли, пригласив к себе великого учителя и восемнадцать его умных учеников, поручил им составить законы (йосон), из которых исходило бы спокойствие и благоденствие для всех его подданных, а особенно «Книгу законов» (хууль ёсны билэг) для охранени правления его». [19]. Г.В. Вернадский полагал, что в новом монгольском законодательстве «принимались во внимание навыки и традиции китайской, уйгурской и иранской государственности… не без влияния на «Ясу» осталась и христианская идея Вселенской империи». С точки зрения исследователя, в окончательной редакции «Великой Ясы» Чингисхану удалось органично соединить монголо-тюркские традиции и одновременно заимствовать полезные новации соседних государств – Цзинь, Уйгурии, Кара-Кидан, местные законы мусульманских тюркских правителей Ближнего Востока [6].

Принципиально новые черты можно увидеть и в подчеркнутом стремлении Чингисхана, а затем и других правителей, в частности, Батухана, вообще не иметь государственной религии. Вместе с тем устанавливаемые монгольским правителями порядки весьма напоминали более раннюю кочевую империю – Хазарию с ее благополучным сосуществованием четырех конфессий : «Дети и внуки его (Чингисхана), по нескольку человек,- говорится у Джувейни, – выбрали себе одну из вер по своему влечению: одни наложили ислам [на выи свои], другие пошли за христианской общиной, некоторые избрали почитание идолов, а еще некоторые соблюли древнее правило дедов и отцов и ни на какую сторону не склонились, но таких мало осталось. Хоть и принимают они [разные] веры, но от изуверства удаляются и не уклоняются от Чингисхановой Ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать» [11]. В частности, внук Чнгисхана Бату был государем, который не придерживался никакой веры и секты, он их считал только способом познания божества и не был последователем ни одной из сект и религиозных учений. Исчислить дары и щедроты его да измерить великодушие и щедрость его невозможно. Государи соседние, властители (разных) стран света и другие (лица) приходили к нему на поклон. Подносившиеся подарки, являвшиеся запасом долгого времени, еще прежде чем они могли поступить в казну, он целиком раздавал. Арабский автор констатирует отсутствие религиозного фанатизма у Бату и безусловную щедрость по отношению к своим приближенным, к воинам. Социальное новаторство основателей нового государства заключалось в том числе и в стремлении не превращать право в орудие произвола правителя, а подчинить власть закону. Это было своеобразное предвосхищение принципа верховенства права.

«…Если великие люди (государства), бахадуры (полководцы) и эмиры (нойоны.)… не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется, будут страстно искать Чингисхана, но не найдут (его)» – говорилось в документе [11]. Чингисхан, как отмечали средневековые авторы, представлял живое воплощение безусловного подчинения изданным им самим законам. Пример, подаваемый самим ханом, должен был оказать благотворное влияние на нравы всей монгольской администрации, что, в свою очередь, воспитывало народ в духе строгой законности. В частности, «хорошие нравы татар» описывает Плано Карпини в книге «История Монголов» (XIII в.):

«Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой - нибудь скот, то всякий, кто найдет

его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою [14]. Последнее также соотоносилось с правилами, возведенными Великим ханом в ранг закона .Как сообщал Макризи, «он (Чингисхан) запретил им (монголам) есть что-либо в присутствии другого, не приглашая его разделить пищу; он запретил любому человеку есть больше, чем его товарищи» [6]. Новое законодательство в идеале было предназначено сделать монгольское, а затем и монгольско-тюркское сообщество не только более гибким, но и более справедливым Джувейни отмечал, что в последнем «…существует равенство. Каждый человек работает столько же, сколько другой; нет различия. Никакого внимания не уделяется богатству или значимости» [11].

Чингисхан предполагал дать монголам такие законы, которыми могли бы руководствоваться как его современники, так и потомки. Как пишет Рашид ад-Дин, Чингисхан дал наказ своим наследникам сохранять «Великую Ясу» неизменной.

Ссылаясь на теорию Г.С. Ахиезера, можно предположить: культура монгольской империи, проходя этап становления и синтезируя предшествующий исторический опыт, находилась в состоянии конструктивного напряжения – « свой - чужой». Вокруг была масса реальных врагов, от которых следовало защищать свое племя. Затем монгольское общество в ускоренном темпе проходит путь от типичной для родового строя культуры, использующей формы дуальной оппозиции и осмысления через разделение явлений между противоположными полюсами. Происходит наращивание рефлексии через формирование последовательной системы конкретизируемых оппозиций и переход от инверсии к медиации (т.е. от черно – белого, примитивного восприятия окружающего через вражду и ненависть к восприятию более глубокому, способному постичь гармонию, красоту окружающего мира) [2, с. 62–67]. Медиация позволяет формулировать новые смыслы, допуская новаторство, оригинальные решения. Результат медиации, по Н.А. Бердяеву, – формирование т.н. средней (срединной) культуры. Способность формировать последнюю, – отмечает А.Г. Ахиезер, – является важнейшим показателем уровня культурного развития. [2, с. 67]. По сути, в истории любого общества постепенная трансформация инверсии и переход к медиации как форма реализации диалектического закона взаимопроникновение противоположностей является закономерным проявлением процесса развития и одновременно необходимым условием последнего. По мнению ученого, форсированное развитие в сочетании с инверсией в традиционном обществе может вызвать дискомфорт, «коса инверсии» приводит к бунту и социальным потрясениям [2, с. 71]. Однако в ситуации Монголии 13 столетия именно инверсионное развитие субэтноса привело к установлению медиативного мировосприятия, причем это стало возможным благодаря сакрализации создаваемой Чингисханом государственной системы, «Великой Ясы», а также благодаря исключительному авторитету правителя государства, который на деле доказывал умение приносить своему народу победу за победой

Инверсионное введение медиативного мировоззрения не приводит к распаду социальной системы, а стимулирует социальную активность, стремление к самореализации. Как говорится в «Билике», «Тех, которые были умны и молодцы, сделал (Чнгисхан) беками (начальниками) войска; тем, которые были проворны и ловки, дав на руки их принадлежности, сделал табунщиками; глупых, давши им небольшую плеть, послал в пастухи. По этой-то причине дело его (Чингисхана), словно молодой месяц, возрастает со дня на день; от Неба, силою Всевышнего Бога, нисходит победоносная помощь [6]. Как доказывают исследователи, в последующие, столетия на контролируемых территориях джучидская элита не только играла роль потребителя и сборщика налогов, но и. активно участвовала в коммерческих операциях, что объясняет обязательность соблюдения договорной основы, на которой зиждились коммерческие правила игры в Золотой Орде [29, с. 47]. Как гово-

рится у Марко Поло, Монгольская империя представляла из себя страну процветающую и богатую, с развитой промышленностью – различными великолепно оборудованными мастерскими, шахтами, обеспечивавшими страну рудами и углем, с изобильными садами и полями, вдоль всех дорог были отличные постоялые дворы. Специальная служба гонцов доставляла почту со скоростью четырехсот миль в сутки. При Хубилае стали выпускаться бумажные деньги и иные ценные бумаги: было положено начало современной системе кредитования – основе экономики всех высокоразвитых современных государств. Именно Марко Поло, – говорится у Б. Раднаева, – кроме секретов производства шелка и макарон, привез в Венецию идеи выпуска ценных бумаг-векселей, и отсюда началось их победное шествие по Европе и миру [21]. Медиативные культуры восприимчивы к инновациям, им присуща религиозная терпимость, без минимума которой невозможна любая империя. Между тем как « Дух великого Чингисхана, – как пишет Ф. Краузе, – продолжал жить в членах его многочисленной семьи, и именно он вдохнул в свое потомство способность... властвовать не только над их собственным степным царством, но и над завоеванными культурными странами азиатского Востока и Запада» [21].

Таким образом, развивая традиции тюркского кочевого союза и активно взаимодействуя с множеством народов, правители Орды смогли создать систему экономических отношений, основанную на строгом соблюдении заключенных договоров и уважении права собственности, во многом предвосхитившую современную экономическую систему развитых правовых государств. Аккумулированные достижения народов Европы и Азии стали основой незаурядного социального новаторства. Новая политическая действительность, являвшаяся итогом инверсионного развития, была связана с проявлением медиативного мировосприятия. Правила «Ясы», под страхом смерти запрещающие оскорбление чужих богов, находят продолжение в толерантном отношении к иноверцам, сформировавшемся в последующие столетия в Крымском ханстве.

Chernysheva Yelena Valeriyevna

Golden Horde: social innovation and media perception

Abstract: *The article analyzes the specifics of the solution of the problem of unification and constructive interaction in the Golden Horde state of various ethno-confessional groups. It is proved that the Turko-Mongolian society in its development relatively quickly goes from the inversion of the "black and white" perception of the world to a deeper, mediocre, deeper. The emerging media culture was more tolerant, receptive to innovation.*

Keywords: *Golden Horde; Great Yasa; Bilik; inversion; mediative development; middle culture*

Литература и источники:

1. Абу-ль Фарадж Григорий Из сирийской летописи Григория Абу-ль Фараджа о законах, постановленных Чингисханом [Электронный ресурс] / Григорий Абу-ль Фарадж.; Предлагаемый русский перевод дается на основе старого латинского перевода Брунса и Кирша (1788); Режим доступа: http://www.vostitut info/Text/rus11/Abufarage/text1 pxtml

2. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему / А. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.

3. Белозеров И. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIVвв. [Электронный ресурс] / И. Белозеров // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – М, 2002; Режим доступа: disser Cat http://www.dissercat .com/content/religioznaya-politika-zolotoi-ordy-na-rusi-v-xviii-xiv-vv#ixzz4taAVE6Dm

4. Бойцова Е. Ислам в Крыму. Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е. Бойцова, В. Ганкевич [и др.]. – Симф.: Элиньо, 2009. – 432 с.

5. Бойцова Е. Между крестом и полумесяцем [Электронный ресурс] / Е. Бойцова, В. Хапаев // История Крыма. – Режим дооступа: http://www.krimoved-library.ru/books/kodzova-istoria-krima4htm

6. Великая Яса. [Электронный ресурс] / Цит. по изданию Вернадский Г. Монголы и Русь. – Тверь-Москва, 1997. – С. 108–130; Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=252066&p=49

7. Вернадский Г. Монголы и Русь [Электронный ресурс] / Г. Вернадский. – Режим доступа: http://gumilevica .kulichki.net /VGV/vgv3.htm

8. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в современной России / Ч. Гальперин – Воронеж: Изд-во Воронежский государственный университет, 2012. – 232 с.

9. Горский А. Москва и Орда / А Горский. – М.: Наука, 2000. – 214 с.

10. Греков Б. Золотая Орда и ее падение / Б. Греков, А. Якубовский. – М.: Изд-во АНСССР, 1950. – 505 с.

11. Джувейни Ала ад-Дин Ата Мелик История завоевателя мира [Электронный ресурс] / Ала ад-Дин Ата Мелик Джувейни // Из истории завоевателя мира Джувейни. – Режим доступа: http:://www .vostitut.info/Texts/rus3/Juveini /text.phtml

12. История татар с древнейших времен. – в 7 т. – Т. 3. – Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. / ред. М. Усманов, Р. Хакимов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНРТ, 2009. – 1056 с.

13.Карамзин Н. История Государства Российского: указатель / Н. Карамзин. – Репринтное издание 1842–1845 гг. – СПб: Альфарет, 2016. – 396 с.

14.Карпини де Плано Иоанн. История монголов, именуемых нами татарами [Электронный ресурс] / И. Карпини. – Режим доступа: http:// www.vostitut .info/ Texts / rus / Karpini / frame9.htm

15.Ключевский В. Курс русской истории. / В. Ключевский. – М.: Синодальная типография, 1904. – 464 с.

16. Кривошеев Ю. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. / Ю. Кривошеев. – СПб: Академия исследования культуры, 2015. – 452 с.

17. Кульпин Э. Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства) / Э. Кульпин. – М.: Московский лицей, 1998. – 240 с.

18. Мириханов Н. Русские воины татарской конницы / Н. Мириханов // Этносфера. – 2009. – № 11(134). – С. 34–35.

19. Мухаметов Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси тема диссертации и автореферата по ВАК 07.00.09, доктор исторических наук [Электронный ресурс] / Ф. Мухаметов. – Режим доступа: http:// www.dissercat.com/content/ otechestvennaya-istoriografiya- mongolskogo-zavoevan

20. Пензев К. Русский царь Батый / К. Пензев. – М.: Алгоритм, 2007. – 320 с.

21. Раднаев Б. Чингисхан: взгляд с Запада [Электронный ресурс] / Б. Раднаев. – Режим доступа: http://rulers.narod.ru/genghis/zapad.htm

22. Рязановский В. К вопросу о влиянии монгольской культуры и права на русскую культуру и право / В. Рязановский // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 26 – 64.

23. Савицкий П. Степь и оседлость [Электронный ресурс] / П. Савицкий // На путях: Утверждение евразийцев. Москва-Берлин, 1922. – Режим доступа: http://www.kulichki. com / gumilev/SPN/spn03.htm

24. Скрынникова Т. Харизма и власть в эпоху Чингисхана [Электронный ресурс] / Т. Скрынникова. – СПб.: Евразия, 2013. – 377 с.

25. Соловьев С. История России с древнейших времен до наших дней. – В 29 т. – Т. 3 / С. Соловьев. – СПб: Тов. Общественная польза, 1851 – 1879. – 1199 с.

26. Тизенгаузен. В. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. – В 2-х т. – Т. 1 / В. Тизенгаузен. – СПб: Издано на ижд. графа С.Г. Строганова, 1884. – 230 с.

27. Трепавлов В. Степные империи Евразии: монголы и татары (Исторические исследования) / В. Трепавлов. – М.: Квадрига, 2015. – 368 с.

28. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана Сборник / Н. Трубецкой. – М.: Аграф, 1999 – 554 с.

29. Фаверо-Думенжу Мари Венецианские источники по истории Золотой Орды: новые перспективы изучения / Мари Фаверо-Думенжу // Золотоордынское Обозрение. – 2016. – №1. – С. 39–51.

30. Федоров-Давыдов Г. Государственный строй Золотой Орды / Г. Федоров-Давыдов. – М.: Московский университет, 1973. – 181 с.

31. Хакимов Р. Желание представить историю без татар встречается сплошь и рядом / Р. Хакимов [Электронный ресурс] // Бизнес online. Электронная газета Татарстана. – Режим доступа: https:www.buziness-gazeta .ru /article/125248

32.Хара-Даван Эренджен. Чингисхан- великий завоеватель / Э. Хара-Даван. – М.: Изд-во Вече, 2008. – 384 с.

33. Хартог Лео де Чингисхан. Завоеватель мира / Лео де Хартог. – М.: АСТ, 288 с.

34 Хрусталев Д. Русь от нашествия до ига / Д. Хрусталев. – СПб.: Евразия, 2008. – 384 с.

35. Шпулер Б. Золотая Орда Монголы на Руси. 1222–1503 [Электронный ресурс] / Б. Шпулер. – Режим доступа: http://www.litmir.me/br//b=588183